

Адвокат А. Л. Море

**ЗА КУЛИСАМИ
ЗАЩИТЫ**

Дела давно
минувших лет

Адвокат А. Л. Мове

ЗА КУЛИСАМИ ЗАЩИТЫ

**Дела давно
минувших лет**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ (СОДРУЖЕСТВО) АДВОКАТОВ
INTERNATIONAL UNION (COMMONWEALTH) OF ADVOCATES**

**Международный фонд социально — экономических и
политологических исследований (Горбачев — Фонд)
International Foundation for Socio-Economic and Political Studies
GORBACHEV FOUNDATION**

Москва — 1993

Мове А. Л.

За кулисами защиты (дела давно минувших лет) — М.: “Международный Союз (содружество) адвокатов”, 1993. — 336 стр.

Абрам Львович Мове — один из ведущих адвокатов страны. Родился в 1922 г. в Запорожье на Украине. В 17 лет, по окончании средней школы, добровольцем ушел служить в Красную Армию. Прошел всю войну, был дважды ранен. Заслуженный ветеран и инвалид Отечественной войны. Награжден боевыми орденами и медалями.

После войны, в 1949 году, окончил Московский юридический институт и с тех пор, вот уже около 45 лет, работает в адвокатуре.

Профессиональную деятельность А. Л. Мове совмещает с большой общественной работой. Являясь председателем секции уголовного права и процесса Московской областной коллегии адвокатов, А. Л. Мове отдал много сил и энергии созданию в нашей стране Союза адвокатов СССР.

Острые, злободневные выступления в центральной печати, очерки о его работе в газетах “Правда”, “Известия”, “Советская культура”, “Комсомольская правда”, “Неделя”, в журналах “Огонек”, “Журналист”, “Советское государство и право” снискали А. Л. Мове широкую популярность и авторитет среди читателей.

“Дела давно минувших лет” — одна из книг автора, публикуемых под рубрикой “За кулисами защиты”.

© Мове А. Л.

ISBN 5-900566-04-8

**Дела
давно
минувших
лет**

От автора

В этом разделе мне хотелось бы рассказать о делах давно минувших лет, тех самых, которыми были заполнены в ту далекую послевоенную пору наши адвокатские будни. Но рассказ свой мне хотелось бы вести не только в форме отдельных воспоминаний или очерков, но и путем демонстрации конкретных деловых бумаг, адресованных в различные судебные или прокурорские инстанции, или судебных речей, из которых, как мне кажется, читателю будет ясна и суть дела, и его движение и развитие, и наступившая затем развязка. Только в самых необходимых случаях эти зарисовки будут снабжены авторскими комментариями.

С той поры прошел не один десяток лет, но каждое из этих дел свежо в моей памяти, поскольку за каждым из них — живой человек, а все они вместе взятые — это частичка прожитой в адвокатуре моей жизни.

Начну же я свое повествование, как и обещал, с рассказа о своем незабвенном Учителе, который сыграл такую важную роль в моем становлении на адвокатском поприще и с которым так тесно связаны те незабываемые далекие годы.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "А. Петров". The signature is stylized and includes a flourish at the end.

Ярославль. Церковь Ильи Пророка

Слово об Учителе

Начну, пожалуй, с самого страшного, с той трагической смерти, что обрушилась на него среди ясного солнечного дня. Он не умер. Такие, как он не умирают. Он погиб. Погиб трагически, так, как погибают в бою солдаты, как погибает на боевом посту часовой. Он погиб не дома, не в своей постели и даже не в Москве, где проживал, а в далекой Риге. Точнее, в помещении народного суда Кировского р-на г. Риги. Еще точнее — в зале судебного заседания, во время судебного процесса.

Это случилось почти четверть века тому назад, 13 февраля 1969 года. Адвокат Яхнич Лев Моисеевич привстал со стула, чтобы заявить ходатайство, с документом в протянутой руке, и рухнул, словно сноп, на пол. Сидящие в зале будто окаменели, а она, его подзащитная — Дремова Евгения Михайловна, врач по профессии, взметнулась со скамьи подсудимых и, не обращая никакого внимания на окружавших ее конвоиров, с истошным криком: “Лев Моисеевич!” бросилась к своему распростертому навзничь на полу защитнику. Вслед за ней вскочили со своих мест и бросились к нему все остальные, находившиеся в зале. Но все было кончено. Это был не сердечный приступ и даже не инфаркт, а то, что в народе называют “разрыв сердца”. Смерть наступила мгновенно — сердце не выдержало напряжения жизни и разорвалось на части.

Как сейчас помню тот морозный февральский вечер, когда в нашу мытищинскую подмосковную квартиру постучался почтальон и передал мне телеграмму с кратким, лаконичным, но таким потрясающе страшным известием: “Лев Моисеевич умер Клавдия Ивановна просит Абрашу срочно приехать”. Помню, когда поздним вечером ехал на такси в Шереметьево, была сильная поземка, всю дорогу перемежали снежные сугробы, были опасения, что не улечу. Но обошлось, и где-то в третьем часу ночи уже был в Риге, в той самой гостинице “Рига”, в том самом номере, где незадолго до этого мы провели с ним целых два месяца.

Боже, как совсем недавно все это было, и вот уже все кануло в лету! Помню, как перед отъездом из Москвы в начале декабря мы обсуждали вопрос, как ехать — поездом или самолетом. Я очень торопился и настаивал на самолете, а Лев Моисеевич усиленно меня отговаривал и предлагал ехать только поездом. “Ты знаешь, — убеждал он

меня, — я самолетом летать боюсь. Раньше не боялся, но с тех пор, как один наш товарищ из консультации слетал в командировку в Самарканд самолетом, а обратно не возвратился, и мы хоронили уже урну с его прахом (самолет потерпел аварию), я стал бояться самолета”. Так мы и отбыли в Ригу: Я — самолетом, а он — поездом. И вот теперь выяснилось, что бояться ему надо было вовсе не самолета, и даже не поезда. И даже не автомобильной дороги от гостиницы до суда, которую с крайней осторожностью, держась за руки, мы переходили (в Риге в то время был гололед). Оказалось, что бояться ему следовало не всего этого, а зала судебного заседания, того вроде бы абсолютно безопасного и спокойного места, в котором проводили мы пол нашей жизни. Вот и скажи после этого, что нет на свете Судьбы, что лично мы или кто-то, или что-то, а не она — злодейка-судьба определяет, где нам суждено родиться, а где — с жизнью проститься.

Настало теперь, видимо, самое время рассказать, как и почему мы выехали в Ригу, и что нас сюда привело.

Со Львом Моисеевичем Яхничем судьба свела меня в самые первые месяцы работы в адвокатуре. По окончании юридического института я был направлен на работу в Ярославль и в течение полугода отбывал службу в качестве стажера-адвоката в Центральной юридической консультации. В одну из моих частых поездок в Москву один из моих близких старших коллег — Евгений Львович Апштейн, очень интересный и многогранный адвокат, попросил меня передать привет своему товарищу — коллеге Л. М. Яхничу и одновременно посоветовал: “Ты постарайся поближе познакомиться с этим человеком, он во многом может быть тебе полезен”. Так я впервые оказался в небольшой комнате коммунальной квартиры дома № 3 в Краснопресненском переулке, расположенном в районе Зоопарка. Хорошо помню свой первый визит в этот дом. Небольшая комната, к тому же перегороденная на две части массивным шкафом, старинный секретер, кровать, стол, стулья — вот, пожалуй, и все, что в ней находилось. Это мебель. А из обитателей — здесь проживал сам Лев Моисеевич, человек необыкновенно импозантный, с гривой седых волос над черными густыми бровями, его молодая светлорусая жена, в стиле русской красавицы, Клавдия Ивановна, их двух-трехлетний сынишка Вова, второй сын (от первого брака) — Долик, да сестра “Клавуси”, как ласково называл ее муж, Верочка. Жили все они единой дружной семьей в деревянном бараке (иначе его не назовешь) — ведомственном доме Министерства Юстиции в тесноте, но, как говорится, не в обиде. Дом был гостеприимным и хлебосольным, так что, как правило, вечерами за уютным столом с всегда хлопчущей хозяйкой собиралась не только вся эта многочисленная семья, но и обязательно несколько гостей. Центром или, точнее, душой всего этого общества был, конечно же,

Лев Моисеевич. Помимо других необыкновенных качеств, которые были ему присущи — острый ум, житейская мудрость, блестящий ораторский талант — Лев Моисеевич обладал еще одним — данным ему от Бога — необыкновенным тембром голоса. Немного скрипучий, мягкий, порой даже вкрадчивый, в иные минуты в голосе этом появлялся отзвук металла и такая необычайная сила и убежденность, что противостоять ему было просто невозможно. С полным правом могу сказать о его судебных речах примерно то же, что в свое время сказал Вересаев о великом Ф. Н. Плевако: “Главная его сила заключалась в интонациях, в неодолимой, прямо колдовской, заразительности чувства, которым он умел зажечь слушателя. Поэтому речи его на бумаге и в отдаленной мере не передают их потрясающей силы” (Вересаев “Воспоминания”). В полной мере могут относиться ко Льву Моисеевичу и слова А. Ф. Кони о том же Плевако: “...в этом голосе звучали ноты такой силы и страсти, что он захватывал слушателя и покорял его себе” (А. Ф. Кони “Отцы и дети судебной реформы”). Обладал Лев Моисеевич еще одной характерной чертой. Сказать одним словом, что он был человек простой, уживчивый и даже добрый и доброжелательный, — нельзя. Это был, наоборот, человек очень непростой, очень сложный, но с одним непреложным качеством: если человек был ему по душе, если он ему симпатизировал, если угодно, любил, — то это было искренне и до конца. Середины тут быть не могло, и за такого друга он готов был в огонь и в воду. Но если человек был с ним неискренен, юлил, ловчил, чего-то выгадывал — к такому он был беспощаден, не выносил его на дух и никогда не шел с ним (порой даже во вред себе) ни на какие компромиссы.

Вот из-за этой черты характера у него было немало недругов, злых завистников и даже врагов, которые зачастую отравляли и без того нелегкую его жизнь в адвокатуре. Но тут уж переделать себя он не мог! Зато наряду с недругами и злопыхателями было у него много настоящих, верных друзей, всегда готовых прийти к нему на помощь, пожертвовать собой ради него. И этим он безмерно гордился!

Так уж случилось, что с самой первой встречи Лев Моисеевич пленил меня, очаровал и в этом моем юношеском увлечении всячески старался отвечать мне взаимностью и даже любовью.

Надо сказать, что адвокатской профессии, как это ни парадоксально, нас в наших юридических вузах и на юрфаках университетов не учат. Точнее, совершенно не учат и даже не дают поверхностных знаний об этой профессии. Может быть, сейчас, в последние годы, что-нибудь в этом отношении изменилось — не знаю, но тогда было именно так. И постигать тайны своего ремесла, своей профессии приходилось уже после завершения учебы, на практике, зачастую наби-

вая при этом синяки и шишки и порой вместо пользы нанося немалый вред своим подзащитным.

Но мне, как я уже писал выше, в этом отношении крупно повезло и прежде всего потому, что в эти первые годы становления в адвокатуре рядом со мной оказался такой мудрый и добрый наставник, каким был для меня Лев Моисеевич. Это благодаря ему, моему Учителю, а впоследствии и другу я, единственный во всей Ярославской коллегии адвокатов, не только познакомился с уникальной монографией Р. Гарриса “Школа адвокатуры”, но и самым тщательным образом буквально изучил ее. Она стала моей настольной книгой. Впоследствии я многократно убеждался, что не только в Ярославле, но и в Москве почти никто не только не читал этой книги, по сути, единственного и лучшего учебника по адвокатуре, но даже и не знал о существовании такого уникального руководства к ведению гражданских и уголовных дел. А ведь появилось оно в русском переводе с английского еще в 1911 году и с той поры ни разу (!) не переиздавалось. “Незабвенный Александр Яковлевич Пассовер считал сочинение Гарриса украшением европейской судебной литературы”, — писал в своем Посвящении книге П. Сергеич.

“Ты должен обязательно разыскать эту бесценную книгу, — ставлял меня в те годы Л. М. Яхнич, — чего бы это ни стоило, и она должна быть всю жизнь рядом с тобой.” Я разыскал ее в одной из ярославских библиотек, при этом из читательского формуляра узнал, что единственный раз ее брали в библиотеке в 1916 году, и с той далекой поры больше никто к ней не притрагивался и не прикасался. Конспектировал и изучал я ее от корки до корки, и завет Учителя свято храню — драгоценные мысли Гарриса, его мудрые советы и наставления постоянно со мной.

А сколько других бесценных книг и монографий, блестящих судебных речей дореволюционных и советских адвокатов, мемуаров и воспоминаний об адвокатуре, об известных процессах прошлого было перечитано и проштудировано по рекомендациям и советам Льва Моисеевича — трудно счесть. А какие жаркие потом были дискуссии, в которых принимали участие и живший с ним по соседству известный московский адвокат Семен Абрамович Меламед, и бывавшие часто у него дома такие столпы адвокатуры, как Яков Семенович Киселев (из Ленинграда), Леонид Александрович Ветвинский, Виктор Григорьевич Викторович и многие другие. Юридическую консультацию, в которой последние годы жизни работал Л. М. Яхнич (ул. Пушкинская, д. 4, Юрконсультация № 5), по праву можно назвать средоточием корифеев адвокатуры. Помимо упомянутых Л. А. Ветвинского, В. Г. Викторовича здесь работали такие адвокаты, как К. Д. Чижов, Жудро К. Н., Синайский Э. Д., Зурабов С. О., Каплан

М. Ш., Катц Л. З., Паркинсон Н. Н., Рабинович Ю. С., Ривлин Э. С., Шершевский В. М. и другие.

Я часто заходил на службу ко Льву Моисеевичу, бывал на различных собраниях и заседаниях адвокатов этой консультации и, словно губка, впитывал в себя те бесценные мысли, суждения, пылкие споры и дискуссии, которые исторгались из уст этих воистину великих мастеров нашего адвокатского искусства. А сколько было почерпнуто на тех судебных процессах, с участием этих и других именитых адвокатов, которые по советам Льва Моисеевича я при каждом удобном случае посещал.

Помню, как где-то в 1950 году, едва приступив после стажировки к самостоятельной работе, я, под влиянием блистательных речей дореволюционных адвокатов, выступил перед своими ярославскими коллегами с докладом на довольно рискованную по тем временам тему: "К вопросу об изучении творчества прогрессивных деятелей русской дореволюционной адвокатуры". Успех был большой, и не без рекомендации Льва Моисеевича я был приглашен прочесть этот доклад в Московской городской коллегии адвокатов. Хорошо помню довольно вместительное помещение где-то на Петровке, президиум, в котором помимо Л. М. Яхнича, И. Д. Брауде, Н. Т. Сидоренко восседали другие маститые адвокаты, переполненный коллегами зал. С трудом справившись с естественным для молодого провинциального адвоката волнением (до меня с прекрасным докладом выступал молодой московский адвокат, мой однокашник по учебе в юридическом институте, Валерий Агроновский, впоследствии известный в стране журналист), я стал излагать свои мысли и суждения. Поначалу достаточно робко и неуверенно, а затем, увлекшись, — может быть, даже с излишним пылом и жаром. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, я почувствовал, что в зале, словно бы в предчувствии надвигающегося скандала, наступила тревожная тишина. Люди вроде бы внимательно слушали и в то же время словно бы волновались, переживали за меня. С большим трудом дочитал я свой доклад и спустился с трибуны... По дороге домой Лев Моисеевич был необычайно весел, хвалил меня, а затем, как бы между прочим, сказал: "А ты знаешь, когда ты выступал, Илья Давидович Брауде нагнулся ко мне и шепотом на ухо сказал: "Боюсь, Левушка, как бы после этой лекции нас всех не пересажали!" Но, слава Богу, пронесло... Такие вот это были времена. А для того, чтобы было понятно какую "крамолу" я произносил, позволю себе в одной из книг этой серии опубликовать сохранившийся у меня текст этого доклада, ничего в нем не меняя и не видоизменяя, не приспособивая его к умонастроениям сегодняшнего дня.

В отличие от меня, доклад Льва Моисеевича в Ярославле, перед ярославскими коллегами, имел ошеломляющий успех. В то время

(где-то в 1955 — 1959 г. г.) как член Президиума коллегии адвокатов, я довольно часто приглашал “на огонек” в Ярославль именитых столичных адвокатов и помимо Л. М. Яхнича приезжали к нам с прекрасными лекциями Э. Д. Синайский, Б. С. Раскин, В. Г. Викторovich, М. М. Кисенишский, М. С. Мельниковский и некоторые другие. Какие это были чудесные, незабываемые встречи, которые традиционно заканчивались дружеским ужином у нашего домашнего очага. Моя дорогая жена Марина, которая всю жизнь была по совместительству и самым верным моим помощником в нелегкой адвокатской службе (она всегда была в курсе всех дел, которые я вел, всегда могла проинформировать клиента о состоянии его дела и т. д.), очень любила принимать наших московских друзей и всегда оформляла эти приемы с большим вкусом и выдумкой.

Только в начале 1967 года благосклонная судьба возвратила меня (теперь уже не одного, а с Мариной и двумя прелестными девочками — ныне адвокатессами) в Москву, где моя дружба с Учителем, ставшим теперь уже и моим самым дорогим старшим другом, еще более окрепла, переросла в дружбу семейную.

Лев Моисеевич уже жил в Измайлово, на Сиреневом бульваре, а мы временно опустили якорь в Мытищах. Собственно, оказалось, что мы живем рядом, так как по кольцевой дороге до Щелковского шоссе буквально считанные километры, и при наличии автомашины весь путь занимал 30 — 35 минут.

Встречаться мы стали чаще, не говоря уже о том, что редкое торжество отмечали врозь...

Перехожу теперь к финальной части своего повествования.

Где-то поздней осенью 1968 года с Львом Моисеевичем стряслась беда. Возвращаясь темным вечером в сильную непогоду на автомашине к себе домой, он случайно сбил машиной шедшую по обочине женщину, причинив ей тяжелую травму бедра. Он, разумеется, остановился, довез потерпевшую до больницы, но сам на следующий день свалился, судя по всему, с подозрением на инфаркт миокарда. За все время болезни муж потерпевшей, невзирая на то, что Лев Моисеевич и так оказывал ей всяческую материальную помощь, буквально третируя его, аппетиты его росли не по дням а по часам. Все это, естественно, сказывалось на больном и могло завершиться трагически. Я многократно беседовал с потерпевшими, убеждал их в том, что они имеют дело с порядочным человеком и надо только не тревожить его, иначе, в случае беды, им тоже не будет легче — некому будет им помогать. С превеликим трудом мне все же удалось убедить их, и они оставили на время его в покое.

А в это время, что нередко случается у нас, адвокатов, приближался день слушания в Верховном суде Латвии дела, по которому задолго до аварии и у меня, и у Льва Моисеевича имелись заключенные в юрконсультациях соглашения.

— Что было делать, как быть? Ко всему прочему, как это тоже нередко бывает, стряслась беда и лично у меня. Угодила в рижскую тюрьму моя несчастная двоюродная сестра — мать двоих малолетних девочек. Опытнейший врач-гинеколог, она иногда уступала просьбам оказавшихся в положении женщин, и производила им аборт у себя дома. Руки у нее были золотые, не счесть тех, кому она помогала в самых серьезнейших ситуациях и которые затем прислали в следственные органы и суд десятки благодарственных писем.

Но закон — есть закон. И бедную Женечку (царствие ей небесное, вскоре после этого она умерла) упрятали за решетку. Кому я, не в состоянии лично быть защитником сестры, мог доверить ее защиту?

Конечно же только Льву Моисеевичу, о чем с ним незадолго до аварии мы и условились. Но вот случилась беда с ним, он тяжело болен, а у него теперь уже не один, а целых два процесса в Риге. И если один, процесс Жени, рассчитан на несколько дней (один подсудимый), то второй процесс — групповой (там шесть подсудимых), естественно, длительный. Тем более, что дело должно слушаться не в Народном суде, а в Верховном суде Латвии, и слушание может затянуться на один-два месяца.

— Как быть, что делать?

По своей натуре Лев Моисеевич был человеком очень деятельным, энергичным, буквально рвущимся “в бой”. И ему, конечно же, хотелось “в сражение”, хотелось ехать в Ригу. Но не опасно ли это в его состоянии? Посоветовавшись с Клавдией Ивановной, решили все оставить на усмотрение врачей, последнее слово должно быть за ними. Инфаркта кардиограмма не показала, и все же назвать ее совсем нормальной было нельзя. В конечном итоге консилиум сошелся на том, что ехать можно, но работать без перегрузок, соблюдая определенный режим.

Так оказались мы в Риге, в одном из номеров старой латвийской гостиницы “Рига”, где и прожили около двух месяцев. Какое это было изумительное, прекрасное время! Утром, после завтрака, мы, не спеша, пешком отправлялись в Верховный суд, а после судебных заседаний так же, не торопясь, совершали небольшие прогулки по узеньким средневековым улочкам Старого города. Вечера, как правило, если не особенно одолевали клиенты, проводили вдвоем в номере гостиницы. Лев Моисеевич был в прекрасном настроении и очень много рассказывал о своей жизни. А жизнь у него была далеко не простая и не легкая,

и мне кажется, что за эти дни и недели, проведенные вместе, в одном номере гостиницы, я узнал о нем больше, чем за все предыдущие 18 лет. Окончив где-то в 20-х годах юридическую школу, он был направлен на работу в качестве следователя. В 1937 году, будучи уже одним из руководителей следственной части прокуратуры г. Калинин (Тверь), он был арестован вместе с некоторыми другими работниками прокуратуры и свыше года находился под следствием. Проходил он по одному делу вместе со своим другом, работником той же прокуратуры, Лазарем Яковлевичем Назаровым. На себе испытал самые изощренные методы ведения следствия, вплоть до избиений и пыток. Именно в то время ему перебили позвоночник, отчего он страдал впоследствии всю жизнь. Но никого он не выдал, ни в чем себя виновным не признал и каким-то чудом был освобожден из-под стражи. Затем жил в Ленинграде, читал лекции в Ленинградской юршколе, где и познакомился со своей будущей женой — молоденькой студенткой юридической школы. Вскоре переехал в Москву, куда его пригласили работать в качестве Начальника отдела адвокатуры Министерства юстиции РСФСР.

Очень запомнился мне его рассказ о встрече в Москве с Л. Я. Назаровым. «Однажды, — рассказывал Лев Моисеевич, — мне в Министерство позвонил Лазарь Назаров и попросился ко мне на прием. — Какой прием, о чем ты говоришь? — буквально закричал я в трубку. — Немедленно приезжай, пропуск будет заказан».

Часа через два, — рассказывал далее Лев Моисеевич, — ко мне на прием в кабинет постучали, и когда я открыл дверь, то увидел Лазаря.

Он был весь какой-то осунувшийся, глаза запали, голова втянута в потертый старенький костюм... Я пригласил его в кабинет, закрыл изнутри дверь на ключ, мы крепко обнялись и... навзрыд оба заплакали.

Нет, не заплакали, — зарыдали. Лазарь рассказал, что вскоре после меня его тоже освободили, так и не добившись от него ничего. И вот теперь он слоняется без работы по Москве и мечтает быть принятым в Московскую коллегия адвокатов.

— Как ты понимаешь, — закончил Лев Моисеевич, — через несколько дней Л. Назаров был принят в члены Московской областной коллегии адвокатов, очень скоро возглавил эту коллегия, став на долгие годы ее руководителем — Председателем президиума нашей коллегии, а затем Заведующим Областной юрконсультацией.

От себя дополню, что это был период расцвета нашей коллегии, а добрая память о Л. Я. Назарове, который уже давным давно умер, живет в наших сердцах и поныне.

Между тем, процесс в Верховном суде Латвии близился к завершению. Шел он вроде бы спокойно, без каких-либо эксцессов. И в то же время это был процесс необычный, точнее возмутительный, кото-

рый, конечно же, не мог глубоко не волновать нас, адвокатов. Посудите сами. Судили все руководство единственного в стране сухогрузного судна, которое совершало регулярные рейсы на Кубу, доставляя туда газ. Работа эта для команды судна представляет повышенную опасность, она требует специальных знаний и навыков, которые даются годами. И вот теперь судят все руководство — от капитана, старпома, боцмана до других более низких чинов. За что же?

Оказывается, по дороге домой, где-то на Гибралтаре они закупили для перепродажи на родине партию японских платочков с люриксом, которые и были обнаружены при таможенном досмотре в Рижском порту.

Их всех арестовали и предали суду за покушение на спекуляцию. Формально — вроде бы все правильно, состав преступления по тем временам налицо. Но послушаем их, обвиняемых:

“В зарубежном плавании, в портах, куда мы заходили, — мы постоянно сталкивались с моряками многих стран: англичане, поляки, испанцы, португальцы. Чем они занимались на стоянках? Они отдыхали, развлекались, ходили по кабакам, пили, веселились... А чем занимаемся в этих портах мы, русские моряки? Как базарные бабы, простите, бегаем по всяким барахолкам, скупаем на свою скудную валюту всякое тряпье, чтобы дома перепродать его, и хоть как-нибудь свести семьей концы с концами. А всему виной наша зарплата, которая в десятки раз ниже заработной платы моряков любой другой страны.” Вот так. Как хотите, так и судите. И следовало ли из-за этих злосчастных платочков так жестоко расправляться с моряками, буквально стопорить, останавливать работу целого судна, что влекло за собой громадные материальные потери, не говоря уже об ущербе, причиненном людям и их семьям?

И могло ли все это не действовать на нас, адвокатов, могло ли не волновать, не возмущать нас?

Вот так с виду вроде бы достаточно мирный и спокойный процесс перерос в процесс совсем не мирный и совсем не спокойный. Увы, такова почти вся наша адвокатская жизнь, заполненная сплошными человеческими драмами и трагедиями и требующая от нас постоянных эмоциональных всплесков и колоссальных затрат нервной энергии. Могло-ли все это не сказаться на Льве Моисеевиче, не влиять на его и без того подорванное болезнью здоровье?

Но вот сказал свое слово прокурор, выступили адвокаты, произнесли свое “Последнее слово” подсудимые, и суд объявил на неделю перерыв для постановления приговора.

Поскольку Лев Моисеевич все равно оставался в Риге (именно в это время началось в Народном суде слушание дела Евгении Михай-

ловны Дремовой), я, с разрешения суда, уехал в Москву. По согласованию с Клавдией Ивановной, дабы не оставлять Льва Моисеевича одного, уехал я из Риги только после того, как приехала она.

Казалось бы самые тяжкие дни позади: процесс в Верховном суде практически завершен, остался процесс в Народном суде, который, как мы предполагали, закончится в течение нескольких дней, так что после оглашения приговора в Верховном суде можно будет спокойно возвращаться в Москву. Но вмешались во все проклятые “ножницы”, те самые, которые являются грозой всех адвокатов, доставляют нам столько треволнений! Процесс в Нарсуде несколько затянулся, хотя и близился к концу, а в это время наступил день оглашения приговора в Верховном суде, где адвокату Яхничу надлежало обязательно присутствовать. Молодая, гонористая женщина-судья, уже вкусившая прелесть “власти” над адвокатами, конечно же, не дала разрешения на отсутствие адвоката в процессе, отказалась объявить перерыв на несколько часов, но и Верховный суд настаивал на этом же. Разволнованный Лев Моисеевич попросил их решить этот вопрос самим: на каком из двух процессов ему быть.

Закончилось, конечно же, все благополучно — в Нарсуде был объявлен до обеда перерыв, и адвокат обязан был явкой в Верховный суд. Но все эти судебные неурядицы, конечно же, не могли уже с утра не взвинтить пожилого полубольного человека. Приговор огласили и к обеду Лев Моисеевич уже был в процессе в Народном суде, где оставалось представить некоторые документы и практически тоже завершить процесс. И вдруг, когда казалось бы, что уже вообще все худшее позади, и оба процесса окончены, случилось то самое страшное, с чего я начал свой рассказ — Лев Моисеевич Яхнич скоропостижно скончался в зале суда. Часы показывали 15 часов 25 минут 13 февраля 1969 года...

Прямо с рижского аэропорта я приехал в гостиницу “Рига”, в тот самый номер, в котором незадолго до этого мы провели вместе почти два месяца. В прихожей на вешалке висело зимнее ратиновое с меховым воротником пальто Льва Моисеевича, его зимняя шапка, на полу рядом стояли его зимние, на меху, полусапожки, но никто уже не поспешил мне навстречу, не спросил приветливо: где-то ты сегодня задержался, дружок?

Его отсутствие, эту страшную зияющую пустоту гостиничного номера на фоне продолжавших “жить” предметов его одежды, я почему-то ощутил особенно остро и тяжело.

На следующий день я уже был в морге — ведь предстояло готовиться к транспортировке покойника в Москву. Выяснилось, что и на

этом все необычное и неординарное, что сопутствовало Льву Моисеевичу в жизни не завершилось.

Меня пригласили в кабинет профессора патологоанатомического отделения больницы, где седовласый профессор, удостоверившись в том, зачем я пришел, совершенно неожиданно сказал: “А ведь знаете, я этого человека знал и, думаю, задолго до Вас. Понимаете, мы с ним вместе в дни молодости работали. Он — молодым следователем, а я — начинающим судебно-медицинским экспертом. Это было в середине 20-х годов в г. Воронеже. Затем судьба разбросала нас в разные стороны земли нашей, и с тех пор почти пятьдесят лет мы с ним не виделись, я только знал, что работает он где-то не то в Ленинграде, не то в Москве — и больше ничего о нем не знал.

Теперь представьте себе мое состояние, когда совершенно неожиданно я встречаюсь с ним. И где? В Риге! В своем институте, на секции в патологоанатомическом отделении, и именно мне предстоит уже мертвого вскрывать его... Это невероятно! Передайте, пожалуйста, низкий поклон и мои самые глубокие соболезнования жене, детям, всем близким покойного; смею заверить Вас, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы покойник в достойном виде был доставлен в Москву.”

Через несколько дней гроб с телом Льва Моисеевича был доставлен в столицу, и в Президиуме городской коллегии адвокатов состоялась торжественная траурная панихида. Свое слово профессор сдержал — Лев Моисеевич лежал в гробу, словно живой...

Похоронили его на Введенском (бывшем Немецком) кладбище, в секторе № 9. Было это 17 февраля 1969 года — в день его рождения. В этот день ему исполнилось бы 66 лет.

Вскоре Клавдия Ивановна и Володя с семьей эмигрировали в США, где Клавдия Ивановна в 1990 году скончалась.

Если можно о кладбище, отзываться корошо, то нельзя не сказать, что кладбище, где похоронен Лев Моисеевич — прекрасно, и прах его покоится под густой сенью берез, сосен, вековых дубов. Знают ли в коллегии адвокатов о могиле Льва Моисеевича, бывают ли на ней? Едва ли. Не осталось практически никого из близких, родственников.

Так что, положим, мы с женой единственные, кто посещает эту могилу, ухаживает за ней. Какая здесь тишь и благодать! Можно только пожелать и себе когда-нибудь обрести вечный покой где-то рядом.

Вот, собственно, все, что хотелось бы мне рассказать о жизни и смерти моего Учителя и дорогого друга, Великого Адвоката Льва Моисеевича Яхнича. Вечная ему память!

А. М.

Кого они защищают? (очерк)

Очень часто нас, адвокатов, спрашивают: как это можете вы защищать преступников? А иные даже в ужасе восклицают: кого они защищают? И зачем они вообще существуют? Ответить на все эти вопросы голой декларацией, одной фразой, конечно, невозможно.

И я перебираю десятки судебных производств, и за их пожелтевшей бумагой, как живые, встают образы людей...

Разными путями, разными дорогами идут люди в жизни... И разные пути приводят их на скамью подсудимых.

Одни, и таких очень немного, шныряют только по тылам нашей жизни, ходят кривыми дорогами, темными тропинками, глухими закоулками, знают только звериную тропу — тропу преступлений. И когда они оказываются на скамье подсудимых — мы не удивляемся, ибо понимаем, что это естественное, закономерное завершение их жизненного пути.

Другие, и таких большинство, знают в жизни другую дорогу, другой путь, тот, которым идут все честные люди, и когда они вдруг оказываются на этой скамье — становится невыносимо больно и обидно за них, и сразу же встает вопрос: почему? Каким образом? В силу каких причин свернул этот человек с прямого, светлого пути на глухую тропу преступлений?

И часто за ответами на эти вопросы кроется тяжелая жизненная драма, роковое сцепление обстоятельств, мальчишеская бесшабашность, непреодолимая тяга к заманчивым приключениям...

А порой выясняется другое: что человек, попавший на скамью подсудимых, вообще неосновательно привлечен к уголовной ответственности... И так в жизни бывает.

И разобраться во всем этом, ответить на все эти вопросы, решить судьбу человека призван наш народный суд.

А оказать ему помощь в этом — первейшая, святая обязанность адвоката.

О наших буднях, о работе адвокатов, очень мало написано. Особенно не повезло адвокату в нашей художественной литературе. О его труде не создано, по сути, ни одного произведения, а там где нужда

заставляет автора впустить на страницы книги адвоката, то делает он это нехотя, казенно и обязательно заставив его предварительно оставить у порога входной калитки в книгу свое благородство, честность, принципиальность...

Таковыми пришли адвокаты в книги “Младший советник юстиции” Л. Карелина, “Дочь прокурора” Яновского, в сценарий “Дорога правды” С. Герасимова и др.

Между тем, если бы писатель подошел вплотную к производству адвоката, если бы приблизился к его рабочему столу — он увидел бы и негаснущую до утра настольную лампу, услышал бы и страстные споры и дискуссии, судебные речи, когда-то произнесенные и еще непроизнесенные. Такой художник понял бы, что в труде адвоката есть своя поэзия, своя романтика, своя лирика, своя, если хотите, героика...

Я перебираю десятки судебных дел — и за каждым из них человеческие судьбы, живые люди...

Об одном из них мне и хотелось бы сегодня рассказать. Это было прошлым летом. В один из знойных июльских дней в юридическую консультацию, сиротливо озираясь по сторонам, вошла уже немолодая женщина. А через несколько минут она уже сидела передо мной, утирая уголком платочка набегавшие слезы, и рассказывала о постигшем ее горе.

“Я понимаю, товарищ адвокат, что вы можете не совсем мне доверять. Ведь я мать, и, как всякая мать, не могу быть беспристрастной, когда решается судьба моего сына.

Мне всегда казалось, что мы хорошо, правильно воспитываем Володю. Он рос смысленным, любознательным мальчишкой, с детства увлекался техникой, все, бывало, мастерил... И мне хотелось, очень хотелось, чтобы он во всем был похож на отца, который вот уже свыше двадцати лет работает путевым обходчиком в Ярославской дистанции пути и за свой скромный труд награжден медалями “За трудовое отличие”, “За трудовую доблесть”, знаком “Отличный путеец”.

Шестнадцати лет, после учебы в школе, Володя пошел работать на Центральный телеграф, сначала учеником, а затем надсмотрщиком телеграфа, и вот уже третий год, как он там работает. И я, и отец часто бывали у него на работе, интересовались как он там себя ведет, как работает, и кроме хорошего нам никогда о нем ничего не говорили. Да мы и сами видели, что Володя стоит на верном пути: не озорничает, не пьет, тянется к работе. А ведь любовь к труду — она о многом говорит”.

Гр-ка Сахарова, так была ее фамилия, прервала свой рассказ и глубоко вздохнула.

“Впрочем, — сказала она погодя, — видимо все матери таковы: им всегда кажется, что они правильно воспитывают своих детей, и что лучше их детей — нет никого на свете... Итак, как вы видите, ничто не предвещало беды. Так было... А сейчас... А сейчас, — проговорила она, и нижняя губа ее слегка задрожала, — мой сын Володя вот уже больше месяца находится в тюрьме и скоро должен предстать перед судом.

Я была у следователя, была у прокурора — и то, о чем они мне рассказали, товарищ адвокат, никак не укладывается в моей голове: мой сын, мой Володя, напился пьяным, вооружился финским ножом и вечером в центре города, на Комсомольской улице, чуть не убил человека: он тяжело ранил его, причинив ему, как мне сказал следователь, тяжкие телесные повреждения”.

Все это она проговорила скороговоркой, словно быстрее стремясь освободить себя от непосильной ноши, а затем тихо добавила. “Самая, конечно, ничего не знаю. Но у меня было свидание с Володей, и он мне в присутствии следователя сказал, что все это правда. И вот теперь он в тюрьме, а я... Я забыла, что такое сон — потому что и днем, и ночью он всегда у меня перед глазами, и хотя я пытаюсь, хотя бы мысленно, представить его с ножом, заносщим руку для удара, но поверьте, товарищ адвокат, у меня это не получается. Я не верю, не верю в это, не могу допустить, чтобы мой сын, мой Володя, мог совершить подобное, хотя, и я это слышала своими собственными ушами, он в этом признается. И в этом моем неверии, — вздохнула она, — если хотите, моя последняя надежда”.

Она закончила. Сквозь открытое окошко консультации ласково светило солнце, в окно врывался веселый гомон улицы. И в эту минуту как-то особенно не хотелось верить в то, что здесь, совсем рядом, может биться в слезах тяжкое горе, злая беда... И в то же время, нечто подсознательное, быть может профессиональное чутье, подсказывало, что здесь что-то не то.

А через несколько дней я уже был в суде, и страница за страницей перелистывал материалы предварительного следствия, подшитые в зеленую папку, на которой ровным почерком было выведено: уголовное дело № 10/18 по обвинению Сахарова Владимира Сергеевича в преступлении, предусмотренном ст. 184 ч. 4 и 142 ч. 1 Уголовного Кодекса, за хранение холодного оружия и нанесение тяжких телесных повреждений.

Обвинительное заключение, которым следователь подводит итог проведенного расследования, ничего утешительного в себе не содержало. В нем четко и ясно было обозначено, что 9 мая 1957 года, около 10-ти часов вечера, Сахаров, будучи в нетрезвом состоянии, у хлебо-

завода № 1 гор. Ярославля, на улице Комсомольской, учинил ссору, а затем драку с гражданами Кабаевым, Зарецким, Меньшиковым, а подошедшему к драке Свяцкевичу нанес удар ножом в живот... Тут же значилось, что допрошенный по делу в качестве обвиняемого Сахаров Владимир Сергеевич в предъявленном ему обвинении признал себя виновным полностью, и что его вина, помимо его собственного признания, подтверждена и другими материалами дела.

Но может ли адвокат всецело полагаться на материалы следствия? Может ли исходить только из них? — Конечно, нет. И дело здесь не в том, что следователь может злоупотребить и привлечь к ответственности невиновного (с этим явлением мы сейчас почти не встречаемся). Дело в другом, в том, что следователь тоже человек, и, как всякий человек, он может увлекаться, может заблуждаться, может ошибаться, может и просто неверно оценить факты, доказательства...

Следствие, оно потому и называется предварительным, что собранный следователем материал должен быть впоследствии проверен и оценен судом, от которого всецело зависит: признать его доброкачественным и осудить человека или признать его недоброкачественным и оправдать.

Все эти мысли, конечно, никогда не могут покидать адвоката. И страница за страницей я перелистываю материалы дела... Вот служебная характеристика Сахарова, подписанная начальником Ярославской телеграфно-телефонной конторы тов. Алашеевским: он очень тепло отзывался о молодом надсмотрщике телеграфа. Вот отзыв жильцов дома, которые знают Володю с малых лет. Нельзя без волнения читать его: "Мы, жители Б. Московской улицы, дома № 147, проживающие по соседству с семьей Сахаровых, глубоко взволнованы постигшим их горем. Мы никогда не могли подумать, что с Володи мог произойти такой случай, т. к. знали его, как скромного, трудолюбивого юношу, за которым никогда не наблюдалось нечестных поступков. Отношение к труду, поведение Володи Сахарова в обществе — все это было достойным подражания..."

А вот протокол допроса Сахарова, протокол допроса потерпевшего, свидетелей...

Чем дальше я читаю, чем глубже вникаю в происшедшее, чем больше сравниваю и сопоставляю — тем больше убеждаюсь в том, что в нанесении ножевого ранения Свяцкевичу Сахаров не виноват.

Конечно, положение его тяжелое. Здесь все казалось бы сговорились против него: он был в нетрезвом состоянии. Увы, это не исключает уголовной ответственности. Наоборот, это косвенно свидетельствует о его вине. Ведь водка очень разлагающе действует на психику человека, и как не похож он становится в это время на самого себя: в

состоянии опьянения человек способен совершить много дурного. Не случайно большинство преступлений совершаются как раз в нетрезвом виде. Помимо этого, уже сам факт, что молодой, 19-тилетний юноша злоупотребляет водкой — вряд ли говорит в его пользу! Но может быть, это была случайная выпивка? Тогда где и по какому поводу?

У него в кармане был нож. И хотя это был нож кустарного изготовления, но он, как об этом значилось в акте экспертизы, относился к разряду финских ножей, и таким образом ношение его, без специального разрешения органов МВД, запрещено. А один факт изготовления такого ножа, его хранение уже влечет за собой уголовную ответственность, как за хранение холодного оружия. Правда, при определении меры наказания за это преступление народный суд всегда учитывает, для чего был изготовлен и хранился нож. К сожалению, среди нашей молодежи, а особенно среди тех, которые связаны с производством, бытует такое увлечение — изготовление ножей со всевозможными фигурными и наборными рукоятками. И делается это зачастую по незнанию закона, безо всякого злого умысла и намерения пустить этот нож в ход. Но ведь незнанием закона на суде отговориться нельзя! Таким образом все это, конечно, не исключает уголовной ответственности, а лишь может до некоторой степени ее смягчить. Но, безусловно, совсем другое дело, когда подобный нож изготавливается с целью совершения дальнейших преступлений, для того, чтобы быть пущенным в ход. Уж тут о смягчении речи быть не может...

А в данном случае у Сахарова был нож, и этот нож был пущен в ход...

Но может быть, он не мыслил это делать, не хотел? Но тогда почему же так случилось? Что толкнуло его на это? В чем здесь мотив его действий, тот самый мотив, который, по образному выражению известного русского юриста Спасовича, составляет сердце и клетку состава преступления?

Я заканчиваю ознакомление с делом, переворачиваю последнюю страницу, и теперь уже явственно перед глазами встает мрачная картина происшедшего:

В этот вечер, 9-го мая, Владимир Сахаров зашел на квартиру к товарищу по работе, Смирнову. Смирнов был значительно старше Сахарова, ему уже перевалило за 30-ть, но их сближала работа — в свое время Сахаров даже работал учеником Смирнова, на телеграфе.

— А, Володя, здравствуй, — приветливо встретил его Смирнов. — Очень рад, что ты пришел, а я завтра уезжаю в Москву, сдавать экзамены в техникум. Садись за стол, будешь дорогим гостем... И тут же на столе появилась закуска, ну и конечно, злополучная бутылка

“Столичной”. И хотя Володя вообще не пил, но здесь отказаться было как-то неудобно. — Ну, что ж, за благополучную сдачу экзаменов или, как говорится, “ни пуха, ни пера!”

Вскоре они встали из-за стола, т. к. Володя торопился встречать девушку, с которой он дружил. Тамара работала на хлебозаводе и кончала в 10-ть часов вечера. В это время они и условились, что он будет встречать ее у проходной завода.

— Между прочим, — сказал Смирнов, вставая с дивана и подходя к письменному столу, — ты давно хотел посмотреть мои последние фотографии, вот они. И он открыл ящик письменного стола. И здесь, рядом с большим фотоальбомом, Володя увидел небольшой нож с красивой наборной рукояткой из плексигласа.

— Сам делал, — с гордостью пояснил Смирнов, — здорово?

— Здорово, — ответил Володя, внимательно разглядывая нож. — А знаешь, дай мне его на сегодняшний вечер. Ведь я пойду провожать Тамару, живет она далеко, место глухое — сам понимаешь, всякое может случиться, — попросил он. — Ну что ж, бери, — не отказал Смирнов. Друзья посидели еще немного, и, так как Смирнову тоже надо было идти в центр, вскоре вместе пошли к хлебозаводу, встречать Тамару.

Дальнейшие события развивались молниеносно. Не успели друзья подойти к проходной завода, как к ним пристала группа пьяных хулиганов. Как водится в таких случаях, пристали безо всякого повода, безо всякой причины. — Дай закурить! — Я не курю, — ответил Володя. — Ах, так? Папироску пожалел? Ну так мы тебе дадим закурить! На, бери! И удары градом посыпались на Сахарова. Человек восемь окружили его, сшибли с ног и стали зверски избивать. — Ребята, что вы делаете? Отпустите его, — попробовал вмешаться Смирнов, — но его тоже сшибли, ударили чем-то по затылку... А в это время распоясавшиеся пьяные дебоширы продолжали избивать Сахарова. Били его руками, наносили удары каким-то твердым предметом по голове, по лицу... Трудно, очень трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы Сахаров вдруг не вспомнил о находившемся у него в кармане ноже, том самом, который он взял у Смирнова. Будучи изрядно избитым и чуть ли не теряя сознание, Сахаров последним усилием выхватил нож и со всего размаха вонзил его в первого попавшегося хулигана. В это время раздался свисток сторожа — и все они трусливо разбежались... Ну, а Сахаров? А Сахаров... был привлечен к уголовной ответственности.

Все это было так нелогично, так противоречило здравому смыслу, что просто никак не укладывалось в голове.

— Но если все это так, если это истина, то почему он, а не они сегодня на скамье подсудимых? Ведь следователь, конечно, знает, что наш закон не карает людей, которые действуют в состоянии необходимой обороны, защищая себя, защищая других от посягательства преступников. Такие действия, наоборот, всячески поощряются. Нельзя быть посторонним наблюдателем, когда рядом с тобой творится преступление! И пусть знает преступник, что совершая свое злое дело, он всегда может получить достойный отпор со стороны тех, на кого нападает, кому угрожает, со стороны всех честных граждан!

Повторяю, следователь, конечно, не мог не знать об этом. Но тогда, почему же здесь оказался привлеченным к ответственности Сахаров, который защищался, а не те, другие, которые напали на него?

Ответ на этот вопрос я нашел в одном из документов дела, который озаглавлен: “Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела”. А в этом постановлении было записано: “Возбудить уголовное дело в отношении Зарецкого, Кабаева и других не имеется оснований, ибо драку учинил Сахаров, и, так как он обнажил оружие, то его избили...”

Так вот оно оказывается в чем дело! Следователь не поверил Сахарову, не поверил Смирнову и решил дело по трафаретной схеме: Сахаров был в нетрезвом состоянии, у него в кармане был нож, этим ножом порезан человек — значит, Сахаров напал, а не оборонялся.

...На следующий день я получил свидание с Сахаровым. Передо мной сидел немного побледневший, молодой белесый паренек, тихий и задумчивый. “Я знаю, гражданин защитник, что мне тяжело доказать свою невиновность. Я был в нетрезвом состоянии, у меня был нож, я ударил им человека. Поверьте, испугавшись ответственности, я даже сначала вообще не сознавался, что это я его порезал. И этим самым я навлек на себя еще большее подозрение, создал лишнюю улику. И вот теперь мне, конечно, не верят. Но, гражданин защитник, я впервые в жизни в таком деле и говорю вам чистую правду. Все было именно так, как я показал следователю...”

Мой разговор с обвиняемым затянулся. Паренек по несколько раз возвращался к одним и тем же деталям, заметно нервничал, и по всему чувствовалось, что говорит он от души.

“Вот все, что хотел я сказать вам, гражданин защитник, — закончил он свою грустную повесть. — Теперь жизнь моя дала трещину... А ведь я так мечтал работать, учиться... Да что теперь говорить об этом? У меня одна только просьба к вам — вы уж матери не говорите, что я тут так переживаю. Успокойте ее, как можете — ведь она у меня очень больная, выдержит ли все это? Я все больше об этом думаю”...

Все дни, которые оставались до суда, я ходил под впечатлением этого свидания с обвиняемым. Я по нескольку раз сопоставлял его рассказ с тем, что говорили свидетели, что говорил потерпевший, я обращался к показаниям тех шестерых, которые, по словам Сахарова, на него напали, искал в их показаниях противоречия и неправду — и чем больше я анализировал, тем больше приходил к выводу, что он, Сахаров, говорит правду, а те, другие, чего-то утаивают, юлят, изворачиваются. Но как все это доказать? Как восстановить истину? Как заставить поверить ему, Сахарову? И чем больше я углублялся в дело, тем больше убеждался, что сделать это будет нелегко: здесь действительно все сговорилось против него.

А затем состоялся суд.

Должен сразу оговориться: обычно в театре, книгах, кино — в подобной ситуации здесь, в суде, наступает счастливая развязка — несправедливость терпит поражение, а справедливость торжествует! И это не случайно — так в действительности в нашем суде и бывает... Но иногда, бывает и иначе... И именно так случилось на этот раз. Как, почему так произошло — мне трудно сейчас сказать. Скорее всего, потому, что и суд не рискнул отойти от привычной схемы: видимо, потому, что и суд не рискнул отойти от привычной схемы: нетрезвое состояние, нож, ранение — все это скорее всего походило на нападение, чем на защиту. Другое объяснение трудно найти, т. к. Сахаров рассказал суду все то, что сказал он и на следствии, а свидетели Кабаев, Зарецкий и их друзья ловчили, путались много, лгали, но каждый раз, уличенные в неправде, спешью отказать от только что сказанного. В конечном итоге под тяжестью улик большинство из них в суде вынуждены были признаться, что сначала они Сахарова избили, а затем он обнажил нож. И несмотря на все это, повторяю, Сахаров был осужден.

“Три года лишения свободы”, — так гласил приговор народного суда.

И все это осложнилось тем, что в дальнейшем коллегия областного суда, тоже как следует не разобравшись в этом деле, оставила приговор суда в силе, а жалобу защиты без удовлетворения.

Но может ли адвокат, уверенный в несправедливости приговора, на этом остановиться, поставить точку, опустить в бессилии руки? — Нет, никогда! Ведь за правильностью вынесенных народным судом решений осуществляют надзор: Областной суд, Верховный суд Федерации, органы прокуратуры. И в этом надзоре тоже гарантия соблюдения нашей законности: если народный суд и допустит ошибку (а так, хоть и редко, но бывает), вышестоящий суд должен исправить ее. Истина все равно должна победить! И прямая задача советского адвоката всеми силами добиваться торжества этой истины. Добиваться,

помятуя все время, что за ней, за этой истиной, стоит живой человек, его человеческая судьба... Битва за истину по делу № 10/18 продолжалась...

Мне не хотелось бы долго злоупотреблять вашим вниманием и рассказывать о длинных мучительных часах, проведенных за письменным столом, о многих неделях ожидания ответов из различных судебных инстанций, о разочарованиях, когда неизменно следовал ответ, в котором значилось сухо: "Ваша жалоба на приговор суда признана необоснованной, оснований для пересмотра дела не нахожу". (Кстати, несут ли вообще какую-либо ответственность лица, подписывающие подобные бумажки?).

Скажу лишь в заключение, что в конечном итоге все кончилось так, как и должно кончаться в нашем советском государстве: истина восторжествовала — по жалобе защиты прокурор Ярославской области внес протест в Президиум Областного суда, который в январе месяца этого года пересмотрел дело Сахарова и признал, что за нанесение тяжкого телесного повреждения Свячкевичу Сахаров осужден неправильно, т. к. он действовал в состоянии необходимой обороны. Уголовное дело в отношении Сахарова в этой части было производством прекращено и из-под стражи Сахаров был освобожден.

Что еще можно добавить? В настоящее время Сахаров Владимир Сергеевич работает надсмотрщиком на Ярославской городской телефонной станции и, по отзыву его непосредственного начальника, инженера линейного цеха телефонной станции тов. Карпычева, является одним из лучших, примерных работников...

Так закончилось это дело, одно из тех многих дел, которыми заполнены трудовые будни советских адвокатов.

За окном, ярко сверкая на солнце, кружились пушинки снега. Впервые за много месяцев я почувствовал на душе необычайную легкость — то ощущение, которое обычно испытывает человек, увидевший наконец, плоды своей работы. И в то же время новые думы, новые заботы, новые дела уже овладевали мной... Я перебираю в памяти десятки и десятки судебных дел, и за каждым из них — живые люди, человеческие судьбы...

Этот очерк был прочитан по Ярославскому радио, в феврале 1959 года.

Дело Владимира Спиридонова

Из досье адвоката

ПРОКУРОРУ

Ярославской области

Адвоката Мове А. Л.
центральная юридическая консультация, гор.
Ярославль, ул. Кирова, дом 10/12

По делу Спиридонова Владимира Федоровича, осужденного по приговору Нарсуда Бурмакинского района, Ярославской области от 21 октября 1949 года по ст. 2 ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР "Об усилении охраны личной собственности граждан"* к 15 годам заключения в исправтрудлагерях.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Ярославского Областного суда от 2 ноября 1949 года приговор Народного Суда оставлен в силе.

ХОДАТАЙСТВО

о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам

3-го августа 1949 года две гражданки, доехав до ст. Лютово, Бурмакинского района, Ярославской области, пошли к д. Софряково.

* Статья 146 ч. 2 ныне действующего уголовного кодекса (разбой).

Проходя попутно через д. Макеевское, они подошли к одному из домов и попросили напиться. Проживавший в доме юноша вынес воду. Они напились и пошли дальше.

Гражданками этими были Шилова, проживающая в гор. Ярославле, и приехавшая к ней погостить из Ленинграда сестра — Удалова.

Юноша — житель с. Макеевское Володя Спиридонов.

На следующий день, 4-го августа, Шилова вместе с участковым милиционером явились в дом Спиридонова. Володи дома не было. Она рассказывала его матери о том, что вчера, примерно около 7 часов вечера, ее сын совместно с другим неизвестным ограбили ее и во избежание неприятностей потребовала отдать 350 руб., якобы взятых у нее при ограблении.

Мать возражала, говорила, что ее “сын Вовка не мог этого сделать”. Она просила участкового милиционера, чтобы он разобрался во всем. Но милиционер заявил, что разобрался и все проверил.

(См. показания Шиловой и Спиридонова, протокол судебного заседания).

В это время пришел дядя Володи, Спиридонов Алексей Васильевич. Он был выпивши (дело происходило в религиозный праздник “Ильин день”) и он “решил лучше отдать деньги, чем слушать эти кляузы”. Не послушал он и просьбу матери, убеждавшей его не отдавать деньги, не разобравшись дело. (См. показания Спиридонова и Спиридоновой, протокол суд. засед.). Дядя отдал деньги.

Это обстоятельство и явилось основной уликой против Володи.

Так возникло дело по обвинению Спиридонова Владимира по ст. 2 ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета “Об усилении охраны личной собственности граждан” (разбой).

Приговором Народного Суда осужден Спиридонов В. Ф. за то, что он:

1) 3-го августа 1949 года около 7 часов вечера с неизвестным гражданином на дороге ст. Лютово — д. Бердищево произвел ограбление гражданок Шиловой и Удаловой.

2) в тот же вечер, на той же дороге, в то же время, "те же лица ограбили гр-нок Фонареву Анну, Фонареву Зинаиду и Куприянову."

3) 6-го августа 1949 года в 7 часов вечера ограбили гр-ку Стукалеву.

В приговоре указано, что все эти лица опознают Спиридонова.

Эта мотивировка совершенно необоснована и прямо противоречит материалам дела.

Свидетели Фонарева Анна, Фонарева Зинаида, Куприянова, Стукалова категорически утверждают, что они точно сказать не могут, был ли это Спиридонов или нет.

Фонарева Анна так прямо и заявляет, что "в личность его не видела" (см. протокол суд. заседания).

Фонарева Зинаида: "Я опознала Спиридонова лишь по росту". (См. протокол суд. заседания).

Куприянова: "В личность я его не видела и в милиции я его опознала только по росту". (См. протокол суд. заседания).

Стукалова: "Я опознала его лишь по тапкам". (См. протокол суд. заседания).

Из показаний всех этих свидетелей с достоверностью лишь было установлено:

Что ограбление производили двое;

что один из них — низкого роста, русый, в белой рубашке, черном пиджаке, в тапках.

Второй — высокого роста, черные волосы, голова обмотана майкой, обнаженное тело.

(См. протокол судебного заседания).

Лишь потерпевшая Шилова утверждала, что грабил Спиридонов. Да и могла ли она показать иначе?

Ведь ее допрашивали после того, как ей были даны деньги.

Всякое отрицание или неуверенное опознание должно было, естественно, повлечь за собой необходимость возвратить деньги.

Таким образом, все обвинение Володи Спиридонова построено лишь на показаниях потерпевшей Шиловой и ее сестры Удаловой (кстати, допрошенной спустя 2 месяца после допроса Шиловой), материально заинтересованных в исходе дела.

Суд совершенно безмотивно не поверил показаниям свид. Горновой, Семенова, Спиридонова, Александрова, Пивоварова, Рожкова и др., из показаний которых со всей очевидностью устанавливалось алиби Спиридонова (См. протокол суд. заседания).

Более того, в судебном заседании подсудимым было заявлено ходатайство о вызове дополнительных свидетелей, могущих подтвердить его алиби.

Суд отказал в этом ходатайстве подсудимому, чем грубо нарушил ст. 272 УПК РСФСР.

Когда из показаний свидетелей выяснилось, что уже после ареста Спиридонова грабежи на дороге продолжают-ся, (см. приговор судебного заседания), защита вновь заявила ходатайство о вызове в суд и допросе участкового милиционера Горбунова.

Однако в этом ходатайстве суд отказал, чем опять грубо нарушил ст. 272 УПК РСФСР, лишив подсудимого всякой возможности представлять доказательства своей невиновности, положив в основу обвинительного приговора весьма шаткие доказательства.

А ведь если бы суд более внимательно подошел к оценке доказательств, если бы он не препятствовал подсудимому в приобщении доказательств, оправдывающих его, он никогда бы не вынес по делу Спиридонова обвинительный приговор.

И действительно:

В вызове свид. Горбунова суд совершенно безмотивно отказал.

К жалобе прилагается справка участкового уполномоченного Бурмакинского РО МВД Горбунова, из которой явствует, что уже после ареста Володи Спиридонова, после 9 августа 1949 года двое грабителей, по всем своим признакам сходные с грабителями, совершившими ограбление Шиловой, Фонаревой А., Фонаревой З., Куприяновой, Стукаловой, продолжали грабежи в Ярославском и Бурмакинском р-не.

“Это показывает, — пишет оперуполномоченный РО МВД, — что Спиридонов В. Ф. в грабежах не участник, так же показывает и население дер. Макеевское, где он находился в данное время, т. е. в период грабежей в Бурмакинском районе”.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Ярославского Областного суда от 2 ноября 1949 года приговор Народного суда, осуждающий Володю Спиридонова к 15 годам исправительно-трудовых лагерей, оставлен в силе.

Володе Спиридонову 17 лет. В 1948 году он добровольно пошел учиться в школу ФЗО, где являлся отличником учебы, примерным, дисциплинированным учеником. (См. характеристику из школы ФЗО).

До призыва в школу ФЗО он честно работал в колхозе, являлся одним из первых помощников Сельсовета по проведению всех мероприятий (см. характеристику Исполкома Лютовского Сельсовета).

Колхозники колхоза “Возрождение” Бурмакинского р-на Ярославской области, собравшись на общее собрание и обсуждая вопрос о Володе Спиридонове, дают прекрасную характеристику о его работе и дисциплинированности.

В течение 6-ти месяцев Володя Спиридонов совершенно необоснованно находится в заключении.

В силу вышеизложенного и руководствуясь ст. 376, 377 УПК РСФСР, прошу Вас, тов. Прокурор Ярославской области:

I. В порядке ст. 377 УПК произвести расследование фактов ограбления граждан, указанных в справке Оперуполномоченного РО МВД Горбунова:

- 1) Новожиловой Антонины Николаевны;
- 2) Фокаиловой Марии Ивановны;
- 3) Мальковой Анны Семеновны;
- 4) Афонасьевой Фаины Ивановны;
- 5) Паутовой Надежды Петровны;
- 6) Афонасьевой Александры Семеновны, проживающих в дер. Борисово, Бурмакинского р-на, и граждан:

7) Луневой, проживающей в д. Тимошино, Ярославского района;

8) Палкиной Серафимы, проживающей в гор. Ярославль, поселок Тормозного завода, ул. Щепкина.

В случае подтверждения фактов указанных в справке Оперуполномоченного РО МВД, прошу Вас, в порядке ст. 378 УПК возбудить вопрос перед Верховным Судом РСФСР о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

II. Учитывая то обстоятельство, что еще в процессе предварительного следствия в прокуратуру Бурмакинского района поступали сведения о перечисленных грабежах, но мер к расследованию не было принято, прошу поручить произвести настоящее расследование следователю Областной Прокуратуры.

Прилагается:

1. Копия приговора Народного Суда Бурмакинского р-на, Ярославской области.
2. Копия определения судебной коллегии по уголовным делам Ярославского областного суда.
3. Копия протокола судебного заседания.
4. Копия справки Оперуполномоченного Бурмакинского РО МВД.
5. Копии 3-х характеристик Спиридонова.
6. Характеристика Володи Спиридонова, выданная общим собранием колхозников колхоза "Возрождение" Бурмакинского р-на, Ярославской области.

Адвокат:

(Мове)

"7" февраля 1950 года гор. Ярославль

По протесту прокурора области приговор был отменен с направлением дела на дополнительное расследование.

В процессе доследования дело производством прекращено и Спиридонов из-под стражи освобожден.

Дело Екатерины Перовой, осужденной за соучастие в бандитизме и разбое

Из досье адвоката

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

Адвоката А. Л. Мове, г. Ярославль, ул. Кирова, д. 10/12, центральная юридическая консультация
по делу

Перовой Екатерины Васильевны, осужденной приговором Ярославского Областного Суда от 16-17 мая 1952 г. по ст. 17-59-3 УК и ст. 17- ст. 2 ч. II Указа от 4/VI- 47 г. к 15-ти годам ИТЛ. Определением коллегии Верховного Суда РСФСР приговор оставлен без изменения.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Настоящее дело уже дважды являлось предметом рассмотрения Ярославского Облсуда, несмотря на то, что фабула его довольно проста. Молодая девушка, работница автозавода, Екатерина Перова около 2-х лет дружила с молодым парнем, Юрием Зверевым. Работал он механиком по ремонту швейных машин на ф-ке "Возрождение", в прошлом не был судим и ни чем иным не запятнал своей репутации.

Однажды, это было в конце сентября 1951 года, Юрий принес на квартиру к Кате, где она проживала совместно с матерью, шерстяное платье и платок. Для чего он их принес, зачем, с какой целью — на этом я остановлюсь ниже.

А сейчас считаю необходимым лишь дополнить, что впоследствии выяснилось, что Зверев добыл эти вещи разбойным путем. Выяснилось так же, что Катя Перова о происхождении вещей этих не знала и могла лишь догады-

ваться, что вещи краденные. Таково существо этого дела, из которого нетрудно понять и уяснить себе степень вины этой девушки.

Далеко не случайно, что при таких обстоятельствах при первом рассмотрении дела (приговор от 3-5 марта 1952 г.) Екатерине Перовой было определено наказание в виде условного осуждения. Но абсолютно справедливо подойдя к оценке содеянного Перовой и определению ей наказания, суд вместе с тем неправильно квалифицировал ее действия ст. 17-59- 3 УК и ст. 17- ст. 2 ч. II Указа 4/VI -47 г. (соучастие в бандитизме и разбое).

Вот почему по протесту Прокуратуры настоящий приговор Верховным Судом РСФСР был отменен и дело явилось вновь предметом рассмотрения Ярославского Облсуда.

Новое рассмотрение ничего нового не дало. Оно лишь лишний раз подтвердило неправильность квалификации действий Перовой следственными органами. Именно исходя из этих соображений поддерживающий обвинение прокурор и просил переqualифицировать действия Перовой на ст. 17- ст. 1 ч. I Указа от 4/VI 47 года (соучастие в краже) и определить ей наказание в виде 6-ти лет лишения свободы.

Приговором Ярославского Облсуда от 16-17 мая 1952 года Екатерина Перова была осуждена по ст. 17-59- 3 УК и ст. 2 ч. II Указа от 4/VI -47 года к 15 годам лишения свободы.

Несмотря на явную неправильность квалификации действий Перовой, несмотря на явную несправедливость определенного ей наказания, Верховный суд РСФСР приговор оставил в силе.

Возбуждая сейчас вопрос о проверке настоящего дела в порядке надзора, прошу учесть мои следующие соображения:

1. Действия Перовой судом неправильно квалифицированы ст. 17 ст. 59 - 3 УК, как соучастие в бандитизме.

В состав банды Зверева и др. Перова никогда не вошла. Никакого участия ни в одном из организованных бандой ограблений она не принимала.

Эти обстоятельства нашли свое подтверждение в обвинительном заключении и приговоре по настоящему делу (см. эти документы).

Естественно, что для того, чтобы расценить действия Перовой, выразившиеся в приеме от Зверева награбленных им вещей (платья и платка), как соучастие в бандитизме, суду надлежало установить, что Перова знала о существовании банды и о произведенных ею ограблениях.

Сама Перова ни в одном из своих показаний на предварительном следствии (я сошлюсь на те же ее показания, на которые ссылается и приговор — л. д. 96, 116, 128, 172 т. 1, л. д. 236 т. 2), ни в одном из своих показаний в двух судебных заседаниях (см. протоколы суд. заседаний) ничего не говорит о том, что ей известно было о существовании банды или хотя бы об одном из ее ограблений.

Наоборот, везде она утверждает обратное. Ни в одном из своих показаний на предварительном следствии (см. т. 1 л. д. 190, т. 2 л. д. 215 и др.) не говорит об этом и Зверев. Не сказал он этого и в судебном заседании.

Наоборот, везде он утверждает, что Перова ничего не знала ни о банде, ни о ее делах.

“Перова о преступлениях ничего не знала, — говорит он в судебном заседании, — я ей ничего не говорил” (см. прот. суд. засед. т. 3 л. 19 об.).

Не уличают в этом Перову и ни один из подсудимых.

Наоборот, почти все они говорят, что Перову видят впервые (см. показания Быкова, Горшкова в суд. Заседании т. 3 л. протокола 14, 18).

Ничего не сказали в этой части и проходившие по делу свидетели.

Таким образом, ни сама подсудимая, ни один из проходивших по делу подсудимых и свидетелей ничего не сказали о том, что Екатерина Перова знала о существовании банды и ее преступлениях.

Наоборот, все они утверждали обратное.

Каким же доказательством закрепил суд виновность Перовой в соучастии в бандитизме?

Суд по этому поводу записал в приговоре: (дословно)

“Подсудимая Перова, состоя в близких отношениях с осужденным по делу Зверевым, заведомо зная о преступной деятельности Зверева, поскольку из ее показаний, данных неоднократно

на предварительном следствии, видно, что он очень часто находился в квартире Перовой, имел при себе огнестрельное оружие"... (см. приговор л. 4).

Екатерине Перовой к моменту совершения преступления едва исполнилось 21 год. Я уже указывал, что она действительно около 2-х лет дружила с Юрием Зверевым и что никаких оснований к тому, что бы подозревать своего друга в каких— либо преступлениях, она не имела. (В скобках отмечу, что Зверев дружил с Перовой около 2-х лет, а преступления были совершены им в течение одной недели — с 20-го по 27 сентября 1951 года — см. приговор).

Правда, однажды, это было в самом начале их знакомства, в 1949 году, Перова заметила у Зверева оружие, о чем она по простоте душевной поведала следователю. С той поры она у него больше оружия не видела (см. показания Перовой — т. 1 л. д. 96, 79).

Естественно, что и это обстоятельство не могло вселить в нее особых подозрений.

Зверев действительно часто бывал у Перовой, но было бы неправильным думать, что у Перовой был чуть ли не бандитский притон.

Из представленной в кассационную инстанцию справки видно, что Екатерина Перова проживала с семьей в количестве 5-ти человек (в том числе и мать) в общежитии автозавода и все они занимали одну комнату площадью 14 кв. метров.

Естественно, что частые посещения Зверевым квартиры Перовой при тех обстоятельствах, что проживала она не одна, в большой семье, занимающей небольшую комнату, неправильно было бы расценивать более, чем обычные посещения молодым человеком девушки, с которой он дружит.

Таким образом, утверждение суда о том, что Перова "заведомо знала о преступной деятельности Зверева, поскольку он часто находился в квартире Перовой и имел при себе оружие" является голым предположением.

Стремясь обосновать вину Перовой, как соучастницы банды, Суд выдвигает и другое предположение. Он указывает, что Перова после ареста Зверева в спешном порядке взяла у его матери квитанцию и получила по ней в мастер-

ской часы, “тем самым, по существу, видимо знала о незаконности приобретения Зверевым этих часов” (см. приговор).

Несколько замечаний и по этому поводу:

а) Зверев утверждает, что часы он купил. Похищение их Звереву в вину не вменялось. Где он их приобрел, законным или незаконным путем — судом не установлено.

б) Перова вовсе не в спешном порядке после ареста Зверева взяла у его матери квитанцию и получила часы. Зверев был арестован 29/IX -51 г. (т. 1 л. д. 86), а часы получены Перовой в мастерской спустя 5-ть суток, т. е. 3-го октября 1951 г. (см. квитанцию, т. 1 л. д. 107).

в) Скрывать эти часы Перова никакого намерения не имела, ибо уже на следующий день после и[получения, т. е. 4/X-51 г., явилась в отделение милиции и добровольно их сдала (см. протокол добровольной сдачи часов т. 1 л. д. 108).

Далеко не случайно, что при таких обстоятельствах настоящее обвинение вовсе не фигурировало в приговоре от 3-5 марта 1952 г.

Таким образом, утверждение суда о том, что Перова “видимо, знала о незаконности приобретения часов” и пыталась их скрыть является не только голым предложением, но и противоречит фактическим обстоятельствам.

Помимо этого, нельзя обвинять Перову в сокрытии этих часов (т. е. соучастии), если мыслимый исполнитель (т. е. Зверев), не обвиняется в незаконном их приобретении.

Вывод: вина Перовой в соучастии в бандитизме судом основана на голых предположениях. Суд не имел оснований к тому, чтобы квалифицировать действия Перовой ст. 17-ст. 59 -3 УК.

2. Действия Перовой судом неправильно квалифицированы ст. 17 ст. 2 ч. II Указа 4/VI-47 года (соучастие в разбое).

Из материалов дела видно, что Перова не знала о том, каким преступным путем добыты принятые ею от Зверева платье и платок.

Об этом в процессе предварительного следствия, в судебном заседании не сказал никто (см. протокол заседания и др. материалы).

Если даже основываться на показаниях Перовой в процессе предварительного следствия, то и тогда следует, что Перова достоверно не знала о происхождении вещей.

Она говорит:

“Где приобрел платье и платок Зверев, я не знаю. Мы просили вещи унести к Завьяловой, ибо догадались, что они приобретены нечестным путем”. (т. 1 л. д. 128)

“Узнав или, вернее, зная, что Зверев эти вещи приобрел нечестным путем, путем кражи, я попросила мать отнести их... пряча платье и платок у материной сестры я имела целью не дать возможности изобличить Зверева в совершенном им преступлении, т. е. в краже этих вещей”. (т. 1 л. д. 172)

Таким образом, если даже основываться на показаниях Перовой в процессе предварительного следствия, то и тогда действия Перовой надлежало квалифицировать ст. 17- ст. 1 ч. 1 Указа 4/VI -47 года, т. е. укрывательство краденных вещей.

Не случайно и представитель государственного обвинения настаивал именно на такой квалификации.

Тщательный анализ материалов предварительного следствия не только проливает свет на эти показания Перовой, но и говорит о том, что приняв указанные вещи от Зверева, Перова не мыслила их скрывать.

Так:

- а) Вещи хранились в комнате Перовой открыто.
- б) Их видела свид. Горанская (см. ее показания), и на вопрос о том, что это за вещи, мать Екатерины пояснила, что это подарок Юрия (т. е. Зверева).
- в) Это обстоятельство подтверждает не только мать Перовой, но и свид. Завьялова (см. ее показания т. 1 л. д. 153 и протокол суд. заседания).
- г) Более того. Когда на квартиру Перовой явились с обыском и объявили о том, что ищут платок шерстяной и коричневое платье, то Перова Екатерина по объявлении цели прибытия заявила, что

"Головной платок шерстяной белого цвета и дамское платье находятся у Завьяловой Анны Яковлевны, проживающей г. Ярославль, ул. Свердлова, д. 26, кв. 37 (т. 1 л. д. 123).

Все это говорит о том, что Перова Екатерина не имела намерения скрывать вещи, переданные ей Зверевым.

3. В процессе предварительного следствия были грубо нарушены права обвиняемого на защиту.

Не признавая себя виновной в предъявленном обвинении, Перова отказалась подписывать постановление о предъявлении ей обвинения (т. 2 л. д. 235). Случилось это 12 января 1952 года.

Совершенно очевидно, что в показаниях своих, данных ею тотчас же по предъявлении обвинения, т. е. тоже 12 января 1952 года (т. 2 л. д. 236), Перова не могла признать себя виновной.

Однако в протоколе допроса (т. 2 л. д. 236) рукой следователя записываются показания Перовой, якобы признающей свою вину. Эти показания Перова подписать отказалась. Об этом она говорит:

"Подписать показания я отказалась потому, что было записано неправильно" (см. протокол л. 26).

И далее

"Постановление об обвинении не подписала и последние показания, т. к. записано было не то, что говорила".

И далее

"Не подписала протокола допроса потому, что не так записали мои показания". (См. протокол, л. 26 оборот).

Лица, подписавшие протокол, подтверждают лишь тот факт, что Перова отказалась подписать свои показания (чего не отрицает и Перова), но, однако не могут подтвердить и не подтверждают правильности произведенной записи, ибо при допросе они не присутствовали (см. протокол их допроса). Другого протокола допроса Перовой в качестве обвиняемой в деле не имеется.

Таким образом при ведении дела были грубо нарушены права обвиняемого на защиту; в частности ст. 139 УПК,

вследствие чего Перова была лишена возможности давать свои объяснения по поводу предъявленного обвинения.

Просительный пункт

В силу изложенного и, считая нецелесообразным просить об отмене приговора и направлении дела на доследование, прошу Вас истребовать настоящее дело из Ярославского Облсуда и внести протест на предмет переквалификации действий Перовой на ст. 17- ст. 1, ч. 1 Указа 4/VI -47 г. и определения ей наказания, не связанного с лишением свободы.

Приложение:

1. копия приговора
Ярославского облсуда
2. копия определения
Коллегии Верховсуда
РСФСР

Адвокат

(Мове)

"25" сентября 1952 года

По протесту Зам. Председателя Верховного суда СССР Коллегия Верховсуда СССР, переквалифицировала действия Перовой Е. В. на ст. 17- ст. 1 ч. 1 Указа 4/VI -47 года, определив ей наказание в виде 6-ти лет лишения свободы.

Дело Тюшкова Н. Н., обвиняемого в изнасиловании

Дело Тюшкова Н. Н. слушалось в суде дважды. И дважды суды выносили оправдательные приговоры. Но характерно это дело, пожалуй, не этим (хотя оправдательный приговор в ту пору, в пятидесятые годы, сам по себе уже являлся явлением из ряда вон выходящим), а той позицией, которую в этом деле заняла защита.

Судите сами. Она — “потерпевшая” — утверждала об изнасиловании. Он — “насильник” — настаивал на том, что “потерпевшую” не знает и с ней вообще не встречался.

Защитник — утверждает: лгут оба.

Она — оговаривает его в изнасиловании, хотя имел место половой акт по согласию.

Он — знает ее, находился с ней в интимной близости, но насилия не совершал.

Итак, не верьте, товарищи судьи ни ей, ни ему. Верьте только мне — адвокату. Что, в частности, суд и сделал.

Из досье адвоката

Документ

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу, по обвинению ТЮШКОВА Николая Николаевича в преступлении, предусмотренном ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года “Об усилении уголовной отв. за изнасилование” (статья 117 ч. 1 ныне действующего УК).

Произведенным по делу расследованием установлено:

10 августа 1951 года в 9-ом часу вечера на территории Петропавловского парка, Тюшков произвел изнасилование гр-ки ГОЛОВАНОВОЙ Марии Михайловны, при следующих обстоятельствах:

В 8 часов вечера 10 августа 1951 года, Голованова пошла полоть капусту на свой огород, расположенный в районе Петропавловского парка. По дороге взяла с собой 7-летнюю девочку — Нагорную Татьяну (л. д. 59, 60).

Закончив работу и возвращаясь домой, Голованова с Таней по дороге встретили малознакомого Головановой Тюшкова, который поздоровался с Головановой, последняя в присутствии Тани так же приветствовала его, назвав при этом "Коля" (л. д. 55-58, 59). Тюшков попросил Голованову отправить Таню домой, с тем чтобы побеседовать между собой. Девочка Таня ушла. Тюшков повел Голованову насильно в Петропавловский парк, где и произвел изнасилование (л. д. 2, 3, 55-58). После изнасилования Тюшков проводил Голованову до дому, где они были встречены матерью и снохой потерпевшей (л. д. 62-66).

На другой день при осмотре нижнего и верхнего белья Тюшкова, изъятого при обыске на его квартире, были обнаружены следы крови и спермы. Кроме того на лице Тюшкова были обнаружены царапины, что является результатом борьбы со стороны потерпевшей Головановой. (л. д. 28, 32). Следы борьбы имелись также на теле потерпевшей (л. д. 29, 33).

Привлеченный в качестве обвиняемого, Тюшков виновным себя не признал и пояснил, что изнасилование Головановой он не производил, Голованову он совсем не знает и во время, когда произошло изнасилование, т. е. в 9 ч. вечера, он был дома и ушел из дома в 21 час 45 минут к своей знакомой Карулиной (л. д. 70, 71), но его показания опровергаются показаниями матери Тюшкова, которая пояснила, что ее сын 10/8-51 года пришел с работы в нетрезвом состоянии в 8 час. вечера, поужинал и засветло отправился гулять по направлению к Петропавловскому парку (л. д. 17), далее показаниями свидетеля Коробовой, которая говорит о наличии знакомства Тюшкова с Головановой (л. д. 20-23), кроме того Тюшков изобличается показаниями самой потерпевшей (л. д. 55-58), свидетеля Нагорной Тани (л. д. 59), Нагорной Александры Михайловны (л. д. 60), Головановой Е. П. (л. д. 65, 66), Головановой А. К. (л. д. 62-64) и материалами дела (заключение суд. мед. экспертизы (л. д. 28-33)).

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО:

ТЮШКОВ Николай Николаевич, 1921 года рождения, уроженец г. Ярославля, женат, образование 6 классов, б/п,

электрик 1 механического завода, судимый в 1946 году по ст. 162 п. "г" УК РСФСР, проживал ул. Старо-Московская дом 21 кв. 1.

Обвиняется в том, что, будучи в нетрезвом состоянии, 10 августа 1951 года в 9-ом часу вечера в районе Петропавловского парка совершил изнасилование гр. Головановой Марии Михайловны т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 1 Указа от 4/1-49 года "Об усилении уголовной ответственности за изнасилование".

Дело в порядке ст. 32 закона о судоустройстве подлежит рассмотрению в судебной коллегии по уголовным делам Областного суда.

Обвинительное заключение составлено 16 апреля 1952 г.

Нарследователь: (Трофимова)

Дело слушалось 10-13 мая 1952 г. в Нарсуде 2-го участка Красноперкопского р-на г. Ярославля. Ниже публикуется речь адвоката.

РЕЧЬ АДВОКАТА А. Л. МОВЕ

по делу Тюшкова Николая Николаевича, обвиняемого в преступлении, предусмотренном ст. 1 Указа от 4 января 1949 г. "Об усилении уголовной ответственности за изнасилование".

Дело особой сложности явилось на сей раз, товарищи судьи, предметом вашего рассмотрения. И я не могу прежде всего не выразить своего удовлетворения по поводу того, что вы не пошли по пути наименьшего сопротивления, не увлеклись заманчивой возможностью легко решить задачу по принципу: "коль скоро подсудимый отрицает свое знакомство с потерпевшей, а в этом он уличается — значит, он виновен!", а избрали путь тщательного, кропотливого изучения обстоятельства дела на протяжении всех дней процесса, не остановившись перед тем, чтобы выйти на место происшествия и наглядно проверить на нем все то, что услышали вы здесь, в зале судебного заседания. И все это делали вы потому, что совершенно правильно поставили перед собой задачу выяснить перво-наперво имело ли

вообще здесь место преступления. Такая постановка вопроса безусловно правильна, она соответствует требованиям нашего процессуального закона и, в частности, ст. 320 УПК, которая говорит о том, что суд при постановке приговора прежде, чем говорить о том, кто совершил то или иное деяние, должен выяснить, имело ли место вообще это деяние и содержит ли оно в себе признаки преступления. Именно так решает вопросы и наша судебно-следственная практика. В один из летних дней 1947 г. в одной из деревень Гаврилов-Ямского р-на случилось довольно странное происшествие: старуха-мать со своим взрослым сыном, женатым, утром отправились в лес за грибами и ягодами; к полудню сын возвратился, а мать бесследно исчезла. И хотя много было улик, дающих основание привлечь сына к ответственности за убийство, следственные органы не делали этого, не делали лишь потому, что не был обнаружен труп старушки, а без трупа трудно говорить и об убийстве, трудно говорить о преступлении. Сын был привлечен к ответственности лишь после того, как были обнаружены останки матери со следами насильственной смерти, т. е. после того, когда был решен вопрос о том, что преступление действительно имело место. Вот и вы в прошедшую субботу рассматривали, казалось бы, простое дело: охмелевший мальчишка пробрался за прилавок магазина и был задержан, как у нас принято говорить, на месте преступления. Он был привлечен к ответственности за кражу. Совершенно правильно поставив перед собой вопрос — имела ли здесь вообще место кража — вы имели возможность убедиться, что кражи то в данном случае и не было, в силу чего правильно квалифицировали его действия, как покушение на кражу, как покушение на совершение преступления.

Все изложенное мною имеет особенно большое значение по делам о половых преступлениях вообще и по делам об изнасиловании в частности. Дело в том, и это, конечно, понятно каждому взрослому человеку, что сам по себе факт полового сношения, сам по себе факт лишения девственности, безусловно, не является преступлением. Когда же он становится преступлением? Он становится преступлением тогда, когда совершается помимо воли, помимо желания женщины, девушки. Мало того, необходимо, чтобы эта воля, это желание не вступать в половую связь были выражены во вне, выражены таким образом, чтобы мужчина понимал, что женщина действительно не желает этого, противится ему. Надо иметь в виду, что, как правило, при первом

сношении с мужчиной, а иногда и при последующих, женщина, а в особенности девушка, даже желая вступить в половую связь, в силу естественной стыдливости, робости и проч. оказывает некоторое сопротивление. Выражается оно обычно в отталкивании, просьбах: "не надо", "брось", "что ты делаешь", "как тебе не совестно" и проч., а иногда и в более интенсивном сопротивлении. Присутствующий в нашем заседании судебно-медицинский эксперт рассказал вам, что в его практике имелся случай, когда на теле девушки были обнаружены довольно многочисленные ссадины и кровоподтеки, а впоследствии оказалось, что вступила она в связь по согласию, оказав лишь мнимое, притворное сопротивление. Очевидно, что все это не то сопротивление, преодоление которого составляет элементы уголовного преступления — изнасилования. Очевидно, что, если бы мы преодоление всякого сопротивления расценивали как преступление, то нам пришлось бы посадить на скамью подсудимых добрую часть мужчин.

Каким же в таком случае должно быть сопротивление при изнасиловании? Об этом говорит нам в учебнике "Судебная медицина" проф. Попов:

"Сопротивление только тогда может быть признано действительно имевшим место, если оно не было притворным и было доведено до конца" (стр. 456).

Таким образом сопротивление должно быть резко выражено. Женщина понимает, что идет посягательство на ее честь и достоинство, и сопротивляется с упорством, настойчивостью, до полной потери сил.

Проверить это обстоятельство, как мы видим, очень важно, но проверить его чрезвычайно трудно, ибо единственным свидетелем происшедшего, как правило, является сама потерпевшая. Вот почему по такого рода делам необходим тщательный анализ не только показаний самой "потерпевшей", но и всей обстановки свершившегося, актов медицинского освидетельствования, как ее, так и его, необходим тщательный анализ всего поведения обоих. Петр I, великий преобразователь, большой государственный деятель, человек не только огромной физической силы, но и незаурядного ума, очень много сделавший для развития русского права, в толковании к ст. 116 Морского устава, предусматривающей наказание за изнасилование, поучал:

“При суждении о сих делах судья должен поступать с великим рассуждением: где и когда сие учинено, кричала она или не кричала, есть ли у нее ссадины и кровоподтеки, когда она на то жалобу принесла — тотчас же или промедлив день или два.

Тогда часто по всему видно бывает, что и она к тому немалую охоту имела”.

Суду надлежит всегда иметь в виду, что по делам об изнасиловании, более чем по какой-либо другой категории дел мы сталкиваемся с ложными обвинениями по самым разнообразным мотивам: шантажа, мести, оправдания перед родителями, мужем, знакомыми, вымогательства и т. п. Проф. Авдеев говорит по этому поводу: “Следователь всегда должен иметь в виду возможность ложного обвинения в изнасиловании по самым различным мотивам — мести, вымогательства, шантажа” (Авдеев, Судебная медицина, стр. 446). Следовательно, если мы вообще говорим, что к показаниям потерпевшего необходимо относиться осторожно, то к показаниям потерпевшей по такого рода делам необходимо подходить с особым вниманием, особой критикой.

Выяснить истинную картину происшедшего в настоящем деле трудно еще и не только потому, что нам приходится иметь дело с потерпевшей, но и потому, что почти все свидетели этого дела, подсудимый так или иначе заинтересованы в определенном его исходе.

Для потерпевшей исход дела — это вопрос чести.

Для подсудимого — это вопрос свободы, семейного счастья. Безразличны к исходу дела и другие свидетели. Мы помним, например, и показания матери подсудимого, Тюшковой Елизаветы, этой юркой, смышленной старушонки, выступившей перед нами чуть ли не в должности внештатного следователя. И мы, конечно, не в особой претензии к ней, мы понимаем, что она мать и не может быть беспристрастной, когда решается судьба ее сына.

Помним мы и показания матери потерпевшей, Головановой Анны. Она тоже мать, она тоже не может быть безразличной, когда идет речь о чести дочери, и поэтому, когда нужно, то она спустя год опознает человека, которого лишь едва видела издали темной ночью, когда нужно — то и в теплый, тихий августовский вечер у нее срываются

сильные порывы ветра, относящие в сторону призывы ее дочери. И мы конечно не в особой претензии и к ней: мы понимаем, что она мать.

Не уступает ей и сноха ее, Голованова Елизавета. И мы и ее понимаем — ведь Маруся Голованова — родная сестра ее мужа. Разве можем мы им всем доверять? А когда это так, то приобретает особое значение каждое невольно оброненное слово, каждое движение, каждый поступок. Лишь тщательно, по крупинкам, собрав их воедино, мы с трудом сможем восстановить искаженную и потертую картину событий этого летнего августовского вечера.

Но когда каждое слово — событие, каждая фраза — повесть, каждый поступок — рассказ, а все они — красноречивее длинных показаний следователю и суду — мы не можем не остановиться перед тем, чтобы их серьезно и глубоко проанализировать.

Картину развернутую перед нами в судебном заседании, мы рассмотрели внимательно, и она глубоко врезалась в нашу память. Но мы не очень можем ей доверять — ведь с момента происшедшего прошло около года, а за это время кое что стерла память, а кое-что приобрело и нужный цвет и оттенок благодаря длительному обдумыванию и анализам. Вот почему, более чем по какому-либо другому делу, мне хотелось бы развернуть перед Вами, как веер, прежде всего все те материалы, которые с такой скрупулезностью и вниманием собрали органы следствия в первые же дни после свершившегося. Вы, конечно, понимаете, какое значение приобретают они сегодня.

Я долго думал над тем как, каким образом это сделать, и не нашел ничего лучше того, чтобы пройти вместе с Вами по страницам, тщательно подшитым в темно-коричневую папку, лежащую перед Вами, именуемую материалами предварительного расследования.

Открываем первую страницу дела. Протокол заявления потерпевшей. Он составлен на следующий день после происшествия, т. е. 11 августа 1951 г. Свершилось жуткое, кошмарное преступление! Девушка опозорена, жизнь разбита! Посмотрим же, как выглядит это событие в устах потерпевшей:

“Вчера вечером около 8 часов я пошла на огород полоть капусту. Огород наш расположен в Петропавловском парке. Кончила я работу около 9

часов и пошла домой. Отошла от огорода метров 100-200 и мне попался навстречу молодой человек; одет он был в костюм, но какого цвета сказать не могу, т. к. уже было темно. Под пиджаком была одета белая рубашка. Волосы русые, среднего роста. Подошел ко мне и предложил с ним прогуляться. Я не пошла. Тогда он взял меня за руку и потащил, сказав, что все равно никуда не уйдешь. Я упиралась, не шла, кричала, но в парке никого не было. Он меня взял на руки и понес к дереву, положил на землю. Я продолжала вырываться. Он мне зажал рот рукой. Потом я уже из сил выбилась, и он меня изнасиловал. После этого он довел меня до дому и в дороге сказал, что меня не бросит, назвал свое имя — Николай Тюшков, проживает на Ст. Московской. Он довел меня до дому и пошел. Я пришла домой и об этом сказала мамаше. Заявлять я сразу не пошла, ибо спешила на работу в ночную смену. Сегодня утром пришла с ночной, вместе с матерью сходили на Ст. Московскую, узнали, что Николай Тюшков там действительно живет в доме № 22. Личность я его раньше видела и хорошо запомнила во время изнасилования."

Таков вкратце первоначальный рассказ Маруси.

Итак: возвращалась с огорода одна, темным вечером, встретила незнакомого парня. Он настолько незнаком, что для того, чтобы его разыскать необходимо описать его приметы — он в костюме, под пиджаком белая рубашка, волосы русые, среднего роста. Он насильно тащит в парк, я вырываюсь, кричу, он уносит в кусты и там творит страшное надругательство. Кто он, как его зовут, как его фамилия — я не знаю — он об этом мне рассказал лишь по дороге домой; я его хорошо запомнила во время изнасилования. Но правильно ли он назвал свое имя, фамилию? Правильно ли указал адрес? Для того, чтобы проверить все это мы утром с мамашей отправились на Ст. Московскую и удостоверились, что сказал он правильно. Лишь после этого пошли заявлять в милицию. Жуткая, страшная картина!

Замечу, что помимо ряда неточностей в рассказе (а это, наверное, заметили уже и вы) Маруся здесь упускает и одну довольно важную деталь — что она шла на огород и с

огорода не одна, а с ней находилась еще маленькая шестилетняя дочь соседки, Нагорнова Танечка. Но может быть все эти неточности результат небрежной записи следователя? Может быть случайно забыла Маруся о Танечке? Об этом я расскажу позже. А сейчас перевернем следующую страницу дела. Опять протокол допроса Маруси Головановой:

“Пошла на огород. Пробыла там примерно с час. Выполнила две грядки капусты. Пошла домой. Дошла почти до железнодорожной линии, попался навстречу парень. Был он без головного убора, волосы русые, зачесаны назад. Одет в коричневый костюм, в белой рубашке, лицо круглое, широкое. Я его ранее видела раза два. Он мне сказал: “Здравствуй, Маруся!” Откуда он знает, как меня зовут, я не знаю. Пригласил гулять. Я ответила, что работаю ночь, не могу. А он мне ответил, что вы ночь, а я все время день, и стал опять звать. Я не шла. Тогда он взял меня за левую руку и повел к пруду. В этот момент я не сопротивлялась, шла с ним. Прошли примерно метров 150. Дальше я сказала не пойду, но он схватил меня и т. д. Я ему кусала губы и подбородок... Когда шли домой я ему говорила: “что ты сделал”, “что же мне теперь делать”? Он сказал, что я на тебе женюсь, буду с тобой дружить, ведь мы живем рядом. Будем жить у меня — у меня только мать и сестра. Он назвал свою фамилию и имя, сказал, что проживает на Ст. Московской. Когда подошли к дому мать заметила у меня на кофточке кровь. Спросила, но я матери ничего не сказала, переоделась и ушла на работу.”

Итак, картина все еще довольно мрачная, но уже намечаются некоторые просветления: шла с огорода. Встретила незнакомца. Опять тщательно рисуется его портрет: коричневый костюм, белая рубашка, лицо круглое, широкое, волосы русые и т. д. Я его не знаю. Откуда он знает мое имя — не понимаю. Предлагает пройтись. Метров 150 я уже иду добровольно, дальше отказываюсь. Но он неотступен и уносит к березке. Надругался. Но есть утешение — по дороге домой он обещал жениться, назвал свое имя, фамилию, сказал где живет. Наутро с мамашей все это проверили.

Не будем слишком придирчивы к некоторым неточностям и в этом рассказе Маруси, объясним их ее глубоким потрясением и пойдем дальше. Замечу лишь, что по-прежнему Маруся забыла о единственном, хотя и маленьком

свидетеле ее встречи с незнакомцем — девочке Танечке. А если это не забывчивость, то почему так тщательно скрывается и маскируется присутствие Танечки?

Объяснить это я постараюсь несколько позже. А сейчас перевернем следующую страницу дела. Вновь протокол допроса Маруси Головановой. Тут уже следователь ставит вопрос прямо: "Знали ли вы Тюшкова ранее?" Ответ: "Примерно в конце июня или в начале июля я поехала со своей подругой Валей Коробовой в сад Автозавода. Танцевали. Он танцевал с Валей. Часов в 11 мы решили ехать домой и Николай, как его назвала Валя, поехал с нами. Вопрос: "Почему сразу не заявили о случившемся?"

Ответ: "Он обещал жениться. Я ему не верила. Если бы он предложил мне жить сейчас я дала бы согласие, если бы расписался в загсе". Итак: Николай оказывается мне немного знаком. Если бы он "предложил мне жить", я бы согласилась, если бы "расписался в загсе". По-прежнему и в этих показаниях Маруси отсутствует Танечка. Почему? Об этом, как и обещал, я расскажу позже.

Но, может быть, Маруся не точно передает события? Может быть, следователь неточно записал ее рассказ? Тогда послушаем мать Маруси — Голованову Анну, которой, конечно, дочь чистосердечно рассказала о случившемся. Для этого перевернем еще одну страницу дела:

"Вечером часов в 20-ть, моя дочь ушла на огород. Ушла она одна (а где же Танечка?) Потом смотрю — уже темно, а дочери все нет и нет. Я стала беспокоиться и одна пошла в парк к огороду. Там никого не было. Я покричала, но ответа никто не подал. Я возвратилась домой. Дома ее тоже нет. Тогда я пошла к огороду вместе со снохой. Кричали, но никто не отозвался. Пришли домой, но дочери все нет. Мы опять собрались уйти, только вышли из дому нам навстречу из-за угла вывернулась пара. Он увидел нас и ушел. Мы его не видели (я особенно, товарищи судьи, акцентирую ваше внимание на этом обстоятельстве — "мы его не видели"). На кофточке у дочери я заметила кровь. Я спросила у нее отчего это, но она мне ничего не ответила, переделась и быстро ушла на работу. На следующее утро дочь мне рассказала, что она шла,

встретила незнакомого парня и т. д. По дороге домой он назвал ей свою фамилию и имя.

Из этого рассказа мы опять устанавливаем одно важное обстоятельство: Маруся находилась в парке с незнакомцем довольно продолжительное время — во всяком случае за это время мать успела переволноваться, сходить на огород, покричать, возвратиться домой, снова сходить, со снохой уже, на огород, покричать, поискать, возвратиться опять домой, переволноваться, собраться в третий раз... Тут только и появилась Маруся. Никаких криков Маруси ни мать, ни сноха не слышали. Точно также как не слышала Маруся их криков, хотя, как мы видели, от места происшествия огород находится примерно в 120-ти метрах.

Рассказала Маруся о случившемся матери точно так же, как рассказала впоследствии следователю. Итак: никаких неточностей в ее рассказе нет.

Перевернем еще одну страницу дела. Здесь мы сталкиваемся с исключительно интересным фактом. Показывает сноха — Голованова Елена: пошли на огород, кричали, волновались. Собирались вновь идти, когда увидели ее. "Когда Маруся входила в калитку, мать заметила у нее кровь, она спросила дочь, мол почему у тебя кровь? Маруся ответила, что ... нос разбила" (!) Исключительно важная деталь! Именно поэтому я позволю себе забежать несколько вперед. Свершилось дикое насилие! Убитая горем девушка возвращается домой. Она совершенно разбита и нравственно и физически. И когда на вопрос матери откуда у тебя кровь? — она ничего не отвечает — мы ее понимаем. Не до этого ей. Но когда после свершившегося на вопрос матери у девушки хватает сообразительности оправдаться — "нос разбила", когда вместо слез и отчаяния она идет на ложь — только бы притупить бдительность матери — что и говорить, ее поведение для нас более чем странно! Чем же его объяснить? Об этом я опять таки расскажу дальше. А сейчас перевернем еще одну страницу дела и обратимся к показаниям подруги Маруси, Вали Коробовой. Они представляют для нас особый интерес: "примерно за неделю до происшествия мы с Марусей ездили в Автозаводской сад. Там мы познакомились с парнем. Зовут его Николай, фамилия Тюшков. Я его знала давно — он работает у нас на заводе. Я танцевала с ним. Потом все вместе поехали домой. Дошли до дома Головановой. Он спросил: "кого из вас проводить?" Я сказала, что меня не надо, т. к. я живу

рядом. Я ушла, а они остались возле ее дома. Долго ли они стояли я не знаю. На другой день я встретила его, а он говорит: “Зачем ты соврала, что живешь на Задней рабочей, ведь ты живешь на Стрелецкой в бараках”. Я сразу подумала, что ему об этом Голованова сказала. Я ее спросила, зачем она ему рассказала, где я живу, а она сказала, что он спросил. “Мы с ним, — сказала она, — подходили к вашему барaku, но у вас уже света не было”. Показания, переоценить значение которых чрезвычайно трудно! Известный незнакомец оказывается довольно известным соседом. С ним познакомилась за неделю до памятных событий в парке. Он был настолько корректен, что проводил домой... А если мы еще несколько забежим вперед и вспомним показания Коробовой в зале суда, что она, как правило, по возвращении из сада ужинает и лишь после того гасит свет и укладывается спать, то мы сможем сделать вывод, что в этот вечер Маруся с молодым человеком оставалась довольно долго. Во всяком случае за это время ее подруга успела дойти до Стрелецких барakov, поужинать, погасить свет и улечься спать...

На следующих страницах дела располагаются акты медицинских освидетельствований и исследований. Из них Вы видите, что, за исключением небольшой царапины на подбородке, никаких иных следов борьбы на теле Тюшкова не имеется. Из них усматривается, что у гр. Головановой действительно имел место половой акт, приведший к лишению девственности, но и что у нее, за исключением небольшой царапины в нижней трети левого бедра — тоже никаких следов борьбы и самообороны не имеется. Из них явствует, что на белье Головановой и Тюшкова обнаружены пятна крови и спермы. Совсем не случайно, что при таких обстоятельствах уже на следующей странице появляется постановление следственных органов о прекращении настоящего дела. Отметим в скобках, что уже в то время следственные органы, по сути, располагали всеми теми доказательствами, которыми располагаем и мы сейчас.

Что означало настоящее постановление для “потерпевшей” мы, конечно, понимаем: дело получило огласку, “наильник” не наказан, честное имя запятнано. Короче: жизнь исковеркана!

Копию постановления о прекращении дела Маруся получила 8 сентября, о чем имеется в соответствующем документе ее роспись, и в тот же день отправила она письмо

на имя "Начальника МГБ", которое хранится на следующих страницах дела. Я имею в виду листы дела 44-48. Жизнь разбита! Надо во что бы то ни стало добиться наказания насильника! И тут уже не до выбора слов, фраз, выражений, не до утайки, сокрытия того, что ранее так тщательно маскировалось. Мы внимательно читаем это письмо:

"Я решила вечером пойти на огород. Выйдя из дома я увидела девочку соседки, лет 6, имя ее Таня и взяла ее с собой. (Наконец то появляется Танечка!) Я копала на огороде, а она рядом собирала цветы. По дороге домой со мной повстречался мой знакомый сосед — Тюшков Николай. При встрече я окликнула его "Николай", а он мне в ответ — "Маруся" (теперь уже не он первый окликнул, а она!) Он сказал, что мне очень нужно с тобой поговорить. Я ответила, что спешу на работу. Он просил погулять, обещал проводить на работу. Я не соглашалась. Он постоял, попросил проводить девочку, что была со мной. Я сказала Тане, чтобы она пошла домой, и она убежала (мы уже начинаем догадываться почему так старательно скрывалось присутствие Тани. Оказывается, сосед не просто схватил и насильно увел в парк, а ты дала согласие прогуляться с ним и даже отправила домой мешавшую девочку. Но красноречивее об этом расскажет сама Танечка). И дальше Голованова гневно восклицает: "Неужели любой сосед согласится на такое хулиганство? И при том близкий сосед (!!)" (Вспомним первые рассказы Маруси о встрече с совершенно неизвестным мужчиной). "Я билась с ним, что было у меня сил. Кусала, била его, два раза сбрасывала с себя в сторону (а в судебном заседании — уже до пяти раз!). С ним я боролась, не щадя ничего, и не знаю чья кровь оказалась на моей кофте и его рубашке. Боролась с ним до последней силы. На следующий день пошли с матерью на Ст. Московскую. Повстречали его сестру Нину. Я ее хорошо знаю со школьной скамьи и "мы часто с ней в войну ходили на танцы" (оказывается знаком не только Николай, но и хорошо знакома сестра его, Нина. С ней вместе учились в школе, ходили на танцы)". И далее: "Он хорошо меня знает. Мы познакомились за неделю до этой встречи в парке. Там мы танцевали, качались на качелях. Я его раньше часто видела на танцах. Он танцевал с моей сестрой. Она его знает ранее меня" (значит не только я знаю его сестру, но и знает его хорошо моя сестра).

Итак мы начинаем замечать резкие изменения в картине: вечером встретила Маруся близкого соседа, хорошо

знакомого, и ушла с ним гулять в парк. Что там произошло мы еще пока ответить не можем.

Перевернем еще одну страницу дела — это протокол допроса Маруси от 31 марта 1952 г. Мы не будем на нем подробно останавливаться, ибо он в основном повторяет ее письмо. Интересна лишь здесь следующая деталь: рассказывает Маруся о том, как после свершившегося она возвращалась с Николаем домой. "Я заметила, — говорит она, — у него на лице кровь, а у себя на кофточке с правой стороны около груди я тоже заметила кровь. Я очень перепугалась. (Почему?) Оказывается, "кровь на своей кофточке я обнаружила около своего дома". Характернейшая деталь! Я опять позволю себе забежать несколько вперед. Свершилось жуткое надругательство! Опозорена, обесчещена девушка! И когда она говорит, что свет ей стал не мил, что она шла и помышляла лишь о том, чтобы покончить собой — мы охотно ей верим. Но вот она говорит, что подходя к дому заметила у себя кровь и перепугалась. Почему? Потому, что дом близок, встретит мать, увидит кровь, начнутся расспросы и проч. — ну и чего же пугаться? Ведь свершилось страшное, кошмарное, жуткое преступление! Куда уже после этого дальше пугаться?! Мы помним показание здесь, в судебном заседании, снохи — Головановой Елены. Улица, где они проживают, ярко освещена. В этот вечер на скамейках у дворов сидело много людей. Казалось бы крикни — и любой из них отзовется на зов твой и задержит преступника. Но Маруся не только не хочет его задержать, а наоборот, очень обеспокоена, испугана тем, как бы мать не проведала о происшедшем. Насколько все это естественно — вы сами можете судить.

Есть в этом протоколе и еще одна любопытная деталь. Как известно, Маруся давала эти свои показания 31 марта 1952 года, т. е. спустя довольно продолжительное время после свершившегося. За это время, как мы знаем, Тюшков уже успел жениться, обзавестись семьей. Об этом Маруся знает хорошо. Как же относится она к этому факту? Безразличен ли он ей? — Посмотрим. Следователь тоже этим заинтересовался и спрашивает: "А вы, Голованова, согласились ли бы за него замуж выйти?" И отвечает Маруся: "Замуж я бы за него ни за что не пошла, так как он меня публично оскорбил, причинил мне такое горе, навеки сгубил" и т. д., и т. п.

Итак, пока Тюшков свободен, не женат, и имеется реальная возможность, для того, чтобы он женился — Маруся рассуждает: “Если бы он предложил мне жить сейчас, я дала бы согласие, если бы расписался в Загсе” (мы эти показания не забыли), а вот когда он уже не свободен, у него жена, семья, и никакой реальной возможности для женитьбы нет — “я ни за что бы за него замуж не пошла”! Верно, правильно! Ничего иного уже теперь говорить и не остается!

Перевернем еще одну страницу и увидим протокол допроса матери Маруси, а вслед за ним и протокол предъявления ей для опознания Тюшкова.

Дело прекращено. “Насильник” избежал кары. Дочь опозорена. Надо помочь ей восстановить поруганную честь. Помочь во что бы то ни стало! И мать показывает: “Маруся ушла на огород. Долго не возвращалась. Волновались. Ходили на огород. Кричали, но был сильный ветер и он относил наш крик (вспомним показания снохи, Головановой Елизаветы, вспомним показания самой Маруси о том, что стоял теплый тихий вечер)”. К дому подошла Маруся под руку с парнем. Я спросила, отчего на кофточке кровь. Она ничего не ответила. Он стоял рядом и закрывал лицо рукой. “Но как он не закрывался, но рассмотреть его личность мне удалось”. Был он в кепи. Я его могу опознать. (Вспомним первый допрос матери: “Нам навстречу из-за угла вывернулась пара. Он увидел нас и ушел. Мы его не видели”). Матери предъявляют Тюшкова для опознания, предъявляют чуть ли не спустя год после известных событий, и она его безошибочно опознает: “Это он. Я его точно опознаю. Он был в такой же серой кепи” (!?).

Я не присутствовал при этом опознании, но по-видимому, при этом ответе у следователя возник тот же недоуменный вопрос, какой возникает и у меня сейчас (ведь мы хорошо помним несколько показаний Маруси, где она рассказывала, что встретившийся ей парень был без головного убора): “позвольте, но ведь он, кажется, был без кепи?” Мать и здесь находится: “Да, конечно, когда он подходил, то был без кепи, а когда уходил, то из пиджака, из кармана вытащил кепку” (?) К счастью, кепи эта лежит сейчас перед нами. И прекрасно мы понимаем, что ни в какой карман она не влезет, да и незачем ей там находиться. Если ее и берут с собой — то носят на голове, а не в кармане. Помимо этого мы еще не забыли и того, что по рассказу Маруси Николай

снял с себя пиджак, бросил его на землю. Никакой кепи она у него не видела.

Мне хотелось бы еще раз повторить, что мы не в претензии к Головановой Анне за эти ее показания. Мать — есть мать. Мы вполне понимаем, что и для дела существенного значения показания эти не имеют. Но остановился я на них лишь для того, чтобы лишний раз подчеркнуть отношения ее к настоящему делу. О чем это говорит — я расскажу позже. А сейчас перевернем еще одну страницу: показания Тани Нагорновой, той самой Тани, присутствие которой при свидании столь долго скрывалось.

“Тетя взяла меня на огород. Когда шли с огорода повстречались с дядей. Он сказал: “Здравствуй, Маруся”, а она: “Здравствуй, Коля”. Дядя велел меня отправить домой. Тетя проводила меня через полотно железной дороги и вернулась к дяде, который стоял по другую сторону линии”.

Показания, переоценить значение которых очень трудно! Но, может быть, Таня забыла, показывает неточно? Может быть, она что-нибудь искажает? Может быть, не всегда “устами младенца глаголит истина”? Послушаем, что говорит мать Тани — Нагорнова Александра, показания которой находятся на следующей странице: “Дочь ушла. Мы очень беспокоились. Долго ее искали. Впоследствии мне дочь рассказала, что когда возвращались с огорода, то повстречались с дяденькой. Его Маруся окликнула. Он подошел и велел меня отвести, что Маруся и сделала, отвела меня до дому, а сама пошла в парк туда, где остался этот дяденька.”

Итак: Танечка показывает правду.

Вот теперь для нас уже становится понятным, почему так долго и упорно скрывалось присутствие Тани, почему так неохотно говорила Маруся о ней впоследствии.

Оказывается, дядя не насильно увел Марусю в парк. Оказывается, Маруся по доброй воле пошла с ним, предварительно отправив домой девочку. Оказывается наконец, Маруся не просто сказала девочке: “иди домой” и та убежала (а она рассказывает, что это было именно так), а Маруся проводила Танечку через полотно железной дороги, а сама потом возвратилась обратно в парк, где ее поджидал дядя.

Что и говорить. Было отчего бояться этой крохотной свидетельницы!

Мы подошли к концу нашего путешествия по страницам этого удивительного дела. Теперь уже смело мы можем подвести некоторый итог. Не одна, а две картины, причем резко отличные друг от друга, вырисовываются перед нами. Одна — это та, которую нам нарисовала Маруся Голованова в своих первичных показаниях. Вторая — та, которую с большим трудом нам удалось восстановить. В этой, последней, нет уже встречи с таинственным незнакомцем, нет насильного увода в парк, нет жгучих переживаний за загубленную молодость...

Тщательный анализ, проделанный нами сегодня, дает нам возможность довольно правильно восстановить события этого памятного августовского вечера:

10 августа 1951 г., около 9 часов вечера, возвращаясь с огорода, повстречала Мария Голованова своего близкого знакомого. На его предложение прогуляться в парке она ответила согласием и, проведив через полотно железной дороги находившуюся с ней девочку Таню, возвратилась обратно в парк. В парке со своим знакомым Маруся пробыла довольно длительное время, во всяком случае достаточное для того, чтобы оставить в нем свою девственность... А затем он проводил ее до самого дома. По дороге домой предлагал ей дружбу, обещал жениться.

Вот и все, что пока нам известно. Картина, как мы понимаем, имеет еще значительный изъян: нам известны обстоятельства встречи, нам известно к чему это привело, нам известно расставание. Но каким образом все свершилось? Как? Насилие или добровольное согласие? Это основной и решающий вопрос дела. И для того, чтобы дать на него ответ, необходимо теперь тщательно взвесить все "про" и "контра", все "за" и "против". Тогда, и только тогда, мы не ошибемся и найдем правильный ответ на этот коренной вопрос дела.

Что же говорит о том, что в данном случае имело место изнасилование? Каковы улики "за" изнасилование?

Это, во-первых, — показания самой Марии Головановой.

Это, во-вторых, — безмотивное отрицание Тюшковым знакомства с Головановой, в то время, когда факт этот довольно определенно установлен. Вот и все.

Что же говорит о том, что в данном случае имело место добровольное согласие? Каковы данные "против" изнасилования?

Это, прежде всего, утверждение судебной медицины о невозможности изнасилования одним мужчиной одной женщины. Проф. Авдеев прямо говорит, что "при приблизительно равном физическом развитии возможность изнасилования женщины одним мужчиной маловероятна, если только женщина не была вынуждена к этому угрозами, боязнью за свою жизнь" (Авдеев, "Судебная медицина", стр. 442). Мы хорошо помним, что Голованова ничего не говорила о том, что по отношению к ней были применены какие-либо угрозы, запугивание и т. п. Тюшкову — 30 лет. Головановой — 27 лет. И мы не заметили, чтобы Тюшков по своему физическому развитию резко отличался от Головановой. Во всяком случае товарищ эксперт дал свое заключение по поводу того, что Голованова физически развита нормально. "Упорное сопротивление женщины, — говорит далее проф. Авдеев, — обычно оказывается достаточным, чтобы один мужчина не был в состоянии совершить полового сношения. Известны случаи, когда женщина оказывала упорное сопротивление не одному, а нескольким насильникам" (там же стр. 442-443).

Проф. Попов идет еще дальше и утверждает: "большинством судебных медиков этот вопрос (имеется в виду вопрос о возможности изнасилования одним мужчиной одной женщины) решается отрицательно и не только в тех случаях, когда силы мужчины и женщины приблизительно равны, но и когда нападающий несколько сильнее" (Попов, "Судебная медицина", стр. 456). Иных точек зрения на данный вопрос наша медицина не знает.

Следовательно, об отсутствии в данном случае изнасилования говорят заключения судебной медицины.

Об отсутствии изнасилования говорит и то обстоятельство, что как на теле Головановой, так и на теле Тюшкова не имеется, по сути дела, никаких следов насилия и борьбы. Правда, в процессе предварительного следствия экспертиза дала заключение, что царапина, имеющаяся на лице у Тюшкова причинена ногтем, но в судебном заседании товарищ эксперт уточнил и этот момент, совершенно правильно указав, что царапина эта могла получиться вследствие пореза любым режущим предметом. На теле же Головановой, как нам известно, обнаружена лишь одна

царапина на внутренней части нижней трети бедра. И больше ничего. Я позволю себе опять-таки обратиться прежде всего к мнению специалистов-медиков по этому поводу. Все они говорят о том, что обычно при изнасиловании (если только не было психического воздействия) на теле потерпевшей и насильника остаются следы происходящей борьбы. Проф. Авдеев указывает, что "при применении физического насилия, борьба происходящая между жертвой и насильником часто сопровождается оставлением повреждений как у потерпевшей, так и у насильника". И далее: "У женщины, подвергшейся изнасилованию могут быть обнаружены ссадины, кровоподтеки, иногда следы укусов зубами, а иногда и более тяжкие повреждения, в особенности в области половых органов" (Авдеев, "Судебная медицина", стр. 443). Проф. Попов также говорит об этом: "Ссадины и кровоподтеки на внутренних поверхностях бедер, в области половых органов, на внутренней оболочке преддверия влагалища довольно часто встречаются при изнасиловании... ссадины и кровоподтеки на шее, кистях рук, локтях, спине, вокруг рта и в других местах тела... также часто встречаются при изнасиловании" (Попов, "Судебная медицина", стр. 458).

Для того, чтобы получить ясное представление о характере и тяжести повреждений при изнасиловании, я позволю себе проиллюстрировать Вам акт судебно-медицинской экспертизы по делу, где была изнасилована некая гр. С. Изнасилована она была при аналогичных обстоятельствах. Акт экспертизы гласит, что при осмотре гр. С. у нее обнаружены следующие повреждения: "на шее несколько ссадин полулунной формы в виде отпечатков ногтей, вокруг рта, на верхней губе и на подбородке много таких же ссадин и царапин. Нижняя губа припухшая. Множество кровоподтеков на обоих предплечьях. Обширный кровоподтек в области левого локтевого сустава синевато-багрового цвета. Много кровоподтеков круглой формы на внутренней и передней поверхности обоих бедер размерами от 1 до 2 см. в диаметре и т. д., и т. п." Сравните все эти повреждения с той единственной царапиной, которая имеется на теле Головановой, и вы поймете, что расценить ее как "следы борьбы, сопротивления" — никак нельзя (а ведь мы уже знаем о том, каким должно быть сопротивление, чтобы преодоление его составляло элементы уголовного преступления — изнасилования).

Правда, нас пытались сегодня убедить в том, что следы борьбы могли быть не зафиксированы вследствие того, что Голованова подверглась освидетельствованию спустя четверо суток после указанного события. Вопрос этот сугубо специальный, и мы, естественно, поспешили заслушать мнение нашего уважаемого товарища эксперта по этому поводу. И мы хорошо помним его заключение: "нет, в течение четырех-пяти дней ссадины, кровоподтеки и их следы исчезнуть не могли. Они должны были остаться". Но доверять слепо заключению специалиста мы тоже не должны, вот почему я, разделяя всецело его заключение, хочу подкрепить его следующими соображениями. Дело в том, что ссадины и кровоподтеки являются видами механических повреждений. Ссадины представляют собой нарушение целостности верхнего слоя кожи, а иногда и глублежащего — соединительного слоя кожи. Кровоподтеки возникают при смещении кожи по отношению к подлежащим тканям, что сопровождается разрывами сосудов и последующим кровоизлиянием. Цвет кровоподтека позволяет судить о давности его возникновения. В первые часы он имеет цвет багровосиний, в ближайшие дни — буроватый оттенок и зеленоватое окрашивание. Позднее — желтоватый цвет и уже затем исчезает. Проф. Авдеев указывает, что мелкие кровоподтеки держатся дней 5-6, а более крупные — неделями и месяцами. Мне кажется, что изложенного вполне достаточно для того, чтобы подкрепить заключение, данное по этому вопросу в судебном заседании товарищем экспертом. Следовательно, следует прийти к выводу, что никаких следов борьбы на теле Головановой не имелось, ибо если бы они были, то это было бы зафиксировано в акте ее освидетельствования.

В своей речи товарищ прокурор пытался доказать, правда, что порой при изнасиловании может и не быть на теле потерпевшей и насильника следов борьбы. В подтверждение этой мысли он сослался на отдельные положения из "Настольной книги следователя" и даже процитировал их. Я тоже вполне разделяю возможность такого положения. Но вспомните рассказ Головановой о том, как она боролась, как сопротивлялась, вспомните ее утверждения о том, как насильник выкручивал ей руки, как калечил ее ноги и т. д. (а ведь на ней была одета коротенькая юбочка и легонькая кофточка с коротеньким рукавом), сопоставьте все это с актами освидетельствования, имеющимися в деле и говорящими об отсутствии следов насилия и борьбы, и вы неизбежно придете к выводу, что здесь все обстояло дале-

ко не так, и что в данном случае следов насилия и борьбы не могло не быть. Я, к сожалению, не имею под рукой "Настольной книги следователя", но кажется мне (если только мне не изменяет память), что если бы товарищ прокурор не выхватывал отдельные фразы из контекста, то несколькими строками ниже (*прокурор* с места: "выше") он прочел бы о том, что в подобных случаях обязательно должны оставаться следы насилия, т. е. прочел бы о том, что говорят и проф. Авдеев, и проф. Попов.

Таким образом, отсутствие следов борьбы также говорит не в пользу изнасилования. Об отсутствии насилия довольно красноречиво свидетельствует и осмотр места происшествия.

Мы убедились, что место это довольно людное, неподалеку находится клуб, санаторий, рядом проходит дорога, за прудом — жилой дом. Голованова указывает, что все свершилось примерно в 9, 10-м часу вечера, т. е. в то время, когда люди обычно идут и в кино, и из кино. Она говорит, что сильно кричала (мы помним ее показания о том, что примерно метров 150 "насильник" тащил ее, а она сопротивлялась, звала на помощь). Крика ее никто не слышал, хотя неподалеку не только санаторий, но и жилой дом, окна которых в этот теплый летний вечер, конечно, были распахнуты. Не откликнулась Голованова и на зов матери и снохи, хотя кричали они довольно громко, и мы имели возможность убедиться, что их крик с огорода Голованова не могла не слышать.

Не в пользу насилия говорит и тот факт, что и кофточка, и юбка, и проч. принадлежности туалета Головановой остались в совершеннейшей целости. Это обстоятельство подтверждает она сама, хотя и утверждает, что сопротивлялась отчаянно.

Против изнасилования говорит и довольно странное поведение и Головановой, и самого "насильника", в чем мы уже имели возможность убедиться и чему я посвятил значительную часть своей речи.

Голованова дает согласие идти в парк с малознакомым парнем. Она отсылает домой мешавшую их встрече девочку Таню. Она не откликается на крики матери и снохи. Она довольно значительное время находится в парке с "насильником". Она по дороге домой не пытается предпринять никаких мер для задержания насильника, хотя к этому

имеются все возможности. Она пытается скрыть от матери происшедшее, убеждает ее в том, что кровь на кофточке появилась вследствие того, что она "нос разбила". Она не прочь выйти замуж за насильника, если только "он в загсе регистрируется", и болезненно переживает его женитьбу (теперь она бы уже "ни за что не согласилась бы выйти за него"). Она не спешит сделать заявление о насилии в органы милиции, ибо "торопится на работу", и делает это заявление лишь на следующий день. Наконец, она чрезвычайно непоследовательна и нечистосердечна в своих показаниях, в чем мы уже имели возможность убедиться. Такова Голованова.

Довольно странно (по ее рассказу) ведет себя и "наильник". На виду у всех и вся тащит он насильно свою жертву в парк. Она кричит, сопротивляется — но ему все ни по чем, он ничего не боится! Протащив ее метров 100, он хватает ее на руки и несет метров 45 — а она все кричит... он совершает дикое насилие, и после этого не убегает, не скрывается — нет! он берет ее под руку, провожает и говорит о дружбе и женитьбе. И ведет он домой ее не какой-нибудь глухой тропой, не какой-нибудь окольной дорогой, а по ярко освещенной улице, где у каждого двора на скамеечках отдыхают соседи, по улице, где живут родители и родные потерпевшей. Он подводит ее к самому дому и чуть ли не сталкивается с матерью "жертвы" своей. Что и говорить — отчаянный, должно быть, человек! Таков Тюшков в описании Головановой.

Вы, товарищи судьи, люди, умудренные житейским опытом, и мне незачем убеждать вас в том, что не так ведут себя ни потерпевшая, ни насильник.

Об отсутствии изнасилования свидетельствует, наконец, и характеристика подсудимого, его прошлое, которое не дает нам оснований предполагать, чтобы он был способен на подобное преступление. Недавно демобилизовавшийся воин Советской Армии, ныне слесарь-стахановец Автозавода, Тюшков не относится к той кате гории мужчин, которые страдают по девичьей ласке и не могут ее найти, которые томятся мечтами о знакомстве с привлекательной девушкой и не знают как его осуществить, которые вследствие всего этого порой готовы на вся и все, лишь бы утолить свой любовный пыл. Нет, Тюшков не таков! Вдумчивый и бесхитростный, он очень прост и общителен. Любит работать, но и не прочь погулять. Он постоянный

посетитель танцевальных площадок и слывет на Красном Перекопе "первым танцором". Не зря говорят девушки, когда заходит Тюшков в клуб: "танцор пришел!" Внешностью он тоже не обижен. Очевидно, что Тюшков имел много знакомых девушек и никогда не терзался проблемами знакомства. Очевидно, что и девушки неплохо относились к нему (мы помним показания некоторых из них и, в частности, и самой Головановой, и ее подруги — Вали). Не вызывает сомнения, что, если у Тюшкова и возникла бы потребность в удовлетворении своей страсти, то он имел все возможности к тому, чтобы удовлетворить ее иным способом чем тот, о котором нам рассказывает Голованова. Я не мыслю себе, чтобы Тюшков, имеющий множество знакомых девушек, снискавший себе славу первого танцора (а мы знаем, что это значит для девушек) вдруг схватил первую попавшую малознакомую девицу, ничем особенно внешне не отличавшуюся от других, и учинил над ней насилие. Правда, мне могут возразить, что Тюшков уже однажды сидел на скамье подсудимых, что в свое время он был осужден по ст. 162 п. "г" УК. Да, это так. Но мы знаем, что он был осужден уже довольно давно, в юности и осужден был за то, что похитил на производстве, где он работал, несколько штук электролампочек. Не вызывает сомнения, что указанное обстоятельство ни в коей мере не может повлиять на дело рассматриваемое ныне. Прошлое Тюшкова свидетельствует о том, что не только за подобное преступление, но и ни за какое иное преступление, связанное с насилием, он никогда к ответственности не привлекался. Таков Тюшков в действительности.

Попробую подвести итог сказанному.

Итак, "за" изнасилование говорят:

- 1) показания Головановой,
- 2) безмотивное отрицание Тюшковым факта знакомства с Головановой.

"Против" изнасилования свидетельствуют:

- 1) утверждение судебной медицины о невозможности изнасилования одним мужчиной одной женщины;
- 2) отсутствие всех и всяких следов борьбы и насилия, как на теле потерпевшей, так и на теле насильника;

- 3) время и место происшествия;
- 4) абсолютная целостность принадлежностей туалета Головановой;
- 5) весьма странное и необычное в подобных случаях поведение потерпевшей;
- 6) весьма странное и необычное поведение (по рассказу Головановой) насильника;
- 7) непоследовательность и нечистосердечность показаний потерпевшей; и, наконец,
- 8) характеристика и прошлое подсудимого — Николая Тюшкова.

Вот все "за" и все "против"!

Положите их на чаши весов, взвесьте с помощью здравой логики и вашей житейской мудрости, и вы убедитесь, что чаша весов с обстоятельствами "против" — перевесит. Мне же к сказанному добавить уже нечего, и думаю я, что теперь уже мы смело можем дорисовать тот пробел, который еще был в нашей картине. Сколько в тот вечер было жарких объятий, сколько было страстных поцелуев — сказать мы не можем, но для нас ясно одно: не был омрачен тот вечер диким насилием и глумлением, именуемым в нашем уголовном кодексе изнасилованием. Так я понимаю это дело.

Но я понимаю и другое: даже согласившись с моими доводами, даже уже решившись подписать оправдательный приговор, вы можете сказать мне: "Ну, хорошо, товарищ адвокат. Вот вы говорите и все это у вас довольно складно (или не совсем складно) получается. Но объясните тогда, чем же вызвано в этом случае, если все обстояло действительно так, странное поведение Тюшкова, который не только не рассказывает об этом, но и вовсе отрицает свое знакомство с Головановой? Почему и она, Маруся Голованова, если все обстояло действительно так, поспешила на второй день сделать заявление в органы милиции, несмотря на то, что накануне получила заверение в женитьбе? Почему сделала это заявление, не удосужившись даже прежде переговорить с Тюшковым и выяснить его действительные намерения? Эти два вопроса обязательно, неизбежно должны возникнуть у вас, и я понимаю, что вы не подпишете оправдательного приговора, пока не получите на них надлежащего ответа. Вот почему я позволю себе

высказать свое мнение и по этому поводу. Чем объяснить странное отрицание Тюшковым знакомства с Головановой?

В нашей памяти еще довольно свежи волнующие показания здесь, в судебном заседании, жены Тюшкова — Карулиной Симы. Сколько в них любви, сколько веры в верность Николая! Она дружила с ним до замужества около полутора лет. Работала она на телеграфе, и ежедневно приходил он к ней на работу и по несколько часов ждал, пока она кончит смену, чтобы проводить ее домой. “Люди, — говорит она, — смотрели со стороны и завидовали нашей дружбе, нашему счастью”. “Я желаю каждому, — говорит она, — чтобы он так дружил, как дружили мы с Николаем”. К тому времени, к которому относятся события настоящего дела, у Николая уже была полная договоренность с Симой о женитьбе. В тот злополучный день они уже вместе ходили в магазин — купили свою первую вещь в совместном хозяйстве — никелированную кровать. Итак, он накануне свадьбы. Впереди — светлая жизнь с любимой девушкой... а вечером этого же дня случайная (а может быть и не совсем случайная) встреча с Головановой. А на утро, будучи на работе, он был арестован и ему было предложено сознаться в изнасиловании Головановой. Все это было очень внезапно, очень неожиданно! Что означало для него признание связи с Головановой, мы прекрасно понимаем: это стыд перед любимой девушкой, это вскрывшаяся измена (и когда?) накануне свадьбы!, это потеря семейного счастья, потеря любимой... Мог ли он пойти на это? Конечно, нет. Вот почему на вопрос следователя он ответил голым отрицанием всех и вся. А показав сначала так, он уже до конца придерживается избранной линии. Этим, и только этим объясняется его поведение.

Но чем же объясняется столь поспешное заявление Головановой, почему она сделала это, не переговорив даже с Тюшковым?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам надлежит несколько возвратиться назад и вспомнить некоторые подробности этого дела.

...Маруся долго не возвращалась домой, мать много переволновалась и несколько раз выходила на ее поиски. И вдруг она, ушедшая на огород одна, возвращается обратно с незнакомым парнем. Состояние Маруси нам всем понятно, как понятно то, что вполне спокойной она в этот вечер быть не могла. А тут еще мать заметила у нее на

кофточке кровь. “Что это? откуда кровь?” — нос разбила, ответила растерявшаяся Маруся, а сама поспешила умыться и быстро переодевшись ушла на работу. Но разве можно обмануть материнское сердце? Разве можно его так просто успокоить? И после ухода Маруси мать внимательно осмотрела и оставленную ею кофточку, и оставленную ею юбку, перемазанную кровью с землей. И ее тонкое чутье и житейский опыт досказали ей все то, что пыталась от нее скрыть дочь. В эту ночь, наверное, уже не совсем спокойно спала мать. А в это время и дочь, работавшая в ночной смене, по-своему переживала случившееся: “что я наделала? зачем? для чего? ведь обманет!” А на утро, прижатая к стенке укорами матери, упала Маруся к ней в ноги и поведала обо всем. Но рассказ Маруси матери, в чем мы уже могли убедиться, это не рассказ раскаявшейся грешницы, а скорее рассказ грешницы оправдывающейся. И оправдываясь, рисует Маруся маме жуткую картину встречи с незнакомцем и грубого насилия. Она ни в чем не виновата! Это все он! Правда, кое-что облегчает положение: он по дороге домой назвал свое имя, фамилию, рассказал где живет, обещал жениться... но кто-кто, а мать хорошо знает цену таким обещаниям! Вот почему, удостоверившись в то же утро, что Николай Тюшков действительно проживает по указанному адресу и узнав, что дома его нет, что он ушел на работу, мать настояла на том, чтобы Маруся незамедлительно заявила о случившемся в милицию. Так возникло настоящее дело.

Есть еще одно обстоятельство, которое может заставить вас воздержаться от вынесения оправдательного приговора. Вы все время будете думать о том, как скажется это на потерпевшей, ведь обстоятельства дела настоящего получили большую огласку, и оправдательный приговор в той или иной степени, конечно, компрометируют заявительницу. А ведь Голованову Марию несколько раз вынимали из петли... Как вынесет она оправдательный приговор? Не наложит ли опять на себя руки?

Да. Как это не прискорбно, но все это так. Тяжело. Очень тяжело решать настоящее дело. Но, когда вы на одну чашу весов положите честь и счастье Марии Головановой, то не забудьте положить на другую — лишение свободы на 10-15 лет невинного человека, загубленную молодость, разбитую семейную жизнь и, наконец, счастье той, другой женщины — жены Тюшкова, заслужившей его не менее, чем Голованова.

Я кончаю. Не исключена возможность, что в душе вашей могут возникнуть еще и другие сомнения — уж такое это дело, — но тогда решите их так, как требует наш закон и, в частности, ст. 326 п. "б" УПК, т. е. в направлении наиболее человеколюбивом, в пользу человека, занимающего сегодня место на скамье подсудимых. Я прошу вынести Тюшкову Николаю Николаевичу оправдательный приговор.

Народным судом 2-го участка Красноперекопского р-на г. Ярославля Тюшкову Н. Н. был вынесен оправдательный приговор.

По протесту прокурора дело слушалось в Ярославском областном суде. Определением Судебной Коллегии по уголовным делам Ярославского Облсуда от 31 мая 1952 г. настоящий приговор был оставлен в силе, а протест Прокурора — без удовлетворения.

По протесту Прокурора РСФСР Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР пересмотрела настоящий приговор в порядке надзора и определением от 20 сентября 1952 года оправдательный приговор отменила, и передала дело на новое рассмотрение, указав, что при указанных обстоятельствах суд не имел оснований для вынесения оправдательного приговора.

Дело вновь слушалось в Народном суде 1-го уч-ка Красноперекопского р-на гор. Ярославля, который приговором от 13— 14 ноября 1952 года оправдал ТЮШКОВА.

По протесту прокурора дело слушалось в Ярославском областном суде. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Ярославского областного суда от 26 ноября 1952 года оправдательный приговор был оставлен в силе, а протест прокурора — без удовлетворения.

Дело Феди Новикова, осужденного за разбой и бандитизм

Член банды?

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР

Адвоката А. Л. Мове
г. Ярославль, ул. Кирова, д. 10/12, юрконсультация

По делу

Новикова Ф. С., осужденного по приговору Ярославского Облсуда от 8-11/II-1952 года по ст. 59-3 УК и ст. 2 ч. II Указа 4/VI-47 года*

Определением Коллегии Верховного Суда РСФСР от 8/II-52 года приговор оставлен в силе.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Вечером 6 ноября 1951 года, накануне праздника 34-й годовщины Октября, 18-ти летний слесарь Ярославского Автозавода — Федя Новиков зашел на квартиру к своему соседу Кононову (проживают они оба по ул. Радищева).

На квартире у Кононова Федя застал Зотина Эдуарда и Ратникова. Узнав в разговоре, что у Новикова имеется 25 рублей, Зотин Э. попросил угостить их всех водкой. Федя дал согласие, и все они направились в пивной ларек, расположенный неподалеку от дома.

В пивной Ратников заметил сильно выпившего гражданина и предложил его ограбить (не исключено, что Новиков был поставлен в известность об этом).

* Статья 77 (бандитизм) и 146 (разбой) ныне действующего УК

Они все четверо вышли из ларька, а следом за ними вышел и этот гражданин (впоследствии оказавшийся гражданином Заседателевым).

Новиков пошел по направлению к своему дому и уже дошел до своего сарая, когда на Заседателева, находившегося примерно метрах в 70 — 80 от сарая, напали Кононов и Ратников, ограбили и, догнав Новикова, показали ему отобранные у Заседателева часы и деньги.

Ничего из награбленного Новиков не получил. Таковы обстоятельства этого дела.

Именно поэтому, касаясь вины Новикова, суд в приговоре зафиксировал, что он виновен в том, что (дословно)

“во время распития водки вечером 6/XI — 51 года в пивном ларьке согласился с предложением Ратникова об ограблении неизвестного гр— на... Как только Заседателев вышел из пивного ларька и направился по полю на Рубленный поселок, Ратников и Кононов сбили его с ног, закрыли руками глаза и подвергли ограблению... а затем все четверо в подъезде одного дома проверили награбленное”. (См. приговор, стр. 7)

Суд квалифицировал действия Новикова ст. 59-3 УК и ст. 2 ч. II Указа 4/VI-47 года и определил ему наказание в виде 15 лет ИТЛ. Верховный Суд РСФСР приговор оставил в силе.

Приговор и определение суда по делу Новикова Ф. С. не могут быть оставлены в силе и нуждаются в изменении.

1. Суд не имел никаких оснований к тому, чтобы квалифицировать действия Новикова ст. 59-3 УК (бандитизм)

В деле не имеется никаких доказательств тому, что Новиков являлся членом бандитской группы.

С этим обстоятельством согласился и суд в приговоре, когда записал (дословно):

“Подсудимые Зотин Э., Ратников, Кононов, Топчилов, Пархоменко, Вьюшина, Лавров, Фролов и Меньшиков, проживая на территории Рубленного поселка города Ярославля и состоя между собой в преступной связи, в период 1951 г., организо-

вались между собой в стойкую, вооруженную бандитскую группу и т. д.". (См. приговор, стр. 3)

Таким образом, суд зафиксировал, что из 12-ти подсудимых, проходящих по настоящему делу в состав банды входило лишь 9, а остальные 3-е, в том числе и Федор Новиков, в состав банды не входили.

Ограбление гр-на Заседателева, имевшее место вечером 6/XI-51 г. было произведено без применения какого бы то ни было оружия и характера вооруженного нападения не носило (См. приговор).

Таким образом, и это нашло отражение в приговоре, суд не мог расценить действий Новикова, как участие в каком-либо бандитском вооруженном нападении.

Никаких данных о том, что Новиков вообще знал о существовании банды и о производимых ею бандитских налетах в деле не имеется.

Подсудимый Зотин в судебном заседании показал:

"Новиков не был посвящен в наши ограбления".
(Протокол, л. 8).

Подсудимый Ратников:

"О наших грабежах Новиков ничего не знал" (См. замечания на протокол).

Подсудимый Кононов:

"О существовании банды Новиков ничего не знал". (См. замечания на протокол)

Ни в одном из показаний на предварительном следствии подс. Зотин, Ратников и Кононов так же не говорили о том, что Новиков принимал участие в каком— либо ограблении или, что Новиков знал о существовании банды (см. показания на предварительном следствии).

В своих показаниях в судебном заседании и во всех показаниях на предварительном следствии Новиков категорически утверждал, что о существовании банды он не знал (см. показания Новикова в суд. заседании и в процессе предвар. следствия).

Далеко не случайно, что и в приговоре ничего не сказано о том, что Новиков знал что-либо о проделках банды.

Таким образом, и это нашло отражение в приговоре, суд и по этому признаку не имел оснований к тому, чтобы квалифицировать действия Новикова ст. 59-3 УК.

Следовательно:

1. В состав банды Новиков не входил (см. приговор).
2. Ограбление гр-на Заседателява не носило характера вооруженного бандитского нападения (см. приговор).
3. О существовании банды и о том, что он принимает участие в одном из ее ограблений, Новиков ничего не знал (см. приговор).

Вывод: действия Новикова судом неосновательно квалифицированы ст. 59-3 УК.

Стремясь обосновать неправильную квалификацию действий Новикова ст. 59-3 УК, суд голословно утверждает в приговоре, что Новиков и др. пришли вечером 6/XI на квартиру Кононова, ибо имели накануне договоренность ограбить магазин в дер. Карачиха.

В судебном заседании ничего подобного установлено не было.

В процессе предварительного следствия было установлено, что подобную договоренность имели Кононов и Зотин Эд., а Новиков случайно зашел на квартиру Кононова.

В обвинительном заключении значитя:

“В 8 часов вечера 6/XI-51 года Зотин Э. пришел в квартиру Кононова, т. к. они имели намерение в этот вечер обворовать магазин в д. Карачиха. После прихода Зотина, в квартиру Кононова пришел Ратников, а затем пришел Новиков Федор” (см. обвинительное заключение, стр. 5).

В приговоре значитя:

“Вечером 6/XI-51 г. Зотин Э., Кононов, Ратников и Новиков собрались в квартире Кононова, т. к. имели (?) намерение в этот вечер поехать в д. Карачиха на ограбление магазина Сельпо” (См. приговор, стр. 6).

Никаких данных к тому, чтобы изменить формулировку обвинительного заключения суд не имел, и в этой части приговор нуждается в редакционном изменении.

2. Действия Новикова судом неправильно квалифицированы ст. 2, ч. II Указа 4/VI-47 г. (разбой)

Из приговора суда можно понять, что вина Новикова заключается в том, что он:

1. Дал согласие на ограбление Заседателява.
2. После того, как Ратников и Кононов ограбили Заседателява, Новиков вместе с ними рассматривал награбленное.

Какова же была роль Новикова в этом ограблении?

Что конкретно совершил он?

Чем помог ограблению?

Где он находился в период ограбления?

Ни на один из этих вопросов суд в приговоре не ответил (нарушение ст. 334 УПК и руководящего указания Пленума Верховного Суда СССР "О судебном приговоре").

А между тем освещение всех этих вопросов имеет большое значение для правильной квалификации действий Новикова.

Никто из подсудимых (Зотин Э., Ратников, Кононов, Вьюшина) ни в процессе предварительного следствия, ни в судебном заседании не говорили о том, что Новиков принимал какое-либо участие в ограблении Заседателява. (См. протокол суд. заседания и любое их показание в процессе предварительного следствия).

Никогда не признавал себя виновным в ограблении Заседателява и Новиков (см. протокол и любое показание Новикова на предварительном следствии). Не уличает в этом Новикова и Заседательев.

Все они показали:

Зотин:

"Вечером 6/XI я пришел в квартиру Коконова. Там был Ратников и Кононов, с которыми я ранее договорился обворовать магазин в д. Карачиха.

Потом пришел Новиков, которого я попросил угостить нас водкой. Он согласился. В пивном ларьке Ратников или Кононов предложили ограбить пьяного.

Побежали за ним Ратников и Кононов. Часы я взял себе, а на деньги Ратников и Кононов купили водку, которую мы втроем распили на следующий день, т. е. 7/XI, на квартире у Вьюшиной". (т. 2 л. д. 256 оборот).

Вьюшина:

"Действительно, краденую водку Зотин, Ратников и Кононов распивали у меня на квартире" (см. протокол).

Кононов:

"Инициатором ограбления был я. Новиков в ограблении не участвовал. При совершении ограбления Новиков был за сарайкой.

На деньги, ограбленные у Заседателева, мы купили водки и распили ее 7/XI на квартире у Вьюшиной" (см. протокол).

И далее:

"Во время ограбления Новиков уже был около своей сарайки, которая находится от того места, где мы грабили Заседателева, примерно метрах в 90.

Новиков водки с нами не распивал 7/XI, и мы его после 6/XI вообще больше не видели. Часы взял Зотин, а деньги пропили я, Зотин и Ратников" (см. замечания на протокол).

Ратников:

"Новиков в ограблении не участвовал. Когда мы грабили Заседателева, Новиков ушел от нас, а затем мы его догнали" (см. протокол).

И далее:

"Догнали мы Новикова около сарайки, которая находится примерно метрах в 120 от того места, где мы грабили Заседателева. Часы взял себе Зотин, а деньги пропили я, Зотин и Кононов. Новиков от ограбления ничего не получил. Мы его после 6/XI больше не видели" (см. замечания на протокол).

Заседателев:

“Меня ограбили на картофельном поле, когда я шел по направлению к дому.

От того места, где меня грабили, до сарая приблизительно метров 40” (см. замечания на протокол).

Следовательно:

1. О готовящемся ограблении Заседателява Новиков, возможно, знал.
2. Никакого участия в ограблении Заседателява Новиков не принимал.
3. О произведенном ограблении Новиков знал, ибо ему показывали часы и документы.
4. В период ограбления Новиков находился у сарая своего дома, т. е. примерно метрах в 70— 80 от места ограбления.
5. Ничего из награбленного Новиков не получил, что лишний раз свидетельствует, что участия в ограблении он не принимал.

Очевидно, что при таких обстоятельствах суд неправильно квалифицировал действия Новикова ст. 2 ч. II Указа 4/VI-47 года, ибо его действия целиком охватываются диспозицией ст. 3 настоящего Указа (недоносительство).

На этой же точке зрения стоит и наша судебная практика.

Так, Верховсуд СССР в определении от 5/1-49 года указывает:

“Лицо, осведомленное о преступлении, но не содействовавшее его совершению или сокрытию, не может нести ответственности за соучастие и в установленных законом случаях отвечает лишь за недоносительство”. (Суд. практика № 3, 1949 г., стр. 21).

Чем же обосновал суд подобную квалификацию?

И приговор Облсуда, и определение Верховсуда РСФСР ссылаются на то, что якобы в процессе предварительного следствия Новиков признавал себя виновным в ограблении гр-на Заседателява, а в суде безмотивно отказался от своих показаний.

Такое утверждение является явно неправильным и противоречащим материалам дела.

Показания Новикова, как в судебном заседании, так и в процессе предварительного следствия совершенно идентичны: он рассказывает о том, как Ратников и Кононов ограбили Заседателява и как впоследствии показали ему награбленное. Нигде и никогда Новиков не обмолвился о том, что он принимал участие в ограблении Заседателява.

Различие в показаниях Новикова на предварительном следствии и в суде заключается лишь в том, что на вопрос следователя: признает ли себя виновным, — Новиков ответил: да, признаю, — а на аналогичный вопрос судьи ответил: в ограблении виновным себя не признаю, признаю себя виновным в недоносительстве.

Новиков не юрист, и несправедливо от него требовать какой-то квалификации своих действий.

Важно одно: в рассказе по существу дела показания Новикова в процессе предварительного следствия и в судебном заседании абсолютно тождественны.

Таким образом, суд не имел никаких оснований к тому, чтобы обосновывать квалификацию действий Новикова ст. 2 ч. II Указа 4/VI-1947 года какими-то противоречиями в его показаниях.

Далеко не случайно, что при таких обстоятельствах и представитель государственного обвинения, дававший заключение при слушании дела в Верховном суде РСФСР, согласился с мнением защиты и тоже просил о переквалификации действий Новикова на ст. 3 Указа 4/VI-47 года.

— “ —

Федору Новикову 18 лет. Он окончил ремесленное училище и с 1949 года работал слесарем-сборщиком в цехе коробки скоростей Автозавода.

Производственные нормы выполнял на 150-180 %, за что был награжден Почетной грамотой Министерства Авто-тракторной промышленности СССР (см. характеристику, т. 2 л. д. 574-575 и почетную грамоту — прилагается).

С 1948 года является членом ВЛКСМ. Считался одним из лучших активистов цеховой организации (см. характеристику комсомольской организации, т. 2 л. д. 565).

Является сыном старейшего рабочего-штукатура Ярославской кордной фабрики, имеющего 50-летний стаж рабо-

ты, стахановца производства. (См. характеристику Новикова С. Ф., т. 2 л. д. 566).

Ранее не судим. Приводов в органы милиции не имел.

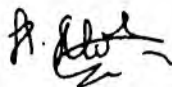
Просительный пункт

В силу изложенного прошу Вас истребовать настоящее дело из Ярославского Областного суда и в соответствии со ст. 16 Закона о Судостроительстве опротестовать приговор Облсуда и определение Верховного Суда РСФСР на предмет их изменения, переквалификации действий Новикова Ф. С. на ст. 3 Указа от 4/VI- 47 года и определения ему наказания, не связанного с лишением свободы.

Приложение:

1. копия приговора
2. копия определения
3. Почетная грамота
4. копии характеристик

Адвокат

(Мове)

17.04.52 г.

г. Ярославль

На эту и последующие жалобы были получены отрицательные ответы, после чего я решил написать жалобу от имени престарелого отца осужденного, который очень тяжело переживал обрушившиеся на него несчастья и крайне возмущался непробиваемостью бюрократов, присылающих отписки на наши жалобы.

Из досье адвоката

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР
ТОВ. САФОНОВУ**

От Новикова Сергея
Федоровича, проживающего:
г. Ярославль, ул. Радищева,
д. 6, кв. 3.

Уважаемый тов. Генеральный Прокурор!

К Вам обращается рабочий-штукатур Ярославской кордной фабрики. Я имею 50-ти летний стаж работы и, несмотря

на престарелый возраст, работаю на производстве, и выполняю нормы на 170-180%.

Я прошу внимательно отнестись к моей просьбе, ибо она касается моего единственного ребенка, моего 18-ти летнего сына Феди.

Тов. Генеральный Прокурор!

В прошлом году, накануне Октябрьских праздников, 6-го ноября, мой сын Федя, зашел к соседу по улице — Вадиму Кононову. Через некоторое время к Вадиму пришло еще двое ребят, и один из них, Зотин, узнав, что у Феди имеется 25 руб. (он накануне получил зарплату), попросили угостить их. Федя согласился, и они пошли в находящийся поблизости ларек.

В ларьке этом один из пришедших ребят, Ратников, заметил пьяного гражданина (Заседателя) и предложил его ограбить. Как только Заседатель вышел из пивного ларька, Ратников и Кононов сбили его с ног, закрыли руками глаза и забрали у него часы и деньги. Потом они догнали Федю, который ушел далеко вперед и подходил уже к сарайке своего дома, находящейся примерно в метрах 70-80 от места ограбления, и показали Феде награбленное. Ни единой копейки из награбленного Федя не получил.

Суд расценил действия моего сына, как бандитизм, как разбой и приговорил его по ст. 59- 3 УК и ст. 2 ч. 2 Указа 4/VI- 47 г. к 15 годам лишения свободы.

Тов. Генеральный Прокурор!

Я уже обращался во все судебные инстанции и везде получил отказ. По моей просьбе адвокат послал жалобу в Ваш адрес.

Начальник III отделения уголовно-судебного отдела тов. Суходолец ответил, что оснований к принесению протеста нет.

На этот ответ тов. Суходолец мною была подана жалоба лично Вам, на которую я получил ответ за подписью Нач. уголовно-судебного отдела т. Иванова, который я и прилагаю к своему письму.

Я обращаю Ваше внимание, тов. Генеральный Прокурор, на эти ответы тов. Суходолец и тов. Иванова. Ведь я обошел все инстанции, я обратился в последнюю, самую высшую — Прокуратуру Советского Союза, с единственной

и последней надеждой добиться правды. Так неужели же нельзя было отнестись более внимательно к жалобе старого рабочего-штукатура, неужели трудно было хотя бы взглянуть на дело, прежде чем дать ответ. Ведь это дело подробно изучал адвокат, он присутствовал при его рассмотрении — и он просил действия Феде квалифицировать ст. 3 Указа 4/VI- 47 г. (недоносительство).

Ведь это дело, по-видимому, тщательно изучал, присутствовал при его рассмотрении в Верховном Суде Прокурор Прокуратуры РСФСР тов. Бебутов — и он тоже просил действия Феде квалифицировать ст. 3 Указа 4/VI- 47 г.

Разве все это не подсказало тов. Суходолец и тов. Иванову, что не все ясно в этом деле?

Разве могли они не заметить, что для того, чтобы правильно ответить на эту жалобу — надо предварительно хотя бы взглянуть на дело?

Этого не сделал тов. Суходолец. Не сделал этого и тов. Иванов.

В своем ответе тов. Суходолец пишет, что "довод о том, что Новиков находился в 70-ти метрах от места преступления и что награбленное ему было показано уже после совершенного преступления — не может служить основанием к принесению протеста, т. к. судом установлено, что Новиков знал о существовании бандитской группы".

Итак, оказывается действия моего сына расценены как бандитизм лишь потому, что он знал о существовании банды.

Но чем это подтверждается? Кто сказал, что мой сын знал о существовании банды?

Об этом Суходолец не пишет.

Тов. Иванов поправил тов. Суходолец.

В своем ответе тов. Иванов указывает, что виновность Новикова доказывается его неоднократными признаниями на предварительном следствии и показаниями осужденных Ратникова, Зотина, Кононова и потерпевшего Заседателява.

Но неужели все эти лица или кто-либо из них утверждали, что Новиков знал о существовании банды?

Ни один из многочисленных свидетелей, ни один из подсудимых в судебном заседании этого не сказали. Нао-

борот, все подсудимые утверждали, что Федя ничего не знал об их проделках.

Ничего подобного не говорил в судебном заседании и Новиков.

Просмотрите внимательно все дело, перелистайте все его страницы — и вы не найдете ничего подобного и в показаниях подсудимых и свидетелей в процессе следствия.

Ничего подобного не говорил в процессе следствия и Новиков.

Как же можно утверждать подобное, как можно говорить, что “Новиков знал о существовании банды” (а ведь это основа основ всего обвинения Новикова) — не удосужившись даже сослаться на показания свидетелей или подсудимых?

Как можно утверждать подобное, ссылаясь на показания лиц, которые не только этого не подтверждают, а, наоборот, утверждают совсем противоположное?

Правда об этом пишется в приговоре, об этом пишется в Определении Верховного Суда. Но как же можно отвечать на мою жалобу утверждениями приговора и определения, тех самых приговора и определения, которые я обжалую?

В своем ответе тов. Суходолец пишет, что “до момента ограбления Заседателя Новиков вместе с участниками банды выпивал в ларьке...”

Итак, оказывается действия моего сына расценены как бандитизм потому, что он выпивал в ларьке с “соучастниками банды”.

Но чем подтверждается, что мой сын знал, что он распивает с “участниками банды”? Кто об этом сказал?

Об этом тов. Суходолец не пишет.

Тов. Иванов поправил тов. Суходолец.

В своем ответе тов. Иванов указывает, что виновность Новикова доказана его неоднократными показаниями на предварительном следствии и показаниями осужденных Ратникова, Зотина, Кононова и потерпевшего Заседателя.

Но неужели все эти лица или хотя бы кто-либо из них утверждали, что Новиков выпивал с “участниками банды”?

Наоборот, из дела видно, что Новиков выпивал не с “участниками банды”, а с ребятами — соседями, живущими неподалеку от нас.

Как же можно утверждать, что Новиков выпивает в ларьке вместе с “участниками банды”, не удосужившись даже сослаться на показания свидетелей, подсудимых?

Как же можно утверждать подобное, ссылаясь на показания лиц, которые ничего этого не подтверждают?

Как можно отвечать на жалобу утверждениями обжалуемого приговора?

В своем ответе тов. Суходолец пишет, что после ограбления Заседателева “Новиков так же принял участие в выпивке, где они пропили отнятые у Заседателева 170 руб.”.

Итак, действия моего сына расценены как бандитизм и потому, что он “принял участие в выпивке, организованной на деньги, отнятые у Заседателева”.

Но чем это подтверждается? Кто об этом сказал? Если в предыдущих случаях тов. Суходолец пишет голословно, без всякой ссылки на доказательства, то здесь он просто искажает факты.

Деньги, отнятые у Заседателева были пропиты на следующий день, т. е. 7-го ноября 1951 года. 7-го же ноября Зотин был арестован. Так записано и в приговоре. Деньги эти пропили Зотин, Кононов и Ратников на квартире у подруги Зотина — Вьюшиной. Никого из этих лиц мой сын после 6-го ноября не видел.

Все это подтвердили в своих показаниях в суде и в процессе следствия все указанные лица, т. е. те самые, на которых ссылается тов. Иванов, как на доказательство виновности Новикова.

Прошу обратить внимание на показание всех их в судебном заседании и в процессе следствия.

Но, может быть, кто-нибудь сказал иначе? Тогда почему тов. Суходолец или тов. Иванов не указали, кто именно?

Вот все содержание ответов, полученных мною из Прокуратуры Советского Союза.

Тов. Генеральный Прокурор!

Моему сыну всего 18-ть лет. Он окончил школу ФЗО и работал слесарем на Ярославском Автозаводе. Он выполнял производственные нормы на 150-180%, за что был награжден почетной грамотой Министерства Автотракторной промышленности СССР. С 1948 года мой сын состоит в Комсомоле и являлся одним из лучших активистов цеховой организации, впервые в жизни он попал на скамью подсудимых.

Тов. Генеральный Прокурор!

Я, старый рабочий, всю свою жизнь отдавший труду, всегда гордился своим сыном, ибо видел в нем достойную себе смену. И мне особенно тяжело, особенно больно не только потому, что он так строго наказан, не только потому, что я навсегда его потерял, но и потому, что я считаю, что он виновен не в такой степени, в какой его признал виновным суд, что я считаю, что он осужден несправедливо.

Может быть, я ошибаюсь? Может быть, я думаю так потому, что он мой сын?

Я прошу Вас, тов. Генеральный Прокурор, дать указание внимательно проверить все дело и, если я заблуждаюсь, объяснить мне в чем моя ошибка. Быть может, сознание того, что мой сын понес наказание заслуженно, облегчит мое горе и горе матери.

Ни одна из судебных инстанций, куда я обращался, такого разъяснения мне не прислала. Не дали мне такого разъяснения и тов. Иванов и Суходолец.

Но если мои доводы убедительны, если Вы тоже сочтете, что мой сын наказан очень строго, прислушайтесь к просьбе отца, вступитесь за правду и возвратите нам единственного сына, или дайте хотя бы надежду на то, что мы его скоро увидим.

Тов. Генеральный Прокурор!

Мне обращаться больше некуда. Я везде получил отказ. Вся моя надежда сейчас только на Вас. Я ищу не сожаления, не милости, не пощады, я ищу правду, только правду. Помогите найти мне ее.

Уважающий Вас

(Новиков С. Ф.)

Г. Ярославль, ул. Радищева, д. 6, кв. 3.

При этом прилагаю:

1. копию приговора,
2. копию определения,
3. ответ тов. Суходолец,
4. характеристики Новикова Феди — 3 шт.,
5. характеристики Новикова С. Ф. — 2 шт.,
6. Почетная грамота,
7. ответ тов. Иванова,
8. копия жалобы адвоката Мове.

“3” марта 1953 года, г. Ярославль

Результат: По протесту Заместителя Генерального Прокурора СССР Коллегия Верховного Суда СССР своим Определением от 23.09.53 г. переквалифицировала действия Новикова Ф. на статью 3 Указа 4/VI-47 г., по которой назначила ему наказание в виде 2-х лет лишения свободы.

Применив Указ “Об амнистии” от 27.03.53 г. Коллегия постановила от дальнейшего отбывания наказания Новикова освободить со снятием судимости.

Тут же Новиков из-под стражи был освобожден.

А. М.

Дело Зотина Д. М.

Отец главаря банды

Генеральному Прокурору СССР

Адвоката А. Л. Мове г. Ярославль, ул. Кирова, д. 10/12

в защиту

Зотина Дмитрия Николаевича, осужденного приговором Ярославского Облсуда от 8-11/II-52 года по ст. 17- ст. 59-3 УК к 5-ти годам лишения свободы.

Определением Верховного Суда РСФСР от 28/III-52 года приговор оставлен в силе.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

В 1949 году 15-ти летний сын мастера-электрика Ярославского Автозавода Зотина Дмитрия Николаевича — Зотин Эдуард, был осужден Народным Судом 1-го уч-ка Сталинского р-на г. Ярославля к 10-ти годам лишения свободы.

Отец, считая осуждение сына неправильным, затратил немало усилий к тому, чтобы добиться пересмотра дела в порядке надзора.

Дело в порядке надзора было пересмотрено и в уголовном порядке прекращено. Пробыв около года в местах заключения, Эдуард вернулся домой и с той поры все время работал на автозаводе.

Но однажды, это было летом 1951 года, Эдуард неожиданно оставил работу и ушел из дому, а родителям его органы милиции сообщили, что сын их подозревается в ограблении ларька в пос. "Парижская Коммуна" и рекомен-

довали посоветовать ему явиться в отделение милиции и дать свои объяснения.

Однажды, когда сын забежал домой, отец начал расспрашивать его о причинах сокрытия, рекомендовал явиться в милицию и обо всем рассказать.

Но сын был упрям:

“Я ни в чем не виновен. Подозревают меня напрасно. Я явлюсь в милицию тогда, когда будут найдены действительные грабители. Сейчас являться на хочу, т. к. боюсь, чтобы не получилось опять так, как было в 1949 г. Зря сидеть не хочу”.

— Мог ли отец, уже однажды убедившийся в невинности сына не поверить ему и на сей раз?

Положение сына серьезно встревожило отца и он решил проверить у работников ларька, в котором произошло ограбление, был ли среди грабителей его сын.

Поочередно он посетил всех свидетелей (Фуфаеву, Туркину, Буренкова). Разговор со всеми сводился к следующему:

“Я — Зотин Дмитрий Николаевич. Работаю на Автозаводе. У меня есть сын, Эдик. Он был в 1949 году осужден на 10-ть лет, год пробыл в заключении, а затем его освободили. Сейчас его подозревают в ограблении вашего ларька и он боится, чтобы его опять зря не взяли под стражу. Сын мой высокого роста, темный, волосы черные, ему 18 лет.

Скажите, не было ли среди грабителей кого-либо, похожего на сына?”

Свидетели, конечно, не могли точно ответить на вопрос отца, но сказали ему, что один из грабителей по своим внешним признакам был примерно таков.

Чем руководствовался в дальнейшем отец — трудно сказать и можно лишь догадываться. Во всяком случае свидетели Фуфаева, Туркина и Буренков утверждают, что он впоследствии косвенным образом запугивал их убийством в случае, если они будут опознавать сына. (“Вы ведь знаете, дескать, что бывает в подобных случаях!”)

В результате, Зотин Д. Н. был привлечен к уголовной ответственности и занял место на скамье подсудимых рядом со своим сыном.

По приговору суда Зотин Д. Н. был осужден по ст. 17-ст. 59-3 УК к 5-ти годам ИТЛ.

Верхсуд РСФСР оставил приговор суда в силе, безмотивно отклонив жалобу.

Как приговор, так и определение считаю неправильными и подлежащими изменению.

1. Действия Зотина Д. Н. судом ошибочно квалифицированы ст. 17- ст. 59-3 УК.

Освещая виновность Зотина Дм. по настоящему делу, суд в приговоре зафиксировал:

“В действиях Зотина Дмитрия с полной ясностью установлено соучастие в бандитизме, выразившееся в *укрывательстве бандита* путем представления средств существования и нанесения угроз свидетелям”. (См. приговор, стр. 10).

Не входя в обсуждение того, угрожал ли Зотин Дм. свидетелям Фуфаевой, Туркиной и Буренкову убийством в случае, если они будут опознавать сына или нет, не входя в обсуждение того, как воздействовал отец на психику свидетелей (а все они подтверждают, что прямых угроз убийством со стороны Зотина Дм. не было), не входя в обсуждение того, насколько реальны были эти угрозы, необходимо сказать, что судом допущена грубая ошибка при квалификации действий Зотина.

Не вызывает сомнения, что, если бы свид. Фуфаева, Туркина, Буренков под воздействием Зотина Дм. дали в процессе предварительного следствия и в судебном заседании ложные показания (т. е. не опознавали бы Зотина Эдуарда), то все они несли бы ответственность не по ст. 17-59-3 УК, а по ст. 95 УК, т. е. за дачу ложных показаний.

Отсюда очевидно, что лицо, подстрекавшее свидетелей дать ложные показания, должно отвечать по ст. 17-95 УК.

Причем, способ склонения свидетелей к даче ложных показаний не играет существенного значения, ибо любой из них: *подкуп, просьба, угрозы, запугивание* и т. п. — являются лишь формами *подстрекательства*. (См. коммен-

тированный уголовный кодекс, комментарий к ст. 17 УК, учебник уголовного права, вопросы соучастия).

На этой же точке зрения стоит и наша судебная практика.

Так, в определении от 27/VI- 1949 года по делу Губанова и др. Коллегия Верховного суда СССР, касаясь квалификации действий Харламовой (вина ее заключалась в том, что она подстрекала свидетелей дать ложные показания об алиби мужа, привлекаемого к уголовной ответственности) указала, что суд ошибочно квалифицировал действия Харламовой ст. 17- ст. 2 ч. 1 Указа 4/VI- 47 года (Судебная практика № 11, 1949 г., стр. 27).

Коллегия Верховного суда СССР указала в этом определении, что подстрекательство к лжесвидетельству в пользу обвиняемого не может быть квалифицировано как соучастие в преступлении, инкриминируемом обвиняемому, и переквалифицировала действия Харламовой ст. 17- ст. 2 ч. 1 Указа 4/VI- 47 года на ст. 17 ст. 95 УК.

Вывод:

Действия Зотина Д. Н. судом ошибочно квалифицированы ст. 17- ст. 59-3 УК. Его действия необходимо квалифицировать ст. 17- ст. 95 УК (подстрекательство к даче ложных показаний).

2. Действия Зотина Дм. необходимо квалифицировать ст. 17- ст. 95 ч. 1 УК. а не ст. 17- ст. 95 ч. II УК.

Всецело разделяя точку зрения Коллегии Верховного суда СССР о правильности квалификации действий Харламовой (а, следовательно, и аналогичных действий других лиц) по ст. 17- ст. 95 УК, тем не менее полагаю, что Коллегия Верховного суда СССР дала не совсем правильную ориентировку в части необходимости квалификации подобных действий по ст. 17- ст. 95 ч. II УК.

В настоящем определении Коллегия записала:

“Поэтому действия Харламовой, хотя они и были направлены на создание алиби обвиняемому Губанову, а не на обвинение его в совершении тяжкого преступления, должны быть квалифицированы ст. 17- ст. 95 ч. II УК”.

Таким образом, Коллегия неосновательно применила аналогию, ибо лжесвидетельство подобного рода (т. е. не связанное с обвинением в преступлении) прямо предусмотрено другой статьей Уголовного кодекса, а именно — ст. 95 ч. 1 УК.

Помимо этого, применение подобной аналогии и в соответствии с этим расширительное толкование ст. 95 ч. 2 II УК не соответствует основным принципам нашего уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Правовые принципы: презумпция невиновности, требование толковать все сомнения в пользу обвиняемого и др. направлены к тому, чтобы ни в коем случае не допустить осуждения невиновного.

Государство, в тех случаях, когда имеются сомнения в виновности человека, идет на то, чтобы его оправдать (хотя и не исключена возможность того, что он и виновен).

Следовательно, для нашего государства осуждение невиновного или хотя бы одна только возможность такого осуждения представляют собой гораздо большую опасность, чем оправдание виновного.

Эту-то мысль, этот принцип государство и закрепило устами законодателя в соответствующих статьях:

ст. 95 ч. I УК — Лжесвидетельство (в основном связанное с дачей ложных показаний, оправдывающих преступника).

ст. 95 ч. II УК — Лжесвидетельство (связанное с дачей ложных показаний, направленных на обвинение в преступлении).

Руководствуясь именно этим принципом, законодатель и установил менее жесткую санкцию ст. 95 ч. 1 УК и более жесткую — ст. 95 ч. II УК.

Вывод: Действия Зотина Дм. необходимо квалифицировать ст. 17- ст. 95 ч. 1 УК.

Стремясь закрепить ошибочную квалификацию действий Зотина ст. 17- ст. 59-3 УК, суд безмотивно указал в приговоре, что Зотин Дм. в период, когда сын скрывался, предоставлял ему средства существования.

Такое указание в приговоре не соответствует материалам дела. В процессе предварительного следствия в этой части не было добыто никаких доказательств, в силу чего

далеко не случайно, что в обвинительном заключении и в Постановлении о предъявлении обвинения такое обвинение отсутствует (см. означенные документы).

Не добыто никаких данных в этой части и в судебном заседании. Ни один свидетель, ни один подсудимый ничего не сказал о том, что Зотин Дм. оказывал сыну какую-то материальную поддержку (см. протокол судебного заседания).

Наоборот, из материалов дела видно, что в период сокрытия Зотиным Эдуардом совместно с другими осужденными по делу было совершено более десятка всевозможных ограблений, вследствие чего сын не нуждался ни в какой материальной помощи отца. Достаточно сказать, что лишь при одном ограблении ларька в пос. "Парижская коммуна" 4/Х- 1951 года Зотиным Эдуардом совместно с тремя соучастниками было похищено наличных денег и товаров на сумму — 4. 515 руб. (см. приговор).

Ни единого конкретного факта предоставления сыну средств существования суд в приговоре не привел.

Коллегия Верховного суда РСФСР, оставляя в силе приговор, вообще обошла молчанием доводы защиты в этой части, указав лишь на доказательства вины Зотина Дм. в нанесении угроз свидетелям (см. определение Верховсуда РСФСР).

Полагаю, что при таких обстоятельствах вышеуказанная ссылка подлежит исключению из приговора.

— " —

Зотину Дм. Николаевичу 43 года, работал он мастером-электриком на Ярославском автозаводе, в прошлом не судим.

На совершение настоящего преступления толкнула его лишь любовь к своему 18-ти летнему сыну Эдику, отцовские чувства. Наказан он уже достаточно: его любимый сын осужден к 25-ти годам лишения свободы, сам он уже длительное время содержится в тюрьме.

Осуждение отца и сына нанесло сильный удар не только им, но и всей семье Зотиных, включающей в себя и жену, и дочь Зотина Дмитрия Николаевича.

Не учесть всех этих обстоятельств было бы несправедливо.

Просительный пункт

В силу изложенного прошу Вас истребовать настоящее дело из Ярославского Облсуда и в соответствии со ст. 16 Закона о Судостроительстве внести протест не предмет пере-квалификации действий Зотина Д. Н. со ст. 17-59-3 УК на ст. 17- ст. 95 ч. 1 УК.

Адвокат

(Мове А. Л.)

"27" ноября 1952 года, г. Ярославль

По протесту Генерального прокурора СССР Президиум Верховного суда РСФСР переквалифицировал действия Зотина Д. Н. на ст. 95 ч. 1 УК, и в силу Указа "Об амнистии" от 27/III 53 г. от дальнейшего отбытия наказания он был освобожден.

Соучастница убийства

Из досье адвоката

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

Адвоката А. Л. Мове, г. Ярославль, ул. Кирова, д. 10/12, юридическая консультация

в защиту

Склюевой Галины Николаевны, осужденной приговором Народного суда 4-го уч-ка Красноперкоповского района, г. Ярославля от 18-21/XII 53 года по ст. 17- 136 ч.1 УК* к 5-ти годам лишения свободы. Определением коллегии Ярославского Облсуда от 11/I 54 года приговор оставлен в силе.

Жалоба в порядке надзора

События того дня, 18 августа 1953 года, как бы подразделяются на две части.

Первая часть — драка у пивного павильона

Определение Областного суда так фиксирует происшедшее:

“По приговору суда признаны виновными Финогеев, Горев, Пагин и Склюева в том, что они 18/VIII 53 года, около 17-ти часов в пивном павильоне учинили драку с гр-ном Харчевым.

Финогеев и Горев наносили удары Харчеву в область головы... Финогеев наносил удары Харчеву хозяйственной сумкой.

* Статья 17- 102 ныне действующего УК (соучастие в убийстве)

Склюева, видя драку, вступила в нее, наносила удары в область головы Харчеву концом имеющегося у нее зонта". (См. Определение — стр. 1).

Как и почему возникла эта драка — сказать сейчас трудно. Известно лишь то, что около 17-ти часов 18/VIII 53 года гр-н Харчев, молотобоец в/ч 71548, инвалид Отечественной войны, вместе с тремя приятелями пришел в пивной павильон. Был Харчев очень пьян и вел себя неподобающим образом. Об этом свидетели говорят:

Свид. Кочнев:

"Вошел гр-н высокого роста и с ним еще трое. Был он выпивши и начал бузить, хотел взять у летчика кружку пива. Мы уговаривали его, чтобы он не бузил... Он несся, как молния, у столов, у кого выпьет, у кого сшибет. Какой с ним разговор, к нему и подступиться страшно..." (Протокол суд. заседания — л. д. 270-271).

Свид. Бобылев:

"Харчев выгнал из пивной и виновных, и невиновных, на улице шумел..." (Протокол, л. д. 275).

В пивной у Харчева возник спор с подс. Финогеевым и Горевым, и он, будучи физически сильным человеком (рост его — 189 см), вытолкал Финогеева и Горева из павильона на улицу" (см. обвинительное заключение — стр. 1). Между ними возникла драка.

В пылу драки Харчев ударил совершенно постороннего пожилого человека — гр-на Кочнева. И тогда, стоявшая неподалеку Галина Склюева, возмущившись поведением Харчева, крикнула: "Ах, ты и папашу бьешь!" и ударила Харчева по лицу зонтом.

Свид. Ведерников, капитан Советской Армии, так рассказывает об этом:

"... высокий инвалид ударил одного пожилого человека, и эта девушка, Склюева, крикнула "зачем бьешь папашу" и ударила инвалида по лицу зонтом". (Протокол, л. д. 279)

В это же время, как указывает приговор, подс. Финогеев бил Харчева пустой хозяйственной сумкой, а подс. Горев — имеющимся у него ножом причинил ему легкие телесные

повреждения без расстройства здоровья. (См. заключение экспертизы — л. д. 26)

Горева тут же задержали и отправили в отделение милиции, а Склюева села в проходящий трамвай и уехала. Финогеев убежал по двор павильона, из которого проник в соседний двор дома з-да "Победа рабочих" (см. приговор).

Вторая часть — убийство гр-на Харчева

Итак, Горев находится в милиции, Склюева — в трамвае, Финогеев убежал во двор дома з-да "Победа рабочих".

— А что же с Харчевым? Может быть он уже лежит без сознания?

— Нет!

Свид. Исаев (родственник Харчева) так говорит:

"Я видел, как Харчев побежал за парнем, который убежал во двор, я его стал задерживать, тогда он сказал, что сходит во двор в уборную..." (Протокол, л. д. 274).

А свид. Зыкова так показывает:

"Я видела как во дворе Финогеев положил в хозяйственную сумку камни... Я его уговаривала, чтоб он не дрался... Уговаривала я его минут 15... Пока мы говорили с Финогеевым, вошел Харчев и закричал: "А, ты еще здесь!" и пошел к нему..." (См. протокол, л. д. 271 и замечания на протокол)

Итак, Харчев не погиб. Он чувствует себя настолько хорошо, что рвется в драку.

— Отчего же наступила смерть Харчева? Кто убил его? Ответ на эти вопросы мы находим в приговоре, где прямо записано: (дословно)

"Не ограничившись нанесенными побоями Харчеву, Финогеев черную керзовую сумку, взятую им у Склюевой, наполнил в соседнем дворе кирпичами... и нанес несколько ударов сумкой с камнями по голове Харчеву, проломив ему кости черепа, в связи с чем Харчев, не приходя в сознание, к исходу дня умер..." (см. приговор, стр. 2).

Таковы обстоятельства настоящего дела.

Казалось бы очевидно, что никакого отношения к убийству гр-на Харчева Склюева не имеет. Однако суд расценил ее действия, как соучастие в убийстве, и квалифицировал их ст. 17 ст. 136 ч. 1 УК.

Суд считает, что соучастие Склюевой в убийстве выразилось в том, что она:

1. "Передала хозяйственную сумку Финогееву, который использовал ее при убийстве Харчева".
2. "Сама зонтом наносила удары в лицо Харчеву".
3. "Склюева в момент нанесения ударов зонтом вторую руку держала за спиной, в это время к ней подошел Горев и будто бы взял нож". (См. приговор, стр. 3).

Обращаю Ваше внимание на явную неосновательность подобных утверждений суда.

1. Известно, что пустая хозяйственная сумка (возможно и принадлежащая Склюевой) все время находилась в руках у Финогеева и он ею отбивался от Харчева. Об этом говорит не только Финогеев, но и свидетели.

Так:

Свид. Бобылев рассказывает:

"Финогеев говорил Харчеву "отойди от меня, оставь меня", и когда его Харчев схватил, тогда он его и хлестнул пустой сумкой, и убежал во двор..." (Протокол, л. д. 275 оборот).

Свид. Ведерников говорит:

"Финогеев ударил его пустой сумкой и пошел во двор..." (Протокол, л. д. 279 оборот).

Это же обстоятельство нашло отражение и в приговоре, где суд пишет:

"...Горев сбил Харчева, Финогеев наносил ему удары хозяйственной сумкой". (Приговор, л. 2).

Никаких данных, свидетельствующих о каком-то сговоре между Финогеевым и Склюевой по поводу использования хозяйственной сумки в качестве орудия преступления, в деле не имеется, да и не могло быть, ибо все происшедшее свидетельствует не об убийстве, заранее обдуманном, а об убийстве во внезапно возникшей драке.

Склюева не знала и не могла знать, что пустую хозяйственную сумку Финогеев наполнит камнями и использует для убийства человека.

2. Известно, что, хотя Склюева и ударила Харчева зонтом, но этот удар не состоит ни в какой причинной связи с наступившей смертью его.

После удара зонтом Харчев продолжал буянить и драться. Убил его впоследствии Финогеев (см. приговор).

3. Никаких данных, свидетельствующих о передаче Склюевой ножа Гореву, в деле нет. Не случайно и суд в приговоре пишет:

“... к ней подошел Горев и *будто бы* взял нож...”
(Приговор, стр. 3)

Помимо этого, следует иметь ввиду, что нож никакого отношения к убийству Харчева не имеет. По этому поводу акт экспертизы гласит: “п. 3. Повреждения, т. е. две поверхностные резанные раны в причинной связи со смертью не состоят и относятся к разряду легких, без расстройства здоровья”. (л. д. 26 и 288).

Полагаю, что при таких обстоятельствах действия Склюевой, выразившиеся в нанесении Харчеву ударов зонтом, следует квалифицировать ст. 146 ч. 1 УК.

Обращаю Ваше внимание и на то, что при рассмотрении настоящего дела судом грубо нарушена ст. 311 УПК. Суд записал в приговоре:

“Финогеев, Горев и Пагин, ранее неоднократно судившиеся, прибыли в Ярославль, организовали преступную шайку, занимались хищениями..., в эту шайку вовлекли Склюеву...” (см. приговор, стр. 1).

Утверждение суда в приговоре об организации воровской шайки, о занятиях хищениями и т. п. является не только голословным, не подкрепленным ни единым фактом, но и свидетельствует о том, что суд вышел за рамки первоначально предъявленного обвинения.

Известно, что ни Постановлением о предъявлении обвинения, ни обвинительным заключением ни одному из подсудимых не вменялось в вину совершение каких-либо хищений и участие в воровской шайке.

Так же неосновательно указано в приговоре, что драка, якобы возникла вследствие того, что Финогеев пытался залезть в карман к Харчеву. Это обстоятельство никем не подтверждено. Наоборот, из обвинительного заключения явствует, что

“...Финогеев и Горев заспорили с Харчевым о том, что они первые должны купить в буфете водку, вследствие чего Харчев стал шуметь и, будучи, физически сильным человеком, вытолкал Финогеева и Горева из павильона...” (Обвинительное заключение, стр. 1)

Характерно, что Коллегия Областного суда в своем определении хотя и обошла молчанием указанные доводы защиты, но все же исключила обвинение подсудимых в этой части (см. определение).

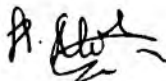
Склюева Галина Николаевна 1933 года рождения. В прошлом студентка 2-го курса технологического техникума. Член ВЛКСМ. Мать ее по профессии инженер.

Ранее не судима.

В силу изложенного, прошу Вас истребовать настоящее дело из Народного суда 4-го уч-ка Красноперекоповского р-на г. Ярославля и внести протест на предмет переквалификации действий Склюевой Г. Н. на ст. 146 ч. 1 УК* и определения ей наказания в пределах санкции указанной статьи закона.

Приложение: копия приговора копия определения

Адвокат

(А. Л. Мове)

“21” февраля 1954 г.

По протесту Заместителя Председателя Верховного суда РСФСР Президиум Ярославского облсуда переквалифицировал действия Склюевой Г. Н. на ст. 146 ч. 1 УК и определил ей наказание в пределах отбытого, с освобождением из-под стражи.

* Статья 112 ч. 1 ныне действующего УК.

Дело Леонида Абрамовича и Натана Леонидовича Альтбрегенов

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Отец и сын Альтбрегены были привлечены к уголовной ответственности по статье 2 и 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. за хищение государственного и общественного имущества, совершенное группой в крупных размерах.

В 1947-1951 г. г. Альтбреген Л. А. и Н. Л. по трудовым соглашениям с рядом организаций занимались в Любимском районе Ярославской области приобретением у различных колхозов леса и поставкой его указанным организациям.

По версии следствия Альтбрегены при этом путем составления подложных документов на оплату различных работ были похищены крупные суммы денег.

О том, какое значение предавалось “преступной деятельности” заезжих предпринимателей (Альтбрегены проживали в Москве, а заготовительской деятельностью занимались в Ярославской области), можно судить хотя бы по тому, что расследованием дела занималась не какая-нибудь районная или областная прокуратура и даже не Прокуратура РСФСР, а “сама” Прокуратура СССР и, в частности, старший следователь следственного Управления этой прокуратуры — Дворянчиков.

Именно тогда, в далекие пятидесятые годы в глухом Любимском районе Ярославщины, я впервые столкнулся с методами и способами работы одного из следователей Прокуратуры СССР. Стиль работы следователя Дворянчикова, конечно, не может характеризовать работу всего следственного управления Генеральной прокуратуры, однако, в совокупности со стилем работы некоторых других следователей этого Управления, с которыми мне пришлось в дальнейшем столкнуться в своей работе, кое о чем он все же говорит. Впрочем, судите сами.

РЕЧЬ АДВОКАТА МОВЕ А. Л.

По делу АЛЬТБРЕГЕНА Леонида Абрамовича, обвиняемого по ст. 2 и 4 Указа от 4 июня 1947 года. (фрагмент)

(Следствие по делу велось ст. следователем Прокуратуры СССР ДВОРЯНЧИКОВЫМ. Дело слушалось Коллегией Ярославского облсуда 27/IX-16/X-1954 года в г. Любиме Ярославской области).

Свое выступление, тов. судьи, я позволю себе начать с того же, с чего начал и тов. Прокурор. Решения по настоящему делу мы ждем уже 15 дней. Подсудимые ждут его несколько дольше, 2,5 года.

2,5 года тюрьмы, тюремной камеры! Это легко говорится, просто пишется, но с трудом представляется! За что же они были арестованы? Что сделали? Почему до сих пор находятся под стражей? Неужели их грехи столь велики, неужели их преступления столь тяжки, что даже и сейчас спустя 1,5 года после акта об амнистии, они все еще должны содержаться в тюрьме?

Оказывается, узнаем мы из обвинительного акта, они совершили преступления, давность которых исчисляется в 6-7 лет. Сквозь толщу пожелтевшей бумаги, воздвигнутую на судебском столе, нам надо разглядеть дни, на календарных листках которых значатся годы: 1947, 1948, 1949.

Очевидно, что дать оценку событиям столь отдаленным очень трудно. Ведь память человеческая весьма несовершенна, и человек, естественно, не может помнить о событиях, происшедших столь давно. А ведь нас интересуют суммы, цифры... Именно поэтому так много свидетелей в судебном заседании говорят: "не помню", "запомятовал" и т. п.

Но наш ум, как, впрочем, и все в природе, на терпит пустоты. Как же быть? Чем восполнить эту пустоту?

В таких случаях мы обычно пытаемся восполнить этот пробел материалами предварительного следствия. И в этом греха нет. Мы чтим и уважаем наши следственные органы. Нам дорога честь прокурорского мундира, и мы знаем, что

наш следственный аппарат безупречно честен и кристально чист в своей работе.

И все же — все дела после окончания расследования идут для проверки к нам, на гласный суд... Суд должен проверить и решить дело по существу.

Что это, противоречие? Недоверие следственным органам? — Нет! Дело в том, что нельзя смешивать следственный аппарат, следственные органы с конкретным человеком, который вел следствие по конкретному делу, с отдельным прокурором, следователем...

Ведь они — люди. Они могут ошибаться, заблуждаться, увлекаться, наконец, они могут и злоупотреблять. Всяко бывает. И надежнейшей гарантией против всего этого является суд.

Он — суд, должен проверить работу этих людей, дать им оценку. Но проверить — это не значит механически проштамповать. Если бы роль суда мы понимали только так, мы бы, по крайней мере, перестали уважать сами себя...

Итак, прежде всего суровая, строгая проверка! Но как проверить всю эту грудку бумаги? Ведь здесь 27 папок, 27 объемистых томов! По моим скромным подсчетам это составляет примерно 8-9 тысяч страниц. Сколько потребовалось бы Вам времени для того, чтобы прочесть роман в 8-9 тысяч страниц? А ведь это не роман, и здесь нужно не просто прочесть! Очевидно, что мы физически не в силах не только прочесть и проверить все эти бумаги, но даже и перелистать их. Для этого потребовалось бы очень и очень много времени. Очевидно, что к подавляющей массе следственного материала в данном деле мы должны будем отнестись с большим или меньшим доверием, с большей или меньшей верой. Именно поэтому мне прежде всего хотелось дать общую характеристику ведения следствия по настоящему делу.

Если человек, который вел это следствие, а им в основном был тов. Дворянчиков, был безупречно беспристрастен, если он в работе мало увлекался, никогда не ошибался — редко заблуждался, — мы вправе к его работе отнестись с большим доверием, быть может, принять кое-что на веру...

Но если мы заметим в его работе крупные изъяны — следы увлечений, небрежности, искажений фактов и т. п.,

мы вправе сказать: "Простите, большого доверия мы вам не окажем! Вашу работу мы проверим и перепроверим от начала и до конца!

— Что-же характеризует расследование настоящего дела? Я не знаю, чем это можно объяснить, но несомненно одно: ведение следствия по настоящему делу представляет собой образец грубейшего попираательства нашей Советской законности. (Я имею ввиду нарушение ст. 111 и 112 УПК, т. е. тех самых статей, которые обязывают следователя к объективности).

Я далек от мысли, что все это делалось умышленно, с намерением, но несомненно одно: от начала и до конца настоящее дело носит печать пристрастия, увлечений, ошибок, заблуждений, а порой и грубого искажения фактов...

От начала и до конца! Вот начало этого дела. В марте месяце 1952 года отец и сын Альтбрегены были арестованы по обвинению в расхищении 14 тысяч налоговых средств. Именно такое постановление было вынесено прокурором Любимского р-на т. Алякринским. Указанное постановление находится в деле и хранится на первой странице 7-го тома. Перелистайте все страницы обвинительного заключения, прочтите и перечитайте их — и вы не найдете там указанного обвинения. Что же произошло? Случайность ли это? — Нет! Дело в том, что такое обвинение не имело под собой никакой почвы и поэтому, конечно, долго продержаться не могло. Уже через несколько дней выяснилось, что все это фикция. Никаких налоговых средств Альтбрегены не присваивали и присвоить не могли по той простой причине, что они к ним никакого отношения не имели — госналоги аккуратно вносились в доход государства бухгалтерией Троицкой суконной ф-ки.

Значит случилась ошибка! Надо ее немедленно исправить! Надо срочно освободить людей из-под стражи! Но не тут-то было... Весь март месяц 1952 года Альтбрегены находятся под стражей, по сути, безо всякого обвинения! Проходит апрель м-ц, май — они все находятся под стражей без обвинения. И лишь в конце мая м-ца назначается документальная ревизия, которая должна проверить всю деятельность Альтбрегенов в течение 5-ти лет, с 1947 по 1952 год. Может быть, к этому времени следователь уже располагал какими-то сведениями о злоупотреблениях Альтбрегенов, может быть у него уже были какие-то факты? Ничего подобного! Ревизия делается на авось... Авось най-

дем! В нашей жизни мы привыкли к несколько иному порядку развития событий: является в учреждение, организацию ревизор, проводит ревизию, составляет соответствующий акт, в котором фиксирует допущенные злоупотребления, и лишь после этого в необходимых случаях возбуждается уголовное дело, а при надобности — человек берется под стражу. Это нормальный, законный порядок. Здесь же, как вы уже могли заметить, все происходит наоборот. Люди содержатся под стражей несколько месяцев, без наличия к тому каких либо оснований, в надежде, что авось что-нибудь да найдется!

Это было первое грубейшее нарушение законности, которое повлекло за собой все остальные.

За 2,5 года ведения следствия допрашивается свыше 500 человек, которые в свое время работали у Альтбрегена Л. А. Очевидно, что такая сплошная проверка, такая “методика” ведения следствия являлась ничем иным, как проявлением определенной заинтересованности в выискивании каких-то злоупотреблений.

Презумпция невиновности предается забвению, а ее место занимает другой принцип — презумпция виновности.

Мало того. Известно, что в течение 5 лет у Альтбрегена работало очень много рабочих, среди которых значительная часть работали разово, по 1-2 дня. Рабочих этих сотни. Здесь и Дроз, Бурдииков, Буоров, Рассадкины и проч., и проч. Одних только однофамильцев Смирновых насчитывается до 15 человек. Естественно, что запомнить фамилии всех этих людей, многих из которых Альтбреген вообще не видел, т. к. работали они в отдаленных делянках, физически не было никакой возможности. А тем более тогда, когда прошло уже 5-6 лет... Я представляю себе ощущение Леонида Абрамовича Альтбрегена, когда он прочел при ознакомлении с делом, что некий Соколов, Бурдииков, Рассадкины, Смирновы или другие утверждают, что не получали по счетам деньги. Кто эти люди? Почему они отрицают получение денег? Неизвестно. Желание Альтбрегена увидеть этих людей, уточнить с ними момент получения денег — нам вполне понятно. Альтбреген несколько раз заявляет ходатайства, в которых просит о проведении очных ставок. И его требование вполне законно. Ведь не может же не знать следователь, что при наличии противоречий в показаниях обвиняемого и свидетелей необходимо проведение очных ставок. Но следователь упорно отказывает Альтбрегену в удовлет-

ворении его ходатайств. 2,5 года велось следствие по делу, свыше 500 человек было допрошено, а проведено очных ставок 5-6!

Мне представляется, что это, по меньшей мере, насмешка над процессуальными правами обвиняемого.

Но, может быть, очные ставки в этом деле не нужны, может быть они ничего не дают, не способствуют выяснению истины?

— Нет! Вот характерный пример. В своих показаниях в процессе следствия свидетель Чудаков П.П. отрицал продажу Альтбрегену 28 кубометров леса. Альтбреген попросил провести очную ставку с Чудаковым. На очной ставке Павел Петрович Чудаков припомнил и подтвердил полностью показания Альтбрегена. Значит, очные ставки приносят пользу, значит, они помогают выяснению истины — и тогда точка, рубятся концы — и ни одной очной ставки не проводится. Почему? Кажется мне, что суд сумеет дать ответ на этот вопрос.

Но и это не все. В процессе следствия свидетели допрашиваются явно недопустимым методом. Ведь события, о которых спрашивали свидетелей имели давность в 5-6 лет. Вероятно, что прежде чем спросить свидетеля о том или ином документе, следовало обстоятельно разъяснить свидетелю, к какой операции этот документ относится, что он отражает, о чем говорит. Это не делается. Во многих случаях свидетелю не все разъясняется, не все документы показываются, в результате чего в протоколах допроса появляются показания, не имеющие ничего общего с истиной. Метод допроса свидетелей, один: "Подпись ваша?"

— Нет. — Значит деньги не получали?

— Нет. — Распишитесь".

Выполнял ли свидетель указанную в счете работу, с кем он работал, когда, получал ли за свою работу деньги — все эти данные в протоколе допроса свидетеля почему-то отсутствуют.

В результате такой "методики" уже в процессе следствия наблюдаются конфузы. Вот некоторые из них. Показали на следствии свидетелю Белкову 2 счета — на получение им 1900 руб. и 1400 рублей. Получали вы деньги по этим счетам? Следует ответ: "Денег не получал, счета подписал по пьянке". Едет следователь после этого допроса в колхоз,

открывает кассовую книгу и убеждается, что Белков не только получил деньги, но и полностью сдал их в кассу колхоза. Конфуз! Но откуда же появились эти показания свидетеля? Откуда утверждение о подписании счетов по пьянке? Об этом красноречиво говорит в суде свидетель Хорунжий. Ему тоже на следствии показали счет, в котором он расписался в получении 1450 рублей. Хорунжий тогда тоже показал: "Денег не получал, счет подписал по пьянке".

А сейчас, в суде, мы показали Хорунжему дефектную ведомость на произведенный им ремонт машины, акт о приемке машины и др. документы... "Как же, говорит Хорунжий, деньги за этот ремонт я получил, мне просто следователь не все разъяснил, документов этих он мне не показывал..." Но откуда же показания о подписи счетов по пьянке? Хорунжий оправдывается: "Мне следователь подсказал".

Хочется, очень хочется верить, что это лишь случайные ошибки следователя!

Но вот следствие закончено. Материалы собраны, составляется обвинительное заключение. В нем, в обвинительном акте, подытоживается вся работа следователя, дается заключение следователя по материалам следствия. И здесь опять же мы сталкиваемся все с тем же — отсутствием элементарной объективности. Вот несколько примеров. На стр. 17 обвинительного заключения пишется: "Альтбреген Л.А. присвоил 3873 рубля по счету за якобы купленный у Чудакова лес, 28 кубометров. Доказательства: "Допрошенный в процессе следствия Чудаков показал, что леса этого не продавал, а продал лишь 7 кубометров и не по 148 рублей, а по 40-45 рублей за кубометр".

Да! Чудаков это показал! Есть такие показания в деле. Но ведь после этих показаний у Чудакова была очная ставка с Альтбрегеном, кстати проводимая самим же товарищем Дворянчиковым. И на этой очной ставке, мы об этом не забыли, Чудаков уточнил, что продавал лес 7 кубометров по 120 рублей за кубометр. Эти показания Чудакова опускаются. Мало того, на этой же очной ставке Чудаков после разъяснения Альтбрегена уточнил, что продажа 7 кубометров леса в 1949 году не имеет никакого отношения к продаже им леса 28 кубометров в 1947 году. "Поэтому, сказал на очной ставке Чудаков, я теперь вспомнил и подтверждаю, что Альтбреген говорит правду".

Очевидно, что эти показания Чудакова уже в процессе следствия полностью реабилитировали Альтбрегена. Эти показания в обвинительном акте тоже опускаются. Что это, забывчивость, упущение? Или может быть стремление дезориентировать суд?!

Далее. В обвинительном заключении сказано: "Альтбреген присвоил 5051 рубль по счетам на заготовку леса для артели им. "Первое мая" Грузинской ССР". (стр. 36). Доказательства: "В процессе следствия свид. Смирнов И. С. показал, что денег по этим счетам не получал, работы не производил".

Да, свидетель Смирнов давал такие показания, еѣть они в деле. Но зачем ставить точку там, где в протоколе стоит запятая? А после этой запятой в том же протоколе допроса, на который ссылается обвинительное заключение, значится: "Работа эта вся выполнена, работали мои сыновья — Николай и Сергей. Деньги они за работу получили". А показания сыновей? Ведь они тоже в процессе следствия подтвердили получение денег! Обо всем этом следователь забывает сказать в обвинительном заключении! Я уже не говорю о массе всех иных документов, свидетельствующих о том, что эти деньги не похищены.

Это тоже забывчивость? Или может быть опять стремление дезориентировать суд?

Все это только отдельные факты (о других я скажу позже), но ведь только по этим двум фактам вписано в обвинительное заключение явно беспочвенное обвинение Альтбрегена в хищении свыше 9 тыс. рублей! Мне представляется, что это, по меньшей мере, несерьезно...

Но вот обвинительное заключение составлено. К нему должен быть приложен список свидетелей, рекомендуемых вызову в суд. Это те люди, те лица, которые должны подтвердить обвинение, доказать правоту следователя. Казалось бы, в чем можно проявить необъективность при составлении вышеуказанного списка? Но здесь мы сталкиваемся с невероятнейшим казусом! По скромным подсчетам в указанный список не включено свыше 30 свидетелей, на которых ссылается сам следователь в обвинительном заключении. Характерно: Альтбрегену Л.А. обвинительным заключением вменяется в вину присвоение 687 руб. Московского птицекомбината по счетам рабочих Хализовой и Громова. В процессе следствия свидетели эти были допро-

шены. В подтверждение вины Альтбрегена следователь ссылается на них в обвинительном заключении, а в список вызываемых свидетелей почему-то их не включает...

Иными словами следователь как бы говорит: "Товарищи Судьи, верьте мне. Я уже выслушал всех этих свидетелей, они мне сказали всю правду, я их показания правильно записал! А Вам, товарищи судьи, слушать их незачем, не к чему. Верьте мне!"

Случай совершенно беспрецедентный!

И здесь происходит интересная вещь. Ведь известно, что, как правило, обвиняемый боится доказательств своей вины, он бежит от тех свидетелей, которые могут подтвердить его виновность, он рад отсутствию таких свидетелей!

А здесь все подсудимые буквально в один голос твердят: "Товарищи судьи, следователь ссылается на свидетелей, эти свидетели нас уличают, очень просим: вызовите их в суд, допросите, послушайте..."

Получается, что кое-кто боится, чтобы суд выслушал свидетелей, а кое-кто, наоборот, просит суд об этом.

Чем это вызвано, все мы уже, конечно, понимаем.

Я уже не хочу говорить о недобросовестности, проявленной при выполнении определения коллегии Ярославского Облсуда от 12 марта 1954 года, которым настоящее дело было возвращено к доследованию. Об этом я уже говорил в начале судебного заседания, возбуждая перед судом соответствующее ходатайство.

Позволю себе сделать вывод:

Следствие по этому делу велось с непонятным пристрастием; показания свидетелей отбирались неверно, ссылка на доказательства изобилует массой ошибок и искажений, указания суда следователем игнорированы. А все вместе взятое представляет собой грубейшее нарушение нашей законности.

Очевидно, что при таких обстоятельствах необходима особенно глубокая, особенно тщательная проверка дела. Мы вправе и должны сказать следователю: "Большого доверия, большой веры ваши бумаги у нас не получают. Прежде чем положить их в основу обвинения, мы проверим и перепроверим их, и не раз."

Для того, чтобы не быть голословным и подтвердить все сказанное, я позволю себе начать изложение своих доводов с очень небольшого по объему пункта обвинения.

На этом маленьком эпизоде легче всего наблюдать ошибки следствия и порочность выводов следователя.

Итак, Альтбрегену вменяется в вину хищение 5051 руб. 77 к. средств артели им. "1-ое мая" Грузинской ССР.

Представьте себе, что вы где-то услышали о том, что некий человек где нибудь в северных краях закупил лес, натуральный хвойный лес на корню. А затем этот человек, не спилив этот лес, не обрубив сучья, не окорив его (хитрый был человек!) сумел как-то вместе с пнями погрузить этот лес на жел. дор. платформу и отправить в далекую солнечную Грузию.

В дороге к этому лесу никто не притрагивался, пальцем не касался. Пришел этот лес в Грузию, вышли товарищи из аула его встречать, глянь: лес без пней, без сучьев, без коры — вообще настоящий, добротный строевой лес!

Кажется мне, что если бы услышали вы нечто подобное, то не приминули б сказать: "Враки все это, выдумка, сказка!" Или человек этот факир, иллюзионист, фокусник!

Но прочтите обвинительное заключение, вчитайтесь в него, переведите все то, что там выражено цифрами, на обыкновенный русский язык — и вы получите сказочку, подобную той, которую только что слышали.

Как же это получилось? Каким образом?

— А вот как! В 1948 году работал в городе Любиме Леонид Абрамович Альтбреген. Кто такой Альтбреген, откуда он взялся в Любимском районе, зачем сюда приехал из далекой Москвы — обо всем этом нам уже известно и на этом я еще остановлюсь. Во всяком случае в декабре 1948 года он уже был здесь, в Любиме.

А некой артели, находящейся где-то в горах Грузии, понадобился лес, и услышали они, что есть таковой в Любимском районе. Снарядила эта артель своего представителя и отправила его в Ярославскую область. Как он нашел Альтбрегена, кто его познакомил с ним — это не столь важно. Важно, что 19 декабря 1948 года представитель этой артели — тов. Елиашвили заключил в гор. Любиме с гр-ном Альтбреген трудовое соглашение, по которому

Альтбреген обязался приобрести для этой артели N-ое количество леса хвойной породы по цене не свыше 150 руб. франко-вагон. Рубку леса, трелевку, вывозку и проч. и проч. — все должен был организовать гр-н Альтбреген.

Уехал тов. Елиашвили к себе домой, а Альтбреген остался выполнять обязательства.

А через некоторое время в Грузию, в артель им. "1-ое мая" поступил обусловленный лес, 133 кубометра. По этому поводу в своем письме (приложение — том 10 л. д. 72) председатель правления артели тов. Макслашвили сообщил: "Весь лес, 133 кубометра мы получили. Лес поступил в 4-х вагонах (следуют номера вагонов). Во всех деньгах Альтбреген отчитался полностью".

Казалось бы, ясно: Альтбреген получил деньги, в них полностью отчитался, лес в артель поступил. Тут бы и делу конец. Прошло долгих 3 года — 1949-й, 1950-й, 1951-й... За это время колхоз, конечно, из полученного леса построил фермы, подсобные помещения... А на четвертый год Альтбрегена вдруг арестовали и с легкой руки некоторых товарищей появилось обвинение в хищении им 5 тыс. рублей в артели "1-го мая"

Как же это произошло?

Известно, что по счету № 14 от 21/XII-48 года Альтбрегеном в колхозе им. Кагановича куплен лес хвойной породы на корню 113 куб. мет. по 20 руб. = 2260 руб. (прил. 10 л. д. 6).

Может быть это оспаривается? — Нет. "Правильно, "было дело", — говорит следователь. Но дальше... дальше происходят интересные вещи. Ведь лес этот надо срубить, заготовить, стреловать, погрузить в вагоны и т. д. Может быть все эти операции не признаются следователем, оспариваются? — Нет!

Вот счет на выплату бригаде грузчиков за погрузку платформы леса № 1538772, — т. е. той самой, которую получила артель, 464 рубля. Может быть этот счет оспаривается? "Нет, "было дело", — говорит следователь.

Вот счет на выплату бригаде грузчиков за погрузку платформы леса № 1207972, т. е. той самой, которую получила артель, 443 рубля. Может быть этот счет оспаривается? Нет, он тоже признается, "было дело" — утверждает тов. Дворянчиков. Так же обстоит дело и со счетами за

погрузку остальных платформ. Но вот следуют счета за рубку этого леса, заготовку его, обкорку, трелевку... Все эти счета оспариваются. "Не было этой работы, — говорит тов. следователь, — счета фиктивные, Альтбреген положил деньги в карман. "Не было дела".

Получается оригинальная вещь: лес куплен на корню, погружен на платформу, а прибыл в Грузию без пней, в заготовленном виде!

В самом начале судебного заседания сидящий на скамье подсудимых Кирилл Иванович Дерявко, человек не весьма высокого образования, изрек очень мудрую философскую мысль. Он сказал: "Граждане судьи, а ведь лес с пнем не утянешь!"

Неправы вы, Кирилл Иванович! Не согласился с вами тов. Дворянчиков! По его утверждениям Альтбреген сумел это сделать. Парадокс! Откуда же такой вывод, такая нелепость?

Случилось это потому, что тов. следователь не захотел считаться с фактами, документами, не прислушался к свидетелям... Показания свидетеля Смирнова С.И. о том, что денег он не получал, работу не выполнял — оказались для тов. Дворянчикова вполне достаточными для того, чтобы сделать вывод о хищении Альтбрегеном 5 тыс. рублей.

А ведь Сергей Иванович Смирнов еще на предварительном следствии говорил: "Вырубку Альтбреген производил своими силами, нанимал моих двух сыновей" (т. 5 л. д. 46) и далее: "113 к/метров леса Альтбреген отправил в Грузинскую ССР" (т. 5 л. д. 67-68), об этом же говорил этот свидетель и в своих показаниях 3 апреля 1953 года и 23 июня 1953 года.

Четыре показания свидетеля, а следователь не прислушивается к ним. — Не хочу, не буду верить, "не было дела"!

В материалах дела имеется справка о семейном положении, представленная Смирновым С.И. на предмет получения денег по указанному счету (прил. 9, л.д. 60).

Но следователь и ей не хочет верить. "Не было дела!"

Наконец, в материалах дела (приложение 14 л.д. 34) имеется и акт о приемке леса за подписью председателя колхоза и других лиц.

Но следователь и этому не верит. "Все равно, не было дела!" Мало того, сыновья Сергея Ивановича Смирнова подтвердили еще на следствии, что указанную работу они выполнили, счет был оформлен на отца. Но тов. Дворянчиков по-прежнему стоит на своем "не было дела, не верю!"

Если бы т. Дворянчиков присутствовал в судебном заседании и продолжал бы упорно твердить свое "не было дела" — я бы, признаться, не удивился... Но как мог тов. Прокурор поддерживать это обвинение — диву даешься!

Попробуем подвести итог: в материалах дела больше чем достаточно данных, для того чтобы утверждать, что Альтбреген не повинен в хищении денежных средств артели 1-го Мая Грузинской ССР.

На этом маленьком примере видна вся порочность методики следователя, который и в этом, и других случаях при выводах о хищении исходил лишь из порочности документа, не устанавливая действительного ущерба, нанесенного той или другой организации.

Перехожу к следующему пункту обвинения: о хищении Альтбрегеном 32621 рубля в так называемом строительстве дачного городка генералов и старших офицеров Военной Академии им. И. В. Сталина.

Известно, что в 1948 году Альтбреген заключил договор с неким строительством дачного городка на поставку ему 9-ти срубов (за определенное вознаграждение). И вот теперь говорят, что в результате ряда подлогов в документах Альтбреген украл у этого "строительства" свыше 30 тысяч рублей.

Прежде чем перейти к анализу доказательств, я позволю себе поставить вопрос: "у кого украдены деньги?" Обычно такой вопрос нас не интересует в делах, ибо само собой понятно, что частное лицо — есть частное лицо, организация — есть организация... В соответствующих случаях мы и квалифицируем действия обвиняемого тем или иным Указом 4/VI-47 года.

Но здесь этот вопрос небезынтересен. "У кого украли?" Нам отвечают: " Украли у кооператива", и в соответствии с этим квалифицируют действия Альтбрегена ст. 4 Указа 4/VI-47 года.

Так ли это? Альтбреген Леонид Абрамович утверждает, что он имел дело не с кооперативом, а с группой частных

лиц. То же самое утверждает и Альтбреген Натан. Наконец, и "Кооператив" этот почему-то нигде не именуется себя Кооперативом, а везде пишет просто: "Строительство дачного городка". Вот трудовое соглашение от 28 февраля 1948 года (приложение 9 л. д. 45—48) на поставку срубов. Читаем его: "Мы, правление строительства дачного городка генералов и офицеров... и т. д." А где же "Кооператив"? Может быть это упущение? Обратимся к обвинительному заключению. Там тоже значится: "Хищение общественных средств в строительстве дачного городка". О Кооперативе опять никакого упоминания. Что же это за организация? Что же это за Кооператив, который и не Кооператив? Почему интересы этого "Кооператива" мы должны защищать ст. 4 Указа 4 июня 1947 года?

Для того чтобы ответить на все эти вопросы необходимо прежде всего выяснить юридическое положение указанной "организации". Тогда, и только тогда мы сумеем дать ответ на этот основной и решающий вопрос.

И здесь мы опять сталкиваемся с возмутительнонепростительной постановкой вопроса в процессе следствия.

Ведь известно, что в нашем государстве имеются две категории лиц: физические лица (частные граждане, группа граждан) и лица юридические. Причем известно, что все юридические лица могут быть разделены на три категории: 1) государственные организации, 2) кооперативные, 3) общественные (профсоюзы, добровольные общества). Убедиться в этом весьма не трудно — стоит лишь открыть любой учебник гражданского права. Когда же юридическое лицо считается возникшим? Об этом ст. 14 гражданского Кодекса говорит абсолютно ясно: с момента утверждения Устава, а в надлежащих случаях и регистрации в соответствующих финансовых органах. Итак, казалось бы, ясно, что ст. 2 и 4 Указа от 4 июня 1947 года, могут лишь караться лица, повинные в хищении имущества юридических лиц: по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 года — повинные в хищении государственного имущества, по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 года — в хищении кооперативных и общественных средств. Третьего не дано! А вот тов. Дворянчиков сумел найти третье! Случилось это так. В соответствии с постановлением Совета Народных комиссаров СССР от 21 июня 1945 года № 1466 Исполком Моссовета решением от 21 марта 1946 года отвел в Жаворонском р-не Московской области для генералов и старших офицеров Академии им. Сталина

50 га земли для строительства дач. Казалось бы — стройтесь! Покупайте каждый себе лес и стройте дачи. Но не тут-то было... Начальник Академии генерал лейтенант Сухов, он же один из застройщиков, вопреки существующим законам, 28 января 1948 года издал приказ по Академии, которым организовал для руководства строительством дач "Правление", или, как назвал его свидетель, полковник Сивков — "Комиссию". Во главе этой комиссии был поставлен сначала генерал Милковский, а затем — полковник Сивков. Собрала эта комиссия с застройщиков деньги и организовала закупку леса, срубов... Узнал об этом удивительном приказе Министр Вооруженных сил и своим приказом № 64 от 21 сентября 1948 года запретил военным организациям заниматься вопросами дачного строительства.

Во исполнение этого приказа начальник Академии издал и свой приказ от 2 сентября 1948 года, которым ранее изданный приказ был отменен. Но "комиссия" не выполнила этого приказа. Она продолжает существовать. В качестве кого? Органа юридического лица? Еще на предварительном следствии председатель этой комиссии тов. Сивков говорил: "Кооператива дачного строительства генералов и офицеров не существовало и не существует..." (т. 10 л. д. 2). И к голосу тов. Сивкова нельзя было не прислушаться — ведь никакого Устава эта "организация" не имела, в финорганах не была зарегистрирована... Но следовательно не прислушивается к этому голосу, и некоторые считают, что он прав: дескать организация эта военная, особого рода, для нее существует особый порядок оформления. Так ли это? Может быть, т. Дворянчиков именно так мыслил? Ничего подобного. Перед нами постановление следователя о выделении в отдельное производство материалов на генерала Милковского и полковника Сивкова (т. 10 л. д. 148). Обратимся к нему: "Законного юридического оформления эта организация не получила..." Но может быть в дальнейшем следователь изменил свое мнение, стал мыслить иначе? Обратимся к Обвинительному заключению. На странице 30-й его мы прочтем: "Правление дачного строительства, не оформившись как юридическое лицо, просуществовало до сентября месяца 1948 года, поскольку приказом Министра Вооруженных сил СССР № 64 от 21 сентября 1948 г. и в соответствии с ним приказа Начальника Академии № 329 т. 2 октября 1948 года было запрещено заниматься вопросами дачного строительства, и ранее изданные приказы и

распоряжения в этой части были отменены. Однако деятельность правления продолжалась вплоть до 1952 года..."

Парадокс! До сентября месяца 1948 года эта "организация" — не юридическое лицо, после — "продолжает свою незаконную деятельность!" Да что же это такое? Если это не юридическое лицо — значит — физическое, т. е. группа частных лиц. А если это юридическое лицо, то зачем писать, что оно не юридическое лицо? Ведь может быть или то, или другое. Третьего не дано!

Нам кричат: "убили, судите по ст. 136 УК!" Мы спрашиваем: "Кого убили, человека?" — "Нет, не человека, но судите по ст. 136 УК". Сплошная софистика.

Вывод, мне кажется, очевиден: мы здесь имеем дело не с кооперацией, а с лжекооперацией, которая не имеет никакого утвержденного Устава, не зарегистрирована в финансовых органах, не платила государственных налогов.

Можно ли защищать интересы этой организации ст. 4 Указа от 4 июня 1947 года, т. е. той статьей, которой мы защищаем интересы наших кооперативных, общественных организаций?

А с политической точки зрения здесь все верно? Политически здесь все выдержано? Об этом тов. Дворянчиков подумал?

На протяжении нескольких лет существует незаконная организация — лжекооператив, т. н. "строительство дачного городка".

Устава этот лжекооператив не имеет, нигде не зарегистрирован, государственных налогов не платит... Его надо наказывать, штрафовать, судить за это, а мы хотим его защищать, да и не просто защищать, а защищать той священной статьей нашего закона, которая предусматривает защиту основы основ нашего государства — колхозной, кооперативной, общественной собственности! Об этом тов. Дворянчиков подумал?!

Вывод очевиден: даже при подтверждении всего того, что значит в обвинительном заключении — никакой речи о квалификации действий Альтбрегена Л. А. ст. 4 Указа 4/VI-47 года быть не может. В надлежащих случаях можно было бы говорить лишь об ответственности за причинение вреда имуществу частных лиц.

Здесь бы и можно было поставить точку. Но мне хотелось бы показать, что и по самому существу настоящее обвинение было совершено беспочвенным, несостоятельным. Это лишний раз подтвердит порочность методики следователя, на чем я уже останавливался выше.

Из суммы свыше 30 тыс. рублей, якобы похищенных у так называемого строительства дачного городка, "Альтбреген Л. А., — гласит обвинительное заключение, похитил 18494 руб. по 37-ми счетам гражданина Веселкова". 37 счетов! 74 раза расписался в них Веселков, 74 подписи поставил и теперь опровергает все эти подписи голым отрицанием. В чем здесь дело? Оказывается, 12 апреля 1948 года Альтбреген заключил с бригадой плотников в лице бригадира Веселкова договор о рубке срубов. Согласно этому договору бригада выполнила указанную работу и получила через бригадира Веселкова причитающиеся деньги. Казалось бы, все! Никаких трений, никаких недоразумений! Проходит несколько лет, и вдруг на допросе у следователя Веселков начинает утверждать, что деньги по счетам он получал в меньших суммах.

"За каждый квадратный метр сруба мы получали не по 40 р., как указано в счетах, а по 30 руб. За вытеску потолочных балок не 5 руб., а 3 рубля", — говорит Веселков. И ему следователь верит. В прошлом судебном заседании мы показали Веселкову договор от 12 апреля 1948 года, случайно сохранившийся у Альтбрегена. В договоре имеется подпись Веселкова. Веселков тогда сказал: "Подпись в договоре не моя..." Но может быть эта подпись не имеет никакого значения? Ведь договор этот никем и нигде не заверен. — Нет. Этот договор и подпись в нем Веселкова, важны не столько как юридический документ, сколько как доказательство имевших место расчетов (ведь в нем указаны именно те расценки, какие указаны и в счетах). Именно поэтому коллегия Областного суда, возвращая настоящее дело к доследованию, в своем определении от 12 марта 1954 года указала на необходимость проведения графической экспертизы с целью установления, кем учинена в договоре подпись Веселкова. Итак, как мы видим, разговор об этой подписи далеко не праздный. К сожалению, вследствие малого объема исследуемого материала, графическая экспертиза ничего определенного сказать не смогла, и в настоящем судебном заседании Веселков по-прежнему утверждает, что подпись в договоре принадлежит не ему. Тогда мы показали Веселкову его показания на

предварительном следствии (т. 4 л. д. 272). В этих показаниях значится: "Предъявленный мне договор от 12 апреля 1948 года, заключенный мной от имени бригады с Альтбрегеном на рубку срубов подписан мной..." И ниже: "Договор был подписан только мной..." Кстати, заметим в скобках, об этих показаниях Веселкова в обвинительном заключении тов. следователь почему-то не упоминает... *Так появилась первая трещина в показаниях Веселкова.*

Допрошенный в процессе следствия по вопросу выполнения отдельных работ, Веселков отказался от получения денег за эти работы, указав, что работ этих он не выполнял. "Мы работали только до ноябрьских праздников, — говорит Веселков, — после этого рассчитались полностью и уехали. Больше с Альтбрегеном я не виделся. Денег по счетам от февраля месяца 1949 года и декабря м-ца 1948 года, таким образом, не получал.

Тогда мы показали Веселкову его собственноручные расписки в получении денег в декабре м-це 1948 года и в феврале и марте 1949 года. Веселков по этому поводу ничего сказать не смог... А ведь эти расписки подтвердили правильность утверждения Альтбрегена о том, что окончательный расчет с Веселковым был проведен не в ноябре м-це 1948 года, а в марте м-це 1949 года.

Так появилась вторая трещина в показаниях Веселкова.

Веселков утверждал, что все счета подписал лишь по оплошности или потому, что там не была проставлена сумма. "Таких случаев, — сказал Веселков в суде, — чтобы я по просьбе Альтбрегена подписал счет на вымышленные работы или в большей сумме, не было". Так рисует картину и обвинительное заключение, которое прямо утверждает, что Альтбреген похитил деньги по указанным счетам, "используя малограмотность Веселкова" (стр. 34 обвинительного заключения).

Тогда мы показали Веселкову счета, составленные им собственноручно: за отборку леса, уборку делянки и др., т. е. такие, в которых значились те самые работы, от которых отказался Веселков в своих показаниях. Как же появились эти счета? Веселков ничего внятного ответить на это не смог.

Так появилась третья трещина в показаниях Веселкова.

Веселков восклицает: "Зачем я буду отрицать получение денег по счетам? Разве я мог бы обманывать свою бригаду? Как бы я мог это делать?"

Тогда мы продемонстрировали Веселкову не "как бы он мог это делать", а как он это сделал. Мы познакомили его с показаниями работников его бригады — братьев Молчановых. Оба брата в один голос утверждали, как на предварительном следствии, так и в судебном заседании, что получали с Веселкова за рубку потолочных балок по 2 рубля. А сам же Веселков в своих показаниях на предварительно следствии (т. 7 л. д. 63) утверждает, что получал с Альтбрегена за рубку потолочных балок — по 3 рубля. Правда, в судебном заседании он уже поправляется: не по 3 рубля, а по 2 р. 50 коп. Хорошо, пусть будет так! Но тогда куда же делся рубль, 50 копеек? Веселков на это ничего сказать не смог. Не мог сказать он ничего потому, что этот рубль, эти 50 коп. осели в его собственном кармане.

Так появилась четвертая трещина в показаниях Веселкова.

Сколько же еще нужно данных для того, чтобы доказать, что 74 подписи Веселкова соответствуют действительности?

Неужели при каждой выдаче денег Веселкову необходимо было приглашать милиционера?

Но нашелся и подобный свидетель, очевидец. В своих показаниях на предварительно следствии председатель колхоза "Сознание" Смирнов А.А., заверивший указанные счета, говорит: "Счета от 20 июля 1948 года на 580 рублей, от 23 августа 1948 года на 1200 руб. и т. д., и т. п. заверены мной и деньги Веселков получал при мне". (т. 5 л. д. 74).

Веселков и на это ничего сказать не смог.

Так появилась пятая трещина в показаниях Веселкова.

Но почему это все защита должна представлять доказательства, опровергающие показания Веселкова? Давайте обратимся к обвинению. Чем следователь подкрепляет показания Веселкова? Где эта подпорка, в чем?

Здесь мы сталкиваемся с совершенно невероятной вещью! Обратимся к обвинительному заключению. "Показания Веселкова объективно подтверждаются показаниями плотника Гусева Г.Ф., который вначале рубил сруб Альтбрегену для дачного строительства городка Академии. Он

показал: "За каждый квадратный метр вырубленных срубов Альтбреген Леонид платил нам по 30 рублей..." (стр. 34 обв. заключения).

Интереснейшая деталь: в первоначальном обвинительном заключении ссылки на свид. Гусева не было. Не было этой подпорки. А сейчас, видимо, почуяв некоторую слабость, решили дать ее Веселкову. Ну, что ж, проверим эту опору (мы ведь все должны проверить!). Итак, Гусев подтверждает, что получал с Альтбрегена за квадратный метр сруба не 40 руб., а 30 рублей...

Возникает вопрос: прежде всего, почему товарищ прокурор не настаивал на вызове этого свидетеля в судебное заседание - ведь это единственный и весьма важный свидетель? Мало того, если Гусев получал с Альтбрегена по 30 руб., почему же Альтбрегену не вменяется в вину присвоение денег по счетам Гусева? Ответ тов. Прокурора на этот, последний, вопрос мы можем предвидеть: "Альтбрегену не вменяется в вину присвоение денег по счетам Гусева потому, что Гусев получал за рубку квадратного метра сруба по 30 руб., и счет был оформлен на 30 руб.". Ведь другого ничего не придумаешь!

Увидев в материалах дела столь важные показания Гусева (а допрошен он был прокурором Алякринским), следователь тов. Дворянчиков, видимо, воскликнул: "Эврика! Открытие! находка!" И поспешил вписать эти показания в обвинительный акт. Скорей! Пусть Веселков обопрется! Я, дескать, получал столько же, сколько и Гусев! Но как, впрочем, нередко в этом деле, фортуна и здесь изменила следователю. Откроем л. д. 274 в приложении № 9. Здесь хранится документ, представляющий для нас огромный интерес — счет Гусева от 27 марта 1949 года. В нем значится, что за рубку сруба 90 кв. метров из расчета 40 руб. за кв. кубометр Гусев получил 3600 рублей! Но может быть Гусев этих денег не получил? Может быть это упущение следователя, что он не вменил в вину Альтбрегену присвоение денег по этому счету Гусева? — Нет. Настоящий счет еще в процессе следствия был предъявлен Гусеву и в том же показании, на которое ссылается следователь в обвинительном заключении, но страницей дальше мы можем прочесть: "По счету от 27 марта 1949 года 3600 руб. деньги я получил полностью... (т. 2 л. д. 104). Итак, еще в процессе следствия Гусев, первоначально допустив ошибку, подтвердил, что получал от Альтбрегена по 40 руб.

за каждый квадратный метр сруба. Именно поэтому и не вменили Альтбрегену присвоение денежных средств по этому счету.

Следовательно, показаниями Гусева не только нельзя подкреплять утверждения Веселкова, а, наоборот, они, эти показания, забывают последний, шестой клин в показаниях Веселкова, и от этого, последнего клина, эти растрескавшиеся показания раскалываются совершенно!

— Да, — теперь можем сказать мы словами обвинительного заключения, — Веселков получал по счетам столько же, сколько же получал и свид. Гусев. Показания Альтбрегена о том, что он платил за каждый квадратный метр сруба по 40 рублей объективно подтверждаются показаниями свидетеля Гусева.

Кажется мне, что теперь уже все ясно. Удивляет другое: как можно было дойти до того, чтобы так исказить, так извратить существо дела, что доказательство невиновности человека превратить в доказательство его вины?!

Еще в процессе следствия было совершено очевидно, что показания Веселкова являлись чистым оговором, направленным на то, чтобы реабилитировать себя перед членами бригады, которым он платил меньше того, что получал с Альтбрегена.

Обвинение Альтбрегена в этой части спадает с него, как шелуха.

При допросе свидетеля Чудакова тов. Председательствующий очень образно и не без иронии заметил: "Вот вы, Альтбреген, доверялись Чудакову — он и на-чудил..." Да, это в действительности так — Чудаков — начудил. Но ведь, если Чудаков — начудил, то Веселков — навеселил!

Крепко навеселил, сильно навеселил! Очень смешно!

Третий год старик Альтбреген в тюрьме... смеется! Очевидно, если бы следствие не велось с особой пристрастностью, с особым уклоном — не услышали б тюремные стены этого горького смеха!

Очевидно, если бы следствие не велось с особым пристрастием, с особым уклоном — Веселков был бы уже давным-давно разоблачен — к этому в деле было больше чем достаточно данных!

Перехожу к следующему пункту обвинения. . .

(В конце речи я просил вынести Альтбрегену П. А. оправдательный приговор — А. М.)

— “ —

Приговором Коллегии Ярославского Облсуда от 27 сентября — 16 октября 1954 года АЛЬТБРЕГЕН Л.А. по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 года был *оправдан* и из-под стражи освобожден.

В кассационной инстанции, где я уже выступал в качестве защитника Альтбрегена Натана, было прекращено дело и в отношении Альтбрегена Н.Л. и он тоже обрел свободу.

Как нередко бывает, с этими тяжело пострадавшими, но глубоко порядочными людьми, мы после того страшного процесса крепко подружились, и эта личная дружба затем переросла в дружбу семейную. Леонид Абрамович в глубокой старости умер, а Натан с женой Раей и детьми эмигрировал в США, где живет и поныне в Филадельфии. Недавно, будучи в США, я, конечно, побывал и у них. Сколько тепла, сердечности, безграничной благодарности сохранили они ко мне, невзирая на то, что прошло с тех кошмарных дней почти 40 лет!

Это ли не высшая награда за наш адвокатский труд?!

Дело Лапшина

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА.

В ночь с 13-го на 14-е сентября 1958 года в своей комнате, расположенной в чердачном помещении дом № 12 по ул. Некрасовской гор. Ярославля, был убит 66-ти летний КАНАТЬЕВ Апполинарий Иванович, певчий Федоровской церкви г. Ярославля. Покойному было нанесено 16-ть ножевых ран.

По обвинению в убийстве Канатьева с целью ограбления был привлечен к уголовной ответственности Колпаков Герман Александрович, а его младший двоюродный брат, Лапшин Вячеслав Николаевич, был привлечен к ответственности как соучастник этого преступления. Соучастие Лапшина, по мнению автора обвинительного заключения, выразилось в том, что он во время нанесения Колпаковым ударов ножом Канатьеву накрыл лицо Канатьева подушкой. Помимо этого с целью сокрытия следов этого преступления Лапшин на другой день после убийства выбросил оружие убийства — нож. После убийства Канатьева Колпаков одел на себя его костюм, а Лапшин — плащ убитого, и с места совершения преступления они скрылись.

Уходя из комнаты Канатьева, — гласило обвинительное заключение, — “с целью сокрытия следов совершенного тяжкого преступления, Колпаков и Лапшин совершили поджог, для чего на электроплитку, включенную в сеть, Лапшин положил газеты, которые воспламенились, и огонь распространился на продуктовый шкаф, свертки с продуктами, занавеску и пр.” Возникший пожар не получил распространения и самопрекратился ввиду отсутствия доступа свежего воздуха извне.

Действия Колпакова следственными органами были квалифицированы ст. ст. 136 с 1 п. “а”, 19-79 ч. 2 и ст. 2 ч. 2 Указа от 4/6-47 года, а действия Лапшина ст. 17-136 ч. 1 п. “а”, 19-79 ч. 2 УК и ст. 2 ч. 2 Указа от 4/6-47 года (статья 102, 149 ч. II и 146 ч. II ныне действующего УК — А. М.).

Настоящее дело слушалось в Ярославском областном суде 24-25 ноября 1958 года.

По приговору суда Лапшин по ст. 19-79 ч. 2 УК был оправдан. Его действия со ст. 17-136 ч. 1 п. "а" УК и ст. 2 ч. 2 Указа от 4/6-47 г. были судом переквалифицированы на ст. 17-137 УК и ст. 1 ч. 2 Указа от 4/6-47 г. (соучастие в убийстве без отягчающих обстоятельств и кража личного имущества) и мера наказания ему была судом определена в 6-ть лет лишения свободы.

От подачи кассационной жалобы Лапшин отказался.

РЕЧЬ

по делу Лапшина Вячеслава Николаевича.

Очень тяжелая, страшная драма разыгралась, товарищи судьи, темной сентябрьской ночью этого года в маленькой комнатке чердачного помещения дома № 12 по улице Некрасовской города Ярославля.

Рассказывают, в ту ночь мирно спали соседи, ничто не нарушало покоя улицы... А в это время там, в глухой комнатушке, клочотали душевные страсти, бушевали людские бури.

И завершилось все это кровавой развязкой: молодой парень, Герман Колпаков, вдруг выхватил нож и ударил им в грудь человека. А когда тот, смертельно раненный, рухнул на кровать, он в исступлении ударил его еще, еще и еще раз... Рассказывают, что потом робко скрипнула дверь, и опять все смолкло: мирно спали соседи, ничто не нарушало покоя улицы... И только там, в комнате на чердаке, не спал человек: он был мертв.

Фото-копии финала этой страшной драмы приобщены к настоящему делу, но мне думается, что для того, чтобы наглядно представить себе весь этот кошмар не достаточно безмолвных фотографий — надо вспомнить рассказы живых людей, тех, которым привелось все это увидеть своими глазами, пережить. Вы, конечно не могли забыть показаний в кабинете следователя и здесь, в зале суда, свидетеля Салтыкова, певчего хора Федоровской церкви, приятеля покойного. Вы, наверное, помните, как он, обеспокоенный тем, что Канатьев не явился в церковь, пришел к нему домой на следующий день после убийства. Медленно поднялся он по крутой лестнице, ведущей на чердак, постучал

в дверь. Никто не окликнулся. Тогда он нажал на дверь, и она отворилась. “Я зашел в комнату, — рассказывал этот свидетель, — и прежде всего мне бросился в глаза царящий там беспорядок: на столе валялись пустые бутылки из под вина, остатки жирной картошки, колбасы, арбузные корки. Потом я обратил внимание на беспорядочно взъерошенную постель. И вдруг там, на кровати, я увидел окровавленный труп Канатьева, с вывалившейся вставной челюстью, с мертвыми стеклянными глазами... Я, как сумасшедший, бросился вон из комнаты, нечеловеческим голосом закричал...”

И тотчас весть о страшной драме, весть об убийстве певчего Федоровской церкви Канатьева Апполинария Ивановича понеслась по городу. И тревожная, мрачная передавалась она из дома в дом, из уст в уста, рождая всевозможные догадки, предположения, подозрения... А в это время они, причастные к этому преступлению, и 18-ти летний Вячеслав Лапшин, и его старший двоюродный брат не находили себе места: у них все валилось из рук, путались мысли, и в страхе они вздрагивали при каждом шорохе. Особенно переживал младший брат, Вячеслав. Вспомните показания Колпакова, который рассказывал о том, что Лапшин очень сильно переживал убийство и ему приходилось его несколько раз уговаривать, чтобы он не плакал и взял себя в руки. Вспомните показания сестры Вячеслава, Лапшиной Руфины, которая, показала: “После 14-го сентября настроение у брата было все время подавленное. Он что-то сильно переживал. Дома, в постели, он даже плакал...” Об этом же поведали и следователю, и суду и родители Лапшина, его мать и его отец. “Убийство Канатьева, — пояснил сам Вячеслав Лапшин, — я сильно переживал. На работе у меня все валилось из рук, ночью я почти не спал, часто плакал”.

Ему, этому хрупкому пареньку, было так тяжело, что носить эту непосильную тяжесть один, ни с кем не поделившись он не мог, не хватало сил. И вы помните, как однажды он сидел дома с отцом и матерью, играл на гармошке. И вдруг оборвался аккорд, смолкла заунывная песня — Слава заплакал и, прижавшись к матери, поведал родителям обо всем.

Мы можем, конечно, сегодня упрекать этих людей, можем осуждать их за то, что они не заявили тотчас же обо всем в следственные органы, в милицию. Все это так, и никто не собирается оправдывать их бездействие. Но со-

гласитесь, ведь это были отец и мать, а он был их родной сын, единственный. И когда они говорят: “Мы были, как громом, поражены” — поверьте им. Видимо, не так все это было просто... Однако, ноша была так тяжела, что поделить ее только с отцом и матерью, было еще недостаточно. И он поделился горем своим и с девушкой, с которой дружил, со Светланой Прянишниковой. Вы помните ее рассказ: “У меня дома Славик вдруг заплакал и сказал, что я его больше не увижу. Он сказал, что Апполинария Ивановича больше нет в живых, что его убил в его присутствии его брат Герка...”

Этот 18-ти летний юноша, товарищи судьи, был просто потрясен случившимся. Его измученная, истерзанная совесть не давала ему покоя ни ночью, ни днем, и потому на первом же допросе в отделении милиции он сразу рассказал все, рассказал, хотя против него не было буквально никаких улик...

И единственное, о чем он просил, давая эти, изобличающие себя показания, единственная его просьба заключалась в том, чтобы не привлекали к ответственности его отца, мать, его девушку, которые, как заверял он, ни в чем, ни чем не виноваты.

Мы спросили его, чем было вызвано его признание, почему он сразу же сознался во всем. И вы помните его ответ. Он был предельно краток: “ Мне было очень тяжело...” Этим сказано все.

Товарищи судьи! Убийство — самое тяжкое, самое страшное преступление. Жизнь — высшее благо, данное человеку, и не случайно по нашему закону за убийство при отягчающих обстоятельствах может быть определена и высшая мера наказания — расстрел. Естественно встает вопрос: как же могли они, сидящие на скамье подсудимых, совершить подобное преступление? Как могла подняться их молодая, неопытная, робкая рука для нанесения смертельного удара человеку? Или может быть, несмотря на свою молодость, свой юный возраст, они уже имели опыт в этом, может быть, им в прошлом уже была ведома глухая тропа преступлений, грязные задворки нашей жизни? Увы, нет! Здесь уже было немало сказано о безупречном прошлом Колпакова. То же можно сказать и о младшем брате — Лапшине. Ему едва исполнилось 18-ть лет, и, хотя он еще прожил очень недолгую жизнь, но о нем никто худого слова сказать не может. Биография его очень невелика, если

вообще можно говорить о биографии, применительно к пареньку его возраста. Учился в школе, окончил 6-ть классов, а затем пошел трудиться. Работал сначала учеником продавца в магазине Горкоопторга, а затем переквалифицировался, поступил работать крановщиком на электро-механический завод. В материалах настоящего дела, в томе 2-м на листах дела 107 и 108, хранятся производственные характеристики Лапшина. Из них вы можете усмотреть, что к работе этот юноша относился исключительно добросовестно. "Серьезный, трудолюбивый, дисциплинированный" — так значится в характеристике, подписанной начальником цеха, секретарем партийного бюро, председателем цехкома завода. Очень тепло отзываются о Вячеславе Лапшине и люди, знающие его с малых лет по совместному жительству в одном доме. "Каких либо плохих поступков с его стороны мы никогда не замечали, — пишут они в своем отзыве, адресованном в суд — Был всегда вежлив... Своим поведением ни разу не нарушил правил социалистического общежития". Ну и, конечно, в прошлом не только никаких судимостей, но даже и подозрений в совершении преступлений. Вот примерно все, что можно сказать о его прошлом. Как видите, оно безупречно. Но тогда почему же сошел он с верного пути? Почему совершил преступление? Может быть, здесь было какое-то дурное влияние семьи, обстановки, в которой он жил и воспитывался?

Увы, и этого сказать нельзя. Вам известно, что Лапшин рос и воспитывался в простой честной рабочей семье. И сам тот факт, что все члены этой семьи: отец, мать, двое дочерей и сам Вячеслав, их сын, работали на одном заводе, мало того, за исключением отца, — все в одном цехе — уже о многом говорит. Он был воспитан в труде, был воспитан к труду.

Но, может быть, здесь сказалось дурное влияние улицы? Может, взыграли низменные страсти, он позарился на чужое добро? Нет! И это исключается. Вы видите, что никакой мысли об ограблении у них не было, а единственная ценность, которую приобрел Лапшин в результате преступления, был плащ, старый, худой плащ, тот самый, который ему абсолютно был не нужен, и о котором еще на следствии Лапшин говорил: "Плащ я буквально не знал куда девать. Хотел его сжечь, уничтожить, забросить..."

— Но тогда в чем же причина? Почему же было совершено это преступление?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос нам надо заглянуть в глубокие недра этого дела, покопаться на самом его дне. И вот здесь-то мы сталкиваемся с тем, что так тщетно искали. Оказывается, причина, породившая это преступление, кроется в том, что на свою беду на одном из перекрестков своего жизненного пути Вячеслав Лапшин и его брат — Герман Колпаков встретили Канатьева Апполи-нария Ивановича. Казалось бы, что может быть общего у него, человека 66-ти летнего возраста, с ребятами, которые более чем в три раза младше его? Ведь он им не только отцы, в дедушки годился! И, однако же, нашлось общее...

Нельзя не согласиться с тем, кто говорит, что о покойнике не принято плохо отзываться. Да, это так! Но как бы нам этого не хотелось, как бы это не было неприятно, некоторым фактам мы должны сегодня посмотреть прямо в глаза. Это тем более необходимо сделать сейчас, учитывая специфику этого процесса, ибо почти все судебное следствие прошло у нас при закрытых дверях, и то, что для суда, для нас, сторон, уже бесспорно, вызывает еще определенное недоверие у многих слушателей. И не только недоверие, но и как следствие его не совсем здоровые настроения: дескать вот убили человека, а теперь норовят на него же, на мертвого, все свалить, над святым глумятся и пр., и прочее.

Говорят, что Канатьев не так при жизни, как после смерти своей прослыл чуть ли не за мученика, за святого, что отпевали его со всеми подобающими истинно религиозному человеку почестями, что прихожане Федоровской церкви почитали его за человека честного и безгрешного...

Должен сразу же оговориться с тем, чтоб меня правильно поняли.

В нашем государстве наряду со свободой слова, собраний, печати существует и свобода совести, вероисповедания. И хотя мы прекрасно понимаем, что всякая религия — это дурман, вредный пережиток прошлого, но верующие у нас не преследуются. В свое время в статье "Социализм и религия" Ленин писал: "Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии". Мы, атеисты, не верим в бога. Они, верующие, верят в бога, верят в потустороннюю жизнь.

Ну, что ж! Это их дело. Мы вправе и должны спорить с ними, доказывать, убеждать, но не преследовать. И не преследуем мы этих людей потому, что и они, верующие,

в конечном итоге тоже наши, советские, люди. Им, верующим, так же присущи чувство советского патриотизма, любви и преданности нашей Родине. Есть среди верующих немало подлинных энтузиастов труда, заслуженных участников Отечественной войны. Есть и такие, заслуги которых в деле борьбы за мир высоко отмечены советским правительством.

Эти люди не только не преследуются, но пользуются у нас заслуженным уважением — мы понимаем, что если в своей вере, в своих убеждениях они и заблуждаются, то заблуждаются добросовестно. Но есть и другая категория верующих, есть и другого сорта “верующие”. Для этих всякий религиозный праздник — это лишь повод для того, чтобы не выйти на работу, чтобы пьянствовать, дебоширить, хулиганить. Веру в бога, хождение в церковь очень удобно совмещают такие люди с личной нечистоплотностью, вплоть до совершения уголовных преступлений. У таких людей, хотя они и посещают церковь, ведут разговоры о святости, конечно, нет ничего святого в жизни. Их заверения о вере в бога, о религиозности — сплошное лицемерие. Такие люди своим поведением позорят не только нас, неверующих, но и позорят, оскорбляют священные чувства подлинно верующих.

Мне представляется, что я не ошибусь, если скажу, что вот к такой, второй категории “святых” относился покойный Канатьев Апполинарий Иванович. Он жил уединенно, в маленькой комнатке чердачного помещения одного из домов по улице Некрасовской. И была у этого человека не одна, а две жизни. Одна — это та, которую он выставял напоказ, которую знали многие. Другая — та, которую он тщательно скрывал, старательно маскировал. Та, которую он выставял напоказ, которую демонстрировал — была жизнью порядочного человека. Вспомните показания многочисленных свидетелей, сослуживцев, соседей, родственников, знавших его на протяжении многих лет.

“Добрый, миролюбивый, рассудительный, вежливый, незлобивый, обходительный”, — вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми они характеризовали покойного. “Никогда ни в чем никому не отказывал, — твердили они в один голос. — Бывало просят у него одолжить деньги, выручить из беды — он никогда никому не отказывает, всегда поможет...” В общем, как видите, жил буквально по Евангелию: “Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у

тебя не отвращайся". Но это было только внешнее, то, что выставлялось напоказ, на всеобщее обозрение. Французы говорят, что ряса не делает монаха. В этой народной пословице заложена глубокая истина. Ряса, которую одевал Канатьев, идя в люди, в которой он рисовался на улице, увы, не делала из него монаха, ибо когда он возвращался наверх, в свое жилище, он сбрасывал с себя эту рясу, а вместе с ней и маску доброго, порядочного человека. И тогда во всей мерзости, во всей пакостной наготе своей выползала на свет другая, закулисная жизнь Канатьева, та, которая оставила о нем, увы, недобрую память. Об этой, закулисной жизни, говорили подсудимые. Говорили на следствии, говорили здесь, в зале суда. Но, может быть, они лгут, может быть, защищая себя, они наговаривают на мертвого? — Нет. Вы могли убедиться в том, что они говорили правду, так как их объяснения, их показания нашли полное подтверждение.

Из материалов дела, вы видите, что "добрый, незлобивый" Канатьев превратил свою комнату в грязный притон, где процветало пьянство, пошлость, разврат.

Вспомните показания одного из сослуживцев Канатьева, певчего хора той же Федоровской церкви. Помните, как он рассказывал о том, как однажды, он пришел на квартиру Канатьева со своей знакомой. Тут же был накрыт стол появилось вино (у Канатьева всегда имелся большой запас этого снадобья), а после пьянки, многозначительно похлопав по плечу дружка, Канатьев ретировался из комнаты, и они тут согрешили.

В его комнате, мало того, в его, Канатьева, постели! "Да, был грех, — лепетал в суде этот певчий, — но это был грех гражданский, а не религиозный". Вы помните, что мы показали этому свидетелю, что это был грех не только гражданский, но и церковный. Но дело не в этом. Одинок ли был в подобном "гражданском" грехопадении в квартире Канатьева этот певчий? Нет. Вы, конечно, не забыли показания и другого свидетеля, соседа Канатьева, которому так же, для этих же целей, и неоднократно услужливо предоставлял свою квартиру "добрый" Канатьев. Ведь он жил по "заветам Христа". "Просящему у тебя дай!"... Но не это главное. Материалами предварительного и судебного следствия неопровержимо установлено, что Канатьев на протяжении многих и многих лет систематически спаивал и развращал молодых, несовершеннолетних ребят, юношей.

Нельзя было без внутреннего трепета, без возмущения слушать показания многочисленных свидетелей, которые повествовали о грязных проделках этого ханжи. Мне особенно врезался в память волнующий рассказ молодого человека по имени Александр, того самого, показания которого зарегистрированы на листе дела № 83 в томе 2-м (чтобы не травмировать его психику и чувства человеческого достоинства я не буду называть его фамилии и фамилии других аналогичных свидетелей). Ему, этому молодому человеку, сейчас уже далеко за двадцать лет, и оглядываясь на свое прошлое, он теперь в состоянии правильно, критически оценить определенные факты.

“Я начал ходить к Канатьеву, — вспоминал он, — когда мне было лет 15-16. Он меня часто приглашал к себе, угощал. Потом мы с ним вместе ездили в лес, за грибами. Я сначала считал, что он меня любит, как сына. Но потом, при поездках в лес, я начал замечать, что, как только все уснут, он начинает меня обнимать, страстно прижиматься, целовать... А однажды, когда мне было лет 16-ть, мы поехали с ним в лес и ночевали в одной деревне. Спали с ним в одной кровати, и всю ночь он мешал мне спать... После этого случая я стал бояться Канатьева”.

А вот показания другого юноши, Валентина, того самого, протокол допроса которого содержится в томе втором, на листе дела № 212. “Канатьева, — рассказывал он суду, — я знаю с малолетства, так как жил с ним по соседству. Как-то, в 1957 г., он пригласил меня к себе и очень старательно угощал. Я опьянел и задремал прямо на стуле. И вдруг, слышу кто-то копошится у меня на коленях, я еще подумал, что кошка. Я открыл глаза... и отпрянул — это был Канатьев... С той поры я больше не стал ходить к нему”. Откройте л. д. 95 в томе втором, и вы прочтете там не показания, а целую трогательную повесть, жуткую и возмутительную. Это протокол допроса еще одного свидетеля, Владимира, того самого, который очень просто, бесхитростно поведал суду свою историю. “Я жил с Канатьевым в одном дворе, — рассказывал он. — Ближе познакомился с ним, когда мне было лет 15-16-ть. Он стал часто приглашать меня к себе, поил, кормил. Мне было очень тяжело материально, и я ходил к нему”. Ну, а чем же он расплачивался? Какую плату требовал с него Канатьев за свои жалкие угощения? Мы спросили его об этом, и Вы помните его ответ: “За это он просил меня удовольствие ему справить. Я это делал. Так было неоднократно”.

А вот показания еще одного свидетеля, молодого, 18-ти летнего юноши. Он, правда, не был допрошен здесь, в суде, но он давал показания следователю, и они зарегистрированы в протоколе допроса на л. д. № 114 в томе первом. Я считаю необходимым остановиться на показаниях этого свидетеля, так как он не проживает в городе Ярославле и, в отличие от других свидетелей, даже не знаком с подсудимыми. Уж его заподозрить во лжи с целью смягчения их участи никак нельзя. Этот молодой деревенский паренек, колхозник, рассказал следователю, что Канатьев нередко приезжал к ним в деревню. А потом он стал ему писать. Писал часто, все приглашал к себе. И этот деревенский паренек бывал у него несколько раз. Он его угощал, спаивал водкой, а затем спал с ним в одной кровати.

Нехорошо спал!

Вы понимаете, что все это грязные, мерзкие факты. И что в особенности поражает и возмущает, так это то, что обо всем этом знали, если не знали определенно, то догадывались, многие взрослые люди, и никто из них не отважился, никто не побеспокоился довести об этом до сведения следственных органов.

Вспомните показания свидетеля Салтыкова, певчего Федоровской церкви, приятеля Канатьева. Знал ли он о непристойных повадках своего друга? Конечно знал. Ведь еще на следствии он показывал, что "шел разговор, что Канатьев занимается нехорошими делами". А что сделал он, чтобы пресечь все это? Ничего, палец о палец не ударил! Обратите внимание на показания другого свидетеля, Лумпова. Это солидный, почтенного возраста человек. Ему уже за пятьдесят лет, он рождения 1906 года. Так вот, на допросе у следователя, этот свидетель (а работает он сейчас музыкантом нашей Ярославской филармонии) показал, что в свое время он работал вместе с Канатьевым в хоре филармонии. "Тогда еще, — пояснял он, — я слышал от танцора Сергея Беляева, что у Канатьева извращенные влечения. Мне лично он говорил, что однажды был у Канатьева, выпивал с ним, а потом остался ночевать. И всю ночь, жаловался Беляев, Канатьев не давал ему спать..." Так сказал этот свидетель, и его показания отражены в протоколе допроса на л. д. 34 в томе № 1. Так, значит, знал этот почтенный человек о канатьевских грехах? Конечно, знал. Здесь же, на этом же допросе у следователя, он прямо признался: "Канатьев мне говорил, что у него ночуют мо-

лодые люди". Но, может быть, он, свидетель Лумпов, не догадался, о чем шла речь? Может быть полагал, что речь идет о чем-то безобидном? Никак нет. вспомните о любопытной истории, случившейся с ним незадолго до убийства Канатьева, о которой он так же рассказал на этом допросе. Оказывается, 11 сентября, буквально за 2 дня до убийства, этот свидетель выпивал вместе с Канатьевым.

"После выпивки, — рассказывает он, — мы с ним гуляли по набережной, а затем пошли ко мне домой. Дома Канатьев начал играть с моим пятнадцатилетним сыном, но я, зная, что Канатьев занимается плохими делами с мальчиками, взял и прогнал своего сына спать..." Так, значит, знал этот свидетель, достоверно знал какими делами занимается Канатьев! И когда это коснулось его ребенка, его сына — он быстро все пресек — прогнал сынишку спать. И совершенно не задумался, не побеспокоился этот человек, этот отец о том, что, может быть, завтра протянет Канатьев свои грязные руки к другому пареньку, к другому ребенку, что, может быть, в будущем он изуродует еще не одну ребячью душу. О своем ребенке подумал, своего пожалел, а об остальных забыл! Решил по принципу: "Меня не трогай, и я не трону!" На примере этого дела наглядно видно как недопустимо нам, советским гражданам, руководствоваться этим гнилым и вредным принципом. Ведь, если бы те, кто ведал, кто знал о гнусных делах Канатьева, своевременно сообщили бы об этом в соответствующие органы, то давным-давно была бы пресечена его преступная деятельность, и он сел бы на скамью подсудимых, на ту самую, на которой сидят сегодня Колпаков и Лапшин.

Товарищи судьи! То, что совершал Канатьев, оно противно нашей совести, нашей нравственности, нашей морали, оно карается нашим уголовным законом. Но разве оно в то же время не противно и законам верующих или, как они их называют, законом Божьим? Конечно, противно. Ведь это же в Священном Писании сказано, что "закон положен не для праведника, но для развратных и оскверненных, для оскорбителей отца и матери, для блудников, мужеложников..."

Значит, и они, законы Божьи, те самые, которые выводил на церковном клиросе своим вызывавшим восхищение у прихожан чудесным голосом (а голос у него действительно был неплохой) Канатьев, тоже гласят: не блуди, не мужеложествуй, не прелюбодействуй, не развратничай!

Теперь мы с полным основанием можем сказать, что своими поступками, своими делами Канатьев оскорблял не только нашу, коммунистическую, мораль, но и издевался, глумился над священными чувствами истинно верующих.

Нет, не было ничего святого в жизни у этого "святого". Он, буквально, как говорится, взял боженку за ноженьку, да и об пол!

Говорят, что за работу в Федоровской церкви Канатьеву щедро платили. Теперь прихожане этой церкви могут воочию убедиться куда, на какие дела пошли их трудовые копейки, те самые, которые в немалом количестве опускали они в церковную кружку.

Вы понимаете, товарищи судьи, что, может быть, можно было бы сегодня не останавливаться так подробно на личной жизни Канатьева и некоторых других обстоятельствах, о которых сказано выше, если бы все это не проливалось свет на то, что случилось, если бы все это, словно яркий луч прожектора, не освещало события этой мрачной темной ночи. В эту ночь убили Канатьева, лишили его жизни. Но позволительно будет теперь задать вопрос: а какой жизни его лишили? Его лишили не той, честной, доброй, порядочной жизни, которую он выставлял напоказ. Нет. Его лишили другой жизни, жизни пошлой, развратной, блудливой. Вам известно теперь, что и подсудимый Колпаков, и подсудимый Лапшин являлись такими же жертвами разврата Канатьева, как и многие другие. Однажды этот "святой" и Колпакова спойл водкой, и очнулся он среди ночи совершенно нагой в кровати Канатьева... А утром, словно подачку, сунул он ему 13 руб. на четвертинку водки. Об этом Колпаков впоследствии рассказал своему младшему брату, Лапшину, с которым они были не только братья, но и задушевные друзья, товарищи. О том же, что Канатьев занимается подобными делами, Лапшин слышал и ранее — полз такой слушок среди соседних мальчишек. Как-то, вы помните, что он об этом рассказывал с дрожью в голосе, Вячеслав собираясь с девушкой в кино, обратился к Канатьеву с просьбой одолжить 10 рублей. Канатьев, конечно, не отказал. Наоборот, — ведь это был его излюбленный прием, — он с сочувствием откликнулся на эту просьбу. "Десять рублей? Пожалуйста. Только зайдём ко мне на квартиру, при себе денег нет". Вячеслав поднялся с ним наверх. Здесь Канатьев пытался его угощать, предложил выпить, а когда Лапшин, несмотря на все уговоры, категорически

отказался, Канатьев засуетился: “почему только десять рублей просишь? Возьми двадцать пять, отдашь как-нибудь...”

— Нет, мне надо только десять, — стоял на своем Лапшин. “Ну что же, возьми. Только не забывай, заходи в любое время, буду всегда рад...”

Вечером 8-го сентября Лапшин зашел к Канатьеву отдать долг. Вы помните, что Канатьев встретил его с распростертыми объятиями. Откуда-то появилось вино, водка, закуска... Что было дальше — Лапшин не помнит. Очнулся он ночью в кровати Канатьева, очнулся от того, что Канатьев мешал ему спать... Наутро он дал ему 55 рублей: “5 рублей — это тебе на завтрак, а 50 руб. на гулянку...” Через несколько дней, 13-го сентября, утром, Канатьев встретил Лапшина на улице. “Ты, Славик сегодня вечером обязательно приходи ко мне. До девяти часов я буду на работе, в церкви, а после девяти приходи. Помни же, не забудь...” — Хорошо, приду, — глухо отозвался Лапшин. Но идти ему, вовсе не хотелось было страшно... И тогда он рассказал обо всем брату, Герману. И в горячих их головах вдруг возникла бесшабашная, озорная идея: “Мы решили, — рассказывают они об этом, — пойти к Канатьеву и обманым путем получить с него 500 руб. Ведь он же нас тоже обманом оставлял у себя. Решили попросить у него 500 руб. а если он откажет, то будем угрожать, что расскажем о его развратных действиях, и его посадят...” Сказано — сделано. Вечером на 50 руб., полученные Лапшиным от Канатьева, они купили две бутылки водки и пошли к Канатьеву. Договорились, что первым зайдет к нему Лапшин, которого он приглашал, а через некоторое время — Колпаков. Так и сделали. Дальнейшее вам уже хорошо известно. Едва Лапшин переступил порог квартиры Канатьева, как тот его сразу же усадил за стол. Здесь уже все было готово: весело шипела поджаренная на сковородке картошка, гостеприимно смотрели вскрытые консервные банки, даже арбуз, и тот, уже был разрезан и словно только и ждал появления желанного гостя. Канатьев не любил попусту терять время. Вы помните, что хотя Колпаков явился вслед за Лапшиным минут через пятнадцать, но за этот небольшой промежуток времени Канатьев уже успел угостить Лапшина несколькими стопками водки, и уже просил его раздеться и прилечь “немного отдохнуть”. “Незванного гостя”, Колпакова, Канатьев встретил недружелюбно. Но, так как он заверил, что зашел “только на минутку, ненадолго, то Канатьев уступил и усадил его тоже за стол. Водку, как всегда, разливал сам

хозяин. И вы знаете, что и в этот раз, как обычно, он частенько "обижал" себя, но зато не забывал поминутно подливать спиртного в чарки своих гостей. Когда распили принесенные две бутылки водки, Канатъев достал и третью... Львиная часть хмельного пришлась, конечно, на долю братьев. Они сильно опьянели, настолько, что даже забыли о своем озорном плане. Особенно охмелел младший, Лапшин, он уронил голову на стол и уснул. Временами дремал и Колпаков. И вот здесь, верный себе Канатъев, не теряя времени даром, буквально на глазах у Колпакова, раздел донага сонного Лапшина, уложил его в постель и разделся сам. После этого он стал выпроваживать из комнаты Колпакова... Надо, хотя бы мысленно, представить себе эту картину, эту постыдную сцену, чтобы понять до какой наглости, до какого цинизма дошел этот человек! На глазах у Колпакова он готовится надругаться над близким ему человеком, а его выпроваживает домой и шепчет ему пьяным старческим, заплетающимся языком: "Ты, Гера, иди домой, ты приходи ко мне завтра. Ты завтра у меня переночуешь...!" Можно только представить себе, какое все это вызвало смятение, бурю в душе Колпакова. Он не мог не вспомнить здесь и того, что, идя к Канатъеву, Вячеслав просил ни в коем случае не оставлять его там одного. Перелистайте еще раз протоколы допроса Лапшина, вчитайтесь в них глубже и вы убедитесь, что красной нитью во всех его показаниях следователю проходит утверждение: "ночевать у Канатъева я не хотел оставаться и поэтому предупредил Герку, чтобы он меня там одного ни в коем случае не оставлял". Такие показания вы найдете в протоколах допроса Лапшина в томе 2-м на листах дела № 101, 158, 13 и других. Аналогичные показания дал Лапшин и в суде. И эти показания Лапшина полностью соответствуют тому, что объяснял и на следствии, и в суде Колпаков: "Канатъев стал выпроваживать меня домой, но я без Лапшина уходить не хотел, так как еще до прихода к Канатъеву он просил меня не оставлять его там одного..." Значит, это правда. Это не выдумка, не ложь.

Колпаков отказался уйти без брата. Вы, конечно помните его объяснения: "Без Вячеслава я уходить не хотел. Я порывался будить Лапшина, но Канатъев препятствовал мне, а когда я все же попытался приблизиться к нему, то Канатъев вдруг с силой толкнул меня, и я отлетел к окну, ударился головой о стену..." "Дальнейшее, — говорит Колпаков, — я помню смутно. Помню, как выхватил складной

нож, находившийся в кармане, как ударил им со всего размаха в грудь Канатьева, как вместе с ним рухнул на кровать..." Вам известно, что здесь, на кровати, Колпаков в исступлении нанес Канатьеву еще удар ножом, еще, еще и еще... Всего Канатьеву было нанесено им 16-ть ножевых ранений.

После этого Колпаков одел костюм Канатьева, проснувшийся Лапшин — его плащ, и они, пугливо озираясь, сбегали вниз по лестнице. Наутро Лапшин, желая помочь брату скрыть следы убийства, взял у него нож и забросил его.

Вот, собственно, и все.

Встает вопрос о юридической квалификации этого преступления. Мне представляется, что следственными органами неправильно были квалифицированы действия подсудимых ст. 136 ч. 1 п. "а" УК РСФСР, как убийство из корысти, и ст. 2 ч. 2 Указа от 4/6- 47 года, как разбойное нападение. Вы видите, что в данном случае у них не было предварительного сговора на убийство и ограбление Канатьева. Умысел на завладение вещами Канатьева возник уже после убийства и, таким образом, убийство не являлось здесь средством для завладения имуществом. Полагаю, что при таких обстоятельствах, даже при доказанности этого обвинения (а на этом я остановлюсь несколько позже) действия подсудимых необходимо квалифицировать не ст. 2 ч. 2 Указа 4/6-47 г., а ст. 1 того же Указа, т. е. как кражу.

Что же касается совершенного убийства, то, с моей точки зрения, действия Колпакова в этой части должны быть квалифицированы ст. 138 УК, как убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего. Наличие в данном случае сильного душевного волнения подтверждается всеми обстоятельствами этого дела, о которых я уже говорил ранее, подтверждается оно и характером действий Колпакова, который нанес лежащему уже без движения Канатьеву 16-ть ножевых ранений. Эти действия Колпакова, с учетом его личности и возраста, могут объясняться только одним — состоянием сильного душевного волнения. Но отчего возникло это душевное волнение? Говорят, ведь не могло же оно возникнуть от того, что Канатьев грубо толкнул Колпакова. Да, это так. И дело здесь вовсе не в этом толчке. Дело в той кошмарной обстановке, в которой вдруг оказался Колпаков, в оскорбительных действиях Канатьева, по отношению к его

брату, в том, что все это делалось на глазах у Колпакова. Все это вместе взятое, в своей совокупности, и привело Колпакова к такому состоянию. Толчок же был здесь не причиной, а скорее последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Волна уже и без того захлестнувшего его возмущения, негодования перевалила через край и выплеснулась наружу в это страшное преступление. Повторяю, эти действия Колпакова, с моей точки зрения, необходимо квалифицировать ст. 138 уголовного кодекса РСФСР.

Я позволил себе остановиться на квалификации действий Колпакова лишь потому, что подсудимый Лапшин обвиняется в соучастии в преступлении, совершенном Колпаковым, и для него, конечно, не безразлично, как будут квалифицированы действия исполнителя этого преступления. Однако, должен сказать, что в данном деле, вне зависимости от того, как вы будете квалифицировать действия Колпакова (то ли ст. 138, то ли ст. 137 уголовного кодекса), действия Лапшина должны быть квалифицированы ст. 17-138 УК, и вот почему.

Следственные органы расценили действия Лапшина, как соучастие в убийстве в 2-х формах: в форме пособничества и в форме укрывательства. С этим согласиться нельзя. Нельзя согласиться потому, что никакого пособничества Колпакову в совершенном убийстве Лапшин не оказывал. Из обвинительного акта можно понять, что пособничество Лапшина выразилось в том, что он в тот момент, когда Колпаков наносил лежащему в кровати Канатьеву, удары ножом, "положил ему на лицо подушку". Эти действия Лапшина, утверждал в своей речи тов. прокурор, являлись пособничеством в убийстве, и это подтверждается показаниями самого Лапшина, который пояснил, что бросил он подушку на лицо Конатьева с целью оказать содействие брату.

Полагаю, что подобные утверждения являются неправильными. Лапшин, действительно показывал, что бросая подушку, имел намерение помочь брату. Но помог ли он ему, оказал ли содействие в убийстве? Ведь это только по Евангелию, "тот, кто смотрит на женщину с вожделением — уже прелюбодействует с ней в сердце своем". А по нашему уголовному праву, стоящему на материалистической основе, нет ответственности за "голый" умысел. Мало того, что человек хотел совершить преступление, имел на это умысел. За это он еще не несет уголовного наказания. Надо исходить из того, что он совершил конкретно для того,

чтобы реализовать свой умысел. Ведь не будете же вы судить за покушение на убийство человека, который "сознается" в том, что хотел убить прохожего, и действия которого выразились лишь в том, что он его ударил подушкой по голове. Это очевидно.

Чем же реально оказал содействие Лапшин Колпакову? — Ничем. Прежде всего, совершенно не исключено, что в тот момент, когда Лапшин бросил подушку, Канатьев уже был мертв. По этому поводу еще на следствии Колпаков показал: "Я, по всей вероятности, поразил его с первого удара, попал в сердце, т. к. в момент нанесения последующих ударов он мне сопротивления не оказывал". Такие показания имеются в томе 2-м на л. д. 125. Эти свои показания подтвердил Колпаков и в суде. Вам известно, что подобная вероятность не исключается и судебно-медицинской экспертизой, которая установила, что Канатьеву было нанесено только в левую часть грудной клетки 5-ть ножевых ранений, каждое из которых, само по себе, являлось смертельным.

Помимо этого, следует иметь в виду, что Лапшин лишь бросил в Канатьева подушку или положил ее ему на лицо, как здесь утверждают. Но Лапшин, и на этом он категорически настаивает, не держал эту подушку, не прижимал ее к лицу, не пытался душить Канатьева и т. п. И это его пояснение нашло подтверждение в заключении судебно-медицинской экспертизы, которая при обследовании трупа Канатьева не установила признаков асфиксии, удушья.

Все это вместе взятое приводит к выводу, что Лапшин не являлся пособником совершенного убийства. Лапшин способствовал сокрытию этого убийства, являлся его укрывателем. Но что он знал об этом убийстве? Что знал о мотивах его? Сокрытию какого убийства он помогал? Вы знаете, и это видно из всех материалов дела, что в момент ссоры между Канатьевым и Колпаковым Лапшин спал в кровати Канатьева. Что там происходило в это время между Канатьевым и Колпаковым, из-за чего у них возникла ссора, почему Колпаков ударил Канатьева ножом — ни о чем этом спящий Лапшин, конечно, знать не мог, Лапшин проснулся лишь в тот момент, когда раненный (а скорее всего уже мертвый) Канатьев вместе с навалившимся на него Колпаковым рухнул в ту кровать, где спал Лапшин. И когда Лапшин вдруг очнулся, когда открыл глаза, то увидел он, как брат его буквально в иступлении наносит ножом лежа-

щему Канатьеву удар за ударом... И то, что Колпаков совершает убийство в состоянии сильного душевного волнения, для Лапшина было очевидным, как очевидным было и то, почему оказался Колпаков в таком состоянии — ведь он увидел совершенно раздетым Канатьева, увидел себя нагим в кровати Канатьева, вспомнил, конечно, что просил брата не оставлять его у Канатьева... Почему я здесь? Почему раздет донага? Может быть, уже надругался Канатьев? Все эти мысли вихрем пронеслись в голове очнувшегося Лапшина. И первым, естественным, инстинктивным движением он, конечно, попытался помочь брату, и бросил в лицо Канатьеву то, что попало ему под руку — подушку... А утром Колпаков подробно рассказал ему обо всем и этот рассказ Колпакова лишний раз убедил его в том, что брат совершил убийство, находясь в состоянии глубокого душевного потрясения, вызванного оскорбительными действиями покойного по отношению к нему, Лапшину.

Полагаю, что при таких обстоятельствах, с учетом личной и, со слов Колпакова, осведомленности о характере и причинах убийства, действия Лапшина, выразившиеся в сокрытии следов этого преступления, вне зависимости от квалификации действий Колпакова, должны быть квалифицированы ст. 17- ст. 138 УК.

Несколько слов об обвинении Лапшина в разбое. Как я уже говорил далее, даже при доказанности этого обвинения действия Лапшина должны быть квалифицированы не как разбой, а как кража, т. е. по ст. 1 Указа 4/6-47 г. "Об усилении охраны личной собственности граждан". Однако, мне представляется, что достаточных оснований для признания Лапшина виновным в совершении этого преступления не имеется. Из материалов дела видно, что никакого сговора на хищение имущества Канатьева у Лапшина с Колпаковым не было. Как на следствии, так и в суде это обстоятельство оба подсудимых категорически отрицали. После убийства Канатьева Колпаков действительно взял его костюм и 40 руб. денег, а Лапшин, быстро одевшись, ушел, накинув на себя плащ Канатьева.

Допрошенный по этому вопросу в процессе следствия, Лапшин показал: (дословно): "После убийства я сильно испугался, одел плащ, думая, что это мой и забыв, что пришел я без плаща, и мы ушли..." (том 2 л. д. 108) Аналогичные показания дал Лапшин и в суде. Мне представляется, что с учетом конкретных обстоятельств этого

дела, психического состояния Лапшина после совершенного на его глазах убийства, с учетом того, что, помимо всего этого, Лапшин находился в состоянии сильного опьянения, пояснения его заслуживают определенного доверия. Во всяком случае, опровергнуть эти показания и доказать, что он действовал умышленно, мы сегодня не можем. Вот почему я полагаю, что в этой части в отношении Лапшина должен быть вынесен оправдательный приговор.

Я заканчиваю. Товарищи судьи! Очень тяжелая, страшная драма разыгралась в ночь с 13-го на 14-е сентября этого года...

И при решении вопроса о степени виновности Лапшина, о его наказании, мне хотелось бы, чтобы вы не забыли о том, что в этой драме, он, 18-ти летний Вячеслав Лапшин, играл не только роль соучастника убийцы. Нет. Он играл здесь и другую роль — роль потерпевшего, роль жалкой, обманутой жертвы Канатьева, его преступных страстей. Мне хотелось бы, чтобы вы не забыли и о том, что свою вину в сокрытии следов убийства Лапшин уже в значительной мере искупил, искупил тем, что с неменьшим усердием, с каким он скрывал эти следы, он, Лапшин, помог следствию и разыскать их, раскрыть это преступление. Все это вместе взятое дает мне полное основание, несмотря на тяжесть совершенного Лапшиным преступления, просить Вас об определении ему наказания в виде условного осуждения.

Воспаление паутинной оболочки мозга

Из досье адвоката

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЯРОСЛАВСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

Адвоката А. Л. Мове

по делу

ТЯГНИБЕДИНА Александра
Федоровича, осужденного
приговором народного суда
3-го уч-ка Сталинского р-на,
гор. Ярославля от 31/10-
1/11-58 г. по ст. 146 ч. 2 УК* к
3-м годам лишения свободы.

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

С самого начала считаю необходимым обратить внимание коллегии облсуда на очевидную несправедливость и необоснованность судебного приговора.

Александрю ТЯГНИБЕДИНУ сейчас 21 год. Два года тому назад (когда ему было 19-ть лет) он женился на молодой, 18-ти летней девушке, Валентине ПИЛЕЦКОЙ, и перешел жить в семью ПИЛЕЦКИХ, где уже без него было 8-мь других членов семьи. Поначалу семейная жизнь молодоженов текла хорошо, но впоследствии все чаще и чаще стали возникать скандалы, немалую роль в возникновении которых сыграла мать Валентины, ПИЛЕЦКАЯ Антонина Ивановна. А во время празднования Нового, 1958-го, года между

* Ст. 108 ч. II ныне действующего Уголовного Кодекса.

Александром и Валентиной произошла серьезная размолвка, вызванная тем, что Валентина пригласила на вечер молодого человека КРОШКИНА Евгения, с которым она была знакома и встречалась до брака, и который приехал на праздник в отпуск из Советской Армии. Валентина на вечере уделяла этому парню слишком много внимания, а дома заявила Александру, что жить с ним больше не будет и живет с ним лишь до прихода из армии Евгения КРОШКИНА. В пылу семейного раздора Александр ударил Валентину, разбив ей нос.

Вот, собственно, и все.

После этого Новогоднего вечера отношения между супругами и между ТЯГНИБЕДИНЫМ и родственниками Валентины окончательно испортились, ибо, по сути, вопрос о разводе уже был решен.

Допрошенная по этому поводу на следствии свид. СУЛОЦКАЯ Лида (подруга Валентины) показала: "На встрече Нового года у ПИЛЕЦКИХ был Женя КРОШКИН. Валя говорила мне, что она с Женей там танцевала, а Шурик на это разозлился..."

И далее:

"Примерно в марте этого года Валя говорила, что хочет с ним разводиться. То же самое мне говорил и Шурик..." (л. д. 53).

Прошел январь, февраль, март, апрель мес. 1958 года... Никаких заявлений о том, что Александр избивал жену ни в органы милиции, ни в суд не поступало, ни в какие лечебные учреждения Валентина по этому поводу не обращалась и никакое уголовное преследование в отношении ТЯГНИБЕДИНА не возбуждалось.

И вдруг, в конце апреля, 1958 года, Валентина тяжело заболела, ее положили в больницу и у нее был обнаружен арахноидит (воспаление паутинной оболочки мозга).

Откуда появилась у нее эта болезнь? В чем причина заболевания?

Эти вопросы, конечно, не могли не возникнуть и у больной, и у ее родственников.

И вот здесь кто-то из врачей допустил неосторожность: высказал предположение, что это заболевание Валентины явилось следствием травмы головы. И тогда появились

слухи, поползла молва, что заболела Валентина от того, что ее муж побил в Новый год, что он и ранее ее бил, (и все норовил попасть в голову!) и пр., и пр.

А когда здоровье Валентины после произведенной операции ухудшилось, когда выяснилось, что положение ее безнадежно, 13 августа 1958 г., по заявлению отца больной, было возбуждено уголовное дело по обвинению Александра ТЯГНИБЕДИНА в нанесении своей жене побоев, от которых она заболела тяжким заболеванием, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 142 ч. 1 УК.

Проведенная по делу 16 августа 1958 года судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что "вполне вероятно, что в данном случае арахноидит явился результатом причиненных больной побоев". (л. д. 21).

Можно только представить себе сколько всевозможных обвинений, небылиц, сплетен обрушили в это время на голову ТЯГНИБЕДИНА родственники Валентины, убежденные в том, что он, и только он, причина ее тяжелой болезни!

Можно только представить себе сколько подобных же обвинений обрушила на его голову и жена его, тоже абсолютно уверенная в его причастности к ее страданиям! А если ко всему этому дополнить, что после Новогоднего вечера, о котором речь шла выше, отношения у всех у них с ТЯГНИБЕДИНЫМ и так уже были обострены, что, естественно, могло резко сказаться на их отзывах о своем зяте и муже, то станет очевидным в какой сложной ситуации оказался вдруг Александр ТЯГНИБЕДИН и как осторожно, критически надлежало следственным органам подходить к показаниям всех этих лиц и к показаниям тех, которые не являясь очевидцами происшедшего, давали показания со слов указанных лиц.

Но этого не случилось: следователь, видимо, тоже ослепленный заключением медицинской экспертизы, продолжал скрупулезно допрашивать тещу, тестя, их дочерей, подруг Валентины и каждый раз не забывал оттенять в протоколе, что "по рассказам Валентины, муж ее часто бил и все почему-то старался попасть в голову" (см. их показания). И вдруг, тогда, когда следствие по делу уже было почти закончено, 6 октября 1958 г., Валентина ТЯГНИБЕДИНА скончалась. И вот здесь-то, после вскрытия трупа, выяснилось, что умерла она не от арахноидита, а от злока-

чественной опухоли головного мозга (см. протокол вскрытия — л. д. 80), которая возникла у нее значительно раньше причиненных покойной (по данным дела) повреждений, и что диагностированный ранее арахноидит в данном случае мог возникнуть как реакция организма на опухоль мозга (см. дополнительное заключение эксперта от 16/10-58 г. — л. д. 83 и заключение эксперта в судебном заседании).

Иными словами, после смерти Валентины ТЯГНИБЕДИНОЙ выяснилась абсолютная невинность Александра ТЯГНИБЕДИНА в ее тяжелом заболевании и смерти. Несмотря на все это, следственные органы, не только не прекратили настоящее дело, но, наоборот, после смерти Валентины привлекли ТЯГНИБЕДИНА А. Ф. к уголовной ответственности уже не по ст. 142 ч. 1 УК, а по ст. 142 ч. 2 УК.

В судебном заседании беспочвенность такого обвинения была установлена с очевидностью: Народный суд признал отсутствие причинной связи между действиями ТЯГНИБЕДИНА и наступившей болезнью и смертью ТЯГНИБЕДИНОЙ.

Но вместе с этим Народный суд, видимо, совершенно упустив в какой обстановке возникло это дело, как формировались здесь показания потерпевшей, ее родственников и других лиц, нашел возможным признать ТЯГНИБЕДИНА виновным в истязании своей жены и осудить его по ст. 142 ч. 2 УК к 3-м годам лишения свободы.

С таким приговором согласиться невозможно.

Все факты "избиений", приведенные в приговоре суда (за исключением одного) имеют давность в 1-1,5 года и относятся к периоду до издания Указа 1/11-57 г. "об Амнистии".

Таким образом, даже если считать их установленными, то и тогда в этой части надлежало дело в уголовном порядке производством прекратить на основании Указа "об Амнистии", ибо последний факт "избиения", 1/1-58 г., не носил характера истязания (об этом см. ниже).

Но дело не только в этом. Дело в том, что вина ТЯГНИБЕДИНА в избиении жены вообще по делу не установлена.

Считаю необходимым обратить внимание на то, что в настоящем деле за исключением родственников умершей

и приятельницы матери ее, свид. Торчиловой, вообще отсутствуют свидетели-очевидцы. Остальные свидетели дают показания лишь со слов умершей или ее матери, находившихся в последнее время в исключительно неприязненных отношениях с подсудимым.

Что касается показаний потерпевшей, то следует учесть, что она давала их, находясь в чрезвычайно тяжелом состоянии, не будучи уже в силах их подписать. Большое влияние на эти показания, конечно, имело убеждение больной в том, что муж является виновником ее болезни.

Немаловажную роль сыграло здесь и чувство злобы на него за то, что он последние месяцы не навещал ее в больнице (родственники больной умышленно не допускали его к ней). Достаточно обратиться к отдельным эпизодам обвинения, чтобы убедиться в их несостоятельности.

В частности:

1) Народный суд признал ТЯГНИБЕДИНА виновным в избиении жены летом 1957 г. после регистрации брака Смирновым.

“Вечером в этот день, — значит в приговоре, — ТЯГНИБЕДИН возвратился домой в стадии опьянения и лежавшую на кровати жену схватил, утащил в нательном белье в сарай, где и нанес ей побои” (см. приговор).

Данный факт суд признал установленным лишь на основании показаний ПИЛЕЦКОЙ А. И. (тещи) и ее дочери, ПИЛЕЦКОЙ Галины, в судебном заседании.

Между тем, допрошенные в процессе следствия, эти лица данный факт трактовали совершенно иначе, утверждая, что Александр избил Валентину не в связи с тем, что она не хотела идти с ним спать в сарай, а в связи с тем, что она якобы не позволила ему плохо отзываться о матери Валентины (см. их показания л. д. 32, 35 и обвинительное заключение — стр. 2).

С момента совершения этого “преступления” прошло около 1,5 лет. За это время никаких жалоб на ТЯГНИБЕДИНА не поступало, ни в какие лечебные учреждения по этому поводу жена его не обращалась. Разговор об этом избиении возник лишь после того, как было возбуждено против ТАГНИБЕДИНА уголовное дело по обвинению в избиении своей жены, в результате чего последняя тяже-

ло заболела. Полагаю, что на одних таких противоречивых показаниях родственников умершей строить обвинение недопустимо.

2) Народный суд признал ТЯГНИБЕДИНА виновным в избивании жены во время свадьбы СМИРНОВЫХ.

Данное обвинение так же основано на показаниях супругов Пилецких и подруг умершей, которым якобы она рассказывала об этом.

Показания всех этих лиц противоречат показаниям допрошенной в суде свид. СТЕПАНОВОЙ, которая видела Валентину на второй день свадьбы, и у нее (вопреки утверждению ПИЛЕЦКОЙ А. И.) никаких следов побоев не было (см. прот. суд. засед.). А на следствии свид. СТЕПАНОВА показала:

“На свадьбе у СМИРНОВЫХ я была. Какой-либо ссоры между ними я не заметила...”

И в первый, и во второй день свадьбы Валя по просьбе присутствующих плясала...” (л. д. 56).

Аналогичные показания дала в суде и свид. РАЗБИТНОВА. И опять-таки, никаких жалоб, никаких заявлений, никаких обращений в суд. мед. экспертизу — ничего, вплоть до возбуждения дела по происшествии свыше года!

Полагаю, что и в этой части суд неверно осудил ТЯГНИБЕДИНА.

Аналогично неправильно решен судом вопрос и о виновности Тягнибедина, по другим эпизодам.

3) Что касается факта нанесения побоев Валентине 1/1-58 г., то, как указывалось выше, подсудимый не отрицал ни на следствии, ни в суде, что он действительно 1/1-58 г. из ревности ударил жену и разбил ей нос. Эти действия подсудимого не носили характера истязания и, при наличии жалобы потерпевшей, могли бы влечь ответственность по ст. 146 ч. 1 УК. Однако суд, ориентируясь всецело на показаниях тех же родственников умершей, признал ТЯГНИБЕДИНА и здесь виновным в истязании своей жены.

Суд некритично отнесся к этим показаниям.

В этих показаниях, например, имеется ссылка на то, что после удара Александра у Валентины пошла кровь из горла

“Тогда он схватил ее за шею, держал над бадьей, чтоб кровь лилась в бадью, потом накрыл одеялом, чтоб она не кричала...” и пр., и пр. (см. показания Пилецкого — л. д. 9).

Все это ПИЛЕЦКИЙ рассказывает со слов Вали.

Надуманность этих показания совершенно очевидна.

К тому же обращает на себя внимание, что ни одна из подруг умершей, которым Валя тоже рассказывала о случившемся ничего подобного не утверждали (см. показания ЛЕБЕДЕВОЙ, СУЛОЦКОЙ и др.).

Всех этих обстоятельств не учел суд при вынесении приговора.

Не учел суд и личности подсудимого, которая так же лишней раз свидетельствует о том, что он не способен был совершить подобное преступление.

Александр ТЯГНИБЕДИНУ сейчас 21 год. С 16-ти летнего возраста, с 1953 года, он работал на Ярославском электромеханическом заводе в качестве балансировщика. Из имеющейся в деле характеристики видно, что “ТЯГНИБЕДИН к работе относился добросовестно, никаких замечаний за время работы не имел, замещал во время отсутствия мастера”. Характеристика эта подписана начальником цеха, секретарем партийной организации, председателем цехкома (см. характеристику л. д. 52).

Как о дисциплинированном, вежливом, скромном юноше отзываются о нем и люди, знающие его много лет по совместному жительству.

“Мы никогда не видели его пьяным и никогда не слышали от него грубых слов, — пишут они. “Он никогда не был хулиганом и пьяницей, который допустил бы такие скандалы в семье” (см. отзывы с места жительства за подписью 80 человек). Очень хорошо отзывались о Тягнибедине и допрошенные в суде свидетели КОЧЕРЕГИНА, ФАДЕЕВА, ПУСТОМОЛОВОА и др. (см. их показания).

В прошлом ТЯГНИБЕДИН не судим.

В силу изложенного, прошу коллегия Облсуда настоящий приговор нарсуда в отношении ТЯГНИБЕДИНА А. Ф. отменить и дело в отношении него в уголовном порядке

производством прекратить за недоказанностью предъяв-
ленного ему обвинения.

Адвокат

А. Л. Мове

"5" ноября 1958 года.

Кассационная инстанция, отклонив жалобу защиты, оставила
приговор Народного суда без изменения.

Речь в защиту Смирновой В. П., обвиняемой в убийстве мужа и в покушении на убийство его любовницы

Говорят, товарищи судьи, что людская молва, как морская волна. Еще не смолкли веселые первомайские песни, не отгремела бравурная праздничная музыка, как молва людская расплескала, разнесла по нашему городу страшную весть о том, что молодая женщина, мать двоих маленьких детишек, зарезала своего мужа, отца своих детей.

И каждый, до кого докатывалась волна этих слухов, относился к этой вести с настороженностью, с сомнением и недоверием, ибо никак не укладывалось в голове, в сознании, что такое в действительности могло произойти.

Сейчас таких сомнений уже ни у кого нет. Смирнова Валентина Павловна, 30 лет от роду, сидит перед Вами, на скамье подсудимых, и никаких сомнений в том, что именно она, а не кто-то другой, совершила это тяжкое преступление, увы, нет.

Нанеся свой роковой удар ножом, Смирнова не пыталась скрыться, не пыталась замести следы... Нет, он, этот удар, словно разбудил ее от тяжелого, кошмарного забытья. Рассказывают, что увидав истекающего кровью мужа, Смирнова кинулась к нему, пытаясь остановить кровь разорвала на нем рубашку, а затем зарыдала и с криком: "У меня умирает муж!" — бросилась вызывать скорую помощь.

Свидетель Замыслов рассказал, что когда он прибежал к станции переливания крови, чтобы вызвать карету скорой помощи к раненной Сафроновой, то вслед за ним сюда прибежала и Смирнова.

"Когда мы вошли в контору станции, — пояснил далее этот свидетель, — я заметил, что и платье ее, и руки, и лицо были в крови..." Вместе с сотрудниками скорой помощи

Смирнова доставила мужа в больницу, а оттуда, узнав, что муж умер, она попросила отправить ее в милицию.

Итак, преступление налицо, автор этого преступления, убийца, известен, вина его полностью доказана.

И если бы задача суда состояла лишь в том, чтобы установить только это, а затем по соответствующему тарифу, установленному уголовным кодексом, назначить виновному наказание — мы могли бы считать свою задачу выполненной.

Но в том-то и дело, что задача суда этим не ограничена. Всякий раз при рассмотрении любого уголовного дела всех нас тревожит и волнует вопрос о том, почему, в силу каких причин и обстоятельств совершено преступление, нас интересует мотив совершения преступного деяния, тот самый мотив, который по образному выражению известного революционного адвоката и ученого В. Д. Спасовича является "сердцем и клеткой" всякого состава преступления.

И это не случайно, так как причины, мотивы, толкнувшие человека на преступление, свидетельствуют о глубине его падения, о мере растления и опасности, в конечном итоге — о степени его вины, т. е. о всех тех факторах, которые являются определяющими при решении главного вопроса всякого уголовного процесса — размере, тяжести наказания, которое суд должен определить за содеянное.

С особой остротой встает этот вопрос и в этом деле, ибо, согласитесь, не столь уж часто в нашей судебной практике встречаемся мы с делами, подобными настоящему.

Большая человеческая трагедия разыгралась, товарищи судьи, поздним вечером 1 мая на Закотросльской улице г. Ярославля. Жизненные пути, жизненные дороги трех человек пересеклись, скрестились в этот вечер на этой улице. И для того, чтобы ответить на вопрос о причинах трагедии, нам, видимо, необходимо тщательно исследовать их, те пути, те дороги, которые привели всех этих людей в тот роковой вечер на эту улицу. Только тогда сможем мы понять смысл всего происшедшего, уяснить истинные мотивы драмы.

Смирнова Валентина Павловна. Она до сих пор с внутренним ужасом и содроганием вспоминает ту злополучную улицу и тот злополучный дом. Лучше бы ей не знать их никогда!

Она проживала далеко от этой улицы, совсем в другом конце города — сначала на "Щитовом" поселке, а потом — в поселке "Мирный". И все, кто знал эту невзрачную с виду женщину, кто близко с ней соприкасался, на службе и дома, на работе и в быту, могут сказать и говорят о ней только самые добрые слова.

Мы выслушали здесь многих людей, многих свидетелей, и все они в один голос отмечали скромность, добропорядочность, выдержанность этой женщины. Вспомним показания этих людей на следствии и в суде.

Артемяева (соседка по "Щитовому" поселку):

"Женщина Валя хорошая, спокойная, уравновешенная. Никогда худого слова от нее мы не слышали". (л. д. 28)

Старницкая (пожилая женщина, пенсионерка):

"Валя Смирнова выросла на моих глазах. Она женщина скромная, уважительная. У нее двое детей: 9-ти и 4-х лет, и она очень любила детей..." (л. д. 29)

Андрианова (сослуживица):

"Я ее знаю как хорошую, скромную женщину". (л. д. 34)

Конева (учительница) — ее показания резко врезались в память:

"Смирнову как мать я могу охарактеризовать только с хорошей стороны. Она часто посещала школу, интересовалась поведением сына Коли, его успехами". (л. д. 43)

Даже родственники его, погибшего, Снегиревы, его дяди и тети, и те отзывались о ней только хорошо.

Есть в деле и т. н. "Бытовая характеристика" за подписью 20 человек, соседей, которые знают подсудимую более 25 лет.

"За это время, — пишут они, — мы не замечали за ней ничего предосудительного. Никогда она не была замешена ни в каких скандалах и ссорах... Была очень выдержанной, степенной в обращении с жильцами". (л. д. 48)

Наконец, свекровь, мать убитого, его сестры, и те отзываются о ней очень тепло.

Как об исключительно добросовестном, исполнительном, скромном работнике, пользующимся заслуженным авторитетом коллектива, говорят о Смирновой ее сослуживцы. Уже сам тот факт, что, несмотря на тяжесть обвинения, коллектив обратился в суд с ходатайством о смягчении ей наказания и выделил для участия в деле общественного защитника, красноречиво свидетельствует об отношении к Смирновой на службе.

Что же заставило ее, эту скромную, выдержанную, тихую и степенную женщину, вечером 1 мая взять в руки нож?

Что заставило ее поздним вечером покинуть свой дом и с ножом в руках помчаться туда, на Закотросльскую улицу? Могут сказать, что ответ очевиден. Туда, на ту улицу, ушел еще днем после праздничной демонстрации ее муж. Ушел к другой женщине, и это заставило ее взяться за нож. Увы, это так и не совсем так. Это правда, но далеко не вся правда.

Первомайский визит Смирнова на эту улицу был не причиной, а последней каплей, переполнившей чашу страданий его жены, последним аккордом трагедии, последним актом драмы, приведшей к роковому финалу.

А для того, чтобы понять всю трагедию, всю драму надо посмотреть не только на конец того пути, которым шел Смирнов к своей гибели, но шаг за шагом, метр за метром исследовать весь путь, всю дорогу, которая привела его к этому.

О мертвых не принято говорить плохо. "О покойнике или хорошо, или ничего", — гласит народная мудрость. И с этим трудно не согласиться, но до определенной черты, до определенной грани... Когда решается судьба не мертвого, а живого человека, когда всякое умолчание или искажение истины, может тяжко отразиться на судьбе живого, может существенным образом усугубить положение человека, сидящего на скамье подсудимых, мы не только вправе, а обязаны предать забвению эту мудрость народную. Это будет нарушение, но нарушение святое, за которое, так же как за святую ложь, никто не в праве с нас взыскивать.

Десять лет прожил покойный Смирнов со своей женой. И все эти десять лет он буквально тиранил, душил ее жизнь.

“Пьяница и дебошир, гуляка и забияка” — вот те слова, которыми характеризовали покойного большинство свидетелей. Только за последние шесть месяцев он дважды обсуждался на производстве за пьянство, его хотели уволить за это с работы, и лишь вмешательство жены помешало это сделать.

Не лучше он вел себя и в быту. Люди, на глазах которых проходила жизнь Смирновых, не могут без омерзения говорить о том, как он вел себя в семье. Вспомним хотя бы показания на следствии и в суде той же свидетельницы Старицкой:

“Смирнов очень плохо относился к жене. Вел себя безобразно: пьянствовал, гулял с другими женщинами... Мы частенько видели ее с синяками, она говорила, что побил Геннадий. Несколько раз он выгонял ее из дому... (л. д. 29)

Ей вторит свидетельница Артемьева:

“Он бил Валентину, мы видели ее в синяках. Уже после того, как они переехали, она два раза уходила от него...” (л. д. 28)

К этому же сводятся показания свидетельницы Белугиной:

“Он очень плохо к ней относился, выгонял из дому, бил... Не знаю, как только хватало у нее терпения с ним жить...” (л. д. 33)

Об этом же говорила свидетельница Снегирева (тетя погибшего):

“Валя жаловалась, что он бьет ее, скандалит... Такая жизнь продолжалась у них на протяжении десяти лет”. (л. д. 45)

Мало того, что он тиранил ее дома, он не давал ей покоя и на работе. В своем письме в следственные органы, товарищи Смирновой по работе, в частности, пишут:

“Смирнова неоднократно приходила на работу с побоями, зачастую из-за побоев не выходила на работу, поясняя тем, что муж издевается над ней, и ради детей приходится жить и все переносить. Неоднократно Смирнов приходил в магазин в пьяном состоянии и учинял в магазине драку, избивал Смирнову”.

Ну, а как он относился к детям? Может быть хотя бы для них он уберег ласку и тепло? Как бы ни так!

Свидетельствует на допросе у следователя и в суде свидетель Артемьева:

“Детей он никогда не ласкал, иногда даже говорил, что они не его” (л. д. 28)

Об этом же говорит Снегирева:

“Однажды он в присутствии моего мужа сказал, что дети не его. Тот возмутился и выгнал его из дому”.

Рассказывает учительница Конева:

“Раза два Смирнова говорила со мной откровенно о личной жизни. Она говорила, что живет с мужем плохо, он пьет и избивает ее. Отец Коли в школе не бывал ни разу, и я с ним не знакома. Непристойности в семье отражались на мальчике, он стал задумчив, невнимателен, стал получать тройки...” (л. д. 43).

Об отношении к детям свидетельствует и тот факт, что он постоянно пропивал зарплату, а на содержание детей жена вынуждена была получать с него алименты по исполнительному листу. Таков был погибший — Смирнов.

Что же привело его 1 мая на Зако́тросльскую улицу? Зачем он пришел сюда? Оказывается, хотя Смирнов здесь и не жил, но он не был на этой улице случайным человеком.

Десять лет прожил Смирнов со своей женой, и все это время у него были на стороне другие женщины. Одной из них была Сафронова Екатерина Дмитриевна, та самая, которая проживала на этой улице.

Десять лет прожил Смирнов со своей женой, и все десять лет Сафронова стояла на ее пути. В свое время, еще до женитьбы, Смирнов был с ней знаком, близко знаком, и это, по ее мнению, давало ей право и после того, как он стал семейным человеком, вторгаться в чужую семью.

Сегодня она говорит:

“Я же раньше была знакома со Смирновым... От него у меня был ребенок. Это она поломала мою жизнь. Он бы на мне женился, если бы не было первого ребенка...”

Все это, как мы убедились, самый натуральный вымысел, которым Сафронова хочет сегодня прикрыть свое постыдное поведение. Ребенок от Смирнова у нее появился уже спустя два года после того, как Смирнов был женат на Вале.

Мало того, можно ждать любимого, можно надеяться на его обещания неделю, две, месяц, два месяца, наконец, даже год или два. Но ведь нельзя в самом деле ждать десять лет и думать, что человек вот-вот на тебе женится, вряд ли мыслимо десять лет обманываться, а точнее обманывать себя и закрывать глаза на то, что разбиваешь чужую семью. Сафронова знала, что он женат, она знала, что у него появился первый ребенок, а затем, в 1957 г. и второй. Наконец, к ней приходили, ее просили, умоляли не калечить семейную жизнь. Увы, она ничему не вняла.

Пользуясь слабостью Смирнова к спиртному, Сафронова играла на этой струнке и постоянно манила этим Смирнова к себе, отбивала его от семьи. А что здесь за компании собирались и чем они занимались, вы можете судить хотя бы по той компании, которая собралась у нее 1 мая.

Здесь была она с "мужем" (как она заявила в больнице), 50-летняя Широкова с "мужем", который моложе ее на двадцать лет и проживает с ней в разных районах.

Странное представление у этой женщины о замужестве, о муже! В 1948 году она гуляла несколько недель с каким-то Качаловым, прижила от него ребенка, и теперь говорит, что это был ее первый муж. Затем она погуляла со Смирновым, прижила от него ребеночка и теперь утверждает, что это — ее второй муж. Разве для нее не ясно, что не всякий, кто с ней переночует уже муж?

Я прошу прощения, что так резко говорю, но иначе я не могу, ибо Сафронова все время прикидывается, что она здесь не при чем, что все случившееся не имеет к ней ровным счетом никакого отношения.

Эта женщина, конечно, должна была все понимать, но она упорно делала вид, что не понимает ничего и в наглуго в течение многих лет вторгалась в чужую семью, в чужую жизнь и калечила ее.

Итак, вы видите, что на протяжении десяти лет две жизни буквально душили третью. Ясно, что до бесконечности так продолжаться не могло.

Смирнова пробовала бороться: говорила, убеждала, просила, наконец, уходила из дому с детьми. Но он всякий раз приходил, клялся, что больше такого не будет, упрашивал вернуться, а когда она возвращалась, все начиналось сызнова: скандалы, побои, пьянки, измены...

“Он мне говорил, — вспоминает свидетель Снегирев, — что нет Вали — я без нее жить не могу. А возвращается она — не могу смотреть на нее, так бы и удавил!” Патология это или просто извращения психики — сказать трудно, но такой это был человек.

Естественно, встает вопрос: ну, а почему же она, Смирнова, все это терпела, почему не положила конец измывательству, почему, как только он поманил пальцем — она вновь возвращалась к нему? Все это, конечно, результат ее слабости. В свое время Бальзак писал, что “любовь — это удивительный фальшивомонетчик, превращающий не только золото в медяки, но зачастую и медяки — в золото”.

Невзирая на то, что Смирнов был горьким пьяницей, что он издевался и глумился над женой, она все же его любила. Помимо этого, он ведь был отцом ее детей.

И во имя этой любви, во имя детей своих, она во что бы то ни стало хотела наладить семейную жизнь, хотела ее склеить. Ей все казалось, что образумится он, что вот достроят дом, подрастут малость детишки — и все уладится. И ослепленная своей выстраданной любовью, своим добрым материнским чувством, не понимала она, что жизни с ним у нее все равно не будет, что разбитую гитару склеить нельзя. Она этого не понимала, а подсказать ей это, помочь в ее горе — было некому, так как, хотя кругом ее окружала люди, но в горе своем, в своей беде она была совершенно одинокой.

Знали на работе у мужа, что он пьяница и дебошир, избивает жену. Даже выносили решение обследовать семейные условия — но решение так и осталось на бумаге.

Знали у нее на работе, что Смирнов избивает ее, даже рукоприкладствовал на службе, в магазине, но посочувствовали и забыли.

Знали соседи, на их глазах все это происходило — и тоже лишь посочувствовали.

Наконец, знали родственники, и они тоже стояли в стороне: "моя хата с краю".

И даже тогда, в то страшное мгновение, когда Смирнова, не выдержав всего, схватила нож и сказала: "Сейчас пойду, натворю там дел!" Даже тогда видевшие и слышавшие все это живые люди — мать, сестра, не остановили ее, не попытались успокоить, помочь. Лишь только сынишка, маленький Коля, заплакал и бросился к матери: "Не надо, мама, не надо!"

Сегодня все эти люди свидетели. А если бы они были не только свидетелями, посторонними наблюдателями, можно с убежденностью сказать, что преступления могло бы и не быть.

Товарищи судьи! Говорят, что на одном дереве не сыщешь двух совершенно одинаковых листьев. Лист на лист не похож, не похожа и песчинка на песчинку, а тем более человек на человека. У каждого свой характер, свой темперамент, свое сердце, своя душа. И каждый по-своему переживает свое горе, свою беду.

Один — громко плачет, кричит о своем несчастье, а другой, стиснув зубы, замыкается в себе, переживает все внутри, слезинку из него не выдавишь.

Смирнова принадлежала к последней категории людей. С виду это была тихая, спокойная, уравновешенная женщина. Но все десять лет в ее груди билось и kloкотало, рыдало и стонало большое человеческое горе. Могло ли так долго продолжаться? Конечно нет, ведь не зря говорят, что болезнь, загнанная внутрь, дает метастазы. Нарыв, который зреет, рано или поздно должен прорваться. И прав, тысячу раз прав свидетель Снегирев, который здесь в суде говорил: "Видя жизнь Смирновой, я так и предчувствовал, что у них в семье что-нибудь случится". Тревожные предчувствия не обманули его.

В этот день весь город встречал Первомайский праздник. 1 мая — это праздник особый, праздник весны, когда все расцветает и пробуждается к жизни.

Но в семье Смирновых в этот день повеяло не весной и цветами, а зловещей хмурой осенью... Поначалу все, казалось бы, шло хорошо. Приехали родственники, готовились пойти на демонстрацию с женами, с детьми. А потом, вдруг он один с Колей ушел. Сказал, что на демонстрацию.

Тщетно она его ждала. Но кончилась демонстрация, возмутились соседи, а он все не приходил. А днем приехала ее мать и сказала, что Геннадий вместо демонстрационного пошел к Сафроновой. Конечно, ей было горько и обидно, ведь накануне, 26 апреля, она купила ему плащ, он сам попросил пригласить родственников, и они все приехали. Как тут быть спокойной и не переживать?

Смирнова рассказывает, что после сообщения матери она еще старалась крепиться, заводила проигрыватель, слушала музыку, вообще, душила в себе волнение и старалась не подавать виду, хотя все внутри кипело. Но вот вечером пришел Коля и сообщил, что отец возил его к Сафроновой, и та угощала его конфетами. А потом они отправили его домой, а отец остался там, сказал, что больше домой не придет.

Вот это и было той самой последней каплей, переполнившей чашу.

“Тот факт, что он и ребенка привел к этой женщине, — показала Смирнова, — привел меня в сильное душевное волнение... Меня, как ветром, сдуло...”

Я поцеловала детишек, взяла нож и пошла. Пошла туда с тем, чтобы рассчитаться с Сафроновой за все десять лет муки”.

Так Смирнова Валентина Павловна оказалась вечером 1 мая на Закотросльской улице.

Дальнейшее вам известно...

Когда она подошла к дому — дверь там была заперта. Она прильнула к окошку и за занавеской увидела пирующих, услышала пьяные голоса. Тут заиграла гармошка и она услышала как муж зашел “Красную розочку...”. “Как у нас в садочке розы расцвели, что я любил тебя, я тут без вины...”. Это уже было свыше ее сил.

Она сидит в праздник дома, одна, весь день ждет его с детьми, а он тут выселится, пьет, гуляет, поет... И во всем виновата та, другая, которая сейчас рядом с ним, та которая все десять лет на ее пути...

Это уже было, повторяю, выше ее сил. Со звоном полетели на пол осколки разбитого стекла, а затем, когда отворилась дверь, она вихрем влетела в комнату и нанесла

Удар ножом. И в этот удар она вложила все: здесь были десятилетия мук и страданий, все слезы и обиды, вся ее горькая загубленная жизнь. За все десять лет...

Потом она замахнулась еще раз, но промахнулась — удар попал в мужа...

Так было совершено преступление. Так тихая и степенная, спокойная и выдержанная Смирнова Валентина Павловна стала убийцей. Что посеял Геннадий Смирнов, то он и пожал, или, как говорит восточная пословица: что положишь в котел, то и попадет в ложку.

Убийство, товарищи судьи, самое тяжкое, самое страшное преступление. Самое страшное не только потому, что лишает другого человека жизни, но и потому, что в нем, в убийстве, исчезает образ человеческий, что его место в убийстве занимает зверь. А между тем, здесь вы видите нечто иное: Смирнова убила мужа потому, что она была человеком, а он был зверем.

Вот эту особенность этого дела я и хотел бы подчеркнуть. Это я просил бы учесть при решении судьбы Смирновой.

Несколько слов о юридической квалификации содеянного.

С учетом того, что Смирнова покушалась на убийство Сафроновой, а затем убила своего мужа, т. е. с учетом того, что ее умысел был направлен на убийство двух лиц, действия Смирновой следственные органы квалифицировали пунктом "3" статьи 102 УК (убийство двух и более лиц).

Между тем, на протяжении всего следствия и в суде Смирнова последовательно утверждала, что убивать мужа она не хотела, что она хотела убить только ее, Сафронову:

"Я решила пойти рассчитаться с ней за всю поруганную жизнь, — говорит она, — именно поэтому свой первый удар ножом (которым Сафроновой были причинены тяжкие телесные повреждения), — я нанесла именно ей".

Из объяснений Смирновой, далее, следует, что и второй удар предназначался тоже Сафроновой.

"Но когда я замахнулась второй раз, — говорит она, — муж схватил меня за руку и удар попал в него. В этот момент я уже просто не смогла изменить направление удара..."

Эти показания Смирновой подтвердила потерпевшая Сафронова, пояснившая, что

“она, т. е. Смирнова второй раз замахнулась на меня. Замахнулась сверху вниз, но Смирнов ее дернул, и она промахнулась и в меня не попала. Тут он сказал: “Ведь ты и меня порезала!? Тогда дорезай!”

Эта фраза Геннадия Смирнова сама по себе свидетельствует о том, она не умышленно нанесла ему удар. Иначе он вряд ли бы обратился к ней с этим упреком, вряд ли молвил бы: “Раз так — тогда дорезай!”

Как квалифицировать подобные действия Смирновой, которая хотела убить ее, Сафронову, но по независящим от нее причинам убила другого человека? Ведь жизнь человека, будь то Сафронова или Смирнов, равноценна.

В судебной практике, хотя и крайне редко, но встречаются и подобные случаи, т. н. отклонения действия — *aberratio istus*. Уголовное право решает так: в этом случае виновный несет ответственность за *покушение* на убийство того, кого он хотел убить (Сафронову) и за *неосторожное* убийство того, кого он убил, *не имея на то умысла* (Смирнова).

С учетом того, что мотивом покушения на убийство являлась *ревность*, действия Смирновой, по мнению, защиты, должны быть квалифицированы статьей 15-103 и статьей 106 уголовного кодекса.

Наконец, несколько слов в заключение.

Большая человеческая трагедия, товарищи судьи, разыгралась тем злополучным вечером на Зако́тросльной улице г. Ярославля.

Жизненные пути трех человек скрестились в этот вечер на этой улице, что и привело к кровавой развязке.

Из них, из троих, в самом выгодном положении на сегодняшний день оказалась одна. Это хозяйка дома — Сафронова. Что же касается ее гостей, как званных, так и незванных, то положение их куда хуже: он, Геннадий Смирнов, — в могиле сырой; она, Валентина Смирнова, за железной решеткой.

Словно свирепый ураган пронесся в тот вечер, в душе Смирновой, сметая и корежа все на своем пути. А когда все

стихло, когда все смолкло — она осталась одна в тюремной камере наедине с самой собой... и она не может себе представить, не может понять, как все это могло случиться, как могла она все это совершить. А чего она этим достигла?

Она имела какую-никакую, но семью, свой семейный очаг. Сейчас на этом месте пепелище, обгорелые головешки.

У нее, при ней, были ее любимые детки, так нуждающиеся в уходе, заботе, материнской ласке — сейчас ее с ними разлучили, она вдали от них, не может даже видеть их.

У нее, наконец, была воля, свобода — сейчас глухая тюремная камера. Думается, что каждому ясно, что за содеянное она уже так тяжело наказана, что вряд ли следует сейчас что-либо к этому наказанию добавлять. Тем более, что никакой опасности для общества она не представляет, и это тоже все понимают.

Товарищ прокурор, поддерживая обвинение Смирновой по статье 102 УК, просил определить ей наказание в пять лет лишения свободы, забыв, видимо, при этом, что статья 102 УК — это статья "звонковая", по ней не применяется условно-досрочное освобождение от наказания и срок по ней отбывается, как говорится, "от звонка до звонка". Это, по сути, равносильно 10-ти годам лишения свободы по другим статьям уголовного кодекса. Справедливо ли это будет по отношению к этой несчастной женщине?

Когда человек накладывает на себя руки, когда он кончает самоубийством — мы привлекаем к уголовной ответственности тех, кто довел его до этого, привлекаем за доведение до самоубийства.

Ну, а если человека довели не до самоубийства, а до убийства — должны ли эти люди отвечать за это? Пусть за это не предусмотрена ответственность уголовная. Но ведь есть еще ответственность моральная, этическая, нравственная!

Будет большой несправедливостью, если мы снимем с них, с тех, кто довел ее до убийства, всякую ответственность и переложим весь этот груз, всю его тяжесть на нее одну.

Если вы учтете все мои доводы, если согласитесь со мной, то, надеюсь, вы найдете возможность проявить к ней обыкновенное людское снисхождение и определите Смирновой Валентине Павловне такое наказание, которое дало

бы ей надежду в ближайшем будущем вернуться домой, к своим осиротевшим ребятишкам, с которыми разлучила ее эта большая человеческая трагедия.

Это дело слушалось в Народном суде 17-19 октября 1961 года. Народный суд Красноперекопского р-на г. Ярославля переквалифицировал действия Смирновой В. П. со статьи 102 на статью 106 и 15-103 УК и по совокупности преступлений назначил ей наказание в 3 года лишения свободы.

От кассационного обжалования приговора осужденная отказалась.

Вскоре, по отбытии 1/3 назначенного наказания (1 год), Смирнова была условно-досрочно освобождена от дальнейшего отбывания наказания.

Цыганская лошадь

Из досье адвоката

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЯРОСЛАВСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

Адвоката А. Л. Мове

По делу

НОВОЖИЛОВА Якова Ивановича, осужденного Приговором Народного суда Рязанцевского р-на, Ярославской области от 9 мая 1958 года по ст. 74 ч. 2 УК* к 2-м годам лишения свободы.

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Достаточно глубже всмотреться в настоящее дело, внимательней в него вчитаться, и станет очевидной та вопиющая несправедливость, которая допущена Народным судом в отношении Новожилова Якова Ивановича.

НОВОЖИЛОВУ Я. И. сейчас 41 год. По национальности он цыган, и с малых лет вел кочевую, таборную жизнь, не получив, конечно, при этом ни надлежащего воспитания, ни необходимого образования (он безграмотен). Все это, конечно, не означает, что Новожилов не должен отвечать за свои действия, за свои поступки. Нет. Он, конечно, должен за них отвечать, должен нести наказание.

* Статья 206 ч. II ныне действующего Уголовного кодекса.

бы ей надежду в ближайшем будущем вернуться домой, к своим осиротевшим ребятишкам, с которыми разлучила ее эта большая человеческая трагедия.

Это дело слушалось в Народном суде 17-19 октября 1961 года. Народный суд Красноперекопского р-на г. Ярославля переквалифицировал действия Смирновой В. П. со статьи 102 на статью 106 и 15-103 УК и по совокупности преступлений назначил ей наказание в 3 года лишения свободы.

От кассационного обжалования приговора осужденная отказалась.

Вскоре, по отбытии 1/3 назначенного наказания (1 год), Смирнова была условно-досрочно освобождена от дальнейшего отбывания наказания.

Цыганская лошадь

Из досье адвоката

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЯРОСЛАВСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

Адвоката А. Л. Мове

По делу

НОВОЖИЛОВА Якова Ивановича, осужденного Приговором Народного суда Рязанцевского р-на, Ярославской области от 9 мая 1958 года по ст. 74 ч. 2 УК* к 2-м годам лишения свободы.

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Достаточно глубже всмотреться в настоящее дело, внимательней в него вчитаться, и станет очевидной та вопиющая несправедливость, которая допущена Народным судом в отношении Новожилова Якова Ивановича.

НОВОЖИЛОВУ Я. И. сейчас 41 год. По национальности он цыган, и с малых лет вел кочевую, таборную жизнь, не получив, конечно, при этом ни надлежащего воспитания, ни необходимого образования (он безграмотен). Все это, конечно, не означает, что Новожилов не должен отвечать за свои действия, за свои поступки. Нет. Он, конечно, должен за них отвечать, должен нести наказание.

* Статья 206 ч. II ныне действующего Уголовного кодекса.

Но бесспорно и другое: если мы ставим своей целью не только наказать, но и перевоспитать, то, очевидно, что к бывшему кочевому цыгану нужен особый подход, особая мерка, особая оценка его поведения, его действий. Очень верно по этому поводу писала "Литературная газета": "У таборных цыган многое осталось от быта древних кочующих племен... Несомненно, кочующие таборы перейдут к оседлому образу жизни, органами власти принимаются меры к тому, чтобы приобщить всех цыган к труду. Однако переход этот будет протекать сложно. Дело в том, что одними административными мерами трудно заставить цыган осесть. Нужна кропотливая воспитательная работа..." (см. статью "Цыганский табор", Литературная газета 20/8-56 года).

Вот этого понимания специфики настоящего дела, этого особого подхода к решению судьбы цыгана — и не чувствуется в Приговоре народного суда.

Что, собственно, совершил цыган Новожилов, в чем провинился?

Оказывается, как это нетрудно усмотреть из Приговора суда, вина Новожилова состоит в том, что он в общественных местах *нецензурно выражался*.

И действительно, по приговору суда Новожилов признан виновным в том, что он:

- 1) 12-го или 13-го марта 1958 года в помещении Дубровицкого С/совета нецензурно выражался;
- 2) 31-го марта в буфете ст. Рязанцево пристал к гр. Бабушкину, обзывая его нецензурными словами.
- 3) В тот же день, когда Воронов поехал на его лошади в отделение милиции, Новожилов бежал за ним с нецензурной руганью и с ножом (перочинным) в руках.
- 4) Так же выражался нецензурной бранью в отделении милиции (см. Приговор).

И вот эти-то действия Новожилова суд квалифицировал ст. 74 ч. II УК и определил ему, цыгану, за это наказание (с учетом всех смягчающих обстоятельств) в виде 2-х лет лишения свободы (!?)

Несправедливость подобного решения суда настолько очевидна, что можно было бы много об этом не писать. Однако, считаю себя обязанным ответить на вопрос о том,

почему Новожилов вел себя так грубо в этот день, 31го марта 1958 года. И думается, что ответ на этот вопрос еще больше оттенит и подчеркнет несправедливость приговора суда.

Более половины обвинительного заключения по данному делу посвящено эпизоду обвинения, который суд в приговоре признал недоказанным. А между тем именно здесь кроется причина поведения Новожилова.

Из материалов дела и из Приговора суда усматривается, что 31/3-58 года Новожилов для личных нужд купил в Райпромкомбинате лошадь и после покупки, по заведенному обычаю, зашел с возчиком Матвеевым в буфет. “Вернувшись из буфета Новожилов на купленной лошади подъехал к чайной, лошадь привязал к столбу, а сам зашел в помещение...” (см. Приговор).

И вот здесь случилось обидное: пока Новожилов находился в чайной, неизвестные лица угнали его лошадь. В течение длительного времени Новожилов разыскивал свою лошадь в пос. Рязанцево (он несколько раз бегал к ж/дорожному переезду, в Райпромкомбинат и др. места), пока случайно не узнал, что лошадь его находится в колхозе “Заветы Ильича”. По просьбе Новожилова гр. Хухарев на своей подводе довез его к конному двору колхоза, где он и обнаружил свою лошадь. Лошадь уже была кем-то выпряжена с саней, а в санях не осталось ни охапки сена. Новожилов обратился с просьбой к конюху колхоза “Заветы Ильича” Хохлову дать ему немного сена подстелить в сани, т. к. без подстилки зимой было ехать крайне неудобно. И хотя Новожилов здесь не грубил и не выражался нецензурно (см. показания Хохлова — л. д. 14 и Протокол суд. заседания), Хохлов нашел возможным замахнуться на него топором.

По этому поводу св. Хохлов так на следствии показал:

“Я тогда взял топор и предупредил, что, если будете нахальничать, зарублю топором...” (л. д. 14).

Нет ничего удивительного, что в ответ на все это Новожилов обнажил единственное имеющееся в его распоряжении оружие — складной нож. Однако при этом, как известно, Новожилов в ход ножа не пустил и никакого вреда Хохлову не причинил.

По возвращении в пос. Рязанцево Новожилов вместе с Хухаревым зашли в буфет, а когда они вышли — лошади вновь не оказалось (см. показания Хухарева и Воронова — протокол суд. заседания).

И вот тут-то появившемуся председателю колхоза “Путь к коммунизму” Воронову кто-то сказал, что здесь находится цыган из его колхоза, что он приехал на колхозной лошади, что эту лошадь угнали. Не разобравшись в чем тут дело, Воронин стал ругать Новожилова, требовать, чтобы он немедленно разыскал лошадь и доставил ее в колхоз, а в заключение ударил Новожилова, от чего он упал и ушиб голову.

Показания Новожилова в этой части Воронов в основном подтвердил и показал, в частности:

“...Тогда я вынужден был его толкнуть и он упал на снег” (см. показания Воронова — л. д. 11).

А когда лошадь была найдена Воронов, опять не разобравшись ни в чем и не поверив Новожилову, что лошадь его, сел в сани и поехал на этой лошади в отделение милиции, устанавливать кому эта лошадь принадлежит.

Выведенный из себя бесконечными угодными лошади, тем, что и сейчас ему не поверили в том, что он является добросовестным приобретателем лошади, что Воронов грубо с ним обошелся, что он самовольно уехал куда-то на его лошади (о том, что он поехал в милицию Новожилов сразу не знал), Новожилов побежал за подводой с нецензурной бранью, обнажил свой складной нож. Но и здесь Новожилов в ход ножа не пустил, никого не порезал, никому не причинил вреда. Вместе с Хухаревым он сам поехал в отделение милиции доказывать принадлежность ему лошади, жаловаться на грубое обращение председателя колхоза... Демой из отделения милиции Новожилов уже не вернулся...

Все изложенное свидетельствует о том, что во многом в происшедшем повинны лица, которые своим озорным, грубым поведением вызвали ответную реакцию Новожилова.

Новожилов вел себя тихо, никого не трогал — у него угнали лошадь.

Новожилов попросил охапку сена — на него замахнулись топором.

У Новожилова вновь угнали лошадь — на него накричали, потребовали разыскать свою лошадь.

Новожилов пытался возразить, сказать, что это лошадь его — ему не поверили, его ударили, он упал и расшиб голову.

Новожилов наконец нашел свою лошадь — Воронов самовольно сел в его сани и куда-то опять погнал лошадь.

Все эти озорные, грубые, а порой просто хулиганские действия, направленные против Новожилова, и толкнули последнего на ответную грубость.

Полагаю, что при таких обстоятельствах действия Новожилова надлежит квалифицировать не ст. 74 ч. II, а ст. 74 ч. 1 УК.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО

Как отмечено выше, Новожилову 41 год. В прошлом он не судим. После опубликования Указа от 26/10-56 г. "О приобщении цыган к труду" Новожилов вступил в челны колхоза "Путь к коммунизму" Рязанцевского р-на Ярославской области, где и работал до ареста. По словам председателя колхоза т. Воронова в суде, Новожилов в колхозе работал хорошо, его ставили в пример другим цыганам, он за год выработал 530 трудодней (см. показания Воронова в суде).

На иждивении Новожилова находится больная жена и 2-ое детей: сын 20-ти лет (врожденный глухонемой) и дочь 6ти лет (см. справки — в деле).

Свою вину Новожилов чистосердечно признал и в содеянном раскаялся.

В силу изложенного, прошу коллегия облсуда внести в настоящий приговор изменения — действия Новожилова со ст. 74 ч. II УК переqualифицировать на ст. 74 ч. 1 УК, определив ему наказание, не связанное с лишением свободы.

Адвокат:

"12" мая 1958 года.

(А. Л. Мове)

P.S. Определением коллегии облсуда от 28/5-58 г. в приговор внесено изменение:

Действия Новожилова переqualифицированы на ст. 74 ч. I УК (ст. 206 ч. I УК) и наказание ему определено в 1 год ИТР по месту работы. Из под стражи Новожилов освобожден.

После похорон

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЯРОСЛАВСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

Адвоката А. Л. Мове

По делу

СМИРНОВА Вадима Сергеевича осужденного Приговором Народного суда 5-го уч-ка Кировского р-на г. Ярославля от 11 июня 1958 года по ст. 74 ч. II и 182 ч. IV УК* к 1,5 годам лишения свободы.

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Вряд-ли мыслимо спокойно писать об этом деле. И не потому, что СМИРНОВ Вадим Сергеевич не виноват. Нет! Он виноват и заслуживает наказания. И вместе с тем, каким холодом, каким равнодушием, какой черствостью веет со страниц судебного приговора!

Вадиму Смирнову сейчас 22 года. Жизнь его сложилась не совсем складно: отец вскоре после рождения сына покинул семью, и остался Вадим жить с матерью и бабушкой. Мать его, гр-ка Астафьева А. В., врач по специальности, все свои силы и здоровье отдавала работе (последние годы она работала врачом в поликлинике Кировского р-на г. Ярославля) и воспитанию сына. В 1954 году Вадим окончил 10-ть классов средней школы и пошел работать учеником токаря на завод п/я 99. Отсюда, с завода, он был

* Статья 206 ч. II и 218 ч. II ныне действующего УК.

в 1955 г. призван в ряды Советской Армии, откуда, прослужив немногим более года, был демобилизован по семейным обстоятельствам: к этому времени тяжело заболела мать (туберкулез и сахарный диабет), и разбил паралич бабушку.

Вернувшись домой из Армии, Вадим сразу же поступил вновь работать на свой завод, токарем.

Как о скромном, вежливом, хорошем юноше отзываются о Смирнове люди, знающие его с малых лет. "Мы никогда не видели его пьяным, он никогда не позволял себе не только хулиганского, но даже нетактичного поступка", — пишут они в своем отзыве (л. д. 38).

Очень хорошо отзываются о нем и на производстве: к порученной работе относится добросовестно, нарушений дисциплины не имел, установленные нормы выработки выполняет на 170-180% (см. характеристику — л. д. 37).

Ну и конечно, никаких в прошлом судимостей, никаких переводов в органы милиции, никаких темных пятен...

И вдруг ... 30-го апреля 1958 г., — как гласит Приговор суда, — Смирнов, будучи в нетрезвом состоянии, пришел во двор дома № 63 по ул. Рыбинской, где вел себя нетактично, а потом "вынул из кармана финский нож и стал им замахиваться на находившихся здесь граждан" (см. Приговор).

— Но, может быть, все это ошибка, неправда?

— Увы, нет. Это правда... и в то же время неправда. Правда — потому, что так было, неправда — потому, что суд не сказал *всей* правды, умолчав в таком важнейшем документе, каким является Приговор, о самом главном, основном:

— Почему Смирнов в этот день оказался в нетрезвом состоянии?

— Почему он попал во двор дома № 63 по ул. Рыбинской?

— Почему он грубо ответил гр-ке Коротковой?

— Почему он обнажил нож? и т. д., и т. п.

Вот на все эти "почему" нет ответа в приговоре суда, все они (эти "почему") судом старательно обойдены, хотя, как это будет сейчас очевидно, именно за ответами на эти

вопросы кроется действительная, настоящая, *вся* правда. И она, эта правда, говорит об одном — о той большой несправедливости, которая была проявлена по отношению к Смирнову не только судом, но и теми, кто избрал по отношению к нему меру пресечения в виде содержания под стражей, где он и находится уже около 2-х месяцев.

И сводится эта правда к следующему:

26го апреля 1958 года после тяжелой и продолжительной болезни скончалась мать Смирнова, гр-ка Астафьева А. В., оставив единственного сына с прикованной к постели, разбитой параличем бабушкой (см. свидетельство о смерти — будет представлено, и справку о состоянии здоровья бабушки — л. д. 39). 30-го апреля, в день похорон матери, в связи с тем, что некому было нести на кладбище венки, Смирнов пригласил на похороны своих товарищей. По заведенному обычаю после похорон были устроены поминки, на которых и Смирнов, и его товарищи выпили водки.

А после поминок, по просьбе друзей, Смирнов пошел их провожать. В дороге, однако, выяснилось, что один из товарищей, Фесак, настолько опьянел, что идти самостоятельно не смог и Смирнову пришлось совместно с другим товарищем, Никулиным, тащить его буквально волоком. Они затащили Фесака во двор дома № 63 по ул. Рыбинской, где хотели освежить его под колонкой. Однако, встретившаяся им гр-ка Козина объяснила, что прохода к колонке здесь нет, вследствие чего они потащили пьяного дальше. Вел себя при разговоре с Козиной Смирнов тактично, не грубил (см. показания Козиной — л. д. 8).

В этот момент Никулин куда-то ушел искать на помощь товарищей, а Смирнов, продолжая тащить один Фесака, случайно при этом стянул с последнего плащ и пиджак и, будучи не в силах с ним справиться, присел на завалинке.

Увидев лежащего в одной рубашке пьяного и решив, что Смирнов его раздевает, жительница дома № 63 гр-ка Короткова (и за это никто не может быть к ней в претензии) сделала Смирнову замечание.

По этому поводу в процессе следствия свид. Короткова показала:

“Я увидела парня в сером плаще, который сидел на завалинке, а пьяный лежал на земле в одной белой рубашке, а когда его вели он был одет.

Я сказала парню, что нельзя безобразить, привели парня в чужой двор и раздели его. Тогда парень встал, подошел ко мне и сказал: "Иди отсюда!" (л. д. 21).

Эти свои показания Короткова подтвердила и в суде, где она, в частности, пояснила:

"Я подумала, что они раздели этого пьяного парня и, когда он сидел на завалинке, я ему сказала: "Как вам не стыдно. Привели человека в чужой двор и раздеваете" (см. Протокол суд. заседания).

Выслушав подобный упрек, Смирнов, конечно, вспылил, но при этом он, как видно из показания Коротковой, ничего ей не сделал, не оскорбил ее, а лишь сказал: "иди отсюда".

В ответ на это Короткова позвала своего мужа, находившегося дома.

Свид. Бородашкин (муж Коротковой) о случившемся рассказывает так:

"Мне жена крикнула: "Николай, выйди! Я вышел... сказал: нечего здесь делать во дворе. Он меня схватил за грудь.

Я оторвал его от себя и оттолкнул, и упал сам... Когда я поднялся, жена увела меня домой..." (л. д. 26).

Подтвердил эти свои показания свид. Бородашкин и в суде:

"Он подошел, схватил меня, сказал — знаешь, кто я... я в это время рванулся от него и упал..." (см. Протокол суд. заседания — л. 45). А свид. Короткова так об этом показала следователю:

"Парень взял мужа за грудь. Муж его оттолкнул — и что здесь получилось — я не разобралась, но они оба оказались на земле" (л. д. 21).

Аналогичные показания дала эта свидетельница и в суде (см. Протокол суд. заседания).

И вот при наличии такого рода показаний, несмотря на очевидность того, что весь конфликт возник в результате недоразумения, суд утверждает в Приговоре, что Смирнов

явился в чужой двор, нагрубил гр-ке Коротковой, уронил на землю ее мужа и пр., и пр.!!

Несостоятельность такого утверждения очевидна.

— Что же случилось дальше, почему все-таки Смирнов обнажил нож? Как на следствии, так и в суде, Смирнов по этому поводу пояснил, что он вынужден был обнажить нож в связи с тем, что, когда он поднялся с земли, то его кто-то сзади ударил по голове, уронили его на землю и стали избивать (см. любое показание Смирнова).

Доказать, что все это было так, Смирнову сейчас трудно, т. к. он оказался в чужом дворе один, а они, участники этого избиения, сейчас, конечно, отрицают это обстоятельство. Однако, имеющиеся в деле данные свидетельствуют о том, что Смирнов говорит правду.

В частности, в своих показаниях в процессе следствия свид. Чирков, отрицая факт избиения Смирнова, в то же время показал, что, когда Бородашкин упал на землю, то он и еще двое молодых ребят подскочили к Смирнову и оттолкнули его от Бородашкина, а маленькие ребята стали кидать в него камнями и отогнали его... (л. д. 19).

А в судебном заседании этот свидетель показал:

“В это время подбежали ребята со двора и швырнули Смирнова... Я в это время ушел за сарай, а когда вернулся, то мне ребята сказали, что они отогнали Смирнова камнями и пошли вооружаться кольями на случай, если он снова вернется...” (см. Протокол суд. заседания).

Эти показания свид. Чиркова (хотя он и что-то недоговаривает, утаивает) свидетельствуют о том, что в чужом дворе со Смирновым обошлись круто, т. е. частично подтверждают показания Смирнова.

Поэтому, и только поэтому, Смирнов обнажил нож.

Наконец, суд указывает в приговоре, что через некоторое время Смирнов вторично пришел во двор, умалчивая при этом о причине этого, вторичного, посещения, чем создается видимость, что Смирнов неугомонный задира и дебошир.

С подобной трактовкой поведения Смирнова так же согласиться нельзя, т. к. на всем протяжении следствия и в суде Смирнов пояснял, что через некоторое время (а по

показанию свид. Чиркова в суде — примерно через час — л. 46) он возвратился во двор дома № 63 с тем, чтобы забрать свою фуражку, которую с него сшибли при избивании, плащ и пиджак Фесака (см. показания Смирнова).

Все изложенное свидетельствует о том, что у суда не было никаких оснований для осуждения Смирнова по ст. 74 ч. II УК.

Что же касается осуждения Смирнова по ст. 182 ч. IV УК, то при этом следует иметь в виду следующее: допрошенные по делу свидетели (Боровков, Пеунова) показали, что подобного ножа они никогда у Смирнова не видели.

Суд утверждает в приговоре, что “Смирнов пояснил суду, что данный нож он нашёл” (см. Приговор).

Такое утверждение суда является и правильным и не правильным. Правильным — потому, что Смирнов так говорил в начале судебного следствия. Неправильным — потому, что Смирнов в конце судебного следствия показал другое:

“Граждане судьи! Я вам скажу правду. Нож этот не мой, а одного моего товарища. Но я вынужден был взять у него этот нож. Товарищ был пьяный и мне показал этот нож. Чтобы чего не случилось, я забрал этот нож для сохранности и убрал в карман. Но я не хочу вовлекать его в это дело и фамилии называть не буду” (см. Протокол суд. заседания — л. д. 48).

Думается, что суд, оценивая показания подсудимого, обязан оценить все его показания, и в первую голову те, на которых подсудимый настаивает, а не те, от которых он сам отказывается.

В данном случае суд искусственно ушел от оценки указанных показаний Смирнова о происхождении ножа и, видимо, потому, что эти показания очень трудно опровергать. Уж слишком очевидным становится истинный владелец ножа, тот, из-за которого Смирнов оказался на скамье подсудимых. И в этой связи хотелось бы бросить и упрек следователю, который очень плохо и поверхностно исследовал вопрос о происхождении ножа Смирнова и за все время ведения следствия не удосужился не только вызвать Смирнова на откровенный разговор, но даже и допросить одного из основных свидетелей по делу, Никулина, хотя серьезных препятствий к этому не было.

Думается, что и это явилось одной из причин того, почему еще в процессе следствия Смирнов буквально сразу же после похорон матери был заключен под стражу, а разбитая параличем его 77-и летняя бабушка вот уже почти два месяца как лишена возможности видеть у своей постели единственного человека, который мог бы за ней ухаживать — своего внука, Смирнова Вадима Сергеевича.

Все сказанное свидетельствует о том, что суд поступил крайне несправедливо, когда определил Смирнову меру наказания, связанную с лишением свободы.

В силу изложенного, прошу Коллегию Облсуда в настоящий Приговор внести изменение:

1. Приговор суда в части осуждения Смирнова по ст. 74 ч. II УК отменить и дело в этой части в отношении него в уголовном порядке производством прекратить за отсутствием в действиях Смирнова состава этого преступления.

2. По ст. 182 ч. IV УК определить Смирнову наказание с применением ст. 53 УК, т. е. *условно*.

Адвокат

А. Л. Мове

"15" июня 1958 года

Кассационная инстанция внесла в приговор нарсуда изменение, и определила считать назначенное Смирнову наказание *условным*, с освобождением его из-под стражи.

Дело Быкова Льва Николаевича, осужденного за убийство Бориса Круглова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

Вечером 7-го ноября 1957 г. водитель троллейбуса Быков Л. И. вместе со своей женой и ребенком пошел в гости к своим родственникам, Румянцевым.

В тот момент, когда гости уселись за праздничный стол, вдруг раздался звон разбитых стекол. Находившиеся в доме мужчины выбежали на улицу (за исключением Быкова, которого не пустила жена) и спустя некоторое время возвратились, пояснив, что разбили стекла пьяные хулиганы, задержать которых не удалось, так как они сопротивлялись. Считая инцидент исчерпанным, все вновь уселись за стол. Однако через несколько минут послышался вновь звон разбитых стекол, стуки в дверь и окна, пьяная брань, угрозы. В доме возникла паника: женщины кричали, дети плакали, мужчины рвались на улицу, но их жены не выпускали. В завершение всего хулиганы просунули в окошко доску и бросили ее на стол. В это время Быков взял со столика ножницы и когда все стихло он, воспользовавшись моментом, когда женщины отошли от двери, выбежал во двор, догнал одного из хулиганов, уже выбежавшего на улицу, и во время драки с ним нанес ему удар ножницами в грудь. От полученного ранения последний (а им оказался 17-ти летний Круглов Борис), пробежав несколько десятков метров, замертво упал.

За убийство Круглова Быков был привлечен к уголовной ответственности по ст. 137 УК РСФСР (статья 103 действующего УК). Вместе с ним был привлечен к уголовной ответственности по ст. 74 ч. 2 УК (статья 206 ч. II УК), за хулиганство, один из участников налета на дом Румянцевых, Черноглазов В. К. Оба они вину свою в предъявленном обвинении признали полностью. Настоящее дело слушалось 3-4 января 1958 г. в клубе трамвайно-троллейбусного депо Народным судом 5-го уч. Кировского р-на г. Ярославля.

Выступавший по делу прокурор, признавая правильной квалификацию действий подсудимых, просил суд об определении им наказания: Быкову — в виде 8-ми лет ИТЛ, Черноглазову — в виде 3-х лет ИТЛ.

РЕЧЬ АДВОКАТА А. Л. МОВЕ ПО ДЕЛУ БЫКОВА Л. Н.

Я понимаю, товарищи судьи, как тяжело решать это дело, когда незримо, невидимо вот уже второй день в этом зале присутствует смерть. И самое печальное, самое прискорбное состоит в том, что сколько бы мы не говорили, какое-бы решение не вынесли — мы не в состоянии поправить непоправимое: навсегда, безвозвратно ушел из жизни молодой человек, 17-ти летний юноша Борис Круглов. По трагической иронии судьбы он, родившийся в весенний первомайский праздник, 1-го мая 1940 г., погиб в октябрьский праздник, 7-го ноября 1957 года. Эта смерть не только незримо присутствует здесь, она давит над всем этим делом, она, если хотите, здесь основной, главный свидетель.

Убийство — тягчайшее преступление. И когда товарищ прокурор говорил нам, что общественная совесть возмущалась, что она негодовала, что она не просила, а требовала ответа на вопрос: кто убийца? — я понимаю, что он не преувеличивал. Да, это было так.

И к чести наших следственных органов надо сказать, что они сумели дать ответ на этот вопрос. Кто убийца? Вот он перед вами — Быков Лев Николаевич. Тот самый, который на вопрос суда признаете-ли вы себя виновным, без колебаний ответил: да, признаю. Я убил человека...

Но товарищ прокурор не договорил. Наша общественность, возмущаясь и негодуя, в подобных случаях требует не только назвать убийцу, сказать, кто убил. Она требует сказать и другое: почему убил? И в зависимости от ответа на этот вопрос общественность по-разному реагирует на убийство. Мне как-то пришлось иметь прикосновенность к делу об убийстве, совершенном в прошлом году в Заволжском районе нашего города. Тогда ранним утром на улице был обнаружен труп молодого паренька с пробитой головой. И общественность, конечно, возмущалась, негодовала, требовала раскрыть преступление, назвать убийцу. Органы прокуратуры это сделали. Они назвали убийцу, который, кстати, испугавшись ответственности, даже боялся вначале в этом признаться. Но общественность потребовала ответить и на другой вопрос: почему убил? И тут выяснилось, что убил потому, что на него ночью напали, пытались ограбить... И тогда гнев общественности обратился не

против “убийцы”, а против убитого, а он, “убийца”, не только не был осужден, а, наоборот, о его смелом поступке было напечатано в нашей областной газете, он был поставлен в пример тому, как надо давать отпор преступникам. Таким образом, как вы видите, важно ответить не только на первый, но и на второй вопрос.

И действительно, почему вдруг Быков Лев Николаевич стал убийцей? Может быть это человек, ходивший в жизни глухими дорогами преступлений? Может быть это хулиган, дебошир, пьяный громила?

Товарищи судьи! Вы, и только Вы, имеете возможность получить впечатление о подсудимом не только по бесстрастным, порой сухим, документам дела, не только со слов свидетелей, но и от личного контакта с ним в судебном заседании.

Вы, мне кажется, могли убедиться, что человек он скромный, подтянутый, я бы сказал, глубоко порядочный. Он не юлит, не хитрит, честно рассказывает обо всем и искренне переживает случившееся. Не сказали о нем худого слова и свидетели, знающие его на протяжении многих лет. Все они говорили о нем, как о тихом, даже несколько робком, незлобивом человеке. “Не дебошир, не задира”, — вот их слова.

Вам немного известно и его прошлое. Учился в школе, затем работал, а в 1946 г. ушел служить в советскую армию. Служил во флоте до 1952 г., т. е. шесть лет. После демобилизации работал водителем троллейбуса. “С порученной работой справлялся хорошо, работал добросовестно, нарушений трудовой дисциплины не имел”, — так скупко говорит о нем производственная характеристика, имеющаяся в деле. Ему сейчас 28-мь лет, он недавно женился, у него маленький ребенок... Ну и, конечно, вам известно, что на этой скамье подсудимых, он сидит впервые.

Так как же могло случиться, что этот незлобивый, тихий, даже немного робкий водитель троллейбуса вдруг стал убийцей? Меня этот вопрос интересует потому, что в зависимости от цели убийства, от мотивов его, можно говорить о различных статьях закона, а, следовательно, и о различном наказании виновного.

Наша работа, работа юристов очень похожа на работу врачей. Мы тоже лечим болезни, недуги, но не физические, а, я бы сказал, психические, дефекты интеллекта, сознания

человеческого, т. е. то, что мы иногда называем пережитками капитализма в сознании людей. Но для того, чтобы лечить, и правильно лечить, надо сначала поставить правильный диагноз, определить, чем болен человек. Иначе, при неверном диагнозе, мы будем лечить от воспаления легких, в то время как человек страдает легким насморком. Врачи-терапевты в подобных случаях, чтобы не ошибиться, прибегают к помощи терапевтического справочника. Мы, юристы, обращаемся в этих случаях к уголовному кодексу, это, так сказать, наш "терапевтический справочник".

Как верно говорил товарищ прокурор, наш уголовный кодекс РСФСР знает несколько видов убийств, и различаются они в зависимости от мотивов убийства. Убийство из корысти, мести, из хулиганских или иных низменных побуждений влечет ответственность по статье 136 уголовного кодекса (статья 102 ныне действующего УК). Это тягчайший вид убийства, опаснейшее преступление и оно, естественно, "излечивается" тяжелее, требует применения наиболее суровых мер наказания.

По нашему закону за такое убийство может быть определена мера наказания вплоть до расстрела. Убийство без указанных отягчающих признаков влечет ответственность по статье 137 УК. Это менее опасный вид убийства, он "излечивается" легче, а поэтому влечет менее суровую меру наказания. По статье 138 УК (убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего) мера наказания еще ниже.

И, наконец, по статье 139 уголовного кодекса (убийство по неосторожности, а равно убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны), по статье, о которой по странной забывчивости забыл упомянуть товарищ прокурор, мера наказания определяется еще более мягкая — до 3-х лет лишения свободы, или даже до одного года исправительно-трудовых работ.

Таким образом, как вы видите, наш закон знает четыре вида убийств.

Что же было в данном случае? Имеется ли в действиях Быкова вообще состав преступления?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, мне придется несколько возвратиться к обстоятельствам происшедшего.

В самом начале своей речи товарищ прокурор обратил ваше внимание на то, что в этом процессе рядом с убийцей сидит хулиган. Это свидетельствует о том, — сказал он, — что между убийством и хулиганством в данном деле имеется самая тесная связь. Эти преступления связаны, как причина и следствие: хулиганство — причина, убийство — следствие. Я могу только согласиться с товарищем прокурором в этом.

Здесь именно так и было. Но значит-ли это, что в данном деле хулиганство, как это нередко бывает, вылилось в убийство, переросло в убийство. Увы, нет. В данном случае хулиганство с одной стороны вызвало убийство с другой стороны. Здесь хулиганство родило убийство, спровоцировало убийство.

Утром 7-го ноября водитель троллейбуса Быков Лев Николаевич не помышлял ни о каком преступлении. И если бы не только утром, а даже вечером, тогда, когда он шел в гости к своим родственникам Румянцевым, в Леонтьевский переулок, ему сказали, что он, Быков, через несколько часов убьет человека, он бы счел это за бред. 7-го ноября 1957 г. был большой праздник — 40-я годовщина Октября. И нет ничего зазорного в том, что в доме Румянцевых решили встретить этот праздник торжественно, в кругу близких и родных, за рюмкой вина (ведь мы порицаем не употребление вина, а злоупотребление им!) В этот день в дом Румянцевых пришли в гости люди почтенные, семейные, с женами, ребятишками. Пришел сюда и Быков с женой и полуторалетней дочкой. Одних только малышей (не говоря о других малолетних) здесь собралось пятеро... Но оказывается, что иногда и в праздник, у себя дома, страшно выпить рюмку вина: пей, да оглядывайся! Не дай бог, потом к тебе ввалится пьяный дебошир и ты дашь ему отпор — скажут: Ага! И ты был выпивши, по пьянке — значит виноват! Но можно ли так рассуждать! Да, Быков был не совсем трезв. Но это не его вина, а скорее его беда. Беда в том, что он, находясь в несколько нетрезвом состоянии, может быть, не совсем точно оценивал обстановку.

Когда пьяный хулиган позволяет себе глумиться над человеком безоружным — он должен рассчитывать, что в ответ его могут ударить рукой.

Но когда он пробует напасть на человека вооруженного — он уже должен понимать, что в ответ его могут не только ударить рукой. Так и здесь: врываясь в дом, где накрят

праздничный стол, хулиган должен учитывать и то, что здесь не все могут все точно взвешивать — уж это не их вина, не лезь к ним в дом, а полез — бери весь риск на себя. Я так понимаю это. И виноват здесь Быков лишь в том, что он не предвидел, не предугадал, что на дом будет совершен налет, и позволил себе выпить рюмку (даже не лишнюю) вина.

Вам известно, что за столом в доме Румянцевых люди сидели мирно, никого не трогали, не обижали. И вот тогда, когда был поднят праздничный тост, вдруг раздался удар в окошко, второй — и со звоном в комнату полетели осколки разбитых стекол.

Почему это случилось — вы теперь уже знаете. Оказывается, в это время мимо дома проходили трое пьяных, Черноглазов, Бовичев и Прозуменщиков, и один из них, Черноглазов, сапогом стал бить окна в доме Румянцевых. Очень "красочно" рассказал об этом на следствии и в суде один из пьяных, Прозуменщиков. Поравнявшись с домом Румянцева, — пояснил он, — Черноглазов с выкриком "Эх!" ногой ударил по раме окна и разбил стекло. Это же косвенно подтвердил другой свидетель, Неусыпин, который пояснил, что Черноглазов пытался до этого ногой разбить стекла в другом доме, но он его удержал. Наконец, не отрицал этого обстоятельства на следствии и в суде и сам Черноглазов. "Возле дома Румянцева, — показал он, — я сам не знаю почему, ударил ногой в окно и разбил стекло. Естественно, не реагировать на это ни хозяин, ни гости не могли. Все мужчины, а за ними и женщины повскакивали со своих мест и выбежали на улицу. Лишь Быков остался в комнате — его почти насильно удержала там перепуганная жена. Мужчины пытались задержать Черноглазова, доставить его в отделение милиции, но — "нализавшийся до чертиков" Черноглазов (как отозвался о нем один из свидетелей) стал сопротивляться, рвался, буянил. Все это, конечно, вызвало ответные меры со стороны гостей Румянцева. И упрекнуть их в этом нельзя: с пьяным хулиганом, оказывающим сопротивление при задержании, вряд ли мыслимо поступать иначе. Наши государственные органы — суд, прокуратура, милиция постоянно вели и ведут борьбу с преступностью. Но это не значит, что мы, граждане, уповая на защиту этих органов, должны стоять в стороне от этой борьбы. Нет. Необходимая оборона — это естественное, неотъемлемое право человека. Если нападают на тебя, на других граждан, на ваши жилища — приводите хулиганов, дебоширов к порядку.

Это не только ваше право, товарищи, это ваша обязанность. Надо сказать, что до последнего времени наша судебная практика допускала и здесь большие ошибки, и нередко лица, действовавшие в состоянии необходимой обороны, привлекались к уголовной ответственности. Это вызвало законный протест общественности. В нашей прессе, в особенности в газетах "Правда", "Комсомольская правда", "Литературная газета", появились статьи, фельетоны, резко осуждающие подобную судебную практику. Все это привело к тому, что 23 октября 1956 г. Пленум Верховного суда СССР вынес постановление, которым эти недостатки были устранены.

Пленум прямо указал на недопустимость привлечения к уголовной ответственности лиц, действовавших в состоянии необходимой обороны. Но вы скажите, товарищ прокурор, в чем же здесь нападение? Подумаешь, стекло разбили... Однако, мы не должны забывать о другом: здесь налицо было хулиганство, хулигана пытались задержать, доставить в милицию, а он оказал сопротивление. А вот по этому поводу Пленум Верховного суда СССР в пункте № 5 указанного постановления прямо указал: "Разъяснить, что действия, предпринятые потерпевшим или другими лицами по задержанию преступника с целью доставления его в соответствующие органы власти как правомерные приравниваются к необходимой обороне".

Правильно ли, таким образом, поступили следственные органы, не возбудив уголовного преследования против тех, кто пытался задержать Черноглазова? Я думаю, что правильно. И, если хотите, верно тогда Быкову был брошен (может быть в шутку) упрек: "А ты, оказывается, брат, трус. Побоялся выйти на улицу". Упрек этот был справедлив: быть посторонним наблюдателем в подобных случаях нельзя... А что произошло потом — об этом страшно рассказывать. Хозяин и гости возвратились в дом и снова уселись за стол, считая инцидент исчерпанным. А в это время Бовичев побежал домой, вооружился палкой, позвал на помощь Круглова и вместе с Черноглазовым и другими, к сожалению неустановленными лицами совершили дикий налет на дом Румянцевых. Они опрокинули забор, оторвали от него доски и стали бить ими окна в квартире Румянцева, сорвали с петель дверь, ворвались в сени и пытались ворваться в комнату... И все это сопровождалось нецензурщиной и наглыми угрозами, и завершилось тем, что они, разбив стекла летней и зимних оконных рам, бросили через окно

в комнату двухметровую доску, которая пролетев буквально над головами женщин и детей с грохотом упала на празднично убранный стол.

Ко всему этому надо добавить, что все это происходило темным вечером, в глухом переулке, неподалеку от Леонтьевского кладбища.

Что в этот момент творилось в квартире — описать трудно.

С их стороны, — рассказал впоследствии свидетель Советов, — неслись угрозы и нецензурная брань. Они длинной доской разбили окно... В доме возникла паника и возмущение, т. к. женщины истерически кричали, а дети плакали... Нельзя без волнения слушать показания и другого очевидца совершенного, свидетеля Шакурина.

Женщины, — говорит он, — не выпускали мужчин на улицу. Румянцев не слушался и рвался отпереть дверь. Они просунули доску и выбили две рамы. Этот удар меня и всех возмутил еще больше и вместе с этим я почувствовал какое-то оцепенение, что, видимо, охватило и других. Потом все стихло, только жена Быкова истерически кричала и плакали дети...

Хозяйка дома, пожилая женщина, Румянцева была особенно потрясена этим налетом. "Они поломали забор, показала она, — сорвали двери, доску бросили через окно на стол. В доме поднялась паника, женщины истерически кричали, дети плакали. Жена Быкова громко рыдала и прятала ребенка под кровать". Все показания этих свидетелей вы можете найти в протоколах допросов их на следствии на л. д. 163, 167, 171. Подтвердили они эти свои показания и здесь в суде. Аналогичные показания дали по этому поводу на следствии и в суде свидетели Румянцев, Советова, Шакурина, Быкова и др.

Но может быть все эти свидетели сгущают краски, может быть они преувеличивают? Тогда послушаем тех, кто находился в это время не в доме, а на улице.

Вот свидетель Прозуменщиков. Он близкий друг и приятель Черноглазова. Уж он-то вряд-ли будет сгущать краски, скорее — наоборот. На следствии он дал такие показания: "Борис Круглов оторвал от забора две доски и забор упал. Они проникли во двор, подошли к крыльцу, стали стучать. Юрий Бовичев стучал в дверь, а Борис палкой

разбил окно. Я слышал, что в доме мужчины рвались, но их не выпускали женщины” (л. д. № 20). А при вторичном допросе он уточнил отдельные детали: “Бовичев побежал домой, откуда возвратился с палкой. Борис (Круглов) выломал доску и они ворвались во двор, стали бить окна, сорвали двери, ругались... На улице уже было темно. Весь этот шум продолжался минут десять” (лист дела № 75). В судебном заседании Прозуменщиков все это подтвердил и дополнил: “Круглов бросил доску метра два в окно дома, послышался шум и крик детей, Бовичев так же стучался в дом Румянцевых”. Аналогичные показания дали по этому поводу свидетели Красновы, Владимир и Вячеслав. Они рассказали, что Бовичев и Черноглазов были сильно пьяны и ругались, что оба они сорвали дверь в сенях и рвались в комнату... Не отрицают всех этих обстоятельств, по существу, и сами зачинщики этого налета — Бовичев и Черноглазов.

В частности, Бовичев, отрицая, правда, свою причастность к происшедшему, все же подтвердил, что Черноглазов опрокинул забор, разбил окно, рвался в дверь... А сам Черноглазов дал потрясающие по своей циничности показания. Вот они, дословно: “Мы рвались в дом с целью избить мужчин... Не сорвав двери, я доской разбил стекла в окне и там же оставил доску. При этом я нецензурно выражался. Когда я доской разбил окна, в доме еще сильнее закричали женщины. Мы побежали, а Круглов остался во дворе и стучал кулаками по окну”. Вникните в эти показания, взвесьте их и оцените по достоинству. “В доме Румянцевых, — показал далее Черноглазов, — был слышен крик женщин, плач и крик детей, т. к. произошел переполох... Если бы меня и Круглова не позвал на это мой брат, Бовичев, мы бы спали с Кругловым дома и не допустили бы хулиганства” (лист дела — 95).

Вы видите, что из всех этих показаний вырисовывается картина жуткая, страшная, дикая. Правда, (здесь адвокат обращается к присутствующим) некоторые граждане, находящиеся здесь в зале, могут сказать, что адвокат очень преувеличивает, что он сгущает краски. Если здесь есть такие, тогда представьте себе, хотя бы на минуту, что это не там, в глухом переулке у кладбища, звенели разбитые стекла, (обращаясь к суду), а в вашем доме, что это не там трещали рамы, а в ваших окнах, что это не там летели сорванные с петель двери, а в вашем доме, что это к вам на праздничный стол влетела с грохотом через окно двухметровая доска, что это ваши близкие плакали, истериче-

ски кричали, прятали перепуганных детишек под кровать... Поставьте себя, хотя бы мысленно, на их место и тогда вы поймете их состояние, поймете, что здесь трудно преувеличивать.

Кто же они, эти лица, совершившие столь дикий хулиганский налет?

Может быть, это люди случайно хватившие лишнюю чарку? Может быть, они лишь по недоразумению, случайно, попали в подобную историю? Нет!

Материалы настоящего дела свидетельствуют о том, что братья Юрий Бовичев и Валентин Черноглазов отнюдь не случайно попали в эту историю, что они постоянно нарушали общественный порядок. Совсем недавно за участие в хулиганской драке в Городском парке Черноглазов был арестован на 15 суток. Об этом на листе дела № 99 имеется соответствующий документ.

Не лучше ведет себя и Бовичев, о чем очень подробно рассказала следователю свид. Серова. Из ее показаний явствует, что дом Румянцевых в этот день 7 ноября уже был третий по счету, в который рвались из озорства Бовичев и Черноглазов. "Они постоянно устраивают пьянки, драки, буквально терроризируют соседей", — пояснила она на допросе. И в этой связи вызывает крайнее удивление тот факт, что Бовичев вовсе не был привлечен не только к уголовной, но даже и к административной ответственности. Создается впечатление, что следователь сделал все возможное, чтобы облегчить его участь. Когда свидетель Краснов Вячеслав говорил, что Бовичев бежал к дому Румянцевых с палкой — следователь пропускал эти показания мимо ушей. Когда Прозуменщиков утверждал, что Бовичев был с палкой, что он тоже стучался в дом Румянцевых — следователь спешил забыть об этих показаниях.

Когда Краснов Владимир пояснял, что в руках у Бовичева была клюка, что Бовичев вместе с Черноглазовым сорвали дверь, рвались в комнату Румянцева — следователь спешил засвидетельствовать в обвинительном акте, что "Бовичев оттащивал Черноглазова, тащил его домой". Наконец, следователь вовсе закрыл глаза на показания свид. Серовой, проливающие свет на поведение обоих братьев, и даже не включил эту свидетельницу в список лиц, подлежащих вызову в суд. Я здесь должен оговориться. В круг моих обязанностей не входит обвинение Черно-

глазова и его приятелей. Наоборот, по возможности я как адвокат должен этого избегать. Но я в данном деле призван защищать Быкова, а обстоятельства так сложились, что в интересах его защиты я невольно должен говорить о той неблагоприятной роли, которую здесь сыграл Черноглазов и его сообщники. Я вынужден говорить об этом, так как очевидно, что именно их дерзкие хулиганские действия, явились причиной того, что Быков вдруг оказался на скамье подсудимых.

Товарищи судьи! Нет нужды говорить о том, что каждый по своему реагирует на одно и то же явление, каждый по своему переживает обрушившуюся на него беду. Нападение хулиганов на дом, где находились близкие ему люди, где находился его ребенок, буквально ошеломило Быкова. "Я был в состоянии сильного нервного возбуждения, — показал он впоследствии на допросе, — Мне было стыдно за нашу немощь по отношению к хулиганам. И вместе с тем, боясь, что хулиганы ворвутся в дом и будут избивать нас, мужчин, наших жен и детей, то против этого, с целью самообороны, я взял с тумбочки попавшиеся мне на глаза ножницы..." Дальнейшее вам известно. В этот момент все стихло. Ушли хулиганы или нет — в комнате не знали. "Они могли просто замолчать, чтобы дожидаться выхода кого-нибудь" — подумал свидетель Советов. И вот в это-то время Быков выскочил из дому. В 10-15-ти метрах от калитки он увидел силуэты убежавших и понял, что это они, те, кто только что рвались в дом. "Я им закричал "остановитесь", но они бежали, — пояснил он, — я был сильно возбужден. Побежал за ними, хотел догнать, задержать, сдать в милицию... Но когда я подбежал к последнему, он неожиданно повернулся, схватил меня за нос и нецензурно выругался, а затем ударил меня по голове и по плечу. Я ударил его, а затем, не зная, что у него есть и подозревая, что он не с пустыми руками, я в завязавшейся драке выхватил из кармана ножницы и ударил ими его..." И в этот удар Быков, видимо вложил все: и горькую обиду за свою немощь, и боль за истерический плач жены, и страдания за слезы детей... Пробежав несколько десятков метров Круглов за-мертво упал на землю.

Так Быков убил человека.

Потом он пошел к дому и встретившимся в сенях Шерстневу и Советову рассказал о случившемся. Ему не поверили: дескать, знаем тебя, ты уже однажды показал себя,

даже побоялся выйти на улицу. Он прошел в комнату, сел за стол и схватился руками за голову. Он понял, что ударил слишком сильно...

Вот теперь я подхожу к вопросу о "диагнозе", о юридической оценке содеянного. Оговоримся сразу: у обвинения и защиты нет, по существу, никаких разноречий в описании событий происшедшего, за исключением одного — прокурор выражает явное недоверие тем показаниям Быкова, где он утверждает, что когда он подбежал к Круглову, то тот на него напал, ударил и пр. Этим показаниям Быкова товарищ прокурор не верит, считает их голословными. Оставим сейчас в стороне вопрос о наших разногласиях (об этом пойдет речь позже) и попробуем дать юридическую оценку действиям Быкова, согласившись с товарищем прокурором, т. е. полагая, что Быков догнав убежавшего Круглова, сразу же нанес ему смертельный удар. Никакой драки здесь не было. Правильен — ли тогда будет вывод товарища прокурора о квалификации действий Быкова статьей 137 УК?

Мне представляется, что нет.

Установлено, что Быков выбежал из дому в тот момент, когда хулиганы, окончив нападение, бросились наутек. Но о том, что они убежали, Быков, находившийся в комнате, конечно не знал. Они могли притаиться с тем, чтобы дожидаться выхода кого-либо из дому. С учетом этого у нас нет оснований сомневаться в показаниях Быкова о том, что он выбежал на улицу для того, чтобы воспрепятствовать продолжению хулиганства. Очевидно, если бы нападающие в это время были во дворе, если бы они еще не кончили нападения, и Быков убил бы Круглова в это время — мы бы сказали, что защита была своевременной, нападение не кончилось, Быков должен быть освобожден от уголовной ответственности, т. к. он действовал в состоянии необходимой обороны, и не превысил ее пределов. Ну, а как быть в том случае, если обороняющийся применяет защиту в тот момент, когда нападение уже окончено? Пленум Верховного суда СССР в известном постановлении от 23 октября 1956 г., на которое я уже вначале ссылался, указал, что решая вопрос о своевременности защиты, необходимо учитывать и состояние, в котором находился обороняющийся, т. к. очевидно, что, находясь в состоянии сильного душевного волнения, вызванного нападением, защищающийся порой, естественно, не в состоянии точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты.

Таким образом здесь, в крайнем случае, может идти речь о *превышении пределов необходимой обороны*, если не вообще об отсутствии состава преступления. На этой точке зрения стоит и наша судебная практика. Так, Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 24 ноября 1947 г. по делу Боянджова прямо указал, что действия Баянджова, который применил оружие после состоявшегося нападения, когда нападавший, Мамедов, уже бросился бежать, следует расценивать как превышение пределов необходимой обороны и квалифицировать ст. 139 УК. Постановление это актуально и сейчас, о чем свидетельствует то, что оно иллюстрируется в новом учебнике уголовного права для юридических школ на стр. 125. Следовательно, если даже согласиться с трактовкой товарища прокурора, то и тогда следует признать, что действия Быкова надо квалифицировать не ст. 137 УК, а статьей 139, той самой о существовании которой, как я уже говорил, почему-то забыл товарищ прокурор.

Но мне представляется, что Быков вообще не должен нести уголовной ответственности. И действительно: какие у нас есть основания к тому, чтобы не доверять показаниям Быкова о том, что, когда он догнал Круглова, тот набросился на него драться?

Товарищ прокурор говорит, что эти показания голословны. Но ведь Быков об этом говорил на следствии, он об этом говорит и в суде. Разве он должен изыскивать доказательства, подтверждающие его показания? А чем вы, товарищ прокурор, опровергли эти его показания, какие есть у вас доказательства, подтверждающие, что все обстояло не так как говорит он, а иначе?

Таких доказательств у Вас нет. А при таком положении вещей следует признать, что Быков действовал в состоянии необходимой обороны. Я говорю о необходимой обороне, ибо Быков принимал меры по задержанию преступника и применил насилие в связи с тем, что последний сопротивлялся. Как я уже указывал выше, Пленум Верховного суда СССР в своем известном постановлении разъяснил, что подобные действия приравниваются к необходимой обороне.

Пределов необходимой обороны Быков при этом не превысил, ибо в создавшейся ситуации он мог подозревать, что Круглов, который только что так дерзко рвался в чужой дом, который не испугался и с ним вступить в борьбу,

может иметь при себе оружие. С учетом всего этого я прошу вынести Быкову оправдательный приговор.

Быков, граждане судьи, никого не задевал, ни на кого не нападал. Наоборот, напали на него, на его близких, родных, на его жену и ребенка. И было бы крайне несправедливо, если бы Быков, пытавшийся дать отпор хулиганам, был сегодня осужден. Ведь тогда случилось бы то, о чем в свое время с возмущением писал писатель Николай Погодин (я имею ввиду его статью "Необходимый предел обороны", опубликованную в "Литературной газете" от 27-го октября 1955 г.): "Страшная, непостижимая для нормально-го ума вещь! В твой дом ломились, тебе угрожали, тебе кричали "задушим". Ты оборонялся... Но если ты после всего этого вышел невредимым, а лица нападавшие на тебя оказались повреждены, то не они, а ты будешь привлечен к ответственности в уголовном порядке..., а там уж видно будет, как присудит суд".

Товарищи судьи! Настоящий процесс приковал к себе большое внимание нашей общественности, о чем, в частности, свидетельствует этот переполненный в течение двух дней зал. И вы, конечно, можете задуматься над тем, что скажут они, те, которые слушают это дело, если вы решите его так, как предлагает защита. Не будут ли они возмущаться тем, что хулигана осудили строже, чем убийцу, что хулигана осудили, а того, который убил человека, освободили от ответственности.

Именно поэтому мне хотелось бы в заключение напомнить вам об одной статье, недавно опубликованной в "Комсомольской правде". Автор этой статьи с горечью писал о том, как один народный суд осудил молодых рабочих Иванова и Туровского к длительному лишению свободы за то, что они причинили тяжкие телесные повреждения некоему Сухову, осудил, несмотря на то, что Сухов являлся отъявленным хулиганом, постоянно развязывал драки, несмотря на то, что было установлено, что и в данном случае Сухов вел себя вызывающе, а Иванов и Туровский призывали его к порядку.

"Заседание народного суда, — писала газета, — привлекло много слушателей. Но решению суда *не аплодировали*. Не аплодировали потому, что суд, вместо того, чтобы сурово наказать хулигана, осудил тех, кто хотел призвать зачинщика драк к порядку. Объективно, приговор утверждал чуждую нашей морали формулу примиренчества: "Не

вмешивайся, если тебя не трогают”, “Стой в стороне...” (Комсомольская правда от 15/6— 56 г.).

Хочется верить и надеяться, что вашему приговору, товарищи судьи, будут аплодировать...

Приговором Народного суда Быков Л. Н. был осужден по ст. 137 УК (статья 103 ныне действующего УК) на 8 лет лишения свободы.

После того, как приговор был оставлен в силе кассационной инстанцией, после того, как были отклонены жалобы защиты всеми Ярославскими судебными-прокурорскими надзорными инстанциями, я обратился с жалобой в Верховный суд РСФСР, где был на приеме у заместителя председателя Верховного суда РСФСР Г. З. Анашкина.

Из досье адвоката

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

Адвоката А. Л. Мове, г. Ярославль, ул. Кирова, д. 10/12, Центральная юридическая консультация

По делу

Быкова Льва Николаевича, осужденного приговором народного суда 5-го уч-ка Кировского р-на г. Ярославля от 3-4/1-58 года по ст. 137 УК к 8-ми годам лишения свободы.

Определением коллегии Ярославского Облсуда от 17 января 1958 года Приговор суда оставлен в силе.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Темным вечером 7 ноября 1957 года на дом гр-на Румянцева, находящийся в одном из глухих переулков, неподалеку от Леонтьевского кладбища г. Ярославля, был совершен дикий налет пьяных хулиганов и громил.

В этот день за праздничным столом в квартире хозяина собрались его близкие родственники, друзья с женами, с детьми... В частности, Быков пришел в гости со своей женой и 1,5 летним ребенком. Помимо самого хозяина и хозяйки, которым уже далеко за 50 лет, здесь присутствовали гр-н Шерстнев — 46-ти лет, Советов и Шакурин, которым около 35-ти, Быков, которому тоже под 30-ть лет (см. анкетные данные протоколов допросов — в деле).

Я пишу о возрасте всех этих людей с тем, чтобы было ясно, что собрался здесь народ солидный, степенный, далекий от озорных проделок.

И вот тогда, когда был поднят праздничный тост, неожиданно вдруг раздался удар в окошко, второй, и со звоном в комнату полетели осколки разбитых стекол.

Оказывается, в это время мимо дома проходили 3-е пьяных (Черноглазов, Прозуменщиков и Бовичев) и один из них, Черноглазов, ногой стал бить окна в доме Румянцева.

По этому поводу свид. Прозуменщиков на следствии так показал:

“Поравнявшись с домом Румянцева, Черноглазов с выкриком “Эх!” ногой ударил по раме окна и разбил стекло...” (л. д. 75)

Это же подтвердил и свид. Неусыпин:

“Когда мы шли около одного дома, Черноглазов пытался ударить ногой по стеклу рамы, но я его одернул”. (л. д. 89)

Не отрицал этого и сам Черноглазов:

“Возле дома Румянцева я, сам не знаю почему, ударил ногой в окно и разбил стекло...” (л. д. 95)

Естественно, не реагировать на подобное хулиганство ни хозяин, ни гости не могли. И действительно, Румянцев, Советов, Шакурин и Шерстнев выбежали на улицу, пытались задержать Черноглазова с тем, чтобы доставить его в милицию, но последний стал сопротивляться, кусался, рвался, буянил (см. показания Советова, Шакурина, Румянцева, Шерстнева). Все это, конечно, вызвало ответные меры со стороны Советова, Шакурина и др. И упрекнуть их в этом нельзя: с пьяным дебоширом, оказывающим сопротивление при задержании, вряд ли мыслимо поступать иначе.

После этого все возвратились в дом и снова усаелись за стол, считая инцидент исчерпанным. Здесь же кое-кто не то шутиливо, не то серьезно упрекнул Быкова, что он трус, побоялся хулиганов, не вышел даже на улицу.

А дальше...

А дальше произошло совершенно дикое: Бовичев побежал домой, вооружился палкой, позвал на помощь Круглова, и вместе с Черноглазовым и другими неустановленными лицами они совершили дерзкий налет на дом Румянцевых. Они опрокинули забор, оторвали от него доски и стали ими бить окна в квартире Румянцева, сорвали с петель дверь, ворвались в сени и пытались ворваться в квартиру... И все это сопровождалось нецензурщиной и наглыми угрозами и завершилось тем, что они, разбив стекла летней и зимней оконных рам, бросили в комнату двухметровую доску, которая, буквально, пролетев над головами женщин и детей, с грохотом упала на празднично убранный стол.

Что в этот момент творилось в квартире — описать трудно.

Свид. Советов об этом рассказывал на следствии:

“С их стороны неслись угрозы и нецензурная брань. Они длинной доской разбили окно... В доме возникла паника и возмущение, так как женщины истерически кричали, а дети плакали”. (л. д. 171).

А свид. Шакурин так пояснял:

“Женщины не выпускали мужчин на улицу. Румянцев не слушался и рвался отпереть дверь. Они просунули доску и выбили две рамы. Этот удар меня и всех возмутил еще больше и вместе с этом я почувствовал какое-то оцепенение, что видимо охватило и других. Потом все стихло, только жена Быкова истерически кричала и плакали дети”. (л. д. 163).

Свид. Румянцева о случившемся рассказала так:

“Они сорвали двери, ломали забор, доску бросили через окно на празднично убранный стол, в доме поднялась паника, женщины истерически кричали, дети плакали”. (см. Протокол суд. заседания л. д. 231).

Аналогичные показания дали на следствии и в суде свидетели Румянцев, Советова, Шакурина, Быкова и др. (см. л. д. 168, 170, 165 и др.).

— Но, может быть, все эти свидетели сгущают краски, может быть, они преувеличивают?

Тогда обратимся к показаниям других лиц, тех которые находились в это время не в доме, а на улице.

Свид. Прозуменщиков (близкий друг и приятель Черноглазова) так рассказывал на следствии о происшедшем: "Борис (Круглов) оторвал от забора две доски, и забор упал. Они проникли во двор, подошли к крыльцу, стали стучать... Юрий (Бовичев) стучал в дверь, а Борис палкой разбил окно. Я слышал, что в доме мужчины рвались, но их не выпускали женщины". (л. д. 20).

И далее:

"Бовичев вырвался, побежал домой, откуда возвратился с палкой...

Борис (Круглов) выломал доску и они ворвались во двор, стали бить окна, сорвали двери, ругались... На улице было уже темно. Весь этот шум продолжался минут 10-ть". (л. д. 75).

В судебном заседании Прозуменщиков также, в частности, сказал:

"Круглов бросил доску метра два в окно дома Румянцевых, послышался шум и крик детей". (Протокол суд. засед. — л. д. 229 оборот).

И далее:

"Бовичев так же стучался в дом Румянцевых". (см. Замечания на Протокол).

Аналогичные показания дал свид. Краснов Вячеслав:

"Бовичев и Черноглазов были сильно пьяны и ругались...

В руках у Бовичева была или железная, или деревянная палка". (л. д. 65 и Замечания на Протокол).

Об этом же говорил и Краснов Владимир:

" У Бовичева в руках я видел клюку... Борис (Круглов) доской ударил по окну и разбил его. А

Валентин (Черноглазов) и Бовичев Юрий сорвали дверь и стали рвать дверь в комнату, но не сорвали..." (л. д. 70)

Не отрицают всех этих обстоятельств и сами зачинщики этого погрома — Бовичев и Черноглазов.

Так, Бовичев, отрицая, правда, свою причастность к происшедшему, все же показал на следствии:

"Когда я побежал к дому Румянцева, то Черноглазов уже опрокинул забор, разбил окно и рвался в дверь, сняв ее с петель..." (л. д. 29).

А Черноглазов так пояснил:

"Мы рвались в дом с целью избить мужчин... Не сорвав двери, я доской разбил стекла и окна и там же оставил доску. Нецензурно я выражался.

Когда я доской разбил окна, в доме еще сильнее закричали женщины. Мы побежали, а Борис (Круглов) остался во дворе и стучал кулаками по окну..." (л. д. 95).

И далее:

"В доме Румянцевых был слышен крик женщин, плач и крик детей, т. е. произошел переполох... Если бы меня и Круглова не позвал на это мой брат Бовичев, мы бы спали с Кругловым дома и хулиганства не допустили бы". (Протокол суд. засед. — л. д. 227).

Наконец, все это нашло полное отражение в обвинительном заключении по делу (см. обвинительное заключение).

Естественно, возникает вопрос, кто же они, эти лица, совершившие столь дерзкий погром?

— Может быть, это случайно перепившие люди?

— Может быть, они по недоразумению, случайно лишь попали в подобную историю?

— Нет.

Все материалы дела свидетельствуют о том, что братья Юрий Бовичев и Валентин Черноглазов постоянно нарушают общественный порядок.

Совсем недавно за хулиганство, выразившееся в учинении драки в Горпарке, Черноглазов был арестован на 15 суток (л. д. 99).

Не лучше ведет себя и Бовичев, о чем очень подробно рассказала следователю свид. Серова Р. Н. (см. ее показания — л. д. 49).

В частности, из этих показаний усматривается, что дом Румянцевых в этот день — 7 ноября уже был 3-ий по счету, в который рвались из хулиганских побуждений Бовичев и Черноглазов.

Из этих же показаний усматривается, что Бовичев и Черноглазов буквально терроризируют соседей, устраивая пьянки, драки и пр., пр.

Именно они, дерзкие хулиганские действия Бовичева, Черноглазова и Круглова, явились причиной того, что водитель троллейбуса, Быков Л. Н., человек тихий и незлобивый, вдруг оказался на скамье подсудимых.

О том, как Быков реагировал на хулиганский налет, можно проследить по его показаниям в процессе следствия и в суде:

“Я был в состоянии сильной нервной возбужденности, — показал на следствии Быков. Мне было стыдно за нашу немощь по отношению к хулиганам. И вместе с тем, боясь, что хулиганы ворвутся в дом и будут избивать нас, мужчин, наших жен и детей, то против этого с целью самообороны, я взял ножницы... Потом, когда они перестали стучать, я выскочил из дома...” (л. д. 173).

Аналогичные показания дал Быков и на других допросах (см. л. д. 179 и 200).

Итак, совершенно ясно, что Быков выбежал из дому для того, чтобы воспрепятствовать продолжению хулиганства.

Надо отдать должное следователю и суду: они сделали все возможное, чтобы усугубить положение человека, который пытался призвать зачинщиков хулиганского налета к порядку. И выразилось это прежде всего в том, что они квалифицировали действия Быкова ст. 137 УК.

В том, что Быков вооружился ножницами в целях обороны — это очевидно. (Известно, в частности, что и сам

Румянцев в этот момент и с этой же целью взял в руки щеколду от дверей — л. д. 168).

В том, что Быков выбежал из дома с целью обороны или задержания хулиганов — тоже ясно. Единственный спорный вопрос, который в данном случае возникает: превысил или не превысил Быков пределы необходимой обороны (об этом см. ниже).

Но если это так, то разве не очевидно, что никакой речи о ст. 137 УК в данном деле быть не может, что в крайнем случае, если даже согласиться, что Быков осуществил защиту после того, как нападение на жилище уже было окончено — его действия могли быть квалифицированы лишь ст. 139 УК.

При этом, конечно, следовало иметь в виду и то состояние, в котором находился в это время Быков, т. к. Пленум Верховного суда в Постановлении от 23/Х-56 года № 8 в п. 3 прямо указал:

“При решении этого вопроса (о наличии или отсутствии признаков превышения необходимой обороны) необходимо учитывать то обстоятельство, что в случаях душевного волнения, вызванного нападением, его внезапностью, обороняющийся не всегда в состоянии точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты...”

Таким образом, следует признать, что даже, если согласиться с тем, что Быков убил Круглова в тот момент, когда нападение уже было окончено, когда последний уже выбежал со двора, то и тогда действия Быкова следовало квалифицировать ст. 139 УК.

Но в данном случае и этого нет.

Дело в том, что в своих показаниях в процессе следствия и в суде подс. Быков пояснил, что он выбежал из дому с целью обороны и задержания преступников и ударил Круглова ножницами лишь потому, что последний оказал сопротивление, нанес ему несколько ударов.

В частности, Быков показывал:

“Я догадался, что это хулиганы и стал их догонять... Я бежал, кричал, чтобы остановились...”
(л. д. 179).

И далее:

“Я выскочил на улицу, они были у калитки в 10-15 метрах. Я побежал за ними. Когда я подбежал, Круглов ко мне повернулся, схватил меня за рубаху и ударил меня по голове и по плечу. Не видя чем он меня ударил и опасаясь других ударов, я в целях самообороны применил ножницы. Я потом всем рассказал об этом...” (л. д. 173).

И далее:

“Я им кричал “остановитесь”, но они бежали. Намерение у меня было отвести в милицию, но не драться с ними и убивать... (Протокол суд. засед. — л. д. 228).

И далее:

“Я увидел убежавших хулиганов. Я им закричал “остановитесь”, но они бежали. Я был сильно возбужден. Я хотел их догнать, задержать и сдать в милицию, но, когда я подбежал к последнему, он неожиданно повернулся, схватил меня за нос и нецензурно выругался, а затем ударил меня по голове и по плечу. Я ударил его, а затем, не зная, что у него есть, и подозревая, что он не с пустыми руками, в завязавшейся драке я вспомнил о ножницах и в целях самообороны ударил ими его. Он после этого побежал, а я не стал его преследовать, т. к. увидел, что за мной на улицу больше никто из дома не выбежал, и я побоялся один преследовать”. (См. замечания на протокол, утвержденные судом).

Пояснения Быкова в этой части находят объективное подтверждение в показаниях свид. Советова и Быковой В. М. которым Быков именно так и рассказал о случившемся. В частности, свид. Советов на следствии показал:

“Быков мне, Шакуруину и Шерстневу рассказал, что, как только он вышел, то встретился с Кругловым, который его одной рукой схватил за нос, а другой рукой хотел что-то сделать. Быков, применив оборону, нанес ему удар ножницами”. (л. д. 171).

Полагаю, что при таких обстоятельствах у суда не было решительно никаких оснований для того, чтобы не доверять показаниям Быкова и обходить их в Приговоре молчанием.

Оценивая же показания Быкова и правомерность его действий, суду надлежало иметь в виду, что убитый Круглов, несмотря на свои 17-ть лет, был человеком уже вполне физически оформившимся, рослым (рост его — 168 см — см. акт суд. мед. экспертизы — л. д. 28), не уступающим по силе Быкову; суду надлежало учитывать душевное состояние Быкова и то, что в данной ситуации он мог, конечно, не знать, какое оружие может иметься в руках хулигана, только что совершившего столь дерзкий налет на дом.

Суд при этом должен был исходить из указаний Постановления Пленума Верховного суда СССР от 23/Х-56 г., где прямо записано: " п. 5. Разъяснить, что действия, предпринятые потерпевшим или другими лицами по задержанию преступника как правомерные, приравниваются к необходимой обороне".

Совокупность всех вышеуказанных данных позволяет сделать вывод, что Быков в данном случае не превысил пределов необходимой обороны.

Несмотря на все сказанное, суд, однако, признал Быкова виновным в убийстве и приговорил его к длительному лишению свободы, а коллегия Облсуда оставила этот ошибочный Приговор суда в силе.

Быкову сейчас 28 лет. С 1946 по 1952 года он служил в рядах Советской Армии (см. военный билет в деле).

После демобилизации честно трудился на производстве. С 1954 года по день ареста работал водителем троллейбуса в г. Ярославле. По работе характеризуется положительно (см. характеристику — л. д. 182).

В прошлом не судим.

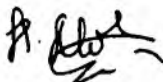
На иждивении Быкова находится жена и ребенок 1,5 лет (см. справку — в деле).

В силу изложенного, прошу Вас истребовать настоящее дело из народного суда 5-го уч-ка Кировского р-на г.

Ярославля и внести *протест* на предмет *отмены* указанного Приговора и прекращения в отношении Быкова Л. Н. дела производством за отсутствием в его действиях состава преступления.

Приложение: 1. копия Приговора
2. копия Определения

Адвокат

(А. Л. Мове)

“28” января 1958 г.

Эту свою жалобу, после того, как было принято решение об истребовании дела в Москву, я решил дополнить еще одной, т. н. дополнительной жалобой.

Из досье адвоката

Заместителю председателя Верховного суда РСФСР
Г. З. Анашкину

Адвоката А. Л. Мове,
г. Ярославль, ул. Кирова, д.
10/12, Центральная юриди-
ческая консультация

По делу

Быкова Льва Николаевича,
осужденного Приговором
Народного суда 5-го уч-ка
Кировского р-на г. Ярос-
лавля от 3-4 января 1958
года по ст. 137 УК к 8-ми
годам лишения свободы.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЖАЛОБА

В дополнение к жалобе в порядке надзора, поданной на личном приеме, считаю необходимым обратить Ваше внимание на явную несостоятельность доводов коллегии Ярос-

лавского Облсуда, оставившей в силе указанный Приговор Народного суда.

Известно, что по настоящему делу осужден Быков Лев Николаевич, и осужден он за убийство гр-на Круглова Бориса. И вот, считая правильным осуждение Быкова, Коллегия мотивирует это тем, что якобы Румянцев (в гостях у которого был Быков) знал Бовичева, что он, Румянцев, "вместо того, чтобы разобраться с Бовичевым в действиях Черноглазова, заявить о его поступке в милицию, избили Бовичева и Черноглазова, чем вызвали ответную с их стороны реакцию" и т. д., и т. п.

"Таким образом, — указала Коллегия в своем определении, — нападение на дом Румянцева со стороны Бовичева, Черноглазова и Круглова было не беспричинным, а было вызвано неправильным поведением Румянцева и его гостей".

И далее:

"Доводы адвоката о том, что Быков стремился задержать хулиганов, призвать их к ответственности, так же неосновательны, т. к. Румянцев знал Бовичева и о хулиганстве мог в любое время заявить в органы милиции". (см. Определение).

Естественно, возникают вопросы: как же можно подкреплять виновность Быкова ссылкой на то, что вел себя неправильно Румянцев?

Какое отношение к Быкову имеет то обстоятельство, что Румянцев знал Бовичева? Наконец, какое отношение к Быкову имеет то, что Румянцев знал Бовичева, если Быков обвиняется в убийстве Круглова (которого, кстати, не знал ни Румянцев, ни Быков), а Бовичев к уголовной ответственности вообще не привлечен, т. к. следственные органы и суд посчитали, что он не является участником хулиганского налета на дом Румянцева?

О каких же действиях Бовичева должен был Румянцев заявить в органы милиции?

Уже эти вопросы сами по себе свидетельствуют о нелогичности и непоследовательности выводов коллегии Облсуда.

Помимо этого следует иметь в виду следующее:

1. Вывод суда о том, что Румянцев, Советов, Шерстнев и Шакурин избили Бовичева и Черноглазова, основан лишь на разноречивых показаниях Бовичева и Черноглазова, которые говорят об этом, стремясь оправдать себя за хулиганский налет на дом Румянцева.

Свидетели Румянцева, Советов, Шерстнев и Шакурин как на следствии, так и в суде показали что, когда они выбежали на улицу, пытаясь задержать хулиганов с тем, чтобы доставить их в милицию, Черноглазов стал сопротивляться, кусаться, рвался, буянил и пр., что, естественно, вызвало ответные меры с их стороны (см. их показания). Очевидно, что не доверять этим показаниям у суда не было оснований, т. к. они подтверждаются и установленным по делу фактом, что Бовичев и Черноглазов действительно были сильно пьяны, дебоширили, вели себя буйно.

Именно поэтому Румянцев, Советов и др., с учетом того, что вели они себя правильно, и не были привлечены к уголовной ответственности за избиение Черноглазова и Бовичева. Это тоже факт, и не считаться с ним нельзя.

Таким образом, утверждение коллегии о том, что нападение на дом Румянцева было вызвано неправильным поведением Румянцева и его гостей, является несостоятельным.

2. Но даже если согласиться с тем, что Румянцев и др. вели себя неправильно, то и в этом случае не исключается применение мер обороны против реального нападения. Во всяком случае, наш закон, и в частности ст. 13 УК, не знают таких ограничений.

Равным образом не имеется никаких ограничений в отношении применения обороны или задержания преступников при нападении (реальном) со стороны знакомых, родных и пр. и пр.

Таким образом, утверждение Коллегии о том, что в данном случае не было необходимости в обороне, т. к. нападение было вызвано обороняющимся, что "Быков не должен был задерживать хулиганов, т. к. Румянцев знал Бовичева и мог в любое время заявить об этом в милицию", является несостоятельным и противоречит ст. 13 УК и Руководящему Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 23/Х-56 года.

3. Но дело не только в этом.

Даже если согласиться с тем, что Румянцев и др. вели себя неправильно, что они своими неверными действиями вызвали ответные меры со стороны Бовичева, Черноглазова и Круглова, то и в этом случае следует признать, что все это не имеет никакого отношения к Быкову.

« Известно, что, когда Румянцев, Советов и др. в ответ на удар Черноглазова в окно, выбежали на улицу, то Быков в этот момент остался в доме и на улице не появлялся (см. Приговор и Определение суда).

Что происходило на улице, как там вели себя Румянцев и др., кто из них (Бовичев, Черноглазов или Румянцев, Советов и др.) был там прав, кто виноват — Быков этого ничего не знал и знать не мог.

Быков был поставлен перед фактом: на дом, в котором он находился, в котором находилась его жена и 1,5 летний ребенок, был совершен хулиганский налет, при котором были поставлены под угрозу жизнь и здоровье Быкова и близких ему людей.

И думается, что в создавшейся ситуации Быков был вправе применять и меры обороны, и меры по задержанию преступников. Таким образом, и это утверждение коллегии Облсуда (о том, что Быков должен был в этой ситуации спокойно сидеть в квартире, предоставив возможность хулиганам и дальше бесчинствовать, а потом скрыться, замести свои следы, как это и сделал в данном случае Бовичев) не выдерживает никакой критики.

4. Наконец, знакомство Румянцева с Бовичевым тоже не имеет никакого отношения к существу обвинения, предъявленного Быкову, ибо о том, что Бовичев знаком Румянцеву, Быков не знал (ему об этом никто не говорил). Мало того. В данном случае идет речь о применении мер обороны и задержания не Бовичева, а Круглова. А вот Круглова не только Быков, но даже и Румянцев не знал и знать не мог, т. к. он лишь накануне приехал в гости к Бовичеву из деревни.

Таким образом, и этот довод коллегии Облсуда является явно несостоятельным.

5. Что же касается утверждения Коллегии Облсуда о том, что «Быковым в это время руководило не стремление задержать хулиганов, а, поскольку он был тоже в нетрезвом виде, им руководило чувство расплаты с хулиганями за

содееянное" (см. Определение), то это утверждение на материалах дела не основано и является голословным.

Быков действительно в этот вечер немного выпил, но ставить ему в вину это нельзя. В этом скорее его беда, нежели вина: ведь Быков пришел в гости праздновать 40-ю годовщину Октября, вел себя спокойно, никого не трогал и не задевал. Так неужели же, находясь дома, в семейной обстановке, в гостях, человек не должен и не может выпить рюмку вина, из боязни того, что вдруг на дом будет совершен хулиганский налет, и тогда это ему будет поставлено в упрек?

Быков был несколько выпивши, но свои действия он хорошо помнит, в них отдает полный отчет, и его пояснение о мотивах и целях своих поступков следует расценивать с точки зрения соответствия их другим материалам дела, а не голословно их опровергать.

А материалы дела свидетельствуют об одном: Быков осужден неправильно, неосновательно (подробно см. об этом жалобу в порядке надзора).

Адвокат

А. Л. Мове

"5" февраля 1958 г.

По предложению Григория Захаровича Анашкина Председателем Ярославского облсуда был внесен в Президиум облсуда протест на предмет переквалификации действий Быкова на статью 138 УК (статья 104 ныне действующего УК), предусматривающую ответственность за убийство в состоянии сильного душевного волнения. Этот протест Президиум облсуда удовлетворил частично: оставив без изменения квалификацию действий Быкова статьей 137 УК, снизил ему наказание до 5ти лет лишения свободы.

Все это заставило меня повторно обратиться с жалобой в Верховный суд Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СУДА
РСФСР Г. З. АНАШКИНУ

Адвоката А. Л. Мове, г.
Ярославль, ул. Кирова, д.
10/12, Центральная юриди-
ческая консультация

По делу
Быкова Льва Николаевича

В связи с состоявшимся решением Президиума Ярославского Облсуда по настоящему делу, обращаю Ваше внимание на следующее:

По жалобе защиты Председатель Ярославского Облсуда внес протест в Президиум Облсуда на предмет переквалификации действий Быкова Л. Н. на ст. 138 УК и определения ему меры наказания в виде 3-х лет лишения свободы.

Президиум Ярославского Облсуда, как это видно из его Постановления от 10 марта 1958 года, протест Председателя Облсуда отклонил, но, однако, нашел возможным снизить Быкову меру наказания до 5-ти лет лишения свободы. При этом, отклоняя Протест Председателя Облсуда, Президиум сослался на то, что якобы:

1) действия Быкова правильно квалифицированы ст. 137 УК, т. к. убийство было совершено в драке после совершенных хулиганских действий Черноглазова.

2) Утверждение в Протесте о том, что Быков находился в состоянии сильного душевного волнения, не основательно, поскольку этого обстоятельства из дела не усматривается (см. Постановление Президиума).

Настоящие утверждения Президиума Облсуда являются голословными и прямо противоречат материалам дела.

И, действительно, как можно голословно утверждать, что Быков не находился в состоянии сильного душевного волнения, если данное обстоятельство не только подтверждено многочисленными свидетелями, но и прямо вытекает из всей обстановки свершившегося (см. подробно об этом

жалобу в порядке надзора), что, в частности, не отрицает и Президиум в своем постановлении, указывая, что убийство было совершено после того, как "в квартиру Румянцева (в которой находился и Быков со своей женой и 1,5 летним ребенком — А. М.) ломились хулиганствующие лица Черноглазов и Круглов" (см. Постановление Президиума).

Что же касается утверждения Президиума о том, что действия Быкова верно квалифицированы ст. 137 УК, т. е., что убийство им совершено в драке, то, очевидно, что подобное утверждение является явно несостоятельным, ибо убийство в драке в зависимости от различных мотивов возникновения драки может быть квалифицировано различными статьями уголовного кодекса. Так:

1. Если убийство совершается в драке, возникшей на почве хулиганских, низменных побуждений, — оно квалифицируется ст. 136 ч. 1 п. "а" УК.

2. Если убийство совершается в драке, возникшей на почве личных взаимоотношений, при отсутствии низменных побуждений, оно квалифицируется ст. 137 УК.

3. Если убийство совершается в драке, затеянной потерпевшим, который довел убийцу до состояния сильного душевного волнения (вызванного насилием со стороны потерпевшего) — оно квалифицируется ст. 138 УК.

4. Если убийство совершается в драке, затеянной потерпевшим, но с превышением пределов необходимой обороны — оно квалифицируется ст. 139 УК.

5. Наконец, если убийство совершается в драке без превышения пределов необходимой обороны или при задержании преступника — оно вовсе не влечет уголовной ответственности.

Таким образом, очевидно, что утверждение Президиума Облсуда о том, что действия Быкова верно квалифицированы ст. 137 УК, т. к. он совершил убийство в драке — является неверным, ибо подобное утверждение само по себе еще не может решить вопроса о правильности квалификации.

Все сказанное свидетельствует о том, что Президиум не разобрался в существе настоящего дела и неверно его разрешил.

Уже сам по себе тот факт, что Президиум нашел возможным снизить Быкову меру наказания до 5-ти лет лише-

ния свободы, с учетом конкретной обстановки, при которой было совершено убийство и личности осужденного, свидетельствует о том, что с вопросом привлечения Быкова к уголовной ответственности и правильности квалификации его действий не все обстоит правильно.

Конечно, решение Президиума в значительной степени облегчает участь Быкова, но, однако, настоящее решение является беспринципным, и поэтому согласиться с ним никак нельзя.

Анализ материалов настоящего дела с очевидностью говорит о том, что Быков осужден неправильно, ибо в своих действиях, находясь в состоянии сильного душевного волнения, он не превысил пределов необходимой обороны (см. подробно об этом жалобу в порядке надзора).

В силу изложенного прошу Вашего личного вмешательства и помощи. Прошу внести протест на предмет отмены всех вынесенных по настоящему делу решений и прекращения в отношении Быкова Льва Николаевича дела производством за отсутствием в его действиях состава преступления.

Приложение:

1. Копия Приговора Нарсуда.
2. Копия Определения Облсуда.
3. Копия Постановления Президиума Облсуда.
4. Жалоба в порядке надзора.
5. Дополнительная жалоба.

Адвокат:

А. Л. Мове

"17" марта 1958 г.

По жалобе защиты Заместитель Председателя Верховного суда РСФСР Г. З. Анашкин внес протест в Президиум Верховного суда РСФСР на предмет переквалификации действий Быкова на статью

138 УК (статья 104 ныне действующего УК) и снижения ему наказания до 3х лет лишения свободы.

Далее произошло совершенно непредвиденное, то, что случается крайне редко: Президиум Верховного суда РСФСР отклонил протест Г. З. Анашкина, но в ревизионном порядке пересмотрел все принятые по делу решения и переквалифицировал действия Быкова на статью 139 УК (статья 105 действующего УК), предусматривающую ответственность за убийство с превышением пределов необходимой обороны, и снизил ему наказание до 2х лет лишения свободы.

Буквально через несколько месяцев Быков из-под стражи был освобожден.

Дело Тимофеева

Из досье адвоката

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЯРОСЛАВСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

Адвоката А. Л. Мове.

По делу

Тимофеева Николая Павловича, осужд. приговором Народного суда 2-го уч-ка Сталинского р-на г. Ярославля по ст. 74 ч. II УК* к 2-м годам лишения свободы.

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Решение судом настоящего дела является принципиально неправильным и противоречит элементарным нормам справедливости.

Стремясь подкрепить свое явно неверное решение, Народный суд в Приговоре исказил обстоятельства дела. Исказил тем, что в нарушение ст. 334 УПК не отразил в Приговоре чрезвычайно важных отличительных признаков происшедшего, придающих ему особую окраску.

Из Приговора суда можно понять, что 13 октября 1955 года Тимофеев на автобусной остановке учинил хулиганские действия; нецензурно выражался, избил шофера и т. п.

Достаточно сопоставить указанный Приговор суда с Обвинительным заключением, чтобы понять, что суд обо-

* Статья 206 ч. II ныне действующего УК (злостное хулиганство)

шел молчанием в Приговоре самые важные и существенные моменты.

Все обстоятельства дела свидетельствуют о том, что Тимофеев 13/Х — 55 года явился на автобусную остановку без всякого намерения хулиганить. Тимофеев пришел на автобусную остановку вместе со своим 7-ми летним сыном Женей, имея намерение поехать в баню.

Когда подошел автобус, Тимофеев не выражался, не толкался и никого не избивал. Наоборот, он очень вежливо дождался пока все граждане сели в автобус, а затем посадил своего сынишку в автобус (через переднюю площадку). В этот момент шофер автобуса, получив сигнал отправления (сигнал дал не кондуктор, а какой-то пассажир), захлопнул двери, которыми зажал руки ребенка. Последний закричал и заплакал. Видя все это и опасаясь, что автобус вот-вот тронется, закричал и отец ребенка, подс. Тимофеев.

А когда руки Жени были высвобождены, отец ребенка, вышедший из себя, учинил работникам автобуса скандал.

Не спорим: Тимофеев был неправ. Во время скандала он нецензурно выражался, ударил хоз. сумкой (с бельем) шофера.

Но разве не очевидно, что эти действия неверно расценены судом, как озорные, имеющие цель нарушить общественный порядок? Разве не очевидно, что при таких обстоятельствах у суда не было никаких оснований к тому, чтобы утверждать о наличии в действиях Тимофеева элементов ст. 74 ч. II УК?

Суд утверждает в Приговоре, что подсудимый нанес шоферу автобуса Шабанову удар металлической линейкой.

Да, это в действительности так, был такой удар, от которого кстати, потерпевший не получил никаких телесных повреждений (см. л. д. 31).

Но откуда в руках Тимофеева оказалась металлическая палка? Где он ее взял?

Суд об этом в Приговоре умалчивает, что вряд ли можно назвать объективным описанием происшедшего.

Из материалов дела усматривается, что шофер Шабанов после того, как Тимофеев ударил его сумкой вскочил в кабину автобуса, извлек оттуда тяжеловесную металличе-

скую палку (весом до 1 кг — см. акт осмотра — л. д. 16) и, выскочив из машины, замахнулся ею на Тимофеева.

Это обстоятельство признал в суде свид. Шибанов (см. его показания — Протокол суд. заседания). По этому же поводу свид. Мухин в процессе следствия показал:

“У шофера в руках была железная палка, которой он замахнулся на гражданина...” (л. д. 33).

Что оставалось делать Тимофееву? Выхватив у распоясавшегося шофера указанную палку, Тимофеев сам ударил ею Шибанова...

Вот, собственно, и все, что произошло 13/Х— 55 г. на автобусной остановке ул. К. Либкнехта.

Очевидно, что никаких данных к тому, чтобы утверждать о хулиганстве Тимофеева на автобусной остановке суд не имел.

Что же касается того, что Тимофеев, не успокоившись, продолжал возмущаться в отделении милиции и при этом нецензурно выражался (об этом говорят сотрудники милиции), то хотя эти действия формально подпадают под диспозицию ст. 74 ч. 1 УК, но суд не учел того, что Тимофеев в этот момент находился в состоянии сильного душевного волнения и очень переживал за ребенка, который сотрудниками милиции, доставившими Тимофеева в отделение милиции, был оставлен на улице на произвол судьбы.

В результате нервного потрясения у Жени Тимофеева в этот же вечер температура поднялась до 39 гр., и он тяжело заболел (справка больницы будет представлена).

О том, что Тимофеев в отделении милиции не учинял никакого дебоша, буйства и т. п. свидетельствуют не только все свидетели, но об этом свидетельствует и то, что после составления соответствующего протокола Тимофеев был отпущен домой и был арестован лишь на следующий день, т. е. 14/Х-55 г.

Тимофееву Николаю Павловичу сейчас 34-й год. Работал он плотником на 1-м стройучастке треста “Гортранстрой” ст. Всполье. По работе он характеризуется как добросовестный, исполнительный работник (см. характеристику — в деле).

Как о скромном и отзывчивом товарище отзываются о Тимофееве и соседи по месту жительства (см. характеристику — в деле).

В прошлом не судим. Приводов в органы милиции не имел. На иждивении Тимофеева находится ребенок 7-ми лет. Тимофеев Н. П. является инвалидом Отечественной войны.

В силу изложенного, прошу Коллегию облсуда в настоящий Приговор внести изменения, переквалифицировать действия Тимофеева Н. П. на ст. 74 ч. 1 УК и с учетом степени его вины, его душевного состояния в момент происшедшего, с учетом его личности определить ему меру наказания, не связанную с лишением свободы.

Адвокат:

А. Л. Мове

“17” ноября 1955 г.

После того, как кассационная инстанция отклонила жалобу защиты, я обратился с жалобой в порядке надзора к Прокурору Ярославской области. По протесту прокурора области дело было пересмотрено Президиумом Ярославского облсуда.

Документ

Копия

Нарсудья Чекашова

Надзорное производство
№ 44 — V — 147

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум Ярославского областного суда в составе:

Председательствующего Молодякова, членов Президиума Шадрина, Кузнецовой и Бурдуковой, с участием прокурора Ершова,

рассмотрев в заседании от 11 июня 1956 г. дело по протесту прокурора Ярославской области на приговор нарсуда 2 уч. Сталинского района г. Ярославля от 24 ноября 1955 г., которым

ТИМОФЕЕВ Николай Павлович, 1922 года рождения, русский, в прошлом не судим,

осужден по ст. 74 ч. 2 УК к 2 годам лишения свободы без поражения в правах.

Определением Ярославского Облсуда от 7 декабря 1955 г. приговор нарсуда оставлен в силе.

Содержится под стражей с 15 октября 1955 г.

По приговору нарсуда Тимофеев признан виновным и осужден за то, что он 13 октября 1955 г. в нетрезвом виде на автобусной остановке ул. Карла Либкнехта г. Ярославля выражался нецензурными словами, нанес два удара хозяйственной сумкой шоферу автобуса Шабанову и его же ударил металлической линейкой по шее. При доставлении в органы милиции продолжал выражаться нецензурными словами.

Виновным себя признал частично.

Выслушав доклад зам. председателя Президиума Облсуда Шадрин И. В., заключение и. о. прокурора области Т. Ершова в поддержку протеста. Президиум установил: в принесенном протесте прокурор просит снизить осужденному мере наказания до отбытого и освободить его из-под стражи.

Президиум находит, что протест прокурора подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, хулиганские действия Тимофеева были совершены в состоянии сильного душевного волнения, вызванного тем, что шофер автобуса Шабанов, закрывая дверь, прихлопнул руки сыну Тимофеева, шофер Шабанов также замахнулся на Тимофеева железной линейкой и в ответ на это Тимофеев ударил его той же линейкой.

При таких обстоятельствах Президиум облсуда считает нецелесообразным дальнейшее содержание Тимофеева под стражей, учитывая обстоятельства данного дела.

В силу изложенного и руководствуясь Указом от 14 августа 1954 г. Президиум областного суда

Постановил:

В приговор народного суда 2 участка Сталинского района города Ярославля от 24 ноября 1955 года и определение Ярославского областного суда от 7 декабря 1955 года в отношении Тимофеева Николая Павловича внести изменение — снизить ему меру наказания до отбытого, освободив немедленно его из-под стражи.

Председатель Президиума Ярославского
областного суда:

(Молодяков)

Дело Коли Платонова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

Вечером 21-го марта 1960г. пятнадцатилетний Платонов Коля, ученик 9-го класса школы № 41, пришел к своему товарищу, ученику 7-го класса той же школы, тринадцатилетнему Шестакову Геннадию Владимировичу и пригласил его к себе смотреть передачи по телевизору. Посмотрев немного трансляции по телевизору, ребята решили пойти на улицу стрелять из самодельных пистолетов — пугачей, которые имелись как у одного, так и у другого. На улице они зарядили свои поджигалки спичками, положили в стволы по три дробины, изготовленные из рубленых гвоздей, и пошли стрелять в котельную дома № 5 поселка ИТР завода п/я 1021. Войдя в котельную, ребята стали на лестничной площадке лестницы, ведущей в подвал кочегарки, и начали стрелять вниз в подвал. Они одновременно подожгли свои поджигалки, но выстрелила лишь одна из них, та, что была в руках у Шестакова, а из второй поджигалки выстрела не последовало, т.е. произошла задержка выстрела. Полагая, что выстрела уже не произойдет, Платонов неосторожно повернулся к Шестакову, собираясь вместе с ним бежать из котельной (они боялись, что выйдет кочегар и отругает их за стрельбу), но в это время раздался выстрел, которым Шестаков был ранен в затылочную часть головы. Упавшего товарища Платонов дотащил волоком до тамбура коридора дома № 5, и сообщил о случившемся гр. Ядринской, сказав ей, что Шестков упал с крыльца и расшиб себе голову. Доставленный тут же в больницу Шестаков к утру 22 марта умер. По заключению экспертизы смерть Шестакова последовала от огнестрельного слепого ранения в затылочную часть головы.

По изложенному Платонов был привлечен к уголовной ответственности за неосторожное убийство по статье 139 УК (статья 106 ныне действующего УК). Свою вину в предьявленном обвинении Платонов полностью признал.

Настоящее дело слушалось 29-го апреля 1960г. в народном суде 2-го уч. Заволжского р-на. В судебном заседании представитель потерпевших адвокат Николаев возбуждал ходатайство о направлении дела к доследованию для привлечения Платонова к ответственности по ст. 136 ч.1 УК (статья 102 ч. I ныне действующего УК), полагая, что материалами дела доказано не убийство по неосторожности, а умышленное убийство из хулиганских побуждений. Против этого ходатайства возражал представитель государственного обвинения прокурор т. Федоров и защитник Платонова адвокат тов. Мове. Народный суд указанное ходатайство отклонил и приговорил Платонова по статье 139-й к 3 годам лишения свободы.

На приговор народного суда адвокатом Николаевым от имени потерпевших была принесена кассационная жалоба, в которой ставился вопрос об отмене приговора и направлении дела к доследованию для привлечения Платонова к ответственности по статье 136 ч. I п. "а". В кассационной жалобе адвоката Мове возбуждался вопрос о снижении Платонову меры наказания до пределов, не связанных с лишением свободы.

По кассационным жалобам потерпевших и защиты дело слушалось в судебной коллегии по уголовным делам Ярославского областного суда 16-го мая 1960 г. где выступали адвокаты Николаев и Мове. Представитель областной прокуратуры прокурор т. Вагин дал заключение об оставлении приговора суда в силе.

Коллегия областного суда внесла в приговор народного суда изменение и снизила Платонову меру наказания до 1,5 лет лишения свободы.

Ниже публикуется речь адвоката т. А. Л. Мове в судебной коллегии по уголовным делам Ярославского облсуда (по кассационной инстанции).

РЕЧЬ АДВОКАТА А. Л. МОВЕ ПО ДЕЛУ НИКОЛАЯ ПЛАТОНОВА

Народный суд 2-го уч. Заволжского р-на г. Ярославля определил пятнадцатилетнему подростку Платонову Коле по статье 139 УК максимальную меру наказания — три года

лишения свободы. Случай, с моей точки зрения, товарищи судьи, беспрецедентный. Известно, что за одно и тоже преступление, совершенное при прочих равных условиях, мера наказания несовершеннолетнему (а в особенности в возрасте до 16 лет) определяется всегда менее тяжкая, чем человеку взрослому, совершеннолетнему. Но, если это относится к преступлениям совершенным умышленно, то тем более это относится к преступлениям, совершенным по неосторожности, ибо понятно, что в своих действиях, своих поступках 14-ти —15-ти летний подросток не может быть так же предусмотрителен, так же осторожен, как человек взрослый. Предел предвидения у такого подростка значительно меньший, чем у человека сформировавшегося, взрослого. Именно поэтому наш закон устанавливает, что несовершеннолетние в возрасте до 16-ти лет за преступления, совершенные по неосторожности, за исключением убийства, вообще не привлекаются к уголовной ответственности (я имею в виду статью 10-ю Основ уголовного законодательства СССР). Все это говорит о том, что, при определении меры наказания несовершеннолетнему за неосторожное преступление необходим особый подход, особая мерка.

Народный суд определил Платонову за неосторожное убийство максимальную меру наказания. Естественно, возникает вопрос: ну, а если бы аналогичное преступление совершил не подросток, а взрослый человек, или, скажем, преступник-рецидивист, как бы тогда суд наказал его? Тоже тремя годам лишения свободы? Ведь это же максимум, предел санкции статьи 139 УК. Большую меру наказания определить по этой статье нельзя. Думается, что уже только по этим соображениям настоящий приговор суда не может быть оставлен в силе. Но дело не только в этом. Возникает и другой вопрос. Если все это так очевидно, то почему так сурово был наказан Платонов? Как это могло случиться? Какая этому причина? Или может быть Платонов, несмотря на свои пятнадцать лет, уже абсолютно испорченный, неисправимый подросток, и проявил он не обычную, а какую-то явную сверхгрубую неосторожность? Увы, ничего подобного. Из материалов дела видно, что Платонов рос и воспитывался в честной рабочей семье. Отец его многие годы работал на заводе п/я 1021 и скоропостижно умер в 1956 г. Мать — около 15-ти лет работала заведующей детским садом, воспитательницей, в настоящее время (уже около 10-ти лет) работает браковщицей ОТК на заводе.

Одна из старших сестер Платонова — педагог, другая — инженер-химик, брат работает и учится в институте. Из имеющейся на листе дела № 48 характеристики явствует, что Платонов рос очень любознательным мальчиком, увлекался технической литературой, новинками науки и техники, был активным членом радиокружка, много читал. Правда, в поведении у Платонова имелись срывы (в особенности после смерти отца), но все это относилось к тому времени, когда ему было 12-3-ть лет. Приводов в органы милиции Платонов никогда не имел, к судебной ответственности не привлекался. Это о личности. Теперь о проявленной Платоновым неосторожности. Из материалов дела усматривается, что многие ученики школы № 41, где учился Платонов погибший Гена Шестаков, увлекались стрельбой из самодельных пистолетов-поджигалок. Сами они их мастерили, а затем ходили в лес, в парк, где упражнялись в меткости стрельбы по различным банкам, склянкам и т.п. Все это, по сути, происходило на глазах у взрослых, но никаких мер к пресечению этих “игр” никто не принимал. Были такие поджигалки и у Платонова, и у Шестакова. Так же, как и другие мальчишки, они часто стреляли из них, и все обходилось благополучно.

Так было до 21-го марта сего года. А вечером 21-го марта они пошли стрелять в котельную одного из домов. Вместе зарядили свои поджигалки, вместе их подожгли. “Пистолет” Шестакова сработал, выстрелил, а “пистолет” Платонова не сработал, произошла задержка с выстрелом. И в тот момент, когда Платонов, уже решив, что выстрела не произойдет, повернулся к Шестакову, пистолет сработал. Произошел выстрел, приведший к роковой развязке. Вот, собственно, все, что можно сказать о допущенной неосторожности и личности подсудимого. Полагаю, что все это давало суду возможность проявить к Платонову снисхождение. Но этого не случилось. Почему же, в силу каких причин? Здесь я не могу не остановиться на одном обстоятельстве, которое, с моей точки зрения, сыграло немалую роль в том, что Платонов был так несправедливо наказан.

Как это произошло, кто явился тому виной — сказать трудно. Но случилось так, что вскоре после гибели Гены Шестакова по поселку Волгостроя поползли слухи, что Платонов умышленно убил Шестакова, умышленно его застрелил. Об этом говорили в магазине, судачили на кухне, шептались, когда шли с работы и на работу. Одни говорили, что он это сделал один, другие утверждали, что при этом

был еще и третий подросток. В общем, в разных вариациях, но все сводилось к одному: убил умышленно. И вот здесь-то любители сплетен (а такие, увы, еще встречаются у нас) начали копаться, начали ворошить прошлое подростка. И ему вспомнили все: и то, что в 10 лет он разбил у кого-то окно, и то, что в 11 лет он убил у кого-то камнем курицу, и что в 12 лет он случайно попал стрелой девочке в глаз, и что в 13 лет в драке с таким же мальчишкой он оцарапал его перочинным ножом... Все вспомнили. А некоторые даже поговаривали, что Платонов врожденный садист, вспоминали, как он поймал галчонка и живого его расчленил — отрывал лапки, вырезал язык и пр., и пр. В общем, — врожденный убийца, убил умышленно.

Дошло до того, что родственники похоронили Гену Шестакова на кладбище у могилы отца Платонова, а незадолго до суда какой-то дебошир рвался в дом Платоновых, угрожал Коле убийством, стрелял в дверь из охотничьего ружья... Даже в школе Платонову был объявлен бойкот: он аккуратно посещал занятия, но ни один из педагогов не вызывал его к доске, не спрашивал уроков. А как разгорелись страсти в суде, что творилось там в день слушания дела Платонова, это даже представить трудно...

Скажем прямо. Если подобные мысли об умышленном убийстве родились или нашли благодатную почву в воспаленных мозгах убитых горем родственников погибшего Гены Шестакова — мы к этому не можем иметь никаких претензий. Мать — есть мать, отец — это отец. И мы понимаем, что убитые страшным горем, потерей своего единственного, 13-ти летнего сына, они могли и были вправе думать о Платонове все что угодно, самое худшее. Если в подобные басни (кстати, тщательно проверенные в процессе следствия и не нашедшие никакого подтверждения) верили где-то на коммунальной кухне или в магазинной очереди — то мы тоже к этому не можем иметь больших претензий. Есть у нас еще, к сожалению, обыватели очень падкие до подобных "сенсаций". Их, как говорится, хлебом не корми, только дай посплетничать. Что с них возьмешь? Люди они не искушенные в юриспруденции, с материалами дела их не знакомили — им все простительно.

Но если в эти небылицы начинают верить в суде, если участник процесса вместо того, чтобы развенчать все это, потушить разгоревшиеся низменные страсти, начинает с высокой судебной трибуны утверждать, что все это правда,

все это доказано материалами дела, Платонов умышленно убил Шестакова, то к такому мы вправе и должны предъявить большие претензии.

Председательствующий: Вы не называете фамилии этого человека, Кого Вы имеете в виду? Адвокат: Об этом пойдет речь позже). И не только потому, что он неправ. Но потому, что, зная о разбушевавшихся страстях (в этом процессе он не мог об этом не знать), он своим таким выступлением подливал масло в огонь, играл на самых низких, самых низменных страстях толпы. И если теперь находятся люди, которые пишут во все концы и кричат, что в суде было установлено, что Платонов умышленно убил, что суд не разобрался, что суд выгородил Платонова, и пр. то он, этот человек, должен понимать, что вольно, или невольно, это явилось делом его рук: ведь не случайно же в этих письмах они ссылаются на его авторитет, на то, что "сам" юрист, с судебной трибуны говорил об этом. Вот так бескрылая сплетня обрела крылья. Попробуем показать, что на этих крыльях далеко не улетишь. Обращает на себя внимание, что в своем выступлении в народном суде представитель потерпевших не просил провести какое-то дополнительное расследование, что-то проверить и перепроверить. Нет. Никаких сомнений в доказанности умышленного убийства он не выражал. Платонов убил умышленно. Это доказано, — утверждал он. И если при этом он просил возвратить дело к доследованию, то лишь по чисто "техническим" соображениям — для привлечения Платонова к ответственности по статье 136 части 1 пункту "а" УК, т. е. за умышленное убийство из хулиганских побуждений. Аналогичной точки зрения придерживается он и в кассационной жалобе. А были ли основания к тому, чтобы так выступать, чтобы так писать? Мне представляется, что если вообще для возбуждения подобных ходатайств необходимо иметь веские доказательства, то в таком процессе, при такой обстановке следовало иметь не просто доказательства, а железные, неопровержимые доказательства умышленного убийства, прежде чем делать столь ответственные заявления. Я утверждаю, что не только вот таких неопровержимых доказательств, но и вообще сколько-нибудь серьезных данных для такой постановки вопроса у представителя потерпевших не было. И действительно. Прежде всего, вызывает недоумение ходатайство о привлечении Платонова к ответственности по статье 136 УК. Ведь если в отношении умышленного убийства представитель потер-

певших располагал каким-то подобием доказательств, то в отношении мотивов этого убийства, в отношении убийства из хулиганских побуждений — у него не было и этого подобия доказательств. Почему же статья 136 УК, а не статья 137, 138 или даже та же самая статья 139 УК? Ведь эти же статьи уголовного кодекса тоже предусматривают ответственность за умышленное убийство. Таким образом, даже если на минуту согласиться с тем, что здесь было умышленное убийство, то и тогда следует прийти к выводу, что ходатайство о привлечении Платонова к ответственности по статье 136 УК являлось неосновательным. Что же касается доказательств умышленного убийства, то они сейчас были изложены Вам, товарищи члены судебной коллегии, и, по существу, в том же порядке изложены и в имеющейся в деле кассационной жалобе потерпевших. Достаточно проанализировать эти доказательства, чтобы убедиться в том, что они не выдерживают буквально никакой критики.

Автор кассационной жалобы как на одно из главных доказательств, ссылается на то, что, дескать, Платонов был неправдив в своих объяснениях следователю и суду. Он показывал, что якобы дефект, имеющийся на его шапке образовался вследствие того, что он недели за две до случившегося порезал ее ножом, а экспертиза дала заключение, что этот дефект образовался в результате выстрела в упор (в момент происшествия шапка эта находилась на Шестакове).

Отсюда делается вывод, что Платонов сказал неправду, солгал, а раз лжет — значит, виноват в умышленном убийстве. Но разве можно так рассуждать? Ну, предположим, что Платонов сказал неправду (такой грех, говорят, за ним водится) — разве это еще доказывает его вину в умышленном убийстве? Ведь при создавшейся ситуации, когда, испугавшись, что от происшедшего выстрела может проснуться дремавший в котельной кочегар, ребята приготовились броситься наутек, Платонов (кстати, страдающий большой близорукостью), быстро обернувшись к Шестакову, в темноте, на тесной лестничной площадке, конечно мог пронести свой самопал поблизости от головы Шестакова (ведь судебно-медицинский эксперт не исключает возможности выстрела с дистанции в 20-25 см). Следовательно, сам по себе факт выстрела в упор или с близкого расстояния еще ни о чем не говорит. Мало того, утверждать твердо, что в данном случае имел место выстрел в упор, нельзя, ибо в своем заключении и в процессе следствия, и

в суде эксперт указывал на то, что этот дефект *вероятнее всего* является огнестрельным повреждением, образованным при выстреле в упор. Вероятнее всего! Вот об этом “вероятнее” почему-то забывают и придают этому заключению категорическую форму. В подтверждение версии о выстреле в упор ссылаются и на то, что, якобы, при микроскопическом исследовании указанного дефекта там обнаружено мозговое вещество и кусочек косточки размером 4 x 2 мм. Здесь просто допускается фактическая неточность. Обратитесь к заключению эксперта, которое находится на листе дела № 81, и вы там найдете ссылку на то, что осколок косточки, о котором шла речь, обнаружен не в дефекте, а “на опушке шапки, около дефекта”. Так обстоит вопрос с основным, главным доказательством умышленного убийства. Допустим все же, что есть какая-то улика против Платонова. Но ведь на такой улике не построишь обвинения. Где же другие доказательства, другие улики? Вы только обратите на них внимание, посмотрите, чем пытаются доказывать вину Платонова в умышленном убийстве! Говорят: Платонов показал, что Шестаков стрелял вниз котельной, однако осмотром стен этой котельной царапин и следов дроби не обнаружено. Ну и что же? Что этим хотят сказать? Ведь вы помните, что представитель потерпевших не отрицал, что у Шестакова был самопал (он приобщен к настоящему делу в качестве вещественного доказательства), и что из этого самопала Гена стрелял, и стрелял в котельной. Зачем же спорить с самим собой? Помимо этого, следует иметь в виду, что происшествие имело место 21 марта, а осмотр котельной производился через 20 дней т. е. 10 апреля сего года (см. прот. осмотра, лист дела № 104). Что же тут удивительного, что через 20 дней тут ничего не было обнаружено? Если ко всему этому принять во внимание, что самопалы были заряжены тремя очень мелкими обрубками гвоздя, что расстояние от лестничной клетки, откуда был произведен выстрел, до входа в котельную составляет свыше шести метров, то станет понятным, что царапин и следов дроби на стенах котельной вообще могло и не быть”.

Далее: Ссылаются на то, что свидетели Ельцов, Жуков и другие слышали два выстрела: один-приглушенный, второй-громкий, а кочегар Моисеев-только один выстрел, сильный. И отсюда заключают, что второй выстрел, который слышали все (сильный) произошел не в котельной, а у входа в дом № 5. Предположим, что это так. Но, что этим хотят

сказать? Что Шестаков выстрелил в котельной, а после этого они убежали к находящемуся рядом входу в дом № 5 и там Платонов убил Шестакова? Сначала поднял шум стрельбой, привлёк внимание посторонних, а потом убежал из глухого места — котельной к месту людному, входу в дом, и там убил? Где же здесь логика?

Помимо этого, разве можно на слух определять место выстрела. Ведь сила выстрела зависит от многих причин, в том числе и от оружия, и от заряда и пр. Как же можно так рассуждать? Забывают и о том, что кочегар спал в котельной, что там шумят моторы и, таким образом, нет ничего удивительного в том, что он слышал только второй выстрел, более громкий, и не слышал первого. Упускают и то, что, по объяснениям свидетелей, интервал между выстрелами был очень небольшой.

В подтверждение своей мысли о том, что убийство свершилось не у входа в котельную, а у входа в дом № 5, ссылаются так же и на протокол осмотра места происшествия, где значится, что у входа в дом № 5 имеются следы крови. Ну и что же здесь удивительного? Ведь известно, что раненного Гену Шестакова принесли в квартиру Ядринских, которые проживают в этом доме, что Платонов выходил затем из квартиры Ядринских на улицу, вытирал обильно пропитанную кровью шапку о снег. Здесь, конечно, должны были быть следы крови.

Далее. Говорят, что Платонов ссылается на затяжной выстрел, а при проверке этого обстоятельства экспериментальным путем, экспертом, таких выстрелов из поджигалок не последовало. Это тоже кажется подозрительным, это тоже обращается в улику против Платонова. Но разве допустимо пользоваться подобными "доказательствами"? Этак можно произвести несколько десятков выстрелов из какого-нибудь пистолета, не получить ни одной осечки и сделать заключение, что осечек вообще в природе не бывает. При экспериментальных выстрелах из поджигалок затяжных выстрелов действительно не последовало. Но разве эксперт отсюда сделал вывод, что их вообще быть не может?

Наоборот, в своем заключении эксперт прямо записал: "из указанных поджигалок затяжные выстрелы не исключаются, так как это зависит от качества заряда, величины его и др. причин" (см. лист дела № 81). Комментарии, я думаю, излишни.

Ссылаются, как на доказательство вины Платонова, и на противоречия в его показаниях. Тщательно искали эти противоречия и, наконец, нашли одно противоречие. Говорят, что на допросе у следователя 22 марта Платонов показывал, что якобы он сам положил и в свой пистолет, и в пистолет Геннадия по три обрубка гвоздя, а на допросе 28 марта он эти показания изменил, показал, что гвозди, которыми они заряжали поджигалки, были у него, но три из них он отдал Геннадию, который сам их и положил в свой пистолет. Такое противоречие в показаниях кажется подозрительным, оно расценивается как улика. Но есть ли здесь противоречие? Я прошу вас, товарищи члены коллегии, обратить внимание на показания Платонова от 28 марта сего года. (лист дела № 22), и вы сможете убедиться в том, что эти показания цитируются почему-то не совсем точно. Отпускают почему-то, что и в этом протоколе допроса (на листе № 23) есть такая же запись, как и в протоколе допроса от 21 марта. Там значит (дословно): "В овраге мы зарядили пистолеты. Он свой, а я — свой. Я положил по три гвоздика в ствол пистолета Геннадия и своего". Есть ли здесь противоречие с тем, что значит в протоколе допроса от 21 марта? Конечно, нет. Об этом забыли сказать. Что же произошло затем? Убедившись в том, что следователь неверно его понял и в связи с этим не точно записал его показания, Платонов тут же, на этом же допросе, уточнил свои показания. Что же здесь подозрительного, разве так на практике не бывает во время допросов?

Автор кассационной жалобы сетует на то, что следователь поверхностно проверил показания свидетеля Стожкова, данные им на следствии, а суд не восполнил этого пробела, не вызвал и не допросил в судебном заседании этого свидетеля и свидетеля Хайрулина, на которого Стожков ссылается в своих показаниях. Этот довод жалобы может вызвать только недоумение. Прежде всего, если в судебном заседании представителю потерпевших так необходимы были указанные свидетели, то он мог ходатайствовать перед судом о их вызове в суд. Такого ходатайства в суде заявлено не было. Помимо этого, насколько я понимаю, теперь ставится вопрос о какой-то проверке показаний Стожкова, каком-то дополнительном расследовании, исследовании и т. п. Теперь, оказывается, еще не все ясно, не все понятно, надо еще что-то расследовать. Но почему же тогда в суде так не ставился вопрос? Почему в суде категорически утверждали, что все установлено, все дока-

зано, надо привлекать к ответственности за умышленное убийство? Не вяжется это и с просительным пунктом каскационной жалобы, в которой так же проводится аналогичная точка зрения. Но дело еще не только в этом. Говорят, следователь неглубоко проверил показания свид. Стожкова, надо было произвести более тщательную проверку этих показаний. Однако, что там проверять, что там исследовать? Вы только обратите внимание на показания этого свидетеля. Он на следствии показал (лист дела № 71), что ему рассказывал Хайрулин, что со слов своего брата Ходила, ему якобы известно, что Шестаков пытался разоблачить какую-то шайку, и за это его убили, что стреляли трое "в полисадник какого-то забора", что первым стрелял сам Шестаков, а потом они пошли смотреть результаты выстрела, и в то время, когда Шестаков наклонился, один из парней его придержал, а другой выстрелил в затылок. Таковы показания Стожкова. Казалось бы, здесь и проверять нечего, так, как идет речь о стрельбе "в полисадник какого-то забора", что не соответствует всем данным дела, которыми установлено, что случай произошел не у какого-то забора, а у дома № 5 (это не отрицает и представитель потерпевших). Но следователь все же решил проверить показания Стожкова. Он вызвал и допросил Хайрулина, того самого, на которого ссылался Стожков. И вы только послушайте, что показал этот свидетель! Дословно: "Я от своего брата слышал, что он якобы слышал от жителей поселка, что Платонов поссорился с Шестаковым и с целью выстрелил в Шестакова. По слухам, больше никого с ними не было. По другим слухам, мне известно, что, якобы, стрелявших было трое. Все эти слухи я слышал от жителей в магазине и по дороге с работы и на работу. Лиц, от которых я это слышал, я не знаю. Обо всем этом я рассказал Стожкову" (лист дела № 72).

Что же здесь проверять? Что же здесь надо исследовать, что устанавливать? Разве то, что это показал тот самый Стожков, который, по его собственным показаниям, питал неприязнь к Платонову, что это показал Стожков, тот самый, который придумал басню о том, как Платонов расчленил галчонка? Или, может быть, уточнить, что это показал Стожков, который, как это явствует из показаний сестры погибшего, Шестаковой Маргариты (лист дела № 61), является мужем ее сестры Галины, т. е. зятем потерпевших? Наконец, может быть следует уточнить, что все это исходит от Стожкова, который, питая неприязнь к Платонову возму-

тительно вел себя в суде, за что был сначала предупрежден судом, а затем оштрафован и удален из зала суда? (см. протокол судебного заседания, лист дела № 131). Это что ли необходимо доследовать?

У представителя потерпевших возникло сомнение и в том, можно ли было такими легкими обрубками гвоздей, какие извлечены из головы погибшего, на расстоянии 1-1,5 метров убить человека. Необходимо, — доказывает он, — сначала произвести химическую экспертизу, установить, что за металл, а потом уже производить экспериментальную стрельбу. Итак, еще надо что-то доследовать, еще надо что-то уточнить. Но тогда почему же до этого уточнения, до доследования, ставился вопрос о доказанности умышленного убийства? Помимо этого, ведь суд в приговоре не утверждает, что выстрел произведен с расстояния в 1-1,5 метра. Платонов назвать точно это расстояние по вполне понятным причинам не может, и не исключено, что выстрел был произведен и с более близкой дистанции. Наконец, вызывает удивление, что теперь выражают недоверие выводам эксперта, основанным на результатах экспериментальной стрельбы. Ведь вы, наверное, не забыли, что они, эти выводы (о вероятном выстреле в упор) были возведены в ранг главного доказательства вины Платонова в умышленном убийстве. А теперь сами же стараются подорвать доверие к этому заключению эксперта! Очевидно, что в этом нет элементарной логики.

Наконец, в заключение ссылаются еще на одно “доказательство”: в поселке Платонов известен, как отъявленный хулиган. Он неоднократно избивал Гену, держал его в страхе. Но так ли это? Я уже ссылался на имеющуюся в деле характеристику Платонова. Думается, из нее нельзя сделать заключение, что Платонов отъявленный хулиган.

Не подтвердила этого и допрошенная в суде свидетельница Сафонова, классный руководитель 9-го класса, где учился Платонов. В суде эта учительница пояснила, что Платонов в классе ничем особенным не отличался от других учеников. Правда, добавила она, были случаи, что он обманывал учителей, пропускал уроки физкультуры. “О плохих поступках Платонова, — сказала далее эта свидетельница, — мне ничего не известно” (лист дела № 130). Так обстоит дело с утверждением о том, что Платонов являлся отъявленным хулиганом. Не соответствует действительности и

то, что Платонов неоднократно избивал Гену, держал его в страхе. Обращает на себя внимание, что в обоснование подобного утверждения не представляется буквального ничего, ни единой ссылки на материалы дела, на показания свидетелей. Попробуем обратиться к материалам дела. Допрошенный по этому вопросу на следствии отец погибшего, Шестаков Владимир Иванович, показал (дословно) следующее: "Мой сын Геннадий учился в 7-м классе и был в приятельских отношениях с Платоновым Николаем..." (лист дела № 24). Аналогичные показания дал он и в суде, где, в частности, показал: "Ссор Платонова с Геннадием я не слышал и об угрозе убить тоже не слышал" (Протокол судебного заседания, лист дела 127). Думаю, что этому свидетелю можно верить, он вряд ли будет искажать истину! Подтвердила это обстоятельство и допрошенная в процессе следствия родная сестра Геннадия, Шестакова Маргарита. Она следователю показала: "Мой брат Геннадий часто находился вместе с Платоновым на улице, проводили свободное время, иногда вместе смотрели телевизор в квартире Платоновых..." (лист дела № 25).

То же самое подтвердила и мать Гены, Шестакова Евлампия Александровна: "Николай с моим сыном дружил, вместе играли на улице..." (лист дела № 11). Так как же можно после этого утверждать, что ребята были недружны между собой, что Платонов терроризировал Шестакова, избивал его, угрожал ему убийством? Но, может быть, они все время дружили, а в последние дни поссорились, может быть, незадолго до случившегося отношения их обострились? Нет! В материалах дела имеются данные, что и в последние дни, накануне случившегося, ребята были так же дружны, как и ранее. Так, мать Гены и на следствии, и в суде рассказала, что за два дня до известных событий, т. е. 19 марта, Гена вместе с Колей собирались запускать какую-то ракету, обращались к ней за помощью, а подросток Женя Молев пояснил, что за день до этих событий, т. е. 20 марта он вместе с Колей и Геной ходил в парк, где все они стреляли из поджигалок (лист дела № 17). Если к этому добавить, что и накануне убийства, вечером 21 марта, Платонов заходил к Шестакову, а затем они вместе пошли в дом Платоновых, смотрели там телевизор, затем вместе пошли стрелять из поджигалок — станет ясным что ни о каком обострении отношений между подростками речи быть не может.

нительно вел себя в суде, за что был сначала предупрежден судом, а затем оштрафован и удален из зала суда? (см. протокол судебного заседания, лист дела № 131). Это что ли необходимо доследовать?

У представителя потерпевших возникло сомнение и в том, можно ли было такими легкими обрубками гвоздей, какие извлечены из головы погибшего, на расстоянии 1-1,5 метров убить человека. Необходимо, — доказывает он, — сначала произвести химическую экспертизу, установить, что за металл, а потом уже производить экспериментальную стрельбу. И так, еще надо что-то доследовать, еще надо что-то уточнить. Но тогда почему же до этого уточнения, до доследования, ставился вопрос о доказанности умышленного убийства? Помимо этого, ведь суд в приговоре не утверждает, что выстрел произведен с расстояния в 1-1,5 метра. Платонов назвать точно это расстояние по вполне понятным причинам не может, и не исключено, что выстрел был произведен и с более близкой дистанции. Наконец, вызывает удивление, что теперь выражают недоверие выводам эксперта, основанным на результатах экспериментальной стрельбы. Ведь вы, наверное, не забыли, что они, эти выводы (о вероятном выстреле в упор) были возведены в ранг главного доказательства вины Платонова в умышленном убийстве. А теперь сами же стараются подорвать доверие к этому заключению эксперта! Очевидно, что в этом нет элементарной логики.

Наконец, в заключение ссылаются еще на одно “доказательство”: в поселке Платонов известен, как отъявленный хулиган. Он неоднократно избивал Гену, держал его в страхе. Но так ли это? Я уже ссылался на имеющуюся в деле характеристику Платонова. Думается, из нее нельзя сделать заключение, что Платонов отъявленный хулиган.

Не подтвердила этого и допрошенная в суде свидетельница Сафонова, классный руководитель 9-го класса, где учился Платонов. В суде эта учительница пояснила, что Платонов в классе ничем особенным не отличался от других учеников. Правда, добавила она, были случаи, что он обманывал учителей, пропускал уроки физкультуры. “О плохих поступках Платонова, — сказала далее эта свидетельница, — мне ничего не известно” (лист дела № 130). Так обстоит дело с утверждением о том, что Платонов являлся отъявленным хулиганом. Не соответствует действительности и

то, что Платонов неоднократно избивал Гену, держал его в страхе. Обращает на себя внимание, что в обоснование подобного утверждения не представляется буквального ничего, ни единой ссылки на материалы дела, на показания свидетелей. Попробуем обратиться к материалам дела. Допрошенный по этому вопросу на следствии отец погибшего, Шестаков Владимир Иванович, показал (дословно) следующее: "Мой сын Геннадий учился в 7-м классе и был в приятельских отношениях с Платоновым Николаем..." (лист дела № 24). Аналогичные показания дал он и в суде, где, в частности, показал: "Ссор Платонова с Геннадием я не слышал и об угрозе убить тоже не слышал" (Протокол судебного заседания, лист дела 127). Думаю, что этому свидетелю можно верить, он вряд ли будет искажать истину! Подтвердила это обстоятельство и допрошенная в процессе следствия родная сестра Геннадия, Шестакова Маргарита. Она следователю показала: "Мой брат Геннадий часто находился вместе с Платоновым на улице, проводили свободное время, иногда вместе смотрели телевизор в квартире Платоновых..." (лист дела № 25).

То же самое подтвердила и мать Гены, Шестакова Евлампия Александровна: "Николай с моим сыном дружил, вместе играли на улице..." (лист дела № 11). Так как же можно после этого утверждать, что ребята были недружны между собой, что Платонов терроризировал Шестакова, избивал его, угрожал ему убийством? Но, может быть, они все время дружили, а в последние дни поссорились, может быть, незадолго до случившегося отношения их обострились? Нет! В материалах дела имеются данные, что и в последние дни, накануне случившегося, ребята были так же дружны, как и ранее. Так, мать Гены и на следствии, и в суде рассказала, что за два дня до известных событий, т. е. 19 марта, Гена вместе с Колей собирались запускать какую-то ракету, обращались к ней за помощью, а подросток Женя Молев пояснил, что за день до этих событий, т. е. 20 марта он вместе с Колей и Геной ходил в парк, где все они стреляли из поджигалок (лист дела № 17). Если к этому добавить, что и накануне убийства, вечером 21 марта, Платонов заходил к Шестакову, а затем они вместе пошли в дом Платоновых, смотрели там телевизор, затем вместе пошли стрелять из поджигалок — станет ясным что ни о каком обострении отношений между подростками речи быть не может.

Я остановился на всех доказательствах вины Платонова в умышленном убийстве, представленных представителем потерпевших. Как вы видите, все они очень легковесны и на основании таких доказательств, конечно, нельзя обвинять человека в умышленном убийстве. Но если в деле не имеется сколько-нибудь серьезных доказательств виновности Платонова в умышленном убийстве, то есть там доказательства обратные, противоулики, свидетельствующие, что Платонов убил Шестакова не умышленно. Об этом, прежде всего, свидетельствуют дружеские отношения, которые существовали между Платоновым и Шестаковым. Не было у Платонова оснований, не было мотивов для того, чтобы убивать своего товарища. Далее, очевидно, если бы Платонов убил Шестакова умышленно, он не стал бы принимать мер к его спасению. Между тем, известно, что никто другой, а именно он, Платонов, дотащил тяжело раненого Гену до квартиры Ядринских, сообщил им о случившемся, в результате чего были приняты срочные меры по доставлению Гены в больницу. Разве стал бы так действовать человек, совершивший умышленное убийство? Наконец, известно, что в больнице Гена приходил в сознание, и если бы в него умышленно стреляли, он бы сказал об этом. Но он этого не сказал. Мать Гены показала в суде, что в больнице Гена сказал врачу, что он упал с перил. По объяснениям Платонова, после того, как Гена был ранен, они, испугавшись, что им попадет за стрельбу из поджигалок, договорились сказать, что Гена упал с перил и ушибся. Так и объяснил Платонов происшедшее Ядринским. Это они подтвердили в своих показаниях. Как видите, объяснения Платонова полностью совпали с тем, что сказал Шестаков в больнице. Мне представляется, что с учетом всего изложенного, становится очевидным, что не было здесь преднамеренного, умышленного убийства.

Но становится очевидным и другое. Весь этот шум вокруг умышленного убийства, весь этот ажиотаж, оказавшийся на поверку блефом, сыграл не последнюю роль в том, что Платонов был так строго наказан. И думается, что если вы отклоните жалобу потерпевших и определите Платонову условную меру наказания, то этим самым, вы не только восстановите справедливость, но и положите конец всей этой нездоровой шумихе, всей этой некрасивой возне, которую затеяли некоторые взрослые дяди и тети вокруг пятнадцатилетнего подростка. А лично мне кажется, что все эти несправедливые обвинения, весь этот ажиотаж травми-

ровали юную душу этого подростка значительно больше, чем приговор народного суда.

Я прошу о справедливости.

Коллегия Ярославского облсуда отклонила жалобу потерпевших и снизила Платонову наказание до 1,5 лет лишения свободы.

Вот на таких, и многих других самых разнообразных делах (всех не счесть), шлифовалось адвокатское мастерство, ковались бойцовские качества, так пригодившиеся мне впоследствии в моей дальнейшей жизни в адвокатуре.

А сейчас, выполняя обещание, данное в Послесловии к делу Аманкулиева (см. "Заметки адвоката"), хочу рассказать о всех перипетиях борьбы, связанных с восстановлением справедливости по делу доктора медицинских наук, профессора, член-корреспондента Академии наук Туркменской ССР Чары Байриевича Байриева.

А. М.

**Дело член-корреспондента
Академии Наук ТССР
Ч. Б. Байриева**

Калым?* (документальный очерк)**

Старожилы рассказывают, что такой свадьбы Ашхабад еще не видывал. Среда бела дня по улицам города разъезжали разряженные “Чайки” с полуголыми захмелевшими гостями, их сопровождали черные машины с “вертушками” ... В общем нечто сродни всенародному гулянию. Да и как могло быть иначе, если “сам” — Первый секретарь ЦК КП Туркмении — женил свое чадо, своего любимого сына. Женил на дочери профессора, доктора мед. наук Нурмамедова Нарзы Нурмамедовича.

К свадьбе этой тщательно готовились. Сначала, как и положено, отец невесты, уже убеленный сединой, был срочно принят кандидатом в члены КПСС, а затем в таком же срочном порядке, еще не будучи даже членом КПСС, назначен ректором Туркменского мед. института. Впрочем, до этого высокого назначения место ректора мед. института еще надлежало освободить, и это незамедлительно было сделано. Хотя на месте этом в течение 10 лет находился весьма уважаемый в Республике человек — доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель наук Туркменской ССР, член-корреспондент Академии наук Туркменской ССР, Чары Байриевич Байриев, имеющий более 80 научных работ и три монографии, человек всю свою жизнь проработавший в институте, в том числе в течение 23 лет заведовавший в институте кафедрой факультетской хирургии, воспитавший целую плеяду высококвалифицированных специалистов.

За заслуги в области здравоохранения человек этот был награжден орденами “Ленина”, “Трудового Красного Знамени”, “Знак Почета” и другими медалями и почетными грамотами ЦК КПТ, Совета Министров и Президиума Верховного Совета ТССР.

Но какая всему этому цена, если место все-таки освободить надобно? В данном случае М. Гапуров, которого впоследствии не зря обвинили в негодной кадровой политике, позволившей ему повсюду расставлять родственников, земляков и прочих нужных людей, действовал многократно испытанными методами. И вот 14 ноября 1977 года

* “Калым” — цена за невесту... (В. Даль “Толковый словарь”)

** Очерк был подготовлен к публикации в 1986 году.

в срочном порядке, без всякой предварительной проверки, ректора института Байриева слушают на бюро ЦК КП Туркменской ССР и за слабую постановку политико-воспитательной работы среди профессорско-преподавательского состава и студентов, за допущенные ошибки в подборе, расстановке и воспитании кадров — исключают из членов КПСС и освобождают от работы ректора института. Исключают из членов КПСС, даже без рассмотрения материалов в первичной парторганизации, снимают с должности ректора, невзирая на то, что буквально накануне всего этого деятельность Туркменского мед. института была подвергнута детальной ревизии и Решением коллегии Министерства народного образования ТССР № К-15/5 от 26 октября 1977 г. и признана одной из лучших среди ВУЗов Республики.

Документ

Выписка

РЕШЕНИЕ

коллегии Министерства народного образования ТССР

от 26 октября 1977 года
№ К-15/5

г. Ашхабад

Об итогах летней экзаменационной сессии в высших учебных заведениях республики за 1976-1977 учебный год (дневное отделение)

Заслушав информацию начальника Управления высших и средних специальных учебных заведений МНО ТССР тов. Курбановой Р. Д., коллегия отмечает по итогам летней экзаменационной сессии некоторое повышение успеваемости в вузах республики.

Наиболее высокая успеваемость в Туркменском медицинском и Туркменском сельскохозяйственном институтах: ТГМИ — 92,5%, ТСХИ — 90,1%. Из подведомственных вузов — в Туркменском госпединституте им. Ленина — 89,9%.

Председатель коллегии

Министр

Б. Пальванова

Итак, место было освобождено, и, как уже сказано, его занял новоявленный родственник “самого” — то бишь сват, который пребывает в этой должности и поныне.

— Ну, а как же Байриев Ч. Б., что с ним случилось после всего этого?

Поначалу он оставался пребывать в должности заведующего кафедрой, а затем был изгнан и оттуда. Но тут уже помог “счастливый” случай.

В это время шло следствие по делу студентки 2-го курса мединститута Волоховой, которая отравила своего мужа и свекра, утопила свекровь, и к делу этому на основании оговора Волоховой сначала приплели, а затем и осудили на 10 лет врача Аманкулиева (впоследствии он был полностью реабилитирован)*, а затем, опять-таки на основании абсолютно голословных и бездоказательных показаний той же Волоховой, возбудили уголовное дело против Байриева по признакам совершения преступления, предусмотренного ст. 123 и 191 УК ТССР (понуждение к сожительству и злоупотребление служебным положением).

Дело это (кстати, возбужденное в обход Указа “Об амнистии” от 4 ноября 1977 г. и ст. 6 п. 7 УПК ТССР), как и следовало ожидать, было прекращено со ссылкой на тот же акт “Амнистии”, но в своем постановлении следователь записал, что Байриев совершил преступление, предусмотренное соответствующими статьями уголовного кодекса, после чего, по представлению того же следователя, приказом ректора института Нурмамедова Байриев был уволен с должности зав. кафедрой мед. института и направлен на работу в Туркменский научно-исследовательский институт онкологии, на должность старшего научного сотрудника. Но Байриев продолжал бороться, он подал апелляцию в КПК при ЦК КПСС. И тогда за непослушание он был снят с этой должности и переведен в клинику данного института на должность простого врача-хирурга. Так и пребывал он, доктор мед. наук, член-корреспондент Академии наук ТССР, в должности рядового врача в течение 3-х лет.

Апелляцию в КПК при ЦК КПСС ему, признанному официально преступником, разумеется, пришлось снять...

* См. “Дело врача Аманкулиева, осужденного за соучастие в убийстве Турапиных” (“Заметки адвоката” из серии “За кулисами защиты”).

“УТВЕРЖДАЮ”

Прокурор Туркменской ССР
Государственный советник
юстиции 3-го класса

В. Аринин

“22” мая 1978 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о прекращении производства по делу в отношении
отдельного лица)

22 мая 1978 г.

г. Ашхабад

Следователь по особо важным делам при прокуроре Туркменской ССР юрист 1 класса Иванов В. И., рассмотрев материалы уголовного дела № 3,

Установил:

Байриев Ч. Б., работая в должности ректора Туркменского государственного медицинского института, систематически злоупотреблял своим служебным положением, то есть умышленно использовал свое служебное положение вопреки интересам службы — вступал в половую связь со студентками.

Так, Черкасова Н. С. показала, что Байриев вступил с ней в половую связь, когда в 1972-73 г. г. находился на излечении и лежал в своем кабинете во 2-м хирургическом отделении, где она, будучи студенткой ТГМИ, работала медсестрой. Байриев представился ей ректором, узнал, что она является студенткой, сделал замечание по работе, а, когда она ночью зашла к нему в кабинет, чтобы сделать укол, совершил с ней половой акт.

(т. 2 л. д. 45-49)

Свидетели Акмередов, Казимова подтвердили факт пребывания Байриева во время болезни в своем служебном кабинете и то обстоятельство, что Черкасова работала постовой медсестрой во 2-м хирургическом отделении.

(т. 2 л. д. 52-53, 185)

Бывшая студентка ТГМИ Волохова Л. И. показала, что во время хлопкоуборочной кампании 1974 года она была переведена в штаб студенческого отряда, который располагался в гостинице совхоза "Теджен" и возглавлялся ректором Байриевым (начальник штаба) и преподавателем Аллабердыевым (заместитель). В одну из ночей Байриев, в отсутствие Аллабердыева в штабе, понудил ее вступить с ним в половую связь. При этом после совершения полового акта пригрозил исключением из института, если она будет рассказывать о случившемся. Летом 1975 года Байриев пригласил ее к себе домой в ночное время и также совершил с ней половой акт. Она уступила его требованиям, опасаясь быть исключенной из института.

Во время посещения дома Байриева, последний предложил Волоховой подыскать девушек, желавших поступить в медицинский институт, и он за вступление с ним в половую связь устроит их в институт. При этом Байриев сказал, что за вступление с ним в половую связь, он устроил в институт Капуру Валентину, с которой познакомился в Ессентуках. Впоследствии то же ей рассказала Капура.

(т. 1 л. д. 111-119)

Байриев категорически отрицает не только связь с Волоховой, Капурой и Черкасовой, но и факт длительного пребывания Волоховой в штабе, посещение ею его дома, знакомство с Капурой до 1977 года и содействие ей при поступлении в институт.

(т. 1 л. д. 124-127)

Преподаватель Аллабердыев показал, что в 1974 году Волохова находилась в штабе 3-4 дня, в связи с болезнью, в отсутствие Байриева. По возвращении из Ашхабада, Байриев приказал отправить Волохову в бригаду, а секретарем работала все время студентка Ярьсько.

(т. 1 л. д. 140)

Ярьсько показала, что в 1974 году на хлопке не была вообще, т. к. проходила интернатуру.

(т. 1 л. д. 141)

Факт пребывания Волоховой в течение 10-15 дней в штабе в 1974 году подтверждают заведующая гостиницей совхоза "Теджен" Нафакина и преподаватель Кербабаев.

(т. 1 л. д. 138-139, 133)

Пребывание Волоховой в доме Байриева подтверждается протоколом осмотра вышеуказанного дома и дворовых построек. В ходе осмотра вышеуказанного дома обнаружено совпадение ряда характерных деталей мебелировки, расположения построек, растений. При осмотре изъят бокал, соответствующий описанному при допросе Волоховой.

(т. 1 л. д. 128-132в)

Из изложенного можно сделать обоснованный вывод, что показания Волоховой о пребывании в штабе отряда в 1974 году и в квартире Байриева, а также о половой связи с Байриевым достоверны. Вместе с тем, неоднократность встреч Волоховой с Байриевым, угроза исключением из института в случае разглашения связи позволяют считать доказанным наличие понуждения со стороны Байриева.

Допрошенная по делу студентка 6 курса лечебного факультета Капура В. И. отрицает знакомство с Байриевым в г. Ессентуки, его помощь при поступлении в институт и какие-либо контакты с Байриевым до 1977 года, когда он вызывал ее в свой кабинет для выяснения причины изъятия ее личного дела работниками прокуратуры.

Вместе с тем, Капура показала, что в 1971-72 г. г. работала в санатории им. Дзержинского в г. Ессентуки, где, согласно показаниям Байриева, он регулярно отдыхал. Капура пояснила также, что причиной поступления в Ашхабадский мединститут послужило заболевание почек и сравнительно небольшой конкурс.

(т. 1 л. д. 143-145)

Показания Байриева и Капуры об отсутствии между ними каких-либо контактов до ноября 1977 года опровергаются, а наличие между ними отношений более близких, чем обычные отношения ректора и студента, подтверждается следующими доказательствами:

Преподаватель Курбанов показал, что в период зимней сессии 1972-73 учебного года Капура, получив по его предмету (химии) "неуд.", от имени Байриева просила дать ей возможность в тот же день пересдать экзамен. При этом Капура говорила, что знает Байриева по Ессентукам, где последний отдыхал.

(т. 1 л. д. 169)

Заведующая учебной частью Офендиева показала, что после изъятия дел ряда студентов работниками прокуратуры, Байриев вызвал к себе в кабинет Капуру и в течение получаса беседовал с ней. Из кабинета Байриева Капура вышла очень взволнованной.

(т. 1 л. д. 170-171)

Газизова — заведующая канцелярией ТГМИ, показала, что Капура из ее кабинета звонила Байриеву домой, затем через нее — Газизову, передала ему деньги. Свои показания Газизова подтвердила на очной ставке с Капурой.

(т. 1 л. д. 168, 189^а)

Студентки Кузина, Чарыева и др. показали, что на первом курсе Капура — единственная из первокурсников жила в наиболее благоустроенном общежитии. Кузина кроме того показала, что ее ссору с Капурой в общежитии приезжал разбирать проректор Султанов. Далее Кузина показала, что со слов студентов ей известно, что об их ссоре Капура сообщила Байриеву домой по телефону.

(т. 1 л. д. 174, 198)

Султанов подтвердил показания Кузиной, заявив, что за весь период его работы в должности проректора по учебной части, единственный раз выезжал по приказу Байриева в общежитие для разбора ссоры Капуры и Кузиной.

Свидетели Акмурадова, Каримова, Демиденко показали, что к абитуриентам, приезжавшим в 1972 году поступать из-за пределов Туркмении в ТГМИ, предъявлялись на вступительных экзаменах повышенные требования. Акмурадова кроме того показала, что ответ Капуры на вступительных экзаменах по химии заслуживал отметки "два", а Каримова, бывшая в 1972 году Председателем предметной комиссии по химии, показала, что при слабом ответе поставила Капуре отметку "удовлетворительно" по просьбе кого-то из членов приемной комиссии, но кого именно не помнит. В связи с той же просьбой, она согласилась принять у Капуры экзамен после того, как Акмурадова оценила знания Капуры "неудовлетворительно".

(т. 1 л. д. 159-160, 172-173, 180-184)

Учитывая, что объективно подтверждаются показания Волоховой о пребывании ее в штабе в 1974 году и в квартире Байриева летом 1975 года, а также приведенные

прямые и косвенные доказательства связи Байриева с Капурой, преимущественное ее положение при поступлении в институт и получении общежития, можно сделать обоснованный вывод о виновности Байриева в понуждении Волоховой и Черкасовой к вступлению в половую связь и в злоупотреблении своим служебным положением вопреки интересам службы при зачислении Капуры в институт из личной заинтересованности, поскольку это причинило существенный вред государственным интересам и охраняемым законом правам и интересам граждан, выразившийся в нарушении объективности конкурсного набора студентов высшего учебного заведения и лишении возможности обучения в мединституте граждан, показавших более высокие знания.

Таким образом, **Байриев Ч. Б. совершил преступления, предусмотренные ст. 123 и ч. 1 ст. 191 УК ТССР.**

Байриев Ч. Б. за заслуги в области медицины награжден орденами Ленина, Знак Почета, Трудового Красного Знамени, в связи с чем преступления, им совершенные, подпадают под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 ноября 1977 года "Об амнистии в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции".

На основании изложенного, руководствуясь ст. 216, п. 4 ст. 6 УПК ТССР ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 ноября 1977 года "Об амнистии в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции"

ПОСТАНОВИЛ:

Производство по уголовному делу в отношении гр-на Байриева Чары Байриевича, 1922 года рождения, прекратить вследствие акта амнистии.

О прекращении уголовного дела в отношении Байриева уведомить заинтересованных лиц.

Следователь по особо важным
делам при Прокуроре Туркменской
ССР юрист 1 класса

В. Иванов

После вынесения этого Постановления 10 июня 1978 г. в адрес Министра здравоохранения Туркмении было направлено следующее представление:

Документ

Выписка

10.06.78 г. 3/13-ап

Министру здравоохранения
ТССР т. Киятханову Б. А.

Прокуратурой Туркменской ССР окончено расследование уголовного дела, возбужденного в связи с заявлениями о понуждении студенток к сожительству бывшим ректором ТГМИ Байриевым Ч. Б., бывшим деканом педиатрического факультета Сахатовым Я. С., бывшим преподавателем Курбановым А. О. и др.

Байриев следствием признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 191 УК ТССР (злоупотребление служебным положением). Вина его доказана показаниями свидетелей Черкасовой, Волоховой, Газизовой, Каримовой Р. Р. и др., осмотром дома.

Уголовное преследование в отношении него прекращено в связи с актом амнистии — Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4. 11. 77 года "Об амнистии в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции"...

На основании изложенного, руководствуясь ст. 152 УПК ТССР, сообщаю Вам об изложенном для сведения и *решения вопроса о возможности дальнейшего оставления Байриева на преподавательской работе* в мединституте и принятия соответствующих мер к недопущению подобных фактов в дальнейшем.

О результатах рассмотрения настоящего представления прошу сообщить в прокуратуру ТССР в месячный срок.

Следователь по особо
важным делам при
Прокуроре Туркменской ССР
юрист 1 класса

В. Иванов

За сим, естественно, последовал приказ об увольнении Байриева с должности зав. кафедрой факультетской хирургии Туркменского мединститута.

Документ

Туркменский государственный медицинский институт

ПРИКАЗ

г. Ашхабад

28 июня 1978 г.

№ 32

Расследованием, проведенным прокуратурой Туркменской ССР, установлено, что заведующий кафедрой факультетской хирургии, профессор Байриев Ч. Б., злоупотребляя служебным положением, принуждал студентов к сожительству и следствием признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1, ст. 191 УК ТССР (злоупотребление служебным положением). Указанные действия Байриева Ч. Б. несовместимы с преподавательской деятельностью в Туркменском государственном медицинском институте.

На основании изложенного и согласия местного комитета института ПРИКАЗЫВАЮ:

уволить заведующего кафедрой факультетской хирургии т. БАЙРИЕВА Чары Байриевича по ст. 34, п. 3 КЗОТ ТССР как совершившего аморальный проступок, несовместимый с преподавательской деятельностью в Туркменском государственном медицинском институте, с 1 июля 1978 года.

Основание: представление прокуратуры ТССР за № 3/13-ап от 10. 06. 1978 г., протокол заседания МК института за № 12 от 28. 06. 1978 г. и письмо МЗ ТССР № 5/803-19 от 27. 06. 1978 г.

РЕКТОР

проф. Н. Н. Нурмамедов

Приказ этот Байриев попытался обжаловать в Министерство здравоохранения ТССР и СССР, но тщетно...

Туркменистан ССР-нин
саклыгы сакламыш министрлиги

ЫЛЫМ, ОКУВ ЖАЙЛАРЫ
ВЕ КАДРАЛАР
УПРАВЛЕНИЕСИ

144000, м. Ашгабат—ГСП—18, Сабозаи мр. 88.
Туркменистан укагы: Ашгабат—30

13.11.78г. № 5/1982-5

на Ваш № _____

Министерство здравоохранения
Туркменской ССР

УПРАВЛЕНИЕ НАУКИ,
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
И КАДРОВ

144000, Ашгабат, ГСП, мр. Сабозаи, 88,
для телеграмм: Ашгабат—30

г. Ашгабат, ул. Молла-Непеса, 37
тов. Байрневу Ч.Б.

На заявление, направленное Вами в мэндрияв ССР,
управление сообщает, что Ваше освобождение от занимаемой
должности зав. кафедрой произведено по представлению Про-
куратуры Туркменской ССР, а поэтому и может быть обследо-
вано только в судебном порядке.

Начальник управления

О. Глушко

Тебе мало, ты еще жалуешься? Получай вдогонку! И ровно через
две недели, 30 ноября 1978 г., издается указание (?) Президиума
Верховного Совета Туркменской ССР за № 4-968, после чего появля-
ется на свет Божий еще один документ:

РАСПИСКА

Мною, секретарем Ашгабатского облисполкома ХАЛИМОВИ С.
во исполнение указания Президиума Верховного Совета
Туркменской ССР от 30 ноября 1978 года в 04-968 издать о
Байрневу Чары ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
ТУРКМЕНСКОЙ ССР о присвоении почетного звания заслуженного
деятели науки Туркменской ССР, а также награждать знак к
почетному званию Туркменской ССР.

Секретарь Ашгабатского
облисполкома

С. ХАЛИМОВ

30 ноября 1978 года.

После увольнения с должности заведующего кафедрой института Байриева был принят на работу в качестве старшего научного сотрудника в НИИ онкологии Минздрава ТССР.

Но Байриев жалуется, он недоволен. И следует новый приказ по Минздраву ТССР от 19. 09. 1978 г. о переводе Байриева в клинику института на должность рядового врача онколога — хирурга.

Из характеристики Байриева (извлечение):

Копия

Байриев Чары Байриевич,
1922 г. р., туркмен, б/п,
доктор меднаук, профессор,
член-корреспондент АН
ТССР

ХАРАКТЕРИСТИКА (выписка)

Профессор Байриев Ч. Б. направлен в НИИ онкологии Минздрава ТССР 28. 08. 78 г. на должность старшего научного сотрудника (приказ № 216 от 28. 08. 78 г. МЗ ТССР). С 13. 09. 78 г. т. Байриев Ч. Б. на основании приказа Минздрава ТССР № 243 от 19. 09. 78 г. был переведен в клинику института на должность врача онколога-хирурга.

Директор	В. В. Кузнецов
Секретарь парторганизации	Н. А. Самедов
Председатель профкома	А. М. Петров
Секретарь парторганизации	Н. А. Самедов

16. 01. 86 г.

Расправа, как видим, ведется по всем правилам номенклатурного искусства. Свой рассказ о деле врача Аманкулиева я закончил на том, что Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 28 августа 1980 г. Аманкулиев был полностью реабилитирован, и теперь настал черед всерьез взяться за реабилитацию профессора Байриева Ч. Б. (см. мою первую книгу с. 171-338).

Естественно, что прежде всего надлежало добиться отмены постановления следователя по особо важным делам при Прокуроре Туркменской ССР В. Иванова, которым Байриев был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 191 ч. I и 123 УК ТССР, а затем (если этого удастся добиться) попробовать решить и все другие вопросы: о восстановлении в партии, о восстановлении в должности и пр., и пр. Все это, конечно же, вопросы очень и очень непростые, и в этом я отдавал себе отчет. Но то, что это дело, если можно так выразиться, побьет все рекорды, что работа затянется еще на много, много лет, признаться, не подозревал.

Но начну по порядку.

Ко времени составления жалобы в адрес прокурора ТССР на мой письменный стол уже легли некоторые документы. Это:

- 1) Выписка из приказа от 27 июня 1975 г.;
- 2) Заявление Черкасовой;
- 3) Паспорт кондиционера, и некоторые другие.

Для чего потребовались эти документы, будет ясно из жалобы. А пока надлежало вновь садиться за жалобу, с которой затем идти на прием к руководству прокуратуры Туркмении. Жалоба вскоре была составлена и для доклада ее на личном приеме я вылетел вновь в Ашхабад. На сей раз был на приеме у заместителя прокурора ТССР Путимцева В. Прием оставил крайне неприятный осадок: высокомерие, полная уверенность в своей непогрешимости, отсутствие всякого желания что-либо пересматривать. Вскоре Путимцев был переведен на работу в Северо-Осетинскую АССР. В своем мнении об этом человеке, сыгравшем не последнюю роль в возбуждении дела и против Аманкулиева, и против Байриева, я не ошибся. Через некоторое время в журнале “Коммунист” № 1 за 1986 г. не без удовлетворения прочел:

“...совсем недавно за необоснованное привлечение к уголовной ответственности ряда лиц, освобожден от занимаемой должности и уволен из органов прокуратуры Прокурор Северо-Осетинской АССР В. Путимцев”.

Об этом же сообщила и газета “Неделя” (№ 13 от 3 марта 1986 г.).

Так что отрицательный ответ из Туркмении на мою жалобу меня не расстроил. Надлежало все несколько переосмыслить и составить обстоятельную жалобу в Прокуратуру СССР. На это, естественно, требовалось время, а Байриеву (и в этом его винить нельзя) очень не терпелось, и он отправил из Ашхабада в Москву составленную им лично жалобу. Ответ не заставил себя ждать.

Документ

г. Ашхабад,
ул. Маланенеса, 37

ПРОКУРАТУРА СССР

103793, Москва, К-9, Пушкинская, 15-я
Об. 01.82. № 15/343-78

гг. Байриеву Ч.Б.

Ваше заявление, адресованное Генеральному прокурору СССР, рассмотрено.

Уголовное дело в отношении Вас, прекращенное в связи с Указом ПВС СССР от 4 ноября 1977 г., изучено.

Расследованием дела установлено, что Вы, работая ректором Туркменского медицинского института, используя свое служебное положение, поощряли бывших студентов Чермасову Н.С. и Волохову Л.И. и вступлению с Вами в половую связь.

Это подтверждается свидетельскими показаниями гг. гр. Нафаткиной, Кербабая, Акимредова, Казимовой, Курбанова и другими обстоятельствами дела.

Принятое решение является обоснованным.

Прокурор Главного
следственного управления

С.А. Салаутдинов

Полученный Байриевым ответ для меня, конечно, не был неожиданным, так как я прекрасно понимал, что "шапками такое дело не закидаешь".

Ко времени поступления этого ответа из Прокуратуры СССР, мною уже была подготовлена обстоятельная жалоба, с которой я и направился на личный прием в следственное Управление Прокуратуры СССР.

Из досье адвоката

Заместителю генерального прокурора СССР Начальнику
главного следственного управления т. О. В. Сорока

№ 15-343-78

Адвоката А. Л. Мове,

Москва, ул. Баррикадная,
д. 8. Московская областная
юридическая консультация

По делу

Байриева Чары Байриевича
обв. по ст. 191 ч. 1 и 123 УК
ТССР

ЖАЛОБА

25 ноября 1977 г. помощником прокурора ТССР по надзору за следствием в КГБ т. Матвеевым В. С. в обход

Указа Президиума Верховного Совета СССР "Об амнистии" от 4 ноября 1977 г. было возбуждено уголовное дело по признакам совершения преступления, предусмотренного ст. 123 УК, в отношении гр. Байриева Ч. Б.

В дальнейшем, Постановлением следователя по *особо важным* делам при Прокуроре ТССР т. Ивановым В. И. от 22 мая 1978 г. данное дело было производством *прекращено* на основании Указа "Об амнистии" от 4 ноября 1977 г. (Постановление утверждено Зам. прокурора ТССР т. Путимцевым В. Т. — т. 2, л. д. 194).

В указанном Постановлении сделан вывод о том, что Байриев *совершил преступления*, предусмотренные ст. 123 и ч. 1 ст. 191 УК ТССР (стр. 5).

Вынесение подобного *противозаконного* Постановления привело к тому, что Байриев Ч. Б., по *представлению* Прокуратуры ТССР, 28 июня 1978 г. был *уволен* с работы, с должности зав. кафедрой факультетской хирургии Туркменского Гос. Мед. института, "как совершивший аморальный проступок, несовместимый с преподавательской деятельностью" (Приказ № 32 от 28 июня 1978 г.), и в течение трех лет, будучи профессором, доктором медицинских наук, член-корреспондентом Академии наук ТССР, работает в г. Ашхабаде *рядовым* врачом-хирургом в НИИ онкологии (см. характеристику — прилагается).

Между тем, не сложно убедиться в том, что Постановление от 22 мая 1978 г. является *явно* неправильным и вывод следователя, "что Байриев совершил преступления", на материалах дела не основан.

1. О понуждении к сожигательству Волоховой Л.

Данное обвинение целиком и полностью основано на *единственном* доказательстве — крайне путанных и противоречивых показаниях Волоховой, заинтересованной в *оговоре* б. ректора Мед. института Байриева Ч. Б.

При оценке показаний Волоховой следователь не учел *следующего*:

1. Установлено, что Волохова, совершив тяжкое преступление (убийство *трех* человек), стремясь представить себя орудием в руках более опытных преступников, встала на путь *оговора* совершенно невинного человека, *врача*, зав. хирургическим отделением больницы — Аманкулиева

Овеза, который на основании голословных показаний Волоховой был признан виновным в соучастии в убийстве и осужден на 10 лет лишения свободы.

В настоящее время, по Протесту Генерального прокурора СССР, Пленум Верховного суда СССР своим Постановлением от 28 августа 1980 г. отменил приговор Ашхабадского облсуда от 3 октября 1977 г. и все последующие судебные решения и дело в отношении Аманкулиева производством прекратил за недоказанностью предъявленного ему обвинения (Аманкулиев находился под стражей свыше 3-х лет).

В своем Постановлении Пленум Верховного суда СССР прямо указал:

“Суммируя приведенные соображения, Пленум Верховного суда СССР считает, что материалы дела не позволяют расценить показания Волоховой в отношении Аманкулиева иначе, как оговор” (стр. 7).

Представляется, что только по этим основаниям, в связи с тем, что Волохова, как установлено, оговорила в совершении тяжкого преступления совершенно невинного человека, к ее показаниям, направленным против Байриева, надлежало относиться крайне осторожно.

2. Установлено далее, что Волохова, по тем же соображениям и в расчете на то, что *другие лица*, значительно старше ее по возрасту и занимающие ответственное должностное положение, “будучи зависимыми от нее, в результате ее неправдивых показаний”, окажут ей содействие в смягчении ее участи, встала на путь *оговора* указанных лиц: Пепчука Т. А. (Начальника Ашхабадского бюро суд. мед. экспертизы), Дурдыклычева М. (зав. аптекой № 93), Язгельдыева Р. Б. (директора Ашхабадского Таксомоторного парка № 2).

Касаясь показаний Волоховой в отношении указанных лиц, Пленум Верховного суда СССР совершенно правильно отметил, что

“Следственные органы обоснованно признали показания Волоховой в отношении этих лиц оговором” (стр. 3 Постановления Пленума).

Очевидно, что и по этим соображениям к показаниям Волоховой, направленным против Байриева, надлежало относиться критически.

3. Показания Волоховой о сожительстве с Байриевым, о том, что Байриев угрожал ей исключением из института в случае разглашения связи, абсолютно *голословны*. Ни один свидетель этих фактов *не подтвердил*. Не подтверждены данные факты и *никакими другими* доказательствами.

4. Показания Волоховой в этой части не только *голословны*, но и крайне *противоречивы*.

В частности, в процессе расследования дела об убийстве Волохова с *апреля* м-ца 1977 г. *неоднократно* допрашивалась, но ничего *не сообщала* о том, что состояла в интимной связи с Байриевым (см. ее показания — Дело по обвинению Волоховой и др. — т. 1 л. д. 10, 48, 88, 77, 107, 167, 190, 212, 215, 220-234, 235; т. 2 л. д. 2-20, 74, 153; т. 3 л. д. 39, 138-155 и др.).

Никогда и никому не говорила об этом Волохова и до возбуждения уголовного дела, т. е. в 1974-1977 гг.

Впервые об этом факте Волохова сообщила почти через *четыре* месяца после ареста, на очной ставке с Байриевым, *5 августа* 1977 г. (там же, т. 3 л. д. 206).

При этом Волохова заявила:

“Была в половой близости с Байриевым *один раз* у него дома” (т. 3 л. д. 206).

Тут же, на очной ставке Волохова изменила эти показания и объяснила:

“Была в половой близости с Байриевым *дважды*. *Один раз* — когда были на хлопке и *второй раз* — у него на квартире” (т. 3 л. д. 206-об.).

Эти показания Волохова подтвердила и в *судебном* заседании (т. 4 л. д. 187).

Аналогичные показания дала Волохова и на допросе 7 октября 1977 г. после вынесения приговора по ее делу 3 октября 1977 г. (*собственноручно*):

“В интимной связи с Байриевым на хлопке я была *всего один раз*. В дальнейшем, когда он опять приходил, я под предлогом болезни и еще каким-либо причинам старалась вежливо ему *отка-*

зять. Это было в ноябре м-це 1974 г." (см. Дело по обвинению Байриева — т. 1 л. д. 48)

Во всех этих показаниях нет никакой речи о том, что она боялась преследования Байриева, *исключения из института* и пр.

В дальнейшем, 13 октября 1977 г., Волохова решила усилить свои показания против Байриева и заявила:

"Уточняю, что с ректором мед. института Байриевым я находилась в интимной связи в штабе студенческого отряда по уборке урожая в октябре м-це 1974 г. *не один раз*, как я показывала ранее (?), *а больше*, но, сколько раз, не помню". (там же, т. 1 л. д. 64-65)

И далее:

"Я *не отказывала ему* в этой связи, т. к. боялась с его стороны преследования, т. е. исключения из института". (там же)

К этому же сводились показания Волоховой и на допросе 20 декабря 1977 г.

"Аллабердиев часто уезжал в Ашхабад и в его отсутствие (на хлопке) Байриев вступал со мной в интимные отношения" (там же, т. 1 л. д. 115-об.).

"Всего я была с Байриевым примерно *четыре* раза на *хлопке* и один раз, когда его жена уезжала в Киев, *в квартире*". (т. 1 л. д. 113-об.)

5. Несостоятельна ссылка на то, что "пребывание Волоховой в доме Байриева подтверждается протоколом осмотра вышеуказанного дома и дворовых построек". (стр. 3 Постановления)

Здесь необходимо иметь в виду *следующее*:

а) В 1975-77 г.г. Волохова проживала в общежитии Мед. института, которое находится на ул. Союзной, напротив дома, в котором проживал Байриев (ул. Молла-Непеса, д. 37). Из окон корпуса № 3 общежития (3 этаж) хорошо просматривается двор дома Байриева. Помимо этого, студенты мед. института, проходя из б-цы им. Пирогова к Горб-це и обратно, так же часто проходят по ул. Молла-Непеса, мимо дома Байриева, и при открытых воротах и окнах дома,

в особенности в летнюю пору, им несложно увидеть и расположение дворовых построек, и расположение мебели в квартире ректора.

б) Ссылка на то, что при осмотре дома был изъят бокал, соответствующий описанному при допросе Волоховой (стр. 3 Постановления), является несостоятельной, поскольку в деле отсутствует надлежащее описание Волоховой указанного бокала, равно как и отсутствует протокол его *опозна- ния* Волоховой.

Вместе с тем, в деле есть показания Волоховой о том, что

“чай мы пили с Байриевым утром из обычных туркменских чашек. *Другой посуды я не видела*” (т. 1 л. д. 113).

в) В своих показаниях Волохова объяснила, что в квар- тире Байриева летом 1975 г. она видела *кондиционер*. Это же изобразила она на схемах (т. 1 л. д. 71, 117).

Действительно, кондиционер в квартире Байриева име- ется и он, при открытых воротах хорошо виден с улицы.

Однако в *протоколе* осмотра дома Байриева и приоб- щенной к нему *схеме* отмечено, что при осмотре квартиры был осмотрен и *паспорт кондиционера*, в котором имеется пометка о том, что он продан магазином 13 мая 1976 г. (т. 1 л. д. 128-об.).

Тот факт, что летом 1975 г. в квартире Байриева не было кондиционера, что он был приобретен Байриевым только в мае 1976 г. подтверждается и прилагаемым *паспортом кондиционера*, из которого помимо сказанного усматрива- ется, что он был *установлен* в квартире Байриева только 1 июня 1976 г. (см. “Руководство по эксплуатации” с пас- портом на 23 лист. — Прилагается).

г) В своих показаниях Волохова *оговорила* не только Байриева, но и декана *Сахатова*, который, по ее объясне- ниям, понуждал ее и Иванову И. к сожигательству и которому она якобы передала в виде взятки, с помощью Беглиева, четыре автопокрышки для машины “Жигули” с тем, чтобы избавиться от его домогательств (т. 1 л. д. 111-119).

Данные показания Волоховой, как признал следователь, своего *подтверждения не нашли*, в связи с чем дело в

отношении Сахатова было производством прекращено за *отсутствием* события преступления. (т. 2 л. д. 199)

д) На очной ставке с Волоховой, на допросах у следователя, Байриев категорически *отверг* показания Волоховой и объяснил, что в доме у него она никогда не была, что как только он приехал в штаб и увидел там Волохову, он немедленно велел *отправить* ее в поле (см. дело Волоховой — т. 3 л. д. 206, дело Байриева — т. 1 л. д. 61).

Эти показания Байриев подтвердил свид. *Аллабердиев Б. Б.*, который пояснил:

“Волохова проживала в штабе 4-6 дней... По приезде Байриева из Ашхабада *он дал мне указание* отправить Волохову в студенческую бригаду на работу”.

“*В тот же день я ее отправил* на совхозной автомашине в бригаду...” (т. 1 л. д. 80-82)

Подтвердила показания Байриева и свид. Еланкина Ж. Н. (жена Байриева), которая объяснила, что в г. Киев и, в частности, за пределы Республики она летом 1975 г. не выезжала. (т. 1 л. д. 142)

6. При оценке показаний Волоховой о *понуждении* ее к сожительству, о том, что она шла на это из-за боязни быть исключенной из института, нельзя не учитывать и ее характеристики, того, что она вела аморальный, *развратный* образ жизни, посещала *притон* Анисимовой, где совершенно *добровольно*, безо всякого понуждения, вступала в половую связь (в том числе и в извращенной форме) с совершенно неизвестными ей мужчинами (см. копию приговора Облсуда от 3 октября 1977 г.).

Представляется, что при таких обстоятельствах у следователя т. Иванова не имелось никаких оснований к тому, чтобы считать доказанным факт понуждения Байриевым к сожительству Волоховой.

II. О понуждении к сожительству Черкасовой в 1972 — 1973 г.

Показания о том, что она сожительствовала с ректором института Байриевым Ч. Б. *впервые* появились в протоколе допроса Черкасовой Н. С. 22 декабря 1977 г., т. е. через *пять лет* после случившегося.

До этого не только следственным органам, но абсолютно никому Черкасова об этом *не рассказывала*.

Невзирая на совершенно *голословный* характер подобных показаний, следователь, даже не проведя очной ставки Черкасовой с Байриевым, поспешил сделать вывод о доказанности обвинения Байриева.

Между тем:

1. Показания Черкасовой, как указывалось, *голословны и не подтверждены* абсолютно никакими доказательствами.

2. Установлено, что в 1973 г. Черкасова "разошлась с мужем и жила одна с ребенком на квартире, сменила за это время 11 квартир.

Трижды за это время лишалась в институте стипендий" (см. ее показания, т. 2 л. д. 45).

Очевидно, что и по этим соображениям к показаниям Черкасовой в отношении Байриева и других работников института, причастных к *лишению ее стипендии*, надлежало относиться критически.

3. На том же допросе, 22 декабря 1977 г., в присутствии Зам. прокурора ТССР т. Путимцева В. Т., Черкасова *оговорила* не только Байриева, но и других лиц, с которыми она якобы тоже *сожительствовала* — декана Джахарова и преподавателя Джумадурдыева С. М. (т. 2 л. д. 47-об.).

Впоследствии Черкасова от этих показаний *отказалась* и заявила:

"Джумадурдыев со мной в половую связь не вступал и не домогался ее".

И далее:

"На допросе 22 декабря 1977 г. я оговорила Джумадурдыева потому, что он всегда вызывал во мне антипатию, даже своим внешним видом и манерой поведения и разговора". (т. 3 л. д. 237).

Показания Черкасовой о сожительстве с Джумадурдыевым следственные органы вполне обоснованно расценили, как *оговор*, в связи с чем дело в отношении последнего было производством *прекращено* за отсутствием события преступления (т. 2 л. д. 240).

По этим же основаниям было прекращено производством дело и в отношении декана *Джапарова*, которого Черкасова так же *оговаривала* (т. 2 л. д. 204).

— Допустимо ли на подобных показаниях Черкасовой, признанных оговором в отношении других лиц, строить обвинение Байриева?

4. И еще одно соображение. 10 июля 1978 г. гр. Черкасова Н. С. официально подтвердила, что с Байриевым Ч. Б. она никогда в половую связь не вступала и никогда никаких показаний об этом не давала (копия письма прилагается).

Суммируя изложенное, нельзя не признать, что у следователя не было решительно никаких оснований к тому, чтобы признавать Байриева виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 123 УК ТССР. Дело в этой части подлежало прекращению за отсутствием события преступления.

III. Об обвинении Байриева по ст. 191 ч. 1 УК.

Понять из Постановления следователя от 22 мая 1978 г. сущность обвинения Байриева по ч. 1 ст. 191 УК — невозможно.

Правда, в процессе следствия, оговаривая Байриева, Волохова Л. через 5 лет после случившегося, заявила, что, якобы, Байриев сожительствовал с гр. Капурой В. И., которой за это он помог в 1972 г. поступить в Институт (т. 1 л. д. 111-119).

Однако допрошенная по этому поводу Капура В. И. опровергла показания Волоховой и объяснила, что в половой связи с Байриевым никогда не состояла и никакого содействия при поступлении в мед. институт в 1972 г. Байриев ей не оказывал. (т. 1 л. д. 143)

Показания Капуры в той части, что она не сожительствовала с Байриевым, следователь, как это можно понять из Постановления от 22 мая 1978 г., признал достоверными (в Постановлении идет речь о понуждении к вступлению в половую связь только Волоховой и Черкасовой — стр. 5 Постановления).

Вместе с тем, следователь признал установленным, что Байриев *злоупотребил своим служебным положением*, вопреки интересам службы, при зачислении Капуры в институт из личной заинтересованности, что выразилось в

нарушении объективности конкурсного набора студентов высшего учебного заведения" (стр. 5 Постановления).

С подобным выводом следователя согласиться *невозможно*:

1. В материалах дела не имеется никаких данных, свидетельствующих о *неправильном или незаконном* зачислении Капуры В. И. в мед. институт.

Приказ о ее зачислении в Институт никем не отменен.

Ссылка следователя на то, что свид. Акмурадова (через 6 лет!) показала, что ответ Капуры на вступительных экзаменах по химии в 1972 г. заслуживал оценки "два", и на показания свид. Каримовой о том, что она при слабом ответе Капуры по этому же предмету, поставила ей оценку "удовлетворительно" *по просьбе кого-то из членов комиссии*, ни в коей мере не свидетельствует о причастности к этому Байриева.

2. Не подтверждена причастность Байриева к *неправильному* зачислению Капуры в институт и ссылками в Постановлении следователя на то, что в 1971-72 гг. Капура работала в г. Ессентуки в санатории, где отдыхал Байриев, что на 1 курсе Капуре, в отличие от других студентов, было предоставлено место в общежитии, что проректор Султанов приезжал в общежитие разбирать ссору Капуры с Кузиной и пр.

Несостоятельна ссылка следователя и на показания свид. Газизовой, поскольку допрошена она была через 6 лет после происшедшего и на очной ставке с Капурой заявила, что она не может точно утверждать, что в конверте были деньги и что оставляла их именно Капура.

"Лицо очень похоже, — показала Газизова, — но в то время, как мне показалось, девушка была менее полной" (т. 1 л. д. 189-об.).

3. В своем заявлении от 24 мая 1978 г., адресованном Генеральному прокурору СССР, Капура В. И. сообщила о *недозволенных* методах ведения следствия, о том, что следователь, несмотря на то, что у нее грудной ребенок, неоднократно вызывал ее на допросы и заставлял давать ложные показания об интимной связи с Байриевым и о том, что она давала ему деньги, что при этом ей *угрожали* *исключением из института*.

“Все это привело к распаду моей семьи, — пишет далее Капура. До Гос. экзаменов остались считанные дни, я не могу готовиться, т. к. систематически вызывает следователь на допросы, приезжает на машине, забирает, приносит сам повестки домой, звонит в ректорат, чтобы меня с занятий направили на допрос, допрашивает по 3-4 часа... публично позорит и унижает меня... Мне стыдно появляться в институте и т. д.”. (см. Копию заявления — прилагается)

Изложенное свидетельствует о явной тенденциозности и необъективности расследования, которое в конечном итоге и привело к необоснованному признанию Байриева виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 191 ч. 1 и 123 УК ТССР.

Байриеву Ч. Б. сейчас 59 лет. По окончании в 1943 г. Мед. Института добросовестно работал, пройдя путь от рядового врача до зав. кафедры ТГМИ.

“На протяжении многих лет работы зарекомендовал себя исключительно положительно. Доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии наук ТССР, автор 80-ти научных работ и монографий. За заслуги в области медицины награжден орденами Ленина, “Трудового Красного Знамени”, “Знак Почета” и другими медалями и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ТССР” (т. 2 л. д. 189).

По изложенным соображениям и с учетом того, что Байриеву *не было предъявлено обвинение* в совершении преступлений, предусмотренных ст. 123 и ч. 1 ст. 191 УК, *прошу Вас отменить* Постановление следователя от 22 мая 1978 г. и прекратить незаконно возбужденное в отношении Байриева Ч. Б. дело на основании ст. 6 п. 1 УПК ТССР *за отсутствием события преступления*.

Приложение:

1. Копия Постановления от 22 мая 1978 г. на 6-ти листах.

2. Копия Постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 августа 1980 г. на 7 листах.
3. Приказ № 32 от 28 июня 1978 г. об увольнении Байриева с работы.
4. Ответ из Минздрава ТССР от 13 ноября 1978 г. № 5/1988-5.
5. Копия заявления гр. Капуры В. И. на имя Генерального прокурора СССР от 24 мая 1978 г. на 3-х листах.
6. Заявление гр. Черкасовой — на 1 листе.
7. "Бытовой кондиционер", Руководство по эксплуатации и паспорт об установке его 1 июня 1976 г. на 23-х листах (подлинник). Копия — на 3-х листах.

Адвокат

(А. Л. Мове)

"18" января 1982 г.

Сданной жалобой я был на личном приеме у Прокурора Главного Следственного Отдела Прокуратуры СССР С. А. Салаутдинова, того самого, который отклонил жалобу Байриева. Не могу не сказать несколько теплых слов об этом человеке — Султане Алиевиче Салаутдинове (мне сдается, что он сейчас работает в качестве Прокурора Казахской республики). И не потому, что он на сей раз по-другому отнесся к разрешению жалобы. Нет! Человек тонкого ума, громадного опыта, Салаутдинов начисто был лишен напыщенного самомнения и отрешен от веры в свою безгрешность. "Ошибаться могут все, — сразу же заявил он, — все мы живые люди и от этого не застрахованы. Важно уметь исправлять ошибки".

Ни одна фраза, ни одна мысль, отраженная в жалобе, не прошли мимо его внимания. У меня создалось впечатление, что буквально с первых минут встречи у нас сложилось полное взаимопонимание. А как это важно! По совету Султана Алиевича некоторые недостаточно полно отраженные в жалобе моменты я восполнил в дополнительной жалобе. Прислал свою жалобу из Ашхабада и Ч. Б. Байриев. Очень большое участие в объективном разрешении дела принял и и. о. заместителя начальника Главного следственного Управления В. Н. Чистяков, на личном приеме у которого я так же был.

Из досье адвоката

Заместителю Генерального Прокурора СССР,
Начальнику Главного следственного Управления

товарищу О. В. Сорока

№ 15/343-78

Адвоката А. Л. Мове

г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8. Московская Областная
юридическая консультация

По делу

Байриева Чары Байриевича
(Туркменская ССР)

ЖАЛОБА (дополнительная)

В дополнение к жалобе, поданной 18 января 1982 г. на личном приеме, считаю необходимым *особо* обратить внимание на следующее:

1. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 ноября 1977 г. "Об амнистии" было постановлено *прекратить* производством все следственные дела о преступлениях, совершенных до вступления Указа в силу, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 5 лет (п. 7 Указа).

В нарушение этого предписания Закона и требований ст. 6 п. 4 УПК ТССР, прямо предусматривающей, что в подобных случаях дело *не может быть возбуждено*, ст. помощник прокурора ТССР т. Матвеев В. С. счел возможным 25 ноября 1977 г. возбудить уголовное дело по признакам совершения Байриевым Ч. Б. преступления, предусмотренного ст. 123 УК, санкция которой ниже 5 лет лишения свободы.

Очевидно, что по одному этому как Постановление о возбуждении дела, так и все последующие следственные действия и решения, вытекающие из указанного противозаконного Постановления, не могут быть признаны обоснованными и законными.

2. Известно, что прекращение дела вследствие акта об амнистии не допускается, если *обвиняемый* против этого возражает (ст. 6 УПК ТССР).

По данному делу, однако, Байриев *обвиняемым не являлся*, Постановление о привлечении его к уголовной ответственности по обвинению в совершении преступления в деле отсутствует.

Своим Постановлением о прекращении дела в силу Указа "Об амнистии" следователь *признал виновным* в совершении преступления не обвиняемого, а *свидетеля*, лишив тем самым Байриева Ч. Б. всех предоставленных обвиняемому законом *прав на защиту* (в том числе и права на обжалование указанного постановления).

Очевидно, что и по этим соображениям указанное Постановление следователя не может быть признано законным.

3. В соответствии с Конституцией СССР лицо может быть признано виновным в совершении преступления только на основании судебного *приговора*, вступившего в законную силу.

В данном случае нет не только судебного приговора, но Байриев *даже не был предан суду*.

Мало того. Своим Постановлением следователь признал виновным в совершении преступления *свидетеля*, т. е. человека, которому *даже не предъявлялось обвинение*.

О явной незаконности и необоснованности подобных действий Прокурор ТССР т. Аринин В. И. не мог не знать, поскольку в бытность его пребывания в должности Прокурора Архангельской области аналогичный случай *объявления гражданина преступником без суда* имел место в отношении доктора медицинских наук, профессора А. Ярошенко, о чем 1 ноября 1978 г. с возмущением писала "Литературная газета" (статья прилагается).

4. Поручение на ведение дела Байриева Ч. Б. было принято мною в 1978 г. В том же, 1978 г., в Прокуратуре ТССР мне была предоставлена возможность ознакомиться с указанным делом (ордер юрконсультации в деле).

Жалоба, однако, в то время не была подана, поскольку вступившим в законную силу приговором показания Волоховой были признаны достоверными, и на основании этих показаний был осужден врач Аманкулиев О.

Только после реабилитации Аманкулиева и признания, что Волохова оговорила не только его, но и целый ряд других лиц, защитой был поставлен вопрос о реабилитации Байриева Ч. Б.

Ссылка, таким образом, на то, что в течение нескольких лет Байриев не обжаловал Постановление следователя, является несостоятельной.

5. Тот факт, что в процессе следствия Волохова Л. оговорила не только Аманкулиева, который на основании ее оговора был необоснованно осужден на 10 лет лишения свободы, из которых в течение 3 лет безвинно находился под стражей, но и целый ряд других лиц (в том числе и Байриева Ч. Б.), нашел отражение:

а) В Протестах Генерального прокурора СССР т. А. М. Рекункова (см. надзорное производство Прокуратуры СССР по делу Аманкулиева Овеза — Ваш № 4 — 3374-78).

б) В Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 28 августа 1980 г. по делу Аманкулиева О.

в) В публикации в журнале "Бюллетень Верховного Суда СССР" № 6, 1981 г., стр. 6-9).

г) В очерке "Защита", опубликованном в журнале "Журналист" № 4, 1981 г., стр. 55-57 (орган Союза журналистов СССР и редакции газеты "Правда").

Подтвержен факт оговора и другими доказательствами, приведенными в жалобе, находящейся в Прокуратуре СССР.

Еще раз обращаю внимание на то, что в результате вынесения явно *противозаконного* Постановления Байриев Ч. Б. был уволен с должности зав. кафедрой Туркменского Мед. института и около 4-х лет, будучи профессором, доктором медицинских наук, член-корреспондентом АН ТССР, вынужден работать рядовым врачом-хирургом.

По изложенным соображениям прошу принятое решение *пересмотреть*.

Приложение:

1. Копия жалобы в порядке надзора на 14 листах.
2. Копия Постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 августа 1980 г. на 7 листах.

3. Приказ № 32 от 28 июня 1978 г. об увольнении Байриева с работы.
4. Ответ из Минздрава ТССР от 13 ноября 1978 г. № 5/1988-5.
5. Копия заявления гр. Капуры В. И. на имя Генерального прокурора СССР от 24 мая 1978 г. на 3-х листах.
6. Заявление гр. Черкасовой — на 1 листе.
7. "Бытовой кондиционер". Руководство по эксплуатации и паспорт об установке его 1 июня 1976 г. на 23-х листах (подлинник). Копия — на 3-х листах.
8. "Литературная газета" от 1 ноября 1978 г. (статья "Пока суд не скажет слова").
9. Журнал "Журналист" № 4, 1981 г.

Адвокат
"3" февраля 1982 г.

(А. Л. Мове)

И вновь потекли долгие дни ожиданий. Кончилась зима, прошла весна, наступило жаркое лето. В общей сложности прошло почти пол года, прежде чем поступил долгожданный ответ. Под конец даже у меня сдали нервы и 21.06.82 г. я направил в Прокуратуру СССР еще одно заявление.

Из досье адвоката

В ПРОКУРАТУРУ СССР

Адвоката А. Л. Мове
(Мособлюроконсультация)

№ 15/343-78

По делу
Байриева Ч. Б.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Свои жалобы считаю необходимым дополнить следующим:

1. 14 ноября 1977 г. на бюро ЦК КПТ обсуждался вопрос о деятельности Туркменского Мединститута.

Решением бюро Байриев был исключен из партии и освобожден от должности ректора ТГМИ. Он был оставлен на работе в должности заведующего кафедрой факультетской хирургии (см. заявление Байриева Министру здравоохранения СССР, объяснения по справке, составленной отделом ЦК КПТ и копию приказа и. о. Министра здравоохранения ТССР от 17. 11. 77 — прилагаются).

2. Через две недели после исключения из партии, 25 ноября 1977 г., в обход Указа "Об амнистии" от 7. 11. 77 г., против Байриева было возбуждено уголовное дело.

Данное дело было прекращено производством 22 мая 1978 г., о чем, однако, Байриев был поставлен в известность только через полтора месяца, т. е. 9 июля 1978 г., когда ему была направлена копия Постановления о прекращении дела (см. сообщение Прокуратуры ТССР от 9. 07. 78 г. № 3/7-АП — прилагается).

Обжаловать, таким образом, указанное Постановление в установленный законом срок Байриев возможности не имел. Тем более что Байриев по делу не являлся обвиняемым, и право на обжалование Постановления в пятидневный срок ему разъяснено не было (см. копию Постановления о прекращении дела и препроводительное письмо следователя).

3. По вопросу обжалования Постановления следователя гр. Байриев обратился в Московскую областную юридическую консультацию в ноябре м-це 1978 г., после того, как ему было отказано в восстановлении на работе в должности зав. кафедрой и разъяснено, что данный вопрос может быть разрешен только в судебном порядке (см. ответ из Минздрава ТССР от 13 ноября 1978 г. № 5/1988-5 — приложен к жалобе).

В том же 1978 г. в Прокуратуре ТССР мне была предоставлена возможность ознакомиться с указанным делом (ордер юрконсультации — в деле).

Жалоба, однако, в то время не была подана, поскольку вступившим в законную силу приговором по делу Аманкулиева показания Волоховой были признаны достоверными, и на основании этих показаний врач Аманкулиев был осужден на 10 лет лишения свободы.

Только после реабилитации Аманкулиева и признания, что Волохова оговорила не только его, но и многих других

лиц, защитой был поставлен вопрос о реабилитации Байриева.

Ссылка, таким образом, на то, что в течение длительного времени Байриев не обжаловал Постановление следователя, является несостоятельной.

4. От работы в должности ректора ТГМИ Байриев был освобожден в 1963 г. не за неразборчивость в подборе кадров и т. п. (как значится в характеристике — т. 2 л. д. 189), а в связи с переходом на другую работу (см. прилагаемую копию приказа Министра здравоохранения ТССР от 22 февраля 1963 г.). Вместо Байриева на должность ректора ТГМИ был назначен б. министром здравоохранения ТССР Непесов, который с работой в институте не справился, за что был подвергнут резкой критике и в 1969 г. снят с работы (см. статью "По касательной" — "Медицинская газета" от 28.03.69 г., стр. 3 — копия прилагается).

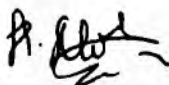
С 1970 г. ректором ТГМИ был вновь назначен Байриев Ч. Б., который и проработал в этой должности до 16. 11. 77 г.

Все вышеуказанные обстоятельства прошу принять во внимание при разрешении жалоб, поданных в Прокуратуру СССР.

Приложение:

1. Заявление Байриева Ч. Б. Министру здравоохранения СССР от 25. 11. 77 г.
2. Объяснение Байриева по справке ЦК КПТ — на 14 листах.
3. Копия приказа Министра здравоохранения ТССР от 22. 02. 63 г.
4. Копия приказа от 16. 11. 77 г.
5. Копия статьи в "Медицинской газете" от 28. 03. 69 г., "По касательной". 6. Сообщение Прокуратуры ТССР от 9. 07. 78 г. № 3/9-АП.

Адвокат

(А. Л. Мове)

"21" июня 1982 г.

Наконец, это было уже где-то в начале июля 1982 г., поступил долгожданный ответ из Прокуратуры СССР.

Документы

г. Ашхабад
ул. Малменеса, 37
гр. Байриеву Ч.Б.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

119793, Москва, К-8, Пушкинская, 18-я

21.06.82 № 15/343-78

В связи с Вашим заявлением в Прокуратуре Союза ССР, прекращенное в связи с Указом ПВС СССР от 4 ноября 1977 г., уголовное дело в отношении Вас проверено.

Принятое по делу решение отменено и дело направлено в прокуратуру Туркменской ССР для производства дополнительного расследования, в ходе которого будут проверены Ваши доводы.

И. о. заместителя начальника
Главного следственного
управления
старший советник юстиции

В. Н. Чистяков

УТВЕРЖДАЮ

И. о. заместителя начальника
главного следственного управ-
вления

старший советник юстиции
В. Н. Чистяков

14. 06. 82

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Москва

24 июня 1982 г.

Прокурор главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР младший советник юстиции Салаутдинов С. А., рассмотрев материалы прекращенного в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 ноября

1977 года "Об амнистии в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции" уголовного дела в отношении Байриева Ч. Б.,

Установил:

25 ноября 1977 года старшим помощником прокурора Туркменской ССР по надзору за следствием в органах государственной безопасности советником юстиции Матвеевым В. С. было возбуждено уголовное дело № 13 по признакам ст. 123 УК ТССР на основании материала проверки заявлений ряда студенток Туркменского государственного медицинского института о злоупотреблениях преподавателей и руководителей кафедр учебного заведения, в частности о понуждении их к вступлению в половую связь.

В процессе расследования данного уголовного дела, проведенного следователем по особо важным делам при прокуратуре республики, юристом 1-го класса Ивановым В. И., было установлено, что Байриев Ч. Б., работая ректором Туркменского мединститута, использовал свое служебное положение вопреки интересам службы и понуждал бывших студенток Черкасову Н. С. и Волохову Л. И. к вступлению с ним в половую связь. Он же, злоупотребляя своим служебным положением из личных побуждений, нарушил требования о соблюдении объективности в конкурсном отборе абитуриентов при приеме в ВУЗ гр-ки Капура, тем самым лишив возможности поступления в институт лиц, имеющих более глубокие знания, причинив существенный вред общественным и личным интересам граждан.

22 мая 1978 г. в связи с наличием у гр. Байриева Ч. Б. правительственных наград, постановлением следователя по особо важным делам при прокуратуре Туркменской ССР т. Ивановым В. И., с согласия заместителя прокурора республики т. Путимцева В. Т. уголовное дело в отношении Байриева было прекращено по упомянутому Указу Президиума Верховного Совета СССР от 04. 11. 77 "Об амнистии".

Указанное постановление вынесено необоснованно и подлежит отмене по следующим основаниям:

Изучением уголовного дела в Прокуратуре Союза ССР установлено, что Байриев Ч. Б., в отношении которого уголовное дело прекращено по нереабилитирующим обстоятельствам, участвовал в уголовном процессе в качестве

свидетеля. Несмотря на наличие доказательств о совершении Байриевым инкриминируемых ему преступлений, обвинение ему не предъявлялось.

Прекращение уголовного дела в отношении Байриева Ч. Б. на основании п. 4 ст. 6 УПК ТССР, ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 04. 11. 77 без предъявления обвинения лицу, совершившему преступление, противоречит закону.

В указанных нормах речь идет о возможности прекращения дальнейшего производством уголовного дела в отношении лица, виновного в совершении преступления, т. е. об обвиняемом, а не о каком-либо другом участнике процесса.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 29 Закона Союза Советских Социалистических республик о прокуратуре СССР,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Постановление следователя по особо важным делам при прокуроре Туркменской ССР Иванова В. И. о прекращении уголовного дела № 13 в отношении Байриева Ч. Б. отменить.

2. Дело для производства дополнительного расследования направить в прокуратуру Туркменской ССР.

Прокурор главного следственного
управления младший советник
юстиции

С. А. Салаутдинов

Итак, мы добились главного! Постановление о прекращении дела по “амнистии”, то самое, в котором Байриев назван преступником, *отменено*. Отменено через 4 года после его вынесения. И хотя дело полностью не прекращено, о чем мы просили в жалобах, предстоит следствие, однако, появляется надежда, что в процессе дополнительного расследования дело будет прекращено полностью и прекращено по реабилитирующим основаниям.

Наступил следующий этап работы — участие адвоката в дополнительном расследовании дела Байриева.

Впрочем, следствие было достаточно быстрым и скорым. Прекратив дело по факту злоупотребления Байриевым своим служебным положением (ст. 191 ч. 1 УК ТССР), следователь прокуратуры ТССР

Рябусова Н. А. предъявила Байриеву обвинение по ст. 123 УК ТССР (понуждение к вступлению в половую связь) и затем прекратила дело производством за истечением сроков давности.

Документы

Туркменская ССР
ПРОКУРАТУРА ССР
ПРОКУРАТУРА
Туркменской ССР

Э. 03. 83г. № 18/13

г. Ашхабад

г-ну Байриеву Ч. Б., прож.
гор. Ашхабад, ул. Молланепеса,
дом 37

Сообщаю, что материалы уголовного дела по эпизоду злоупотребления Вами служебным положением при приеме Казуры В.И. в институт прекращены за недоказанностью Вашего участия в совершении преступления, то есть на основании ст. 216п.2 УПК ТССР. Постановление о прекращении может быть обжаловано прокурору ТССР в течение пяти суток с момента уведомления о прекращении данного эпизода. Ст. следователь по особо важным делам при Прокуратуре ТССР юрист I класса

И. Рябусова
И. Рябусова

"13" марта 1983 г.

Утверждаю

Прокурор Туркменской ССР
государственный советник
юстиции 2 класса

В. И. Аринин

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о прекращении уголовного дела

г. Ашхабад

11 марта 1983 года

Ст. следователь по особо важным делам при прокуратуре ТССР юрист 1 класса Рябусова Н. А., рассмотрев материалы уголовного дела № 13,

Установила:

25 ноября 1977 года прокуратурой Туркменской ССР было возбуждено уголовное дело № 13 по признакам ст. 123 УК ТССР. Основанием для принятия такого решения послужили материалы проверки заявлений ряда студенток Туркменского государственного медицинского института о злоупотреблениях ряда преподавателей и руководителей кафедр учебного заведения, в частности, принуждении их к вступлению в половую связь. (т. 1 л. д. 1)

В ходе расследования было установлено, что Байриев Ч. Б., работая ректором Туркменского мединститута, использовал свое положение вопреки интересам службы, понуждал студенток Черкасову Н. С. и Волохову Л. И. к вступлению с ним в половую связь. Он же, злоупотребляя своим служебным положением, из личных побуждений, нарушил требования объективности конкурсного отбора абитуриентов при приеме в ВУЗ Капуры В. И., чем лишил возможности поступления в институт лиц, имеющих более глубокие знания, то есть причинил существенный вред личным интересам граждан.

23 мая 1978 г. в виду наличия у Байриева Ч. Б. правительственных наград уголовное дело в отношении него было прекращено в соответствии со ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 ноября 1977 года "Об амнистии в связи с Великой Октябрьской социалистической революцией". В ходе следствия обвинение Байриеву Ч. Б. не было предъявлено. (т. 3 л. д. 1-2)

24 июня 1982 года Прокуратурой СССР постановление о прекращении уголовного дела в отношении Байриева Ч. Б. было отменено, так как прекращение дела по вышеуказанным основаниям допустимо только в отношении обвиняемого. (т. 3 л. д. 1-2)

При дополнительном расследовании материалы уголовного дела по эпизоду злоупотребления Байриева Ч. Б. своим служебным положением при приеме Капуры В. И. в Туркменский государственный медицинский институт прекращены 25 февраля 1983 года за недоказанностью участия Байриева Ч. Б. в совершении преступления, то есть в соответствии со ст. 216 п. 2 УПК ТССР. (т. 3 л. д. 165-167)

3 марта 1983 года Байриеву Ч. Б. предъявлено обвинение в том, что он, работая с 1970 по 1977 год в должности

ректора Туркменского государственного медицинского института и будучи призванным вести на высоком идейном уровне педагогическую и воспитательную работу среди студентов, понуждал находящихся от него в зависимом положении студенток мединститута вступить с ним в половую связь.

Так, Байриев Ч. Б., заведывая кафедрой факультетской хирургии Туркменского государственного медицинского института, расположенной в Республиканской клинической больнице им. Н. И. Пирогова в г. Ашхабаде и находясь там на лечении, злоупотребляя своим служебным положением, понудил студентку Черкасову Н. С. во время ее ночных дежурств, в декабре 1972 — январе 1973 года, вступить с ним 5 раз в половую связь.

В октябре 1974 года, во время хлопкоуборочной компании в штабе студенческого отряда Туркменского государственного медицинского института, расположенного в гостинице совхоза "Теджен" Тедженского района, Байриев Ч. Б., являясь начальником штаба, злоупотребляя своим служебным положением, угрожая исполняющей обязанности секретаря штаба, студентке 1-го курса Волоховой Л. И. исключением из мединститута, понудил ее 4 раза вступить с ним в половую связь.

Летом 1975 года, он, злоупотребляя своим служебным положением, пригласил ту же студентку Волохову Л. И. к себе домой по адресу: г. Ашхабад, ул. Молла-Непеса, д. 37, и понудил ее вновь вступить с ним в половую связь, то есть Байриев Ч. Б. совершил преступление, предусмотренное ст. 123 УК ТССР. (т. 3 л. д. 171-172)

Байриев Ч. Б. отрицает половую связь с Черкасовой Н. С. и Волоховой Л. И., посещение последней его дома. Заявляет, что в штабе совместно с Волоховой Л. И. находился лишь один день. (т. 3 л. д. 112-114, 147-150, 173-174)

Наличие в действиях Байриева Ч. Б. состава преступления, предусмотренного ст. 123 УК ТССР, подтверждается следующими доказательствами.

Черкасова Н. С. на допросах показала, что Байриев Ч. Б., являясь ректором Туркменского государственного медицинского института, заведывая кафедрой факультетской хирургии в Республиканской клинической больнице им. Н. И. Пирогова и находясь там на лечении, в декабре 1972 — январе 1973 года, зная ее как студентку мединститута, во

время ее ночных дежурств, вступил с ней раз 5 в половую связь. Боязнь не закончить институт и быть исключенной из числа студентов вынуждала ее идти на интимную связь с ним. (т. 2 л. д. 45-49, т. 3 л. д. 106-107)

Свидетели Казимова С. А. и Акмередов С. подтвердили факт пребывания Байриева Ч. Б. зимой 1972 — 1973 года, во время болезни, в своем служебном кабинете и то обстоятельство, что уход за ним осуществляла студентка медицинского института Черкасова Н. С., работавшая там постовой медсестрой. (т. 2 л. д. 52-53, 185)

Волохова Л. И. в своих показаниях заявила, что во время хлопкоуборочной компании 1974 года она была переведена в штаб студенческого отряда, который возглавляли ректор медицинского института Байриев Ч. Б. и преподаватель Аллабердыев Б. Б. Штаб располагался в гостинице совхоза "Теджен". В одну из ночей, в отсутствие Аллабердыева Б. Б., Байриев Ч. Б. понудил ее вступить с ним в половую связь. Всего, находясь на уборке хлопка, с Байриевым Ч. Б. в интимной связи была раза четыре. В 1975 году, в период летней сессии, он пригласил ее к себе домой в ночное время и также совершил с ней половой акт. (т. 1 л. д. 1-87, т. 2 л. д. 199-203, т. 3 л. д. 102-103, 122-126, 127-128, 137-141).

Объясняя причину согласия на связь с Байриевым Ч. Б., Волохова Л. И. пояснила: "В начале наших интимных отношений, на хлопке, ректор говорил, что если я подумаю на него жаловаться, то останусь за бортом института и мне все равно никто не поверит, а если буду умницей и не стану поднимать шума, то успешно закончу институт". (т. 1 л. д. 113)

Свои показания Волохова Л. И. подтвердила на очной ставке с Байриевым Ч. Б. (т. 3 л. д. 154-157)

Факт пребывания Волоховой Л. И. в штабе студенческого отряда в гостинице совхоза "Теджен" в течение 10-15 дней совместно с Байриевым Ч. Б. (а не в течение 1 дня, как утверждает последний) подтверждается показаниями заведующей гостиницей Арнаовезовой Л. И., водителя Оразмухамедова Ш., студентки Богдановой Н. С., преподавателя Кербабаева Б. (т. 1 л. д. 133, 138-139, т. 3 л. д. 129-130, 151-152, 153, 176-177)

Пребывание Волоховой Л. И. в доме Байриева Ч. Б. подтверждается ее показаниями и протоколом осмотра вышеуказанного дома и дворовых построек. Волохова Л. И.

при допросе подробно описала расположение дворовых построек, планировку и меблировку квартиры Байриева Ч. Б., в том числе расположение мебели в различных помещениях дома (столовой, спальни комнаты, кухни), места хранения постельного белья, кафельную отделку отдельно стоящего помещения бани, наличие и место расположение в ней стиральной машины и другие детали. (т. 1 л. д. 111-119, 128-132)

Однако учитывая, что совершенное Байриевым Ч. Б. преступление по закону наказывается лишением свободы до трех лет, а с момента его совершения прошло свыше пяти лет, то есть истек предусмотренный ст. 47 УК Туркменской ССР срок давности привлечения к уголовной ответственности, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 216 и п. 3 ч. 1 ст. 6 УПК Туркменской ССР,

Постановила:

1. Прекратить уголовное дело по обвинению Байриева Чары Байриевича, 1922 года рождения, в преступлении, предусмотренном ст. 123 УК ТССР, за истечением сроков давности, то есть на основании п. 3 ч. 1 ст. 6 УПК Туркменской ССР.
2. Избранную в отношении Байриева Ч. Б. меру пресечения — подписку о невыезде отменить.
3. О принятом решении уведомить заинтересованных лиц.

Ст. следователь по особо важным делам при прокуроре ТССР юрист 1 класса

Н. А. Рябусова

Согласен

Начальник следственного управления прокуратуры ТССР старший советник юстиции

Б. Л. Кадер

Еще до вынесения этого постановления Байриевым было направлено в адрес Прокурора ТССР Харченко А. А. составленное мною ходатайство.

В дополнительной жалобе Байриев категорически возражал против прекращения дела за давностью и настаивал на передаче дела в суд.

ПРОКУРОРУ ТУРКМЕНСКОЙ ССР А. А. ХАРЧЕНКО

Копия: ст. следователю Прокуратуры ТССР т. Н. А.
Рябусовой

От Байриева Чары
Байриевича, обв. по ст.
123 УК ТССР

ХОДАТАЙСТВО

25. 11. 77 г., в обход Указа "Об амнистии" от 4. 11. 77 г., в отношении меня было искусственно, с нарушением ст. 124 УПК ТССР, возбуждено уголовное дело по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 123 УК ТССР.

В дальнейшем, 22. 05. 78 г. данное дело было производством прекращено на основании Указа "Об амнистии" от 4. 11. 77 г. Но при этом, невзирая на то, что я являлся по делу *свидетелем*, в Постановлении о прекращении дела, было указано о совершении мною преступления (т. 2 л. д. 194).

В связи с явной незаконностью такого Постановления 24. 06. 82 г. Главным следственным Управлением Прокуратуры СССР оно было отменено (т. 3 л. д. 1-2).

Вместо того, чтобы после этого в соответствии с требованиями ст. 126 УПК ТССР немедленно, надлежащим образом, прекратить производство по делу на основании Указа "Об амнистии", следователь почти *через пять лет после опубликования Указа "Об амнистии" и по истечении всех сроков давности*, установленных ст. 47 УК ТССР, 26. 08. 82 г., вынес постановление о привлечении меня к уголовной ответственности (т. 3 л. д. 110) и продолжил производство по делу, проведя целый ряд других следственных действий (см. т. 3).

Все эти действия следователя, равно, как и Постановление о привлечении меня к уголовной ответственности, являются противозаконными, полностью игнорирующими Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об амнистии" от 4. 11. 77 г., требования ст. 6 п. 4 УПК ТССР и ст. 47 УК ТССР.

По изложенным соображениям и на основании ст. 219 п. 5 УПК ТССР прошу искусственно возбужденное в отношении меня дело прекратить производством в связи с *незаконностью его возбуждения и привлечения меня к уголовной ответственности*, в обход Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4. 11. 77 г. "Об амнистии" и требований ст. 47 УК ТССР (за истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности).

Прошу при этом учесть, что я всегда категорически отрицал и отрицаю сейчас все те грязные и нелепые обвинения, которые выдвинуты против меня и которые позорят меня и всю мою семью.

(Байриев Ч. Б.)

"4" марта 1983 г.

Прокурору Туркменской
ССР т. Арину В. И.

от профессора Байриева Ч.Б.

ЖАЛОБА

Несмотря на мое категорическое возражение против прекращения моего дела за истечением сроков давности или по указу "Об амнистии" следователь Рябусова Н. А. 17 марта 1983 года вынесла постановление о прекращении дела за истечением сроков давности.

Настоящим еще раз заявляю, что против прекращения дела за истечением сроков давности я возражаю и в том случае, если дело не будет прекращено за моей невиновностью и с меня не будут сняты грязные обвинения, позорящие меня и всю мою семью, прошу отменить постановление следователя т. Рябусовой Н. А. от 17 марта 1983 года и передать дело на рассмотрение в суд.

Учитывая явную предвзятость и необъективность, проявленные по отношению ко мне отдельными работниками органов ТССР, прошу передать дело на рассмотрение в суд любой другой республики.

Заявляю ходатайство о том, чтобы до направления дела в суд свидетель Волохова Л. И. в связи с самыми серьез-

ными сомнениями в ее психической полноценности была направлена на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в институт судебной психиатрии им. Сербского (г. Москва).

Одновременно прошу выслать мне копию постановления следователя т. Рябусовой Н. А. от 17 марта 1983 года.

Байриев Ч. Б.

21 марта 1983 г.

В связи с отклонением ходатайства и жалобы Байриева Прокуратурой ТССР 30 марта 1983 г. мною была составлена жалобы на имя Заместителя Генерального Прокурора СССР, с которой я был на личном приеме в Прокуратуре СССР.

Из досье адвоката

**ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
т. О. В. Сорока**

№ 15/343 — 78

Адвоката А. Л. Мове,

г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8 Мособлюрконсультация

По делу

Байриева Чары Байриевича,
обв. по ст. 123 УК ТССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

Обстоятельства заставляют меня обратиться лично к Вам и просить Вашего личного вмешательства по пресечению беззакония, которое допускается в отношении б. ректора Ашхабадского мединститута, видного ученого, профессора, Член-корреспондента Академии Наук ТССР, награжденного орденами Ленина, "Трудового Красного Знамени", "Знак Почета" и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ТССР (т. 2 л. д. 189).

Прошу *истребовать* из Прокуратуры ТССР настоящее дело и проверить *законность его возбуждения и привлечения Байриева к уголовной ответственности*.

При этом прошу принять во внимание следующее:

1. Заведомо зная о том, что при наличии обстоятельств, *исключающих производство по делу* (ст. 6 п. 4 УПК ТССР), следователь, прокурор обязаны в соответствии со ст. 124 УПК вынести Постановление об *отказе в возбуждении дела*, ст. помощник прокурора ТССР т. Матвеев 25. 11. 77 г., в обход Указа Президиума Верховного Совета СССР "Об амнистии" от 4. 11. 77 г., вынес постановление о возбуждении в отношении Байриева уголовного дела по ст. 123 УК ТССР.

После этого, в течение 6-ти месяцев, следователь Прокуратуры ТССР *незаконно* вел следствие по указанному *искусственно* созданному делу, которое завершил 28 мая 1978 г. вынесением Постановления о прекращении дела по Указу "Об амнистии". При этом, невзирая на то, что Байриев Ч. Б. не являлся обвиняемым, а был лишь свидетелем, следователь в своем Постановлении сослался на то, что Байриев совершил преступление, предусмотренное ст. 123 УК ТССР.

Вынесение подобного *противозаконного* Постановления по *искусственно* созданному делу привело к тому, что по представлению следователя Байриев был уволен с работы, с должности Зав. кафедрой факультетской хирургии Ашхабадского Медицинского института.

2. В связи с явной незаконностью Постановления следователя Иванова, 24. 06. 82 г. оно было отменено Главным следственным Управлением Прокуратуры СССР (т. 3 л. д. 1-2).

Вместо того, чтобы после этого в точном соответствии с требованиями ст. 126 УПК ТССР и Указом "Об амнистии" от 4. 1. 77 г. *немедленно* прекратить производство по делу, незаконно возбужденному по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 123 УПК ТССР, следователь Прокуратуры ТССР *продолжил* производство по делу, проведя целый ряд следственных действий (т. 3) и 26. 08. 82 г., через 5 лет после провозглашения Указа "Об амнистии" и по истечении всех сроков давности, установленных ст. 47 УК ТССР, вынес *Постановление о привлечении Байриева к уголовной ответственности* по ст. 123 УК ТССР, по фактам 9-11 летней давности (т. 3 л. д. 110).

Законное ходатайство защиты об отмене указанного явно незаконного Постановления следователя руководством Прокуратуры ТССР оставлено без удовлетворения.

По изложенным соображениям и на основании ст. 31 Основ уголовного судопроизводства, в порядке надзора за исполнением законов при производстве следствия, прошу Вас *истребовать* настоящее искусственно возбужденное дело и *отменить* незаконное Постановление следователя от 26. 08. 82 г. о привлечении Байриева Ч. Б. к уголовной ответственности с прекращением дела производством.

Адвокат

(А. Л. Мове)

"30" марта 1983 года

Наряду с этой жалобой на личном приеме в Прокуратуре СССР мною была подана еще одна жалоба.

Из досье адвоката

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
т. О. В. Сорока

Адвоката А. Л. Мове

№ 15/343-78

и

№ 4-3374-78

г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8 Московская областная
юридическая консультация

По делу

Байриева Чары Байриевича,
обв. по ст. 123 УК Туркмен-
ской ССР

ЖАЛОБА

В июне м-це 1982 г. Главным следственным Управлением прокуратуры СССР было отменено незаконное Постановление следователя т. Иванова В. И. от 22 мая 1978 г., которым уголовное дело в отношении Байриева Ч. Б. было производством прекращено на основании Указа "Об амни-

стии" от 4. 11. 77 г., и дело направлено на *дополнительное расследование*.

Хотя никаких дополнительных доказательств вины Байриева в процессе доследования добыто не было, следователь Прокуратуры ТССР т. Рябусова Н. А. вынесла 17 марта 1983 г. Постановление о прекращении дела в отношении Байриева за *истечением сроков давности*, сославшись в этом Постановлении на то, что Байриев в 1972 и 1974 гг. понуждал к сожительству студенток Волохову и Черкасову, т. е. совершил преступление, предусмотренное ст. 123 УК ТССР.

Против прекращения дела за истечением сроков давности или по Указу "Об амнистии" Байриев Ч. Б. категорически возражает и обратился к Прокурору ТССР с жалобой, в которой просил отменить указанное Постановление следователя и передать дело на рассмотрение в суд.

С учетом явной тенденциозности и необъективности, проявленной по отношению к нему отдельными работниками органов ТССР Байриев настаивает на направление дела в суд любой другой (кроме ТССР) республики.

Считаю своим долгом обратить Ваше внимание на то, что никаких объективных доказательств вины Байриева в деле не имеется и передача этого дела в суд (по фактам 9-11 летней давности), сама по себе является свидетельством явной предвзятости и тенденциозности, проявляемых по отношению к б. ректору Ашхабадского мед. института, видному ученому, профессору, Член-корреспонденту Академии Наук ТССР.

Никакой судебной перспективы в настоящее время это дело не имеет, в чем несложно убедиться...

Далее следовало изложение доводов, опровергающих обвинение. Тех самых, которые были приведены в ранее принесенной жалобе (см. выше — А. М.)

Заканчивал же я свою жалобу следующим:

Все изложенное заставляет меня обратиться лично к Вам с просьбой *предотвратить беззаконие*.

Прошу истребовать из Прокуратуры ТССР указанное дело и самым тщательным образом проверить обоснованность привлечения проф. Байриева Ч. Б. к уголовной ответственности.

В случае необоснованного возбуждения дела прошу прекратить его за отсутствием события преступления.

Для полной и всесторонней проверки доводов жалобы прошу истребовать так же из Ашхабадского облсуда дело по обвинению Волоховой Лидии Ильиничны и других (осуждены Приговором от 3 октября 1977 г.) и принять во внимание данные, содержащиеся в наблюдательном производстве № 4-3374-78.

Приложение:

1. Копия Постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 августа 1980 г. на 7 листах.
2. Публикация в Бюллетене "Верховного суда СССР" № 6, 1981 г. — на 3-х листах.
3. Очерк "Защита" — журнал "Журналист" № 4, 1981 г. (издание газеты "Правда" и Союза журналистов СССР).
4. Руководство по эксплуатации кондиционера (копия) — на 4-х листах.

Адвокат

"30" марта 1983 г.

(А. Л. Мове)

Документ

ПРОКУРАТУРА СОВОЗА ССР

103793, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

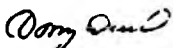
30.03.83. № 15/343-78

г. Москва, Баррикадная ул., Д. 8-в,
Московская областная юридическая
консультация
адвокату Мове А. Л.

Ваша жалоба, поданная на личном приеме в Прокуратуре Союза ССР, направлена прокурору Туршменовой ССР для проверки с указанием руководства.

О результатах поручено Вам сообщить.

Прокурор Главного
следственного управления

С. А. Салаутдинов

В соответствии с указаниями Прокуратуры СССР следователь Рябусова Н. А. продолжила расследование, которое завершила вынесением определения о прекращении дела за истечением сроков давности.

После ознакомления с делом мною было вновь заявлено ходатайство, которое на сей раз было следователем удовлетворено частично.

Из досье адвоката

**Старшему следователю по особо важным делам
при Прокуратуре ТССР тов. Рябусовой Н. А.**

адвоката Мове А. Л.

по делу

**Байриева Ч. Б. обвиняемого
по ст. 123 УК ТССР.**

ХОДАТАЙСТВО

Ознакомившись в порядке ст. 209 УПК ТССР с указанным делом, считаю необходимым заявить следующее ходатайство:

1. Полагаю, что Байриев Ч. Б. необоснованно привлечен к уголовной ответственности по ст. 123 УК ТССР. Мотивы несостоятельности обвинения Байриева Ч. Б. подробно изложены в приобщенной к делу жалобе от 28 марта 1983 г., поданной в Прокуратуру СССР (т. 3 л. д. 213-223). В процессе дополнительного расследования не только не добыто никаких дополнительных доказательств вины Байриева, а, наоборот, в деле появилась целая серия противоулик, свидетельствующих о невинности Байриева Ч. Б.

Представляется, что при таких обстоятельствах привлечение Байриева Ч. Б. к уголовной ответственности и направление дела в суд (по фактам 9 — 11-летней давности) вряд ли могут быть расценены иначе, как проявление очевидной предвзятости и тенденциозности по отношению к видному ученому, профессору, член-корреспонденту Академии наук ТССР, автору 80-ти научных работ и моногра-

фий, награжденному орденами Ленина, "Трудового Красного Знамени", "Знак Почета" и другими медалями и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ТССР (т. 2 л. д. 189; т. 3 л. д. 184).

По изложенным соображениям прошу настоящее дело прекратить производством за отсутствием события преступления (п. 1 ст. 6 УПК ТССР).

II. В случае отклонения ходатайства, изложенного в разделе I, прошу направить потерпевшую Волохову на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу.

Мотивы изложены в жалобе (дополнительной) от 28 марта 1983 г., приобщенной к делу, поданной в Прокуратуру СССР (т. 3 л. д. 224-231).

Учитывая, что оспариваемое амбулаторное заключение психиатрической экспертизы, проводилось комиссией в составе пяти экспертов — работников Республиканской психиатрической больницы № 1 во главе с главврачем больницы, а также с учетом доводов, изложенных в ходатайстве обвиняемого Байриева Ч. Б., прошу, с целью обеспечения полной объективности и беспристрастности, направить Волохову на судебно-психиатрическую экспертизу в НИИ судебной психиатрии им. Сербского (г. Москва).

III. В связи с тем, что мои жалобы от 28 марта 1983 г. в адрес заместителя Генерального прокурора СССР т. Сорока О. В. переданы для проверки, с указанием руководства, в Прокуратуру ТССР и разрешение этих жалоб невозможно без тщательной проверки и анализа следствием и судом многочисленных документов, содержащихся в деле по обвинению Волоховой Л. И., прошу приобщить к настоящему делу копии и выписки всех материалов из дела Волоховой, на которые имеется ссылка в моих жалобах в Прокуратуру СССР (т. 3 л. д. 213-223-231).

Адвокат:

Мове А. Л.

13 апреля 1983 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о частичном удовлетворении ходатайства
защитника

г. Ашхабад

15 апреля 1983 г.

Ст. следователь по особо важным делам при Прокуроре ТССР юрист 1 класса Рябусова Н. А., рассмотрев материалы уголовного дела № 13,

Установила:

Байриев Ч. Б. обвиняется в том, что он, работая ректором Туркменского государственного медицинского института и будучи призванным вести на высоком идейном уровне педагогическую и воспитательную работу среди студентов, в 1972-1975 гг. неоднократно понуждал находящихся от него в зависимом положении студенток мединститута Черкасову Н. С. и Волохову Л. И. вступать с ним в половую связь.

После окончания предварительного следствия и ознакомления с материалами дела в порядке ст. ст. 209-211 УПК ТССР защитник обвиняемого адвокат Мове А. Л. заявил ряд ходатайств.

Так, он заявил ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Байриева Ч. Б. за отсутствием события преступления, то есть на основании ст. 6 п. 1 УПК ТССР.

Заявленное ходатайство удовлетворению не подлежит. Вина Байриева в совершении преступления, предусмотренного ст. 123 УК ТССР, доказана и подтверждается показаниями потерпевших Черкасовой, Волоховой, свидетелей Казимовой, Акмередова, Арнаовезовой, Оразмухамедова, Богдановой и другими материалами уголовного дела.

Кроме этого, адвокат, в случае отклонения указанного выше ходатайства, просит направить Волохову на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в ЦНИИ судебной психиатрии им. Сербского в г. Москву.

Оценивая все обстоятельства настоящего дела и особенности ранее совершенного Волоховой преступления, в целях объективности и полноты исследования личности

потерпевшей целесообразно направить Волохову на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Республиканскую психиатрическую больницу Минздрава ТССР. Без наличия такого заключения нельзя делать преждевременный вывод о его необъективности и назначать экспертизу в ЦНИИ судебной психиатрии им. проф. Сербского.

Кроме того, адвокат заявил ходатайство о приобщении к настоящему делу копий и выписок всех материалов из дела по обвинению Волоховой, на которые имеется ссылка в его жалобах в прокуратуру Союза ССР.

В настоящем деле имеются соответствующие копии и выписки из уголовного дела по обвинению Волоховой. Адвокат в жалобах ссылается на материалы, касающиеся поведения Волоховой в связи с совершенными ею преступлениями и имеющие значение при назначении стационарной судебно-психиатрической экспертизы. А так как экспертам будет представлено в полном объеме уголовное дело по обвинению Волоховой, то нет необходимости в приобщении дополнительных копий и выписок из этого дела.

С учетом изложенного, руководствуясь ст. ст. 212, 153 УПК ТССР,

Постановила:

1. В удовлетворении ходатайств защитника обвиняемого Байриева Ч. Б. адвоката Мове А. Л. о прекращении настоящего дела и приобщении копий и выписок из уголовного дела по обвинению Волоховой — отказать.

2. Ходатайство адвоката Мове А. Л. о назначении Волоховой стационарной судебно-психиатрической экспертизы удовлетворить. Производство экспертизы поручить врачам Республиканской психиатрической больницы Минздрава ТССР, отказав в ходатайстве адвокату о проведении экспертизы в ЦНИИ судебной психиатрии им. проф. Сербского.

3. С настоящим постановлением ознакомить адвоката Мове.

Ст. следователь по особо важным
делам при Прокуратуре Туркменской
ССР юрист 1 класса

Н. А. Рябусова

Надо сказать, что с самого начала я был убежден в том, что Волохова не будет направлена на экспертизу в Институт им. Сербского (г. Москва), хотя для этого имелись все основания. Ведь в случае признания Волоховой психически больной, неизменяемой, рушились все обвинения и не только лично в отношении нее, но и в отношении всех других, которых она оговорила и, в частности, в отношении Байриева. Это автоматически должно было повлечь восстановление Байриева во всех его правах и должностях, а, следовательно, и необходимость увольнения с этих должностей тех, кто уже там вольготно расположился. Могли ли в Туркмении допустить возможность подобного оборота дела? Конечно нет, и поэтому Волохова, вопреки всем и вся, направляется на судебно-психиатрическое обследование в руки "своих" врачей. Предвидеть результат такой экспертизы было нетрудно.

Документ

А К Т

стационарной судебно-психиатрической экспертизы за № 576 от 8 июня 1983 года, на испытуемую Волохову Лидию Ильиничну, 1954 года рождения, осужденную по ст. 106 п. 1, 4, 9, 121 ч. 2 УК СССР

Судебно-психиатрическое освидетельствование произвела судебно-психиатрическая экспертная комиссия при РПКБ МЗ СССР с участием психиатра ВНИИ общей судебной психиатрии им. Сербского, кандидата медицинских наук Завидовской Г. И., председателя комиссии — и. о. главврача РПКБ МЗ СССР — Наубатова Х. В., членов комиссии: Башкатовой Ф. А., Кафтанкиной Ю. Г., на основании постановления ст. следователя по особо важным делам при Прокуроре СССР, юриста 1 класса Рябусовой Н. А. от 21 апреля 1983 года.

На судебно-психиатрическую экспертизу испытуемая направлена для решения вопросов — не страдала ли и не страдает ли Волохова Л. И. психическим заболеванием, если страдает, то могла ли она правильно понимать происходившее в 1974-1975 г. г. с ней события и может ли давать показания о них?

Из анамнестических сведений со слов испытуемой и материалов дела известно, что родилась в Смоленске, в наследственно неотягощенной семье, первым по счету ребенком. Отец был военнослужащим, мать — педагог. Родители расторгли брак, когда испытуемой было 8 лет, воспитывалась матерью. Детство протекало без особенностей, росла и

развивалась правильно. Из перенесенных заболеваний отмечает корь, частые ангины в 1970 году — ревматизм, по поводу чего лечилась стационарно в областной больнице г. Ташауза. В том же году травма головы с потерей сознания. Половая жизнь с 20 лет. Беременность — 1 медаборт. Вторая — закончилась внематочной беременностью, третья беременность закончилась родами. Ребенок умер от менингоэнцефалита до года, четвертая беременность закончилась родами. Ребенок воспитывался в Ташаузском детдоме. В настоящее время беременна, беременность подтверждена осмотром гинеколога 12-13 недель. В школу пошла с 8 лет, училась хорошо. По окончании 8 классов поступила в Ташаузское медучилище. Одновременно училась в вечерней школе. Окончив 10 классов, продолжать учебу в медучилище считала нецелесообразным, решила поступить в мединститут. Училась на 4-5. Увлекалась велоспортом, участвовала в студенческих кружках, делала научные рефераты, выступала на клинических конференциях, выполняла общественные поручения, была профгором группы. Из студенческой характеристики известно, что испытуемая принимала активное участие в студенческих научных кружках по физике, физиологии, философии, микробиологии. Училась на хорошо и отлично. На первом курсе приказом ректора № 124 от 27 июня 1975 г. был объявлен выговор с занесением в личное дело, за нарушение внутреннего распорядка общежития. За время обучения в институте имелось два рапорта с кафедры физвоспитания по поводу пропусков занятий. На втором курсе, на совете общежития обсуждался вопрос о нарушении внутреннего распорядка, после чего ушла на квартиру. В 1976 году вышла замуж. В этом же году утопила свою свекровь в ванне. Преступление осталось нераскрытым. Труп был захоронен без вскрытия. В апреле 1977 года отравила своего мужа и свекра. В 1977 году прошла амбулаторный СПЭК, была психически здорова, вменяема. Судима в 1977 году по ст. 106 к 15 годам лишения свободы. Срок отбывала в Ташаузской зоне.

Следствием установлено, что в октябре 1974 года во время хлопкоуборочной кампании, в штабе студенческого отряда Туркменского государственного мединститута, расположенного в гостинице совхоза "Теджен" Тедженского района, ректор института Байриев Ч. Б., являясь начальником штаба, злоупотребляя своим служебным положением, угрожая исполняющей обязанности секретаря штаба студентке 1 курса Волоховой Л. И. исключением из мединститута, четырежды понуждал ее вступить с ним в половую связь.

Физический статус: испытываемая правильного телосложения, кожные покровы чистые. В области правой подвздошной области послеоперационный рубец, в легких везикулярное дыхание, сердце тоны чистые, пульс 86 ударов в минуту, живот мягкий, Пастернацкий отрицательный.

Нервная система: лицо симметрично, зрачки обычной величины, реакция на свет содружественная, живая.

Интеллект соответствует полученному образованию, память не нарушена, правильно воспроизводит данные анамнеза, в подробностях воспроизводит детали давно прошедших лет. Сообщила, что отбывает срок за убийство мужа и свекра. Поведение адекватное, эмоционально живая. За период обследования в отделении в поведении нелепостей не отмечалось. Отношение с сокамерниками сложилось дружественное. В беседах с врачами старается вызвать к себе сочувствие, представить себя в лучшем свете. Планы на будущее — "родить детей и посвятить жизнь им". Психических расстройств в форме бреда и галлюцинаций не обнаруживает. Защита носит активный характер, к судебной ситуации относится с полной критикой.

На основании вышеизложенного комиссия врачей пришла к заключению, что испытываемая Волохова Л. И. в настоящее время психическим заболеванием не страдает. Отбывать наказание в местах лишения свободы может. Как видно по материалам уголовного дела № 13, а также на основании настоящего стационарного психиатрического обследования в период 1974-1975 гг. Волохова Л. И. хроническим психическим заболеванием не страдала. В этот период времени у нее не обнаруживалось признаков временного расстройства психической деятельности, она могла правильно понимать происходящие события и давать показания о них.

Психиатр ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского,
кандидат медицинских наук

Завидовская Г. И.
Наубатов Х. В.
Башкатова Ф. А.
Кафтайкина Ю. Г.

Копия верна:

После этого мною предпринимается еще одна попытка добиться отмены постановления следователя в порядке надзора. 22.06.83 г. в адрес Прокурора республики по фото-телеграфу было направлено публикуемое ниже заявление.

МИНИСТЕРСТВО СЯЗИМ СССР	ФОТОТЕЛЕГРАММА
№ Москва 33101 26 2831	М. пор. СЛУЖ. ОТМ.
Кула. конур. Ашхабад Прокурору ТССР т. А.А. Харзено	
Телт Заявление	
На основании п.5 ст. 219 УК ТССР и прощ. в порядке надзора за исполнением законов при производстве следствия, отменить незаконное Постановление следователя Прокуратуры ТССР Н.А. Рыбусова от 20/11/77 г. о привлечении уголовной ответственности по ст. 123 УК ТССР Байриева Гари Байриевича как вынесенное судом нарушением ст. 47 УК, нарушении сроков давности привлечения к уголовной ответственности по фактам 9-11 летней давности, и в обход Указа "Об амнистии" от 4/12/77 г., и дело производство прекратить.	
Прошу при этом учесть, что указанное дело было возбуждено так же незаконно 25/11/77 г., в нарушение требований ст. 124, 126 УК ТССР и вопреки Указу об амнистии от 4/12/77 г.	
Одним из оснований прощу сообщить по адресу г. Москва ул. Бутырская, д. 8, Б. Моск. обл. консульства и др. Адвокат Мове А.А. 22/12/77	

Ответ не заставил себя долго ждать.

Документы

Прокуратура СССР

Туркменская ССР

ПРОКУРАТУРАСЫ

ПРОКУРАТУРА

Туркменской ССР

740000, Ашхабад, микрор. Сапар микрор., 4
Тел. 5-25-04

28.06.83г. № 16/13

г. Москва, ул. Сауриковская, 8

№ _____ от _____
Московская областная юридическая
консультация, адвокату Мове А.А.

Направляю копию постановления от 28.06.83 года об отмене-нии Вашего ходатайства - для ознакомления.

Приложение: копия постановления на 2-х листах

Ст. следователь по особо важным делам
при Прокуроре Туркменской ССР
прист I класса

Н.А. Рыбусова

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об отклонении ходатайства защитника обвиняемого

г. Ашхабад

28 июня 1983 г.

Прокурор Туркменской ССР государственный советник юстиции 3 класса Харченко А. И., рассмотрев телеграфное заявление защитника обвиняемого Байриева Ч. Б. адвоката Мове А. Л. от 26 июня 1983 г. по уголовному делу № 13,

Установил:

В заявлении адвокат Мове А. Л. ходатайствует об отмене, как незаконного, постановления ст. следователя по особо важным делам при прокуроре ТССР Рябусовой Н. А. о привлечении Байриева Ч. Б. к уголовной ответственности в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности и вынесения постановления в обход Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 ноября 1977 года "Об амнистии в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции", также о прекращении уголовного дела по обвинению Байриева Ч. Б.

Ходатайство адвоката об отмене постановления о привлечении к уголовной ответственности Байриева Ч. Б. и прекращении дела удовлетворению не подлежит по следующим основаниям.

23 мая 1978 года уголовное дело в отношении Байриева Ч. Б. было прекращено на основании ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета ССР от 4 ноября 1977 года "Об амнистии в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции". В ходе следствия обвинение Байриеву Ч. Б. не предъявлялось.

24 июня 1982 года прокуратура Союза ССР по жалобам Байриева Ч. Б. и Мове А. Л. постановление о прекращении дела отменила в связи с непредъявлением Байриеву Ч. Б. обвинения и направила дело на дополнительное расследование.

Данное дело подлежало прекращению за истечением срока давности. Однако в жалобах обвиняемый и его защитник настаивали на прекращении дела за отсутствием

события преступления, и поэтому, при наличии доказательств вины Байриева Ч. Б. в понуждении студенток Черкасовой Н. С. и Волоховой Л. И. к вступлению в половую связь, ему 27 августа 1982 года было предъявлено, а 3 марта 1983 года перепредъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 123 УК ТССР. Обвинение Байриеву Ч. Б. предъявлено на законном основании.

17 марта 1983 года настоящее дело было прекращено за истечением срока давности, то есть на основании п. 3 ч. 1 ст. 6 УПК ТССР, Байриев Ч. Б., не признав себя виновным в совершении преступления, 21 марта 1983 года заявил ходатайство о направлении дела в суд. Если обвиняемый не согласен с прекращением дела за истечением срока давности, то в соответствии с ч. 3 ст. 6 УПК ТССР производство по делу продолжается в обычном порядке. В связи с этим постановление следователя о прекращении дела за истечением срока давности Прокурором республики было отменено и производство по делу возобновлено.

13 апреля 1983 года при ознакомлении с материалами дела Байриев Ч. Б. и его адвокат заявили ряд ходатайств, в том числе о прекращении дела за отсутствием события преступления. Это ходатайство было отклонено. При доказанности вины Байриева Ч. Б. в совершении преступления, предусмотренного ст. 123 УК ТССР, это ходатайство вторично подлежит отклонению.

Кроме того, адвокат в телеграмме указывает о факте незаконного возбуждения данного дела вопреки Указу об амнистии от 4 ноября 1977 года. Его заявление является необоснованным, так как уголовное дело было возбуждено в отношении как Байриева Ч. Б., так и ряда других преподавателей Туркменского государственного мединститута, на которых не распространялся Указ об амнистии.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 219 УПК Туркменской ССР,

Постановил:

1. В удовлетворении ходатайства защитника обвиняемого Байриева Ч. Б. адвоката Мове А. Л. об отмене постановления о привлечении Байриева в качестве обвиняемого и прекращении уголовного дела за отсутствием события

преступления, то есть на основании п. 1 ст. 6 УПК ТССР — отказать.

2. С настоящим постановлением ознакомить адвоката Мове А. Л.

Прокурор Туркменской ССР
Государственный советник
юстиции 3 класса

А. И. Харченко

30-го июня 1983 года по настоянию адвоката и обвиняемого Байриева дело было направлено для рассмотрения в суд.

Документ

Прокуратура СССР

Туркменистан ССР

ПРОКУРАТУРАСЫ

ПРОКУРАТУРА

Туркменской ССР

У44008, Ашгабат мадана, Сопи нумари, 4
Тел. 5-33-06

30.06.83г. № 16/13

На _____ от _____

г. Москва, ул. Баррикадная, 6в
Московская областная проконсуль-
тация, адвокату Мове А. Л.

Сообщить, что уголовное дело № 13 по обвинению Баирева Ч. Б. по ст. 123 УК ТССР 30 июня 1983 года направлено в народный суд Пролетарского района г. Ашхабада для рассмотрения по существу.

Ст. следователь по особо важным делам
при Прокуратуре Туркменской ССР
прист. I класса

Н. А. Рябуова

Итак, закончился еще один важный этап — завершилось дополнительное расследование, и дело наконец через 5 лет после его возбуждения направлено на рассмотрение суда.

Казалось бы, мы достигли того, чего так желали. Но можно ли было в этой ситуации идти на судебный процесс? Могла ли у защиты быть уверенность, что процесс этот будет выигран и что судебное решение откроет дорогу к реабилитации Байриева? Увы, нет! Дело в том, что Волохова, если она будет доставлена в суд, естественно будет стоять на своем — деваться ей просто некуда. Показания ее, в той части, что Байриев *понуждал* ее к сожительству и т. п., на мой взгляд, опровергнуть будет несложно, и суд, по всей вероятности, вынужден будет вынести Байриеву оправдательный приговор. Сложность, однако, заключалась в другом — ведь даже в приговоре оправдательном — суд мог отразить, а в тех конкретных условиях, которые сложились в Туркмении вокруг этого дела, обязательно отразил бы в приговоре некоторые факты в неугодном для Байриева свете. И уже тогда, даже при оправдательном приговоре, бороться против возможных “обвинений” в аморальности тех или иных поступков было бы невозможно. Мог ли адвокат идти на такой риск, соглашаться на судебное разбирательство, если у него в запасе имелся убийственный аргумент, дающий основание (так мне, во всяком случае, казалось) одним ударом решить все дело сразу.

И я пошел на это. Мог ли я думать, мог ли гадать, что даже при таких абсолютно проигрышных картах, наши чиновники, в стремлении “угодить начальству”, сумеют перевести игру, выражаясь шахматным языком, в многолетний изнуряющий эндшпиль, и если и не выиграть его, то по крайности взять нас измором?

Борьба после этого продолжилась еще целых 5 лет, а в общей сложности — около 8 лет...

Но сначала, о заготовленном нами ударе. 2 июля 1983 года из Москвы в адрес Народного суда Пролетарского района г. Ашхабада была направлена следующая телеграмма-ходатайство:

**Фототелеграмма
Копия**

Куда, кому: г. Ашхабад, ул. Алишера Навои,
народному суду Пролетарского района

Адвоката А. Л. Мовв, (Москва,
Мособлюрконсультация)

По делу
Байриева Чары Байриевича,
обв. по ст. 123 УК ТССР

ХОДАТАЙСТВО

на основании ст. 230, 233, 234 УПК ТССР прошу при решении вопроса о предании суду Байриева Ч. Б., принять во внимание следующее:

I. В процессе следствия грубо нарушены требования ст. 209 УПК ТССР. Ознакомление с делом было назначено на 27 июня с. г., о чем мне была направлена телеграмма за подписью Начследуправления т. Кадера. В связи с занятостью в процессе мною были направлены в адрес т. Кадера две телеграммы с просьбой перенести выполнение ст. 209 УПК после 5-го июля. Не дождавшись пятидневного срока, предусмотренного ст. 209 УПК (а он истекал 4 июля с. г.), следователь 28 июня 1983 года закончил дело в отсутствии меня и обвиняемого Байриева, который с 27 июня 1983 г. по 1 июля 1983 г. включительно находился на больничном листе. Никаких мер к вызову адвоката Израитель, ордер которого также имеется в деле, или любого другого адвоката, следователь в нарушение ст. 209 УПК не принял, лишив тем самым Байриева права на ознакомление с делом, заявление ходатайств и всех других законных прав на защиту. В силу изложенного прошу дело возвратить на дополнительное расследование для надлежащего выполнения требований ст. 209 УПК.

II. В случае отклонения ходатайства, изложенного в п. 1, прошу дело производством прекратить по следующим основаниям:

1. Уголовное дело было возбуждено незаконно с нарушением ст. 123 УПК, при отсутствии жалоб потерпевших Черкасовой и Волоховой о привлечении Байриева к уголовной ответственности.

2. Дело возбуждено 25 февраля 1977 г. в обход Указа Президиума Верховного Совета СССР "Об амнистии" от 4 ноября 1977 г., при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу, в нарушение требований ст. 124 и 6 п. 4 УПК ТССР.

3. После отмены противозаконного постановления следователя Иванова Главным следственным управлением Прокуратуры СССР (т. 3 л. д. 1-2), вместо того, чтобы немедленно надлежащим образом прекратить дело в силу Указа "Об амнистии" без ссылки на доказанность вины Байриева (он к этому времени к уголовной ответственности привлечен не был, являлся по делу свидетелем) следователь в течение целого года продолжал вести незаконно дополнительное расследование и 26 августа 1982 года, через 5 лет после Указа "Об амнистии" от 4 ноября 1977 г. и по истечении всех сроков давности, установленных ст. 47 УК ТССР, вынес Постановление о привлечении Байриева к

уголовной ответственности по фактам 9-11-летней давности (т. 3 л. д. 110).

По изложенным соображениям, в связи с явной незаконностью возбуждения данного дела и явной незаконностью привлечения Байриева к уголовной ответственности, прошу указанное дело на основании Указа "Об амнистии" от 4 ноября 1977 г. и требований ст. ст. 123 ч. 6 п. п. 3, 4 и 7 УПК ТССР, производством прекратить.

Приложение:

1. Копия телеграмм т. Кадера — 2 шт.
2. Копия ответной телеграммы.
3. Больничный лист — находится у Байриева Ч. Б. и по первому требованию будет представлен суду.

Адвокат
"2" июля 1983 года

А. Л. Мове

За этим последовало:

Документ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

распорядительного заседания

Народный суд Пролетарского района гор. Ашхабада
В составе председательствующего н/с Анналыевой Б. А. и народных заседателей Федосеевой И. А. и Цветкова В. А. при секретаре Корчинской И. Г. с участием прокурора Кадко Л. Б., рассмотрев дело в распор. заседании в городе Ашхабаде в зале суда

Дело по обвинению Байриева Чары Байриевича
по ст. 123 УК ТССР

Ознакомившись с материалами дела в полном объеме, суд

Установил:

Органами предварительного следствия Байриеву Ч. Б. предъявлено обвинение в том, что он, работая с 1970 г. по

1977 г. включительно в должности ректора Туркменского Государственного медицинского института, понуждал находящихся от него в зависимом положении студенток мединститута вступить с ним в половую связь. Так, Байриев Ч. Б., заведующий кафедрой факультетской хирургии ТГМИ, расположенной в республиканской клинической больнице им. Н. И. Пирогова, находясь там на лечении и злоупотребляя своим служебным положением понудил студентку Черкасову Н. С. в декабре 1972 — январе 1973 года, во время ее ночных дежурств, вступить с ним 5 раз в половую связь.

В октябре 1974 года, во время хлопкоуборочной кампании в штабе студенческого отряда ТГМИ, расположенного в гостинице совхоза "Теджен" Тедженского района, Байриев Ч. Б., являясь начальником штаба, злоупотребляя своим служебным положением, угрожая исполняющей обязанности секретаря штаба, студентке первого курса Волоховой Л. И. исключением из мединститута, понудил ее 4 раза вступить с ним в половую связь.

Летом 1975 года он, злоупотребляя своим служебным положением, пригласил Волохову Л. И. к себе домой по адресу: г. Ашхабад, ул. Молла-Непеса, д. 37 и понудил ее вновь вступить с ним в половую связь.

Изучив материалы дела в полном объеме, обсудив ходатайство адвоката Мове, совместное ходатайство адвоката Израитель и обвиняемого Байриева о прекращении дела производством, суд считает, что данное дело подлежит прекращению по следующим основаниям.

Согласно ст. 123 ч. 3 УПК ТССР уголовное дело о преступлении предусмотренное ст. 123 УК ТССР возбуждается только по жалобе потерпевшего.

Причем согласно ч. 5 ст. 123 УПК ТССР прокурор не вправе возбудить такое дело при отсутствии жалобы потерпевшего.

В материалах данного уголовного дела нет жалобы от Волоховой Л. И. или Черкасовой Н. С. о привлечении Байриева Ч. Б. к уголовной ответственности по ст. 123 УК ТССР.

Как видно из материалов дела, данное уголовное дело возбуждено 25 ноября 1977 года на основании материалов проверки по сообщению осужденной Волоховой Л. И. ст. помощником прокурора ТССР в отношении Байриева

Ч.Б., Сахатова Я. и Курбанова А. О. по ст. 123 УК ТССР (л. д. 1)

Из объяснений Волоховой от 7 октября 1977 г. (л. д. 14-56), 10 октября 1977 г. (л. д. 57-60), 20 октября 1977 г. (л. д. 61-63), 13 октября 1977 г. (л. д. 64-65), 31 октября 1977 г. (л. д. 66-71) не усматривается, чтобы Волохова Л. И. просила привлечь Байриева и др. к уголовной ответственности по ст. 123 УК ТССР.

Согласно ст. 119 УПК ТССР заявления граждан о преступлении могут быть письменные и устные. Устные заявления заносятся в протокол, который подписывается заявителем и должностным лицом принявшим заявление.

При приеме заявления заявителю должна быть разъяснена ответственность за заведомо ложный донос, что удостоверяется подписью заявителя в протоколе.

В данном уголовном деле ни от Волоховой Л. И., ни от Черкасовой заявления, соответствующего требованиям ст. 119 УПК ТССР, не имеется.

Более того, ни в одном протоколе допроса как Волоховой, так и Черкасовой не записано, что они просят следственные органы привлечь Байриева Ч. к уголовной ответственности по ст. 123 УК ТССР. И потерпевшими они признаны лишь 30 марта 1983 года (л. д. 200-202), т. е. спустя 5 лет и 4 месяца после возбуждения уголовного дела.

Даже после признания их потерпевшими, Волохова и Черкасова не просили привлечь Байриева Ч. Б. к уголовной ответственности по ст. 123 УК ТССР.

Таким образом, не только при возбуждении уголовного дела, но и после его окончания и передачи дела в суд в материалах дела нет заявления или жалобы от Волоховой или Черкасовой (в том числе и в протоколах их допроса) о привлечении Байриева Ч. к уголовной ответственности по ст. 123 УК ТССР.

Согласно ст. 6 УПК ТССР уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению за отсутствием жалобы потерпевшего, если дело может быть возбуждено не иначе как по его жалобе.

Исходя из требований ст. 6 и ст. 123 УПК ТССР, данное уголовное дело возбуждено необосновано и поэтому оно подлежит прекращению.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 230, 233, 237 УПК ТССР, суд

О П Р Е Д Е Л И Л :

Уголовное дело по обвинению Байриева Чары Байриевича по ст. 123 УК ТССР производством прекратить по пункту 7 ст. 6 УПК ТССР за отсутствием жалобы потерпевшей, о чем известить заинтересованных лиц. Ходатайства адвокатов Мове, Израителя и обвиняемого Байриева Ч. Б. удовлетворить частично.

Определение может быть обжаловано или опротестовано в 10 дневный срок в Ашгорсуд через данный суд.

Нарсудья:

подписи

Народные заседатели:

11 июля 1983 года

После этого Байриев обратился с иском заявлением в народный суд о восстановлении на работе, со ссылкой на то, что в настоящее время не имеется никаких официальных документов, свидетельствующих о его аморальном поведении.

Одновременно в адрес Прокурора Туркменской республики было направлено заявление с требованием отозвать из Министерства здравоохранения ТССР и Туркменского мединститута незаконное представление следователя Иванова. То самое, которое послужило основанием для увольнения Байриева с работы.

Судьба этих двух заявлений сложилась одинаково: Прокуратура ТССР наотрез отказалась отозвать свое представление, а Народный суд отказал Байриеву в приеме его искового заявления, сославшись на неподведомственность рассмотрения дела судом.

И началось. По линии суда Определение Нарсудьи Анналыевой Б. А. было обжаловано в Ашхабадский Городской суд, а по линии прокуратуры жалоба была подана в Прокуратуру СССР.

Результаты, увы, оказались неутешительными.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 33-66

Судебная коллегия по гражданским делам Ашхабадского
Городского суда ТССР

В составе: председательствующего ЧЕРКЕЗОВА Р. членов:
Кудлай А. И. и Степановой Л. В.

Рассмотрела в заседании от 20 сентября 1983 года частную жалобу истца БАЙРИЕВА Ч. Б. на определение народного судьи Пролетарского районного народного суда г. Ашхабада от 15 августа 1983 года, которым в принятии искового заявления БАЙРИЕВА ЧАРЫ БАЙРИЕВИЧА о восстановлении пропущенного срока исковой давности и восстановлении на работе и выплате за время вынужденного прогула отказано за неподсудностью и предложено ему обратиться в порядке подчиненности в вышестоящие органы.

В частной жалобе истец БАЙРИЕВ Ч. Б. указывает, что его спор подлежит разрешению в судебном порядке. Просит определение народного судьи отменить и материал направить в тот же суд для рассмотрения по существу.

Заслушав доклад председателя коллегии Ашхабадского городского суда ЧЕРКЕЗОВА Р., выступление представителя истца — адвоката ИЗРАИТЕЛЬ Г. А., поддержавшего частную жалобу, заключение пом. прокурора Ашхабадской области БАЗАРБАЕВА ДЖ., полагавшего определение народного судьи оставить без изменения, обсудив доводы частной жалобы, изучив материалы искового заявления, судебная коллегия по гражданским делам считает, что определение народного судьи подлежит оставлению без изменения по следующим основаниям.

Истец БАЙРИЕВ Ч. Б. обратился в суд с иском о восстановлении на работе и восстановлении срока исковой давности, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула по тем мотивам, что, когда он работал в должности заведующего кафедрой факультетской хирургии Туркменского Государственного медицинского института, на основании приказа за № 32 от 28 июня 1978 года

он был уволен по ст. 34 п. 3 КЗОТ ТССР, как совершивший аморальный проступок, несовместимый с преподавательской деятельностью. Возбуждение в отношении него уголовного дела прекращено определением распорядительного заседания суда от 11 июля 1983 года на основании ст. 6 п. 7 УПК ТССР. Считает, что он подлежит восстановлению на работе.

Народный судья обоснованно отказал в принятии заявления, как не подлежащее рассмотрению в судебных органах.

Как видно из приказа за № 32 от 28 июня 1978 года, одним из оснований увольнения БАЙРИЕВА Ч. Б. послужило постановление прокуратуры Туркменской ССР. Судом в распорядительном заседании о прекращении уголовного дела факты, изложенные в нем, не исследовались, и они не опровергнуты. Уголовное дело в отношении БАЙРИЕВА Ч. Б. прекращено не за отсутствием состава или события преступления, не за доказанностью и не по другим реабилитирующим основаниям, а в связи с отсутствием в уголовном деле жалоб потерпевших. Поэтому суд не вправе дать оценку материалам уголовного дела, а также фактам, изложенным в представлении прокуратуры, послужившим основанием для освобождения БАЙРИЕВА Ч. Б. от должности зав. кафедрой.

Истцу БАЙРИЕВУ Ч. Б. следует обратиться в органы прокуратуры (прокурору ТССР или Генеральному прокурору СССР) по вопросу несогласия с выводами, изложенными в представлении Прокуратуры ТССР № 3/13-ап от 10 июня 1978 года или, как правильно указал народный суд, в порядке подчиненности в Министерство здравоохранения СССР и ТССР.

В то же время судебная коллегия отмечает, что народный суд необоснованно указал в своем определении "Министерство высшего учебного заведения ТССР и СССР", так как Туркменский Государственный медицинский институт Министерству высшего и среднего специального образования СССР не подчиняется.

Доводы частной жалобы о том, что народный суд нарушил требования ст. 94 Основ законодательства Союза ССР и союзных Республик о труде и ст. 223 КЗОТ ТССР не основаны, как видно из вышеизложенного, на материалах дела.

Исходя из изложенного, руководствуясь ст. ст. 313,321 п. 1 ГИК ТССР, Судебная коллегия по гражданским делам

О П Р Е Д Е Л И Л А :

Определение народного судьи Пролетарского районного народного суда г. Ашхабада от 15 августа 1983 года об отказе в принятии искового заявления Байриева Чары Байриевича о восстановлении срока исковой давности, восстановлении на работе и взыскании заработной платы за время вынужденного прогула оставить без изменения.

Частную жалобу истца БАЙРИЕВА Ч. Б. оставить без удовлетворения.

Председательствующий:	Черкезов Р.
Члены коллегии:	Кудлай А. И. Степанова Л. В.

Копия верна: Председательствующий по делу член
Ашхабадского Городского суда Черкезов Р.

Это определение в порядке надзора было обжаловано Председателю Верховного суда ТССР.

Из досье адвоката

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От Байриева Чары Байриевича, прож. г. Ашхабад, ул. Молла-Непеса, 37

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Определением от 15 августа 1983 г. Народный судья Пролетарского райнарсуда г. Ашхабада т. Б. А. Анналыева отказала в приеме моего искового заявления о восстановлении на работе, сославшись на неподведомственность рассмотрения его судом.

Коллегия Ашхабадского Городского суда своим Определением от 20 сентября 1983 г. оставила это определение

без изменения, а мою частную жалобу — без удовлетворения.

Как Определение Народного судьи, так и Определение коллегии Ашхабадского Городского суда являются неправильными по следующим основаниям:

1. В подтверждение своего вывода о том, что мое дело о восстановлении на работе неподведомственно суду и может быть разрешено лишь вышестоящими в порядке подчиненности органами, как Народный судья, так и коллегия Ашхабадского облсуда *не ссылаются* на соответствующий закон, который подтверждает этот их вывод.

Очевидно, что уже только по одним этим соображениям, отказ мне в защите моих законных прав судом следует признать необоснованным.

2. Должность, в которой я проработал свыше 23-х лет (зав. кафедрой факультетской хирургии Туркменского мед. института) входит в *перечень* категорий № 2 работников, трудовые споры которых по вопросам увольнения разрешаются вышестоящими в порядке подчиненности органами *только в том случае* (в отличие от работников, перечисленных в перечне № 1), если их увольнение произведено в связи с признанием работника в установленном порядке не соответствующим занимаемой должности или в связи с неизбранием на новый срок (п. 2).

“В перечень № 2 включены категории работников, — гласит Комментарий к Законодательству о труде, — трудовые споры которых по вопросам увольнения разрешаются вышестоящим в порядке подчиненности органом, если основанием увольнения явилось признание лица в установленном порядке (*система аттестации*) не соответствующим занимаемой должности или в связи с *неизбранием* по конкурсу на новый срок”.

И далее:

“При увольнении работников, должности которых включены в перечень № 2, по одному из оснований, указанных в ст. 33 и 254 КЗоТ РСФСР (ст. 34 КЗоТ СССР) они *имеют право* в силу ст. 210 КЗоТ (ст. 89 Основ законодательства о труде)

обратиться непосредственно в суд с иском о восстановлении на работе".

(Комментарий к Законодательству о труде, 1981 г., стр. 429)

С учетом того, что я был уволен с работы по п. 3 ст. 34 КЗоТ ТССР (ст. 254 КЗоТ РСФСР) у суда не было никаких оснований к тому, чтобы отказывать мне в приеме моего искового заявления о восстановлении на работе.

Такого же мнения придерживается и ЦК Профсоюза Медицинских работников ВЦСПС (г. Москва), куда я вынужден был обратиться за разъяснением (копия ответа прилагается).

По изложенным соображениям прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет отмены указанных незаконных определений Народного судьи Пролетарского р-на г. Ашхабада и коллегии Ашхабадского Городского суда и возвращения искового материала в Народный суд для рассмотрения по существу.

Приложение:

1. Копия Определения Народного судьи Пролетарского р-на г. Ашхабада от 15 августа 1983 г.
2. Копия Определения коллегии Ашхабадского Городского суда от 20 сентября 1983 г. на 2-х листах.
3. Ответ Зав. правовой инспекцией труда ЦК Профсоюза Мед. работников ВЦСПС от 3 января 1984 г. № 3208 -Б-08 — на 1 листе.

(Байриев Ч. Б.)

"14" октября 1983 г.

По этой жалобе зам. Председателя Верховного суда ТССР в порядке надзора был внесен протест в коллегию Верховного суда ТССР. Дело рассматривалось 3 января 1984 г.

Народный судья Анналыева Б. А.

Зам. пред. Ашх. горсуда Черкезов Р.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 3 нг-43

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного
суда Туркменской ССР

В составе: председательствующего Кинджаловой Э.

членов:

Галактионовой Н. И. и

Мамедяровой

Рассмотрела в заседании от 3 января 1984 г. протест зам. Председателя Верховного суда ТССР на определение народного судьи Пролетарского района г. Ашхабада от 15 августа 1983 года, которым в принятии заявления Байриева Чары Байриевича к Туркменскому государственному медицинскому институту о восстановлении на работе и взыскании заработной платы за вынужденный прогул отказано.

Определением Ашхабадского городского суда от 20 сентября 1983 года определение судьи оставлено без изменения, а жалоба Байриева Ч. — без удовлетворения.

В протесте ставится вопрос об отмене определений и направлении иска для рассмотрения по существу.

Заслушав доклад члена Коллегии Верховного суда ТССР Галактионовой Н. И., заключение начальника отдела прокуратуры ТССР Мурадова Х., полагавшего протест отклонить, обсудив доводы протеста, проверив материалы дела в полном объеме, Судебная коллегия по гражданским делам считает, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Байриев Ч. Б. работал заведующим кафедрой факультетской хирургии Туркменского государственного медицинского института. На основании приказа № 32 от 28 июня 1978 года он уволен с работы по п. 3 ст. 34 КЗоТ ТССР за совершение аморального проступка, несовместимого с преподавательской деятельностью.

Считая увольнение неправильным, Байриев Ч. обратился в суд с заявлением о восстановлении в прежней долж-

ности и взыскании заработной платы за вынужденный прогул.

Народная судья отказала в приеме заявления на том основании, что для восстановления в должности заведующего кафедрой факультетской хирургии ему необходимо обратиться в порядке подчиненности в Министерство здравоохранения ТССР и СССР, а также в Министерство высшего и среднего образования ТССР и СССР.

Отказ в приеме заявления по этим основаниям нельзя признать правильным, так как согласно п. 41 "Положения о порядке рассмотрения трудовых споров" вышестоящими в порядке подчиненности органами рассматриваются трудовые споры работников, перечисленных в перечне № 2 Приложения № 1. В пункте 2 перечня № 2 указан профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, должности которых замещаются по конкурсу, уволенных с работы в связи с неизбранием их на новый срок или признанием в установленном порядке не соответствующими занимаемой должности, независимо от того, приняты они по конкурсу или допущены к замещению без прохождения конкурса.

Из приказа № 32 от 28 июня 1978 года видно, что Байриев Ч. уволен с работы не в связи с неизбранием его на новый срок, а за совершение аморального проступка.

При таких обстоятельствах Байриев Ч. Б. вправе обратиться с заявлением о восстановлении на работе в народный суд на общих основаниях.

Что касается пропуска срока исковой давности, то на основании п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1983 года "О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции" недопустим отказ в возбуждении гражданского дела по мотивам недоказанности заявленного требования, пропуска срока исковой давности и другим не предусмотренным законом основаниям. Вопрос об уважительности причин пропуска срока исковой давности обсуждается при рассмотрении дела по существу.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 331, 333 п. 2 и 336 УПК ТССР судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда ТССР

определила:

Определение судьи Пролетарского районного народного суда г. Ашхабада от 15 августа 1983 года и определение Ашхабадского городского суда от 20 сентября 1983 года отменить и направить материал в Ашхабадский городской суд для рассмотрения по существу.

Протест зам. Председателя Верховного суда ТССР удовлетворить.

Председательствующий: Кинджалова Э. К.

Члены: 1. Галактионова Н. И. 2. Мамедярова

Верно: за председательствующего по делу,
член Верховного суда ТССР (Галактионова)

Итак, по линии суда мы как будто бы чего-то достигли: предстояло судебное разбирательство иска Байриева о восстановлении на работе.

Суд состоялся 27 февраля 1984 года и в иске Байриеву было отказано. Кассационные жалобы Байриева и его адвоката (по согласованию в кас. инстанции выступал прекрасный ашхабадский адвокат Гиля Аронович Израитель), поданные в Верховный суд ТССР, были оставлены без удовлетворения.

Документы

РЕШЕНИЕ

именем Туркменской Советской Социалистической
Республики

28 февраля 1984 года

Судебная коллегия по гражданским делам Ашхабадского
Городского суда ТССР,

В составе: Председательствующего Прияткиной О. Е.
Народных заседателей Хансахатова О. М. и Яннаева К.
С участием прокурора Прокопьевой Ф.Ф.
при секретаре Стрельцовой С.

Рассмотрела в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Байриева Чары Байриевича к Туркменскому Государственному медицинскому Институту о восстановлении на работе, о взыскании заработной платы за

вынужденный прогул и возмещении другого материального ущерба.

Заслушав пояснение сторон, исследовав материалы дела, судебная коллегия

Установила:

Приказом № 32 от 23 июня 1978 г. Байриев Ч. Б. освобожден от должности заведующего кафедрой факультетской хирургии Туркменского Государственного медицинского института и уволен с работы по ст. 34 п. 3 КЗоТ ТССР, как совершивший аморальный поступок, несовместимый с преподавательской деятельностью. Основанием для увольнения послужило представление прокуратуры ТССР от 10 июня 1978 г. за № 3/13-ап, протокол заседания местного комитета профсоюза Института от 28 июня 1978 г. за № 12 и письмо Министерства здравоохранения ТССР от 27 июня 1978 г. за № 5/803-19. Считая свое увольнение незаконным, истец Байриев Ч. Б. обратился в суд, указывая, что достаточных доказательств его аморального поведения в материалах к его увольнению нет. В отношении его длительное время велось уголовное дело, которое неоднократно прекращалось и возобновлялось, в том числе и прокуратурой ТССР. Однако обвинительного приговора, свидетельствующего о понуждении им студентов Медицинского Института к сожительству, или вступлению с ними в половую связь — нет, поскольку Пролетарским районным народным судом уголовное дело прекращено, но это произошло только 11 июля 1983 года, просит восстановить пропущенный им по уважительным причинам срок для обращения в суд и восстановить его на работе в должности заведующего кафедрой факультетской хирургии Туркменского Государственного Медицинского Института с оплатой за время вынужденного прогула и возместить ущерб в разнице между заработной платой заведующего кафедрой и зарплатой, получаемой им в период после его освобождения от этой должности.

Представитель ответчика иск не признал, считая, что Байриев Ч. Б. уволен из мед. института за аморальное поведение правильно, так как об этом указано в представлении прокуратуры, просит в иске истцу отказать.

Судебная коллегия считает, что в иске истцу следует отказать, так как основанием к его увольнению послужило представление прокуратуры ТССР от 10 июня 1978 года, вынесенное на основании материалов уголовного дела по

обвинению Волоховой Л. И., осужденной 30 октября 1977 года судебной коллегией по уголовным делам Ашхабадского Областного суда по ст. 12 ч. 2, 106 п. 1 и 106 п. 1, 4 и 9 УК ТССР к 15 годам лишения свободы. Это представление не отменено и не изменено в установленном законом порядке, его исполнение было обязательно для администрации мед. института, поэтому приказ об увольнении Байриева Ч. Б. является законным и обоснованным, а выводы и факты, указанные в нем, являются достоверными и обоснованными.

Уголовное дело по обвинению Байриева Ч. Б. в совершении преступления предусмотренного ст. 123 УК ТССР, прекращено Пролетарским районным народным судом г. Ашхабада 11 июля 1983 г. в распорядительном заседании на основании ст. 123 ч. 3 УПК ТССР в связи с отсутствием в материалах уголовного дела жалоб от потерпевших, где они просили бы следственные органы привлечь Байриева Ч. Б. к уголовной ответственности за понуждение их к вступлению в половую связь помимо их воли.

Таким образом, дело прекращено не за отсутствием состава или события преступления, не за недоказанностью его вины в предъявленном ему обвинении и не по другим реабилитирующим основаниям, дающим основание считать его невиновным.

Доказательства им (Байриевым Ч.) совершенного преступления в судебном заседании не исследовались, оценка им не дана и дана быть не могла, поскольку дело производством прекращено. В гражданском судопроизводстве по настоящему делу эти доказательства также исследованы быть не могут, поскольку речь идет о прекращенном уголовном деле.

Однако, не анализируя доказательства и не делая выводов о виновности или невиновности Байриева Ч. Б. в совершении уголовного преступления, судебная коллегия по гражданским делам Ашхабадского Городского суда считает, что представленные истцом и представителем ответчика материалы, а также документы, приобретенные к настоящему гражданскому делу и исследованные судом (пояснения осужденной Волоховой Л. И., данные в ходе предварительного и судебного следствия по делу по ее обвинению, свидетеля Черкасовой Н., представления органов прокуратуры, приказ по мед. институту и другие) дают достаточно данных считать, что Байриев Ч. Б. совершил аморальные поступки в период работы в мед. институте

(вступление в интимные отношения со студентками), несовместимые с воспитательно-педагогической деятельностью.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 191-199 ГПК ТССР: судебная коллегия

РЕШИЛА:

В иске Байриеву Чары Байриевичу к Туркменскому Медицинскому институту о восстановлении на работе, взыскания заработной платы за вынужденный прогул и взыскании за материальный ущерб, отказать за необоснованностью.

Решение может быть обжаловано в 10 дневный срок в Верховный суд ТССР через Ашхабадский Городской суд.

Председательствующий:

Прияткина О. Е.

Нарзаседатели:

Хансахатов.
Аннаев

Это решение Народного суда было обжаловано в Верховный суд ТССР, который, однако, оставил его без изменения.

Документ

Член Городского суда т. Прияткина О. Е.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 3К-8

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Туркменской ССР

В составе: председательствующего Мачехиной М. И.

членов:

Атаева К. и Ильясова Р.

Рассмотрела в заседании от 27 марта 1984 года кассационные жалобы истца Байриева Ч. Б. и представителя истца адвоката Израитель Г. на решение судебной коллегии по гражданским делам Ашхабадского городского суда от 27 февраля 1984 года, которым в иске Байриеву Чары Байриевичу к Туркменскому Медицинскому институту о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за вынужденный прогул отказано за необоснованностью.

В кассационных жалобах истец и представитель истца, адвокат, просят отменить решение суда, удовлетворив их исковые требования, поскольку в процессе расследования уголовные дела по ст. ст. 191 ч. 1, 123 УК ТССР были производством прекращены, в связи с чем факты аморального поведения Байриева не доказаны.

Заслушав доклад члена коллегии Верховного суда ТССР Мачезиной М. И., объяснения истца Байриева Ч. Б., его представителя адвоката Израитель Г. А., поддержавших кассационные жалобы, а также заключение пом. прокурора ТССР Еромицкой Д. М., полагавшей решение суда оставить без изменения, Судебная коллегия по гражданским делам, обсудив доводы кассационных жалоб и проверив материалы дела считает, что решение по делу судом первой инстанции принято правильно.

Как установлено приказом № 32 от 28 июня 1978 года, Байриев Ч. Б. был освобожден от должности заведующего кафедрой факультетской хирургии Туркменского Государственного медицинского института и уволен с работы по ст. 34 п. 3 КЗОТ ТССР, как совершивший аморальный поступок, несовместимый с преподавательской деятельностью.

Основанием для такого увольнения послужило представление прокуратуры ТССР от 10 июня 1978 года, протокол заседания местного комитета профсоюза института от 28 июня 1978 года и письмо Министерства здравоохранения ТССР от 27 июня 1978 года.

Исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 года № 6 с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума от 22 января 1974 года № 3, от 3 сентября 1976 года № 11 и от 18 апреля 1980 года № 1 "О применении в судебной практике Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде", по ст. 34 п. 3 КЗОТ ТССР допускается увольнение тех работников, которые занимаются воспитательной деятельностью.

Из показаний бывших студентов медицинского института Волоховой и Черкасовой, чьи показания оглашены в судебном заседании, а копии показаний Черкасовой общены к данному делу, видно, что Байриев Ч. Б., работая заведующим кафедрой факультетской хирургии мединститута, имел с ними интимные отношения, что несовместимо с его воспитательно-педагогической деятельностью.

Поскольку Байриевым Ч. Б. был совершен аморальный поступок, несовместимый с продолжением им преподавательской деятельности, Судебная коллегия по гражданским делам считает увольнение его от занимаемой в то время должности обоснованным.

Кассационная инстанция не может согласиться с доводами истца и его представителя, поскольку Байриев Ч. Б. уволен с работы не в связи с совершением преступления, тогда бы основанием к увольнению служил вступивший в законную силу приговор суда. Кроме того, уголовное дело в отношении Байриева Ч. Б. по ст. 123 УК ТССР (понууждение женщины к вступлению в половую связь) прекращено судом не в связи с отсутствием события преступления, а в связи с отсутствием жалоб потерпевших о привлечении Байриева Ч. Б. за его действия к уголовной ответственности, о чем свидетельствует определение распорядительного заседания Пролетарского районного народного суда г. Ашхабада от 11 июля 1983 года.

Вместе с тем коллегия считает, что из описательной части приказа № 32 от 28 июня 1978 года следует исключить слова "...следствием признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 ст. 191 УК ТССР (злоупотребление служебным положением), в связи с прекращением уголовного дела по этим эпизодам за недоказанностью участия Байриева Ч. Б. в совершении преступления.

Руководствуясь ст. ст. 295, 307 п. 313 УПК ТССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда ТССР

определила:

Решение Судебной коллегии по гражданским делам Ашхабадского городского суда от 27 февраля 1984 года об отказе в иске Байриеву Ч. Б. о восстановлении на работе и взыскании за вынужденный прогул оставить без изменения, а кассационные жалобы Байриева Ч. Б. и его представителя адвоката Израитель Г. А. без удовлетворения.

Председательствующий:

Мачехина М. И.

Члены суда:

Атаев К. Ильясов Р.

Верно: Председательствующий по делу

Член Верховного суда ТССР

Мачехина М. И.

Итак, опять открывался путь в надзорные инстанции, в те самые надзорные дебри, в которых любое дело может быть заволокичено, если не на долгие годы, то на многие, многие месяцы.

Ответы на жалобы, с которыми Байриев обратился в судебную-прокурорские инстанции Туркмении, поступили достаточно быстро. Этому отчасти способствовало довольно оперативное исправление ректором мед. института Нурмамедовым своего приказа об увольнении Байриева.

Документы

ТУРКМЕНСКИЙ ОРДИНА „ДРУЖБЫ НАРОДОВ“ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ

П Р И К А З

№ 17

25 апреля

1978 г.

г. Ашхабад

На основании определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Туркменской ССР № 2-8 от 27 марта 1984 года, и приказа № 32 от 28 июля 1978 года внести следующие изменения.

Результатом, проведенным прокуратурой Туркменской ССР, установлено, что заведующий кафедрой факультетской хирургии, профессор БАЙРИЕВ Ч.Б., используя свое служебное положение принуждая студентов-девушек к сожительству, что несовместимо с преподавательской деятельностью в Туркменском государственном медицинском институте.

На основании изложенного и согласно местного комитета института ПРИКАЗЫВАЮ:

уволить заведующего кафедрой факультетской хирургии тов. БАЙРИЕВА Чаря Бадриевича по ст. 34, п. 3 КЗСТ Туркменской ССР, как совершившего аморальный проступок несовместимый с преподавательской деятельностью в Туркменском государственном медицинском институте, с 1 июля 1978 года.

ОСНОВАНИЕ: представление прокуратуры ТССР ва № 3/13-ап от 10.У1.1978 г., протокол заседания МК института ва № 12 от 28.У1.1978 г., письмо МЗ ТССР № 5/608-19 от 27.У1.1978 г.

Р Е К Т О Р

- пром. Н.И. НУРМАМЕДОВ .

ТУРКМЕНИСТАН ССР
ЁКАРЫ СУДЫ

ВЕРХОВНЫЙ СУД
ТУРКМЕНСКОЙ ССР

740001 Ашхабад, Ленин пр. май. № 18
телефон № 5-62-19

740001 Ашхабад, пр. Ленина № 1-
телефон № 5-62-19

№ 6142-3/84

16. 04 1984 г.

№ _____ от _____

Гр. БАЙРИЕВУ Ч.Б.
гор. Ашхабад, ул. Молла-Напеса
дом 37

Ваша жалоба на необоснованность состоявшихся судебных решений, которыми Вам в конце о восстановлении на работе и взыскании зарплаты за вынужденный прогул отказано, в порядке надзора рассмотрена.

Из судебных решений усматривается, что Вы были освобождены от должности заведующего кафедрой факультетской хирургии ТГМИ и уволены с работы по п.3 ст. 34 КЗоТ ТССР в связи с совершением аморального проступка несовместимого с преподавательской деятельностью.

Дозоды о совершении Вами подобных действий опровергаются показаниями Волоховой и Чересозовой о том, что Вы имели с ними интимные отношения, что несовместимо с воспитательно-педагогической деятельностью.

Поскольку совершение Вами аморальных проступков подтверждается показаниями Волоховой и Чересозовой, то факт приращения уголовного дела из-за отсутствия их жалоб, а не события преступления, не может служить основанием для восстановления Вас на работе, поэтому Ваши доводы в этой части также необоснованы.

Необоснованность явки Волоховой и Чересозовой в судебное заседание не может служить основанием для отмены решения суда, так как их показания судом исследованы и им дана соответствующая правильная оценка.

При таких обстоятельствах нахожу, что Вам правильно отказано в удовлетворении исковых требований и оснований для опротестования состоявшихся судебных решений не усматриваю.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ВЕРХОВНОГО СУДА ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Б. МУХАМЕДУЛИЕВ

Прокуратура СССР

Туркменская ССР
ПРОКУРАТУРА
ПРОКУРАТУРА

Туркменской ССР

740000, Ашхабад, Ленинский проспект, 4

23.04.84г. № 01157-83

№ _____ от _____

г. Ашхабад,
ул. Молла Велоев, 37
гр. Раймуху Ч.Б.

Ваша жалоба на решение судебной коллегии по гражданским делам Ашхабадского городского суда, которым Вам отказано в иске о восстановлении на работе в определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда ТССР оставившего указанное решение без изменения, рассмотрена.

Из материалов гражданского дела видно, что Вы уволены с работы по ст. 34 п. 3 КЗОТ ТССР, как совершивший аморальный поступок, несовместимый с преподавательской деятельностью, т.к. из показаний бывших студентов медицинского института Волоховой и Черкасовой видно, что имели о Вами личные отношения.

Ваши доводы не могут быть основанием для отмены состоявшихся судебных постановлений, т.к. Вы уволены с работы не в связи с совершением преступления, а в связи с аморальным поступком. Кроме того, уголовное дело в отношении Вас прекращено не в связи с отсутствием события преступления, а в связи с отсутствием жалобы потерпевших.

При таких обстоятельствах руководство прокуратуры республики для принесения протеста на указанные выше судебные постановления оснований не усматривает.

Изначально отдела по надзору за рассмотрением гражданских дел в судах старший советник юстиции

И. Мурадов

И вновь открывалась дорога в Москву, в ту единственную инстанцию, которая в создавшейся ситуации могла решать вопрос об опротестовании судебных решений, вступивших в законную силу — в Прокуратуру СССР.

Вновь следовало составлять обстоятельную жалобу и идти на личный прием в Прокуратуру СССР.

Из досье адвоката

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР

Адвоката А. Л. Мове

г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8 Московская областная
юридическая консультация

По делу

Байриева Чары Байриевича

На решение коллегии
Ашхабадского Горсуда от
27 февраля 1984 г. и

Определение коллегии
Верхсуда Туркменской ССР
от 27 марта 1984 г.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Указанные Решения коллегии Ашхабадского Горсуда и коллегии Верховного суда ТССР являются явно неправильными и подлежащими отмене по следующим соображениям:

1.

Известно, что совершение аморальных проступков, послуживших основанием для увольнения по ст. 34 п. 3 КЗоТ ТССР (ст. 254 п. 3 КЗоТ РСФСР) при всех условиях должно быть *доказано* (см. "Комментарии к законодательству о труде", стр. 533, 1981 г.). При этом в соответствии с требованиями ст. 50 ГПК (и соответствующей статьей УПК ТССР) *обязанность* представления таких доказательств воз-

лагается не на истца, а на *ответчика*, в данном случае — на администрацию Мед. института.

Таких доказательств, свидетельствующих об аморальном поведении Байриева Ч. Б., ответчик суду не представил, сославшись лишь на то, что увольнение Байриева было произведено по *представлению* Прокуратуры ТССР. Именно на это обстоятельство, а не на конкретные доказательства, исследованные в суде, сослалась в своем решении коллегия Ашхабадского облсуда, отклонившая иски требования Байриева, и коллегия Верховного суда ТССР, оставившая без изменения явно незаконное решение суда первой инстанции.

Ссылка суда в решении на то, что увольнение Байриева являлось правильным, т. к. основанием к его увольнению послужило *представление* Прокуратуры ТССР, которое в установленном законом порядке не отменено и не изменено (стр. 1 Решения), является несостоятельной, поскольку увольнение работника по представлению органов прокуратуры (при отсутствии вступившего в законную силу приговора) законом не предусмотрено.

Представляется, что только по одним этим основаниям, в связи с непредставлением ответчиком доказательств аморального поведения Байриева, в связи с отсутствием подобных доказательств в материалах дела, указанное Решение Ашхабадского Горсуда не может быть оставлено в силе.

II.

В соответствии с требованиями ст. 85 ГПК ТССР (ст. 55 ГПК РСФСР) сторона может быть *освобождена* от обязанности *представления* соответствующих доказательств только при наличии вступившего в законную силу *приговора* по уголовному делу.

Вопреки этому суд фактически *освободил ответчика от доказывания* факта аморального поведения истца, сославшись при этом не на наличие вступившего в законную силу приговора, а на наличие *представления* органов прокуратуры, которое, как известно, не является бесспорным доказательством и подлежит надлежащей проверке в суде.

Очевидно, что и по этим соображениям, в связи с незаконным освобождением ответчика от представления соответствующих доказательств по основаниям, не предусмотренным законом, данное решение не может быть оставлено в силе.

III.

При рассмотрении настоящего дела судом был грубо нарушен один из основных конституционных принципов, нашедших отражение в ст. 146 ГПК, а именно принцип *непосредственности* рассмотрения дела, обязывающий суд *непосредственно*, в судебном заседании, *исследовать* доказательства и в частности показания свидетелей. Достаточно сказать, что ни один из свидетелей, на которых ссылается суд в решении, в судебное заседание не вызывался и не допрашивался. Законное ходатайство истца о вызове и допросе в суде целого ряда *свидетелей* (Аллабердыева, Райманова, Еланской, Каримовой и др.) суд безмотивно *отклонил* (Протокол суд. заседания, л. д. 143), лишив этим самым истца возможности доказывать свои искивные требования.

Представляется, что и по этим соображениям, в связи с грубым нарушением судом Конституционного принципа непосредственности рассмотрения дела в суде, указанное судебное решение не может быть оставлено в силе.

IV.

Обязанность *непосредственного* исследования доказательств в судебном заседании суд при рассмотрении настоящего дела *подменил* оглашением показаний нескольких свидетелей в процессе следствия по делу, *незаконно* возбужденному в отношении Байриева Прокуратурой ТССР, сославшись на то, что: пояснения осужденной Волоховой Л. И., данные в ходе предварительного и судебного следствия, и свидетеля Черкасовой Н. дают достаточно данных считать, что Байриев Ч. Б. совершил аморальные поступки (стр. 2 Решения).

При этом суд не учел *следующего*:

Известно, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 ноября 1977 г. "Об амнистии" было постановлено *прекратить* производством все следственные дела о преступлениях, совершенных до вступления Указа в силу, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 5 лет (п. 7 Указа).

В нарушение этого предписания Закона и требований ст. 6 п. 4 УПК ТССР, прямо предусматривающей, что в подобных случаях дело *не может быть возбуждено*, следователь Прокуратуры ТССР счел возможным 25 ноября 1977 г. возбудить в отношении Байриева уголовное дело по

признакам совершения преступления, предусмотренного ст. 123 УК ТССР, санкция которой ниже 5 лет лишения свободы.

Мало того, указанное дело было возбуждено с грубым нарушением требований ст. 6 п. 7 УПК ТССР, при отсутствии жалоб потерпевших.

В процессе этого искусственного, незаконно созданного дела против Байриева было выдвинуто обвинение и по ст. 191 ч. 1 ТССР в том, что якобы в 1972 г. он способствовал незаконному зачислению в институт гр. Капура В. И.

В дальнейшем, 22 мая 1978 г. следователь Прокуратуры ТССР Иванов вынес Постановление о прекращении указанного дела на основании п. 7 Указа "Об амнистии" от 4 ноября 1977 г. и при этом в своем Постановлении записал (дословно):

"Таким образом, Байриев Ч. Б. совершил преступление, предусмотренное ст. 123 и ч. 1 ст. 191 УК ТССР".

Таким образом, без всякого суда, в нарушение основных положений Конституции, следователь признал Байриева виновным в совершении преступлений, т. е. *преступником*.

Подобная формулировка следователя не только нанесла ущерб чести и достоинству Байриева, но и привела к тому, что на основании этого Постановления, по представлению Прокуратуры ТССР, Байриев, как совершивший преступление, Приказом ректора Туркменского государственного мед. института от 28 июня 1978 г. № 32 был уволен с работы, с должности зав. кафедрой факультетской хирургии, в которой он проработал 23 года, и, будучи профессором, доктором медицинских наук, член-корреспондентом Академии наук Туркменской ССР, вынужден был в течение многих лет работать рядовым врачом-хирургом.

Многочисленные жалобы Байриева о незаконности возбуждения против него уголовного дела и об отмене незаконного постановления следователя Прокуратурой ТССР неизменно отклонялись.

Только 24 июня 1982 года незаконное постановление следователя было отменено Главным следственным управлением Прокуратуры СССР, и дело обращено на дополнительное расследование (л. д. 65).

В процессе дополнительного расследования уголовное дело по ст. 191 ч. 1 УК ТССР (злоупотребление служебным положением) было производством прекращено за *недоказанностью* участия Байриева в совершении преступления, на основании ст. 216 п. 2 УПК ТССР (л. д. 4).

В остальной части, по обвинению Байриева по ст. 123 УК ТССР, следователем Прокуратуры ТССР т. Рябусовой было вынесено 17 марта 1983 г. Постановление о прекращении дела за истечением сроков *давности*.

Против прекращения дела с подобной формулировкой Байриев категорически возражал, в связи с чем им было заявлено ходатайство о его отмене и направлении дела в суд.

В указанном ходатайстве, возражая против прекращения дела за истечением сроков давности или в силу Указа "Об амнистии", Байриев просил о прекращении дела на основании ст. 6 п. 1 УПК ТССР (за отсутствием события преступления) и одновременно настаивал на том, что если дело не будет прекращено по этим основаниям и с него не будет снято грязное пятно, позорящее не только его, но и всю семью, чтобы дело было бы передано на рассмотрение суда.

По настоянию Байриева незаконное постановление следователя т. Рябусовой было отменено, и дело передано на рассмотрение Народного суда Пролетарского р-на г. Ашхабада, который, однако, 11 июля 1983 года, в Распорядительном заседании, дело производством прекратил, указав в своем Определении, что уголовное дело в отношении Байриева по ст. 123 УК было возбуждено необоснованно, с грубым нарушением требований ст. 6 п. 7 УПК ТССР. (л. д. 5)

Таким образом, в настоящее время нет не только судебного приговора — единственного законного документа, согласно которому Байриев на основании ст. 160 Конституции ССР мог быть признан виновным в совершении преступления, но и не имеется никакого другого документа, признающего Байриева виновным в совершении преступления — понуждения к сожительству студенток мединститута.

Никаких доказательств его аморального поведения у ответчика не было и нет, и поэтому не случайно в приказе об увольнении Байриева он ссылается на единственное основание — Представление Прокуратуры ТССР, которое сейчас, после прекращения дела судом, *потеряло законную*

силу, равно как и все другие процессуальные документы этого искусственного незаконно созданного дела.

Нельзя не обратить внимание и на облик “потерпевших” — Волоховой и Черкасовой (Анисимовой Н.), которых Байриев, якобы, понуждал к сожительству.

Обе они, как это установлено судебным приговором коллегии Ашхабадского облсуда от 3 октября 1977 г. по делу Волоховой, вели аморальный, развратный образ жизни, посещали притон Анисимовой А. М., где за деньги вступали в половые отношения с совершенно незнакомыми мужчинами.

Волохова кроме того совершила тяжкое преступление — убийство трех лиц, за что она осуждена на 15 лет лишения свободы и в настоящее время отбывает наказание в исправительно-трудовой колонии. (см. копию Приговора по делу Волоховой — л. д. 109-136)

Из протеста Генерального прокурора СССР и Постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 августа 1980 г. усматривается, что Волохова оговорила врача Аманкулиева, в результате чего последний необоснованно был осужден на 10 лет лишения свободы, из которых *три года* безвинно содержался под стражей (Пленум Верховного суда СССР прекратил дело в отношении Аманкулиева и полностью его реабилитировал). В процессе следствия, как отметил в своем Постановлении Пленум Верховного суда СССР, Волохова *оговорила и других лиц*. (см. Постановление Пленума Верховного суда СССР — л. д. 67-73)

На это же обращено внимание и в очерке “Защита”, опубликованном в журнале “Журналист” (издание газеты “Правда” и Союза журналистов СССР), где значится:

“В числе пособников она (Волохова) назвала не только Овезова и Пепчука, но и директора таксомоторного парка, управляющего аптекой, заведующего фотографией, председателя колхоза. Не постеснялась назвать и бывшего ректора Ашхабадского Медицинского института, член-корреспондента АМН Туркменской ССР” (см. журнал “Журналист” № 4, 1981 г., стр. 57).

Касаясь этих показаний Волоховой, Пленум Верховного суда СССР в своем Постановлении записал (это же отражено и в протесте Генерального прокурора СССР):

“Следственные органы обоснованно признали показания Волоховой в отношении этих лиц оговором” (стр. 3 Постановления).

И далее:

“Суммируя приведенные соображения, Пленум Верховного суда СССР считает, что материалы дела не позволяют расценить показания Волоховой в отношении Аманкулиева иначе как оговор” (стр. 7 Постановления).

Указанное постановление Пленума Верховного суда СССР опубликовано в “Бюллетене Верховного суда СССР” № 6, 1981 г., стр. 6-9 (л. д. 74-76).

За недостойное поведение в быту Байриевым как ректором института был объявлен студентке Волоховой выговор с занесением в личное дело, с последним предупреждением. (л. д. 52)

Аналогичным образом характеризуется и Черкасова (Анисимова Н.), которая за все время учебы в институте трижды приказами по институту лишалась стипендии, за аморальное поведение была исключена из членов ВЛКСМ и отчислена из института. (л. д. 51)

В процессе расследования дела Черкасова, также как и Волохова, *оговорила других лиц*, которые, якобы, понуждали ее к сожительству. Впоследствии Черкасова от этих показаний отказалась, созналась в *оговоре*, в результате чего следственными органами дело в отношении этих лиц — Джапарова и Джумадурдыева — было производством прекращено. (л. д. 40-42)

В своем собственноручном объяснении от 10 июля 1978 г. Черкасова призналась, что в половую связь с Байриевым никогда не вступала. (л. д. 58)

По вопросу незаконного увольнения с работы Байриев обращался за разъяснением в ЦК профсоюза Медицинских работников ВЦСПС (г. Москва), откуда получил разъяснение, что по этому вопросу, на основании п. 5 Положения “О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда”, в соответствии с Указом Президиума Верховного совета СССР от 18 мая 1981 г. и п. 37 Положения о порядке рассмотрения трудовых споров, утвержденного Указом Президиума Верховного Со-

вета СССР от 20 мая 1974 г., ему необходимо обратиться непосредственно в народный суд. (л. д. 62)

При оценке показаний Волоховой и Черкасовой в процессе незаконно возбужденного против Байриева дела, не учел суд и следующего:

Далее следовало изложение доводов, опровергающих показания Волоховой и Черкасовой. Тех самых, которые подробно анализировались в многократных жалобах защиты. Заканчивал же я свою жалобу следующим:

По изложенным соображениям прошу:

1. Истребовать из Ашхабадского Городского суда указанное дело.
2. Истребовать одновременно из Народного суда Пролетарского р-на г. Ашхабада дело Байриева Ч. Б., прекращенное в Распорядительном заседании, и из Ашхабадского Облсуда — дело по обвинению Волоховой Л. И.
3. Внести протест на предмет отмены Решения коллегии Ашхабадского Горсуда и Определения коллегии Верховсуда ТССР и вынесения нового решения о восстановлении Байриева Ч. Б. на работе с оплатой за время вынужденного прогула.

Приложение:

1. Копия Решения Ашхабадского Горсуда на 2-х лист.
2. Копия Определения коллегии Верховсуда ТССР на 2-х листах.
3. Руководство по эксплуатации бытового кондиционера — на 23 лист.
4. Ордер юрконсультации на ведение дела.

Адвокат

(А. Л. Мове)

"16" мая 1984 г.

Ответ не заставил себя долго ждать.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

123816, г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная юридическая
консультация
адвокату Мове А. Д.

103793, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

16: 08.84 № 8/1381-84

На № _____ от _____

По Вашей жалобе в защиту интересов гр-на Байраева Ч.Б. проверено в порядке надзора гражданское дело о восстановлении на работе.

Из материалов уголовного дела по обвинению Байраева Ч.Б. в совершении преступления, предусмотренного ст. 123 УК Туркменской ССР, усматривается, что работая с 1970 г. по 1977 г. ректором Туркменского государственного медицинского института и заведующим кафедрой факультетской хирургии, Байраев понуждал находившихся от него в зависимом положении студентов медицинского института к вступлению с ним в половую связь.

Так, в декабре 1973 года он понуждал к вступлению в половую связь студентку медицинского института Анисимову /име Черкасову/ Н.С., а в октябре 1974 года и июне-июле 1975 года - Волохову Л.И.

Поскольку Байраев совершил аморальные проступки, несовместимые с продолжением преподавательской деятельности, он приказом от 28.06.78 с согласия профсоюзного комитета освобожден от должности заведующего кафедрой факультетской хирургии по ст. 34 п.3 КЗоТ ТССР.

Довод, что Волохова и Черкасова вели аморальный образ жизни и оговорили Байраева, признан судом несостоятельным.

В судебном заседании были оглашены протоколы допросов этих лиц. В своих показаниях в процессе следствия и во время очной ставки они утверждали, что Байраев понуждал их к вступлению в половую связь. Их объяснения признаны судом объективными.

Ссылка на то, что вина Байраева в совершении преступления, предусмотренного ст. 123 УК ТССР, не установлена и уголовное дело в отношении его прекращено, поэтому он подлежит восстановлению на работе, правильно не принята судом во внимание. Истец освобожден от должности не в связи с совершением преступления, а за аморальные проступки, несовместимые с выполнением воспитательных функций.

При разрешении спора нормы процессуального права судом не нарушены.

Решение Апхабадского городского суда от 27.02.84 об отказе Байриеву в иске о восстановлении на работе соответствует фактическим обстоятельствам дела и требованиям закона.

Жалоба оставлена без удовлетворения.

Документы возвращаются.

Приложение: на 5 л. и техпаспорт.

Священный помощник Генерального
прокурора СССР

государственный советник юстиции
3 класса

П.А. Зеленский

Этот довольно странный, мягко выражаясь, ответ был мною обжалован, и с жалобой я был на личном приеме у Начальника отдела по надзору за рассмотрением гражданских дел в судах Ю. А. Зеленского. Прием оставил гнетущее впечатление. Должен оговориться, что гражданскими делами я вообще не занимаюсь. Веду исключительно дела уголовные. В данном случае волею судьбы я оказался втянутым в разрешение гражданского, а точнее, трудового спора. И все то, что я увидел и испытал в судебно-прокурорских инстанциях, занимающихся разрешением этих дел, буквально повергло меня в глубокое уныние: тяжба тянется годами, такое впечатление, что чиновники, занимающиеся этими делами, только то и делают, чтобы "отфутболить" дело куда-нибудь подальше от себя, затянуть, заволочить его. Никакого желания напрячься, вникнуть в существо документа, как-то разобраться в нем — нет начисто. Разумеется, все это относится далеко не ко всем сотрудникам этой важной сферы судебно-прокурорской деятельности, но к тем, с кем лично мне пришлось встретиться, и в частности, к т. Зеленскому, это, как мне кажется, имеет самое непосредственное отношение. Человек отработывал свою должность. Во всяком случае, именно такое лично у меня сложилось впечатленье.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Адвоката А. Л. Мове,
г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8 Мособлюрконсультация

№ 8/1381-84
от 16/VIII-84 г.

По делу иска
Байриева Чары Байриевича
о восстановлении на работе
(на решение Ашхабадского
Горсуда)

ЖАЛОБА

Известно, что при рассмотрении дела суд первой инстанции обязан *непосредственно* исследовать все *доказательства* и, в частности, показания *свидетелей* (ст. 146 ГПК РСФСР и соответствующая ей статья ГПК ТССР). При этом, в точном соответствии с законом (ст. 35 ГПК ТССР), сторона может быть *освобождена* от обязанностей представления соответствующих доказательств только при наличии вступившего в законную силу *приговора*.

Этот, один из основных принципов процесса — принцип *непосредственности* — был грубо нарушен при рассмотрении данного дела. Ссылка суда в решении на доказанность аморального поведения Байриева показаниями *свидетелей* Волоховой и Черкасовой, допрошенных в процессе *незаконно* возбужденного против Байриева дела (см. Определение Народного суда Пролетарского района г. Ашхабада от 11 июня 1983 г. — л. д. 5), *оглашенными* в судебном заседании, является несостоятельной.

Оглашение показаний этих свидетелей произведено судом вопреки требованиям ст. 174 ГПК РСФСР (и соответствующей ей статье ГПК ТССР), поскольку свидетели Волохова и Черкасова в суд *не вызывались*, и никаких поручений об их допросе суд не давал.

Помимо этого установлено, что в процессе следствия как Волохова, так и Черкасова, *оговорили* не только Байриева, но и целый ряд *других лиц*, и, таким образом без

надлежащей проверки их показаний в суде, делать вывод о достоверности их показаний в отношении Байриева, недопустимо (см. Протест Генерального прокурора СССР и Постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Аманкулиева — л. д. 67-73, Постановления о прекращении дел — л. д. 40-42 и дело Волоховой — т. 2 л. д. 199 и др.)

Очевидно, что при таких обстоятельствах вряд ли возможно согласиться с т. Ю. А. Заленским, который в ответ на жалобу защиты сослался на то, что "при разрешении спора *нормы процессуального права судом нарушены не были*" и что аморальные проступки Байриева доказаны *оглашенными* в суде протоколами допросов Волоховой и Черкасовой в процессе следствия.

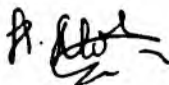
Более подробно несостоятельность судебного решения изложена в жалобе, находящейся в Прокуратуре СССР.

По изложенным соображениям и учитывая, что суд практически уклонился *от непосредственного* рассмотрения данного дела, лишив тем самым Байриева возможности судебной защиты, прошу принятое т. Ю. А. Заленским решение *пересмотреть*.

Приложение:

1. Копия решения Ашхабадского горсуда на 2-х листах.
2. Копия Определения коллегии Верхсуда ТССР на 2-х листах.

Адвокат

(А. Л. Мове)

"13" сентября 1984 г.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103793 Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

16 II.84, № 8/1381-84

123816, г.Москва, ул.Баррикадная,
дом 8

Московская областная юридическая
консультация

адвокату Мове А.Л.

По Вашей жалобе, поступившей на личном приеме, вторично научены материалы прекращенного уголовного дела в отношении Байриева И.Б., проверено в порядке надзора гражданское дело о восстановлении на работе.

Органами следствия установлено, что Байриев поучудил к вступлению в половую связь студенток медицинского института, находившихся от него в зависимом положении. Данное обстоятельство подтверждено объяснениями потерпевших Волоховой и Черкасовой, а также другими материалами дела.

Уголовное дело в отношении Байриева прекращено не в связи о отсутствием в его действиях состава преступления, а потому, что потерпевшие не подали заявления о привлечении Байриева к уголовной ответственности за поучдение их к вступлению в половую связь.

Совершенные истцом проступки несовместимы с выполнением им воспитательных функций, поэтому он обоснованно уволен с работы по ст. 34 п.3 КЗоТ Туркменской ССР.

Решение суда об отказе истцу в иске о восстановлении на работе соответствует требованиям закона.

Доводы, приведенные Вами в жалобе, оснований к опротестованию данного судебного решения являются не могут.

Жалоба оставлена без удовлетворения.

Начальник отдела по надзору
за рассмотрением гражданских
дел в судах

государственный советник
Юстиции 2 класса

И.А.Заленский

И.А.Заленский

Что оставалось делать? Путь теперь был один: обжаловать явно необоснованные отрицательные ответа Заленского и постараться попасть на личный прием к Заместителю Генерального прокурора СССР С. А. Шишкову. До этого, по моему совету, Байриев решил обратиться за поддержкой к ученым и, в частности, к одному из ведущих специалистов в области процессуального права доктору юридических наук А. М. Ларину.

Составив обстоятельную жалобу и приобщив к ней письмо-заключение А. М. Ларина, я отправился “пробивать” личный прием у руководства Прокуратуры СССР.

Не могу здесь не остановиться на том порядке приема граждан и адвокатов, который с некоторых пор был установлен в этой высокой инстанции.

Внешне, с виду, все обстояло вполне благопристойно и в рамках закона: на видном месте в Приемной Прокуратуры СССР был вывешен график приема граждан работниками Прокуратуры СССР — от дежурного прокурора до Генерального прокурора. Кстати, точно такие графики имелись и в Приемных Верховного суда СССР и Верховного суда РСФСР. Но в отличие от этих инстанций, где порядок приема граждан (от рядового работника до председателя Верховного суда СССР) неуклонно соблюдался, в Прокуратуре СССР был заведен такой порядок (а точнее “непорядок”), когда вопрос о личном приеме у Заместителя или Генерального Прокурора СССР решался не этими лицами, а работниками, зачастую не имеющими никакого отношения к этому. Несложно представить себе во что превращалась процедура записи на личный прием к руководству Прокуратуры СССР, если решение этого вопроса передавалось на усмотрение работника недостаточно грамотного и эрудированного, страдающего болезненной манией величия, зараженного одной единственной страстью — “не пущать”. Такую роль в Прокуратуре СССР, как мне кажется, выполняла Альбина Тимофеевна Тернюк, которая буквально грудью своей защищала “начальство” от забот по приему посетителей.

В прошлом, как говорят, перефирийный, довольно средний адвокат, Альбина Тимофеевна совсем вроде бы не случайно оказалась в Москве в высокой должности Заместителя начальника Приемной Прокуратуры СССР. Важная и напыщенная она как бы олицетворяла собой могучую неприступность если не всей Прокуратуры, то во всяком случае ее высокого руководства. Кто наделил ее правом “пущать” или “не пущать”, кто разрешил нарушать вывешенный в приемной “График приема”, мне неизвестно, но так это было ею заведено, и могу лишь засвидетельствовать, сколько нареканий, слез, а порой и проклятий, сыпалось на ее голову из-за ее непреклонного “нет!”, воздвигнутого на пути к личному приему у начальства.

— А знало ли обо всем этом высокое начальство?

— Ведало ли о том, что не оно, а она, Альбина Тимофеевна, берет на себя решение такой серьезной задачи как определение того — заслуживает или не заслуживает тот или иной жалобщик чести быть им принятым? Вот, на поверку, от кого порой зависела судьба человека, судьба дела. Впрочем, это сугубо мое личное мнение и впечатление.

К сожалению, не обошло все это стороной и дело профессора Байриева.

На личный прием к Заместителю Генерального прокурора СССР Альбина Тимофеевна записать меня не велела — слишком уж ординарным показалось ей это дело.

И пришлось адвокату опустить жалобу в почтовый ящик, естественно, вместе с заключением доктора юридических наук, старшего научного сотрудника Института государства и права АН СССР А. М. Ларина.

Из досье адвоката

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
тов. С. А. Шишкову

Адвоката А. Л. Мове,

г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная юридическая
консультация

№ 8/1381-84

По делу иска

Байриева Чары Байриевича

(на Решение Ашхабадского Гор-
нарсуда)

О восстановлении на работе

ЖАЛОБА

На жалобу, поданную в Прокуратуру СССР, мною получен отрицательный ответ за подписью Нач. отдела Ю. А. Заленского, в котором он признает правильным судебное решение, ссылаясь на то, что

“Органами следствия установлено, что Байриев понуждал к вступлению в половую связь студентов, находящихся от него в зависимом положении”.

Между тем:

1. Известно, что при рассмотрении дела суд первой инстанции обязан *непосредственно* исследовать все *доказательства* и, в частности, показания *свидетелей* (ст. 148 ГПК ТССР). При этом, в точном соответствии с законом (ст. 36 ГПК ТССР), сторона может быть *освобождена* от обязанностей представления доказательств только при наличии вступившего в законную силу *приговора*.

Этот, один из основных принципов процесса — принцип *непосредственности* — был грубо нарушен при рассмотрении данного дела. Ссылка суда в решении на доказанность аморального поведения Байриева отдельными выписками из показаний *свидетелей* Волоховой и Черкасовой в процессе *незаконно* возбужденного против Байриева дела, *оглашенными* в судебном заседании, является несостоятельной.

Выборочное *оглашение* показаний этих свидетелей произведено судом вопреки требованиям ст. 176 ГПК ТССР, поскольку никаких поручений об их допросе суд не давал.

Помимо этого, установлено, что в процессе следствия как Волохова, так и Черкасова, *оговорили* не только Байриева, но и целый ряд *других лиц*, и таким образом без надлежащей полной проверки из показаний в суде делать вывод о достоверности их показаний в отношении Байриева недопустимо (см. Протест Генерального прокурора СССР и Постановление пленума Верховного суда СССР по делу Аманкулиева — л. д. 67-73, Постановления о прекращении дела — л. д. 40-42 и дела Волоховой — т. 2 л. д. 199 и др.).

Очевидно, что при таких обстоятельствах вряд ли возможно говорить о том, что “при разрешении спора *нормы процессуального права судом нарушены не были*” (см. ответ Заленского от 16 августа 1984 г.)

2. В своем решении (стр. 2) суд совершенно справедливо указывает, что (дословно):

“Доказательства совершенного Байриевым преступления в судебном заседании (по уголовному делу — А. М.) не исследовались, оценка им не дана и дана быть не могла, поскольку дело производством прекращено” (в распорядительном заседании — А. М.).

Казалось бы, что при таких обстоятельствах суд при рассмотрении *гражданского* дела должен проявить особую

требовательность к полной и всесторонней проверке тех доказательств, на основании которых Байриев был уволен с работы. Вместе этого суд в своем решении записал:

“В гражданском судопроизводстве по настоящему делу эти доказательства также исследованы быть не могут, поскольку речь идет о прекращении уголовного дела” (?!) — стр. 2.

Изложенное свидетельствует о том, что суд построил свое решение на доказательствах, собранных в процессе незаконно возбужденного уголовного дела, которые не были надлежащим образом, в полном объеме, проверены и оценены не только при рассмотрении уголовного дела по обвинению Байриева по ст. 123 УК ТССР, но и при рассмотрении гражданского дела по иску Байриева о восстановлении на работе.

— Но с каких это пор и по какому закону материалы предварительного следствия (к тому же проведенного незаконно), безо всякой проверки, могут быть положены в основу судебных решений?

3. *“Не анализируя доказательств, — пишет далее суд в решении, — и не делая вывод о виновности или невинности Байриева..., судебная коллегия считает, что представленные истцом и ответчиком материалы, а так же документы (пояснения Волоховой Л. И., данные в ходе предварительного и судебного следствия по ее обвинению, свидетеля Черкасовой Н., Представление органов прокуратуры) дают достаточно данных считать, что Байриев совершил аморальные проступки” (?!).*

И это при том, что

а) Никаких материалов, свидетельствующих об аморальном поведении Байриева, истец и ответчик в суд не представляли, и таких материалов в деле нет. Далекое не случайно суд в решении не указывает, какие именно материалы он имеет в виду.

б) В порядке досудебной подготовки судом дважды, 23 января 1984 г. и 8 февраля 1984 г., выносились *Определения об этапировании* из лагеря Волоховой для допроса ее в суде (л. д. 37, 102).

Никаких сведений о причинах неявки Волоховой в суд в материалах дела не имеется.

Невзирая на все это, невзирая на отсутствие данных, свидетельствующих о невозможности доставления Волоховой в судебное заседание, суд тем не менее вопреки собственным Определениям счел возможным, в нарушение требований ст. 148 ГПК, безмотивно уклониться от допроса Волоховой, ограничившись *выборочным* оглашением ее показаний.

в) Хотя свид. Черкасова в судебное заседание не вызывалась (а позаботиться об этом должен был ответчик, на котором лежит бремя доказывания факта аморального поведения), суд, в нарушение требований ст. 148 ГПК, счел возможным *выборочно огласить* ее показания (т. 3 л. д. 106), полностью игнорируя все другие ее показания (т. 3 л. д. 175, собственноручные объяснения л. д. 53 и др.) и все другие доказательства, проверяющие показания Черкасовой.

Суммируя изложенное, нельзя не признать, что в нарушение требований ст. 146, 174, 175 ГПК и п. 1, 4, 8¹ Руководящего постановления Пленума Верховного суда СССР № 8 от 11 октября 1965 г. с изменениями, внесенными Постановлением Пленума от 3 июня 1977 г. № 7 "О практике применения судами процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел", суд уклонился от *непосредственного* исследования показаний Волоховой и Черкасовой в суде путем их *допроса*.

Если к этому добавить, что суд *безмотивно* отклонил ходатайство истца о *вызове* и допросе целого ряда *свидетелей*, могущих опровергнуть голословные и крайне противоречивые показания Волоховой и Черкасовой (л. д. 143-144), станет понятным, что Байриев фактически был лишен своего законного права на *судебную защиту*.

Более подробно мотивы необоснованности судебного решения изложены в жалобах, имеющихся в Прокуратуре СССР.

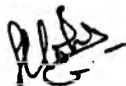
По изложенным основаниям прошу принятое решение пересмотреть.

Приложение:

1. Копия Решения Ашхабадского Горнарсуда — на 2-х л.
2. Копия Определения коллегии Верхсуда ТССР — на 2-х л.

3. Сообщение ст. научного сотрудника Института
государства и права АН СССР А. М. Ларина.

Адвокат

(А. Л. Мове)

"18" июня 1985 г.

Документ

Копия

744006 г. Ашхабад, ул. Молла-Непеса, 37 Член-
корреспонденту АН Туркменской ССР Байриеву Ч. Б.

Уважаемый Чары Байриевич!

Ваше письмо по поводу опубликованного в "Известиях" материала "Защита чести и достоинства" получил. Что могу ответить на поставленные Вами в связи с этим вопросы?

Советские законы ясны, понятны, и Вы в них, видимо, правильно ориентируетесь.

Действительно, согласно ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР "О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей" от 18 мая 1981 г., в случаях прекращения дела за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления привлечение к уголовной ответственности считается незаконным, и гражданин имеет право на возмещение ущерба. Следовательно, прекращение за недоказанностью дела по обвинению Вас в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 191 УК Туркменской ССР, дает Вам право на возмещение ущерба, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности.

То обстоятельство, что наряду с этим в отношении Вас было незаконно возбуждено уголовное дело о преступлениях, предусмотренных ст. 123 Туркменской ССР, ни в коей мере не умаляет Ваше право на возмещение ущерба.

В соответствии со ст. 2 Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного тем же Указом от 18 мая 1981 г., возмещению подлежит, в частности, заработок, которого лишился гражданин в связи с привлечением к

уголовной ответственности, а также суммы, выплаченные юридической консультации за оказание юридической помощи.

Согласно ст. 5 Положения гражданину, отстраненному от должности в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности, должна быть предоставлена прежняя должность (если его обращение по этому вопросу последовало в течение трех месяцев с момента вынесения постановления о прекращении уголовного дела).

Поскольку дело по обвинению Вас в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 191 УК Туркменской ССР, прекращено следователем прокуратуры, по вопросу об определении размера причиненного ущерба согласно п. II Положения Вам следовало обратиться в ту же прокуратуру.

С требованием о восстановлении трудовых прав Вы правильно обратились в суд.

Решение судебной коллегии по гражданским делам Ашхабадского городского суда от 27 февраля 1984 г. об отказе в восстановлении на работу мотивировано тем, что истец "совершил аморальные поступки в период работы в медицинском институте (вступление в интимные отношения со студентками), несовместимые с воспитательно-педагогической деятельностью". Увольнение педагога с работы и отказ в восстановлении по таким мотивам, я думаю, в принципе возможны и при том условии, что уголовное дело прекращено за отсутствием жалоб потерпевших или даже вообще не было возбуждено.

Однако при ознакомлении с решением судебной коллегии по гражданским делам Ашхабадского областного суда возникают сомнения в его обоснованности. В качестве доказательств, подтверждающих вступление истца в интимные отношения со студентками, в решении сделана ссылка на материалы, а также документы, приобщенные к настоящему делу и исследованные судом (пояснения осужденной Волоховой Л. И., данные в ходе предварительного и судебного следствия по делу по ее обвинению, свидетеля Черкасовой Н., представление органов прокуратуры, приказ по мед. институту и другие).

Здесь, я полагаю, допущено смещение понятий. Представление следователя, прокурора должно быть основано на доказательствах, но само по себе доказательством не является. Нельзя согласиться с рассуждением суда: *"Это представление не отменено и не изменено в установлен-*

ном законом порядке, его исполнение было обязательно для администрации мед. института". Думаю, это неверно. Прокуратуре не дано право решать или предрешать вопрос об увольнении сотрудников медицинского института. И если такое представление было внесено, то его нельзя признать законным и обязательным для исполнения администрацией института. Тем более, это представление ничем не связывает суд в своем решении.

Не может служить доказательством по данному делу и приказ об увольнении. Истец требует восстановления на работе, т. е. отмены приказа об увольнении. Таким образом, вопрос о законности и обоснованности приказа является предметом спора. Поэтому ссылаться на этот приказ в обоснование решения — значит подменять аргументы тезисом, т. е. допускать грубую логическую ошибку.

Из того, что в приказе об увольнении воспроизведено содержание представления прокуратуры, суд, как я полагаю, неправильно заключает: "поэтому приказ об увольнении Байриева Ч. Б. является законным и обоснованным, а выводы и факты, указанные в нем, являются достоверными и обоснованными".

Если представление было незаконным и необоснованным, то незаконен и необоснован воспроизводящий это представление приказ об увольнении. Значит, суд должен был не априорно исходить из законности и обоснованности этих документов, а исследовать их законность и обоснованность посредством доказательств.

Какими же доказательствами располагал суд? Помимо представления прокуратуры и приказа об увольнении суд называет "пояснения осужденной Волоховой Л. И. ... по делу по ее обвинению, свидетеля Черкасовой Н."

Из текста решения видно, что суд ознакомился с протоколами допросов или письменными объяснениями Волоховой и Черкасовой, но не допросил их.

Таким образом нарушен принцип непосредственности, согласно которому суд первой инстанции при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать показания свидетелей и др. (ст. 35 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик). На мой взгляд, данное нарушение является существенным. Ведь показания Волоховой и Черкасовой являются единственным источником сведений по вопросу

о приписываемых истцу аморальных поступков как основании увольнения, т. е. о главном факте дела.

Таковы мои соображения по поводу Вашего письма и приложенных к нему копий судебных документов.

Что же касается практической помощи, то здесь я бес силен. Как и другие научные работники я не вправе принимать поручения об оказании юридической помощи гражданам. Этим занимаются адвокаты. Они, несомненно, квалифицированно помогут составить жалобу на решение Ашхабадского городского суда или на последующие решения по Вашему делу, если они Вас не удовлетворяют.

Желаю Вам успеха.

Ст. научный сотрудник Института
государства и права АН ССР
доктор юридических наук

А. М. Ларин

20.02.85 г.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103793, Москва, К-8, Пушкинская, 15-а

№ 07.85 от 8/1381-84

№ № _____ от _____

123816, г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8

Московская областная юридическая
консультация

адвокату Мове А.Л.

Ваша жалоба в интересах Байраева Ч.Б. на судебные постановления по трудовому спору проверена.

Дав оценку собранным доказательствам, суд правильно пришел к выводу о том, что администрация Туркменского государственного медицинского института имела основания для расторжения с Байраевым Ч.Б. трудового договора по п.3 ст.34 Туркменской ССР, за совершённые проступки, несовместимые с выполнением воспитательных функций.

При таких обстоятельствах оснований для опротестования судебного решения об отказе Байраеву Ч.Б. в иске о восстановлении на работе не имеется.

Приложение: на 17 л.

Заместитель Генерального
прокурора СССР
государственный советник
юстиции I класса

С.А. Васьков

Попытался после этого я еще раз "прорваться" на прием к заместителю Генерального прокурора СССР, написал об этом официальное заявление в адрес Начальника приемной, но получил, как говорят, "от ворот поворот".

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

Приемная

103793, Москва, К-9, Советская пл., 8

3.08.85 № 24/6-85

123816, Москва, ул. Баррикадная
д 8

Московская областная
юридическая консультация
адвокату Мове А. Д.

Ваше заявление о личном приеме по делу Байриева Ч.Б. рассмотрено. В Прокуратуре Союза ССР Вы были приняты прокурором в руководителю отдела по надзору за рассмотрением гражданских дел в судах. Дело проверено непосредственно в Прокуратуре СССР. Заместителем Генерального прокурора СССР принято решение об обоснованности судебных постановлений об отказе в иске Байриеву о восстановлении на работе. Ответ Вам дан.

При таких обстоятельствах Ваша просьба о личном приеме руководством Прокуратуры Союза ССР оставлена без удовлетворения.

Заместитель начальника
государственной советники
вотации 3 класса.

А.Т.Террик

Одновременно с попыткой пробиться на прием к Заместителю Генерального Прокурора СССР С. А. Шишкову мною было направлено заявление Заместителю Генерального Прокурора СССР О. В. Со-рока.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
г. О. В. Сорока

№ 15/343-78

Адвоката А. Л. Мове

г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8 Московская областная
юридическая консультация

По делу

Байриева Чары Байриевича,
обв. по ст. 123 УК ТССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

Известно, что следователь вправе вносить *представления* в соответствующие предприятия и учреждения о принятии мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступления, только в процессе *расследования* дела (ст. 152 УПК ТССР, ст. 55 и 56 Основ уголовного судопроизводства).

При этом "недопустимо под видом проверки проводить расследование в целях получения более "весомых" результатов на стадии возбуждения дела" (см. Комментарии к Закону о прокуратуре СССР под редакцией А. М. Рекункова, Москва, "Юридическая литература", 1984 г., стр. 132).

Хорошо зная обо всем этом, но задавшись целью *искусственно* обойти указанные законоположения, следователь Прокуратуры Туркменской ССР 25 ноября 1977 г. явно *незаконно*, с нарушением п. 7 Указа "Об амнистии" от 4 ноября 1977 г. и ст. 123 ч. 3 УПК ТССР возбудил уголовное дело по факту совершения Байриевым Чары Байриевичем преступления, предусмотренного ст. 123 УК ТССР.

В результате незаконно проведенного расследования было вынесено незаконное *Постановление* о прекращении дела в отношении Байриева в силу Указа "Об амнистии", и одновременно, руководствуясь ст. 152 УПК ТССР, следователем Ивановым было направлено в адрес Министра Здравоохранения ТССР *незаконное представление* об освобождении Байриева от работы, в котором, в частности, содержалась ссылка на то, что

“Байриев следствием признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 191 УК ТССР и что уголовное преследование в отношении него прекращено в связи с актом об Амнистии”. (т. 3 л. д. 208)

На основании данного незаконного Представления следователя Байриев был уволен с работы, с должности зав. кафедры Мед. института, при этом в приказе об увольнении появилась ссылка на то, что

“Байриев, злоупотребляя служебным положением, принуждал студенток к сожительству, и следствием признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 191 УК ТССР”. (т. 3 л. д. 26)

Только 24 июня 1982 г. главным следственным Управлением Прокуратуры СССР указанное незаконное Постановление было отменено и дело обращено на дополнительное расследование. (т. 3 л. д. 1-2)

В процессе дополнительного расследования дело по ст. 191 ч. 1 УК ТССР было прекращено за *недоказанностью* обвинения, а по ст. 123 УК ТССР следователь вынес постановление о прекращении дела за *давностью*. (т. 3 л. д. 187-191)

Категорически возражая против предъявленного ему обвинения по ст. 123 УК, Байриев заявил *ходатайство* об отмене Постановления о прекращении дела в этой части и передаче его на рассмотрение в суд.

По ходатайству Байриева дело было направлено на рассмотрение в Народный суд Пролетарского р-на г. Ашхабада, где, как надеялся Байриев, он сможет добиться реабилитации.

Однако своим Определением от 17 июля 1983 г. Народный суд в *Распорядительном* заседании дело производством прекратил, сославшись на то, то дело это возбуждено следователем незаконно, в противоречии с требованиями ст. 6 и 123 ч. 3 УПК ТССР.

По изложенным соображениям и учитывая, что:

а) Только после *законно возбужденного* уголовного дела допустимо производить *следственные действия*, и что таким образом все следственные документы, появившиеся

в результате незаконно возбужденного дела, признаются незаконными.

б) Только при установлении *следствием* причин *преступления*, следователь вправе и обязан вносить соответствующее *представление* о принятии мер по устранению причин и условий совершения преступления (см. Комментарий к "Закону о Прокуратуре СССР", стр. 131, 136).

в) Только судебным приговором, а не решением следственных органов на основании ст. 160 Конституции СССР, Байриев мог быть признан виновным в совершении преступления.

С учетом того, что в указанном Представлении и Приказе ректора Мед. института содержатся сведения, порочащие Байриева, унижающие его честь и достоинство, прошу Вас, в порядке надзора за исполнением законов должностными лицами и органами дознания и следствия (ст. 22 и 28 Закона о прокуратуре СССР), дать указание об *отзыве* из Министерства здравоохранения ТССР и Туркменского Мед. института незаконного *представления* следователя т. Иванова.

Приложение:

1. Постановление Главного следственного управления прокуратуры СССР от 24 июня 1982 г. (копия).
2. Сообщение следователя т. Рябусовой Н. от 3 марта 1983 г. о прекращении дела по ст. 191 ч. 1 УК ТССР (копия).
3. Определение распорядительного заседания Народного суда Пролетарского р-на г. Ашхабада от 17 июля 1983 г.
4. Представление следователя Иванова от 10 июня 1978 г. — на 2-х л. (копия).
5. Копия приказа об увольнении с работы — на 1 л.
6. Ответ Нач. следственного отдела прокуратуры ТССР от 15 февраля 1985 г. — на 1 л.

Адвокат

(А. Л. Мове)

"23" августа 1985 г.

До подачи этого заявления Байриев обратился с заявлением в ЦК КП Туркмении о восстановлении его в партии. К этому времени, как известно, возбужденное против Байриева дело было производством прекращено, и таким образом отпали основания, послужившие причиной исключения его из членов КПСС.

Прошло почти восемь лет с нашего первого знакомства с этим человеком. Восемь лет, наполненных острой борьбой за восстановление справедливости, борьбой, в которой мы, хотя и познавали порой горечь поражений, крушение надежд, но и одержали немало славных побед. Все эти годы неумолимое время работало, к сожалению, против нас.

Не помолодел за это время я, не помолодел и Чары Байриевич, которому уже не только годы, но и подорванное обрушившемся на него несчастьем здоровье не давало возможности претендовать на работу в прежней должности, требующей затраты многих сил и энергии.

Да, мы не всего достигли в этом деле, но, думается, что чего-то мы все-таки и достигли. А что касается самой борьбы, то, думаю, читатель поймет, что это такое, и какой труд был во все это вложен.

И все же ... И все же в результате всего остался не только сладкий вкус победы, но и горький привкус неудач, которые во многом предопределялись временем, условиями, в которых приходилось вести этот неравный бой.

В 1986 году я об этом писал так:

«Спустя восемь лет после начала расправы, в мае 1986 года, решением бюро ЦК КП Туркмении Байриев был восстановлен в членах КПСС, — но остается он пребывать до сего времени в положении довольно странном.

В настоящее время, как известно, нет не только судебного приговора — единственного документа, согласно которому Байриев на основании ст. 160 Конституции СССР мог быть признан виновным в совершении преступления, но нет и никакого другого документа, признающего Байриева виновным в совершении преступления.

Казалось бы, что после всего этого справедливость полностью должна восторжествовать, и как полностью реабилитированный Байриев должен быть восстановлен во всех своих правах.

Этого, однако, не случилось, и не случилось потому, что суд, в который Байриев обратился с заявлением о восстановлении на работе в должности зав. кафедрой мед. института, лишил его судебной защиты и отказал в иске без всякой проверки данных, собранных в процессе незаконно возбужденного против него дела.

Свою позицию суд аргументировал довольно любопытно: “Доказательства совершенного Байриевым преступления, — значит в Решении суда, — в судебном заседании не рассматривались, оценка им не дана и дана быть не может, поскольку дело производством прекращено.

В гражданском судопроизводстве по настоящему делу эти доказательства так же исследованы быть не могут, поскольку речь идет о прекращенном уголовном деле” (?!).

Как видите, по сути, Байриев был поставлен в безвыходное положение и совершенно безмотивно лишен того, на что имеет право каждый советский гражданин — права на судебную защиту.

С одной стороны — он полностью реабилитирован, а с другой — ему отказали в его законном праве в восстановлении на работе. Отказали на том основании, что дескать он, Байриев, не доказал своей невиновности (?!).

Так и ходит он по жизни: вроде бы и реабилитированный и в то же время нереабilitированный гражданин.

Применительно к Туркмении и пустыне Кара-Кум древнее изречение здесь звучит поистине злое: “Докажи, что ты не верблюд!” А если говорить применительно к закону — то все это из ряда вон вопиющее беззаконие и издевательство над видным ученым, требующее не только полного восстановления его во всех правах, но и примерного наказания всех тех, по вине которых вот уже свыше 8 лет и Байриев, и вся его семья находятся на “осадном” положении, лишены нормальных условий жизни и работы.”

Так писал я в 1986 году, в надежде все же добиться восстановления справедливости. А потом... Потом наступил период безудержной суверенизации, завершившийся гибелью державы Советского Союза, ликвидацией общесоюзных структур, в их числе — Верховного суда и Прокуратуры СССР.

Куда теперь обращаться, кому жаловаться на своеволие местных удельных “князьков” и подвластных им органов суда и прокуратуры? Несложно понять, что в этих условиях со всеми надеждами на восстановление законности и справедливости не только по этому делу, но и по тысячам других подобных дел, приходится распрощаться. А ведь за каждым таким делом — живой человек, многие тысячи людей.

Думали ли об этом, задумывались ли те, кто в пуще Беловежской рушил Советский Союз? Вряд ли...

А может быть стоило подумать и об этом.

Оглавление

От автора	5
Слово об Учителе	7
Кого они защищают? (очерк)	18
Дело Владимира Спиридонова	27
Дело Екатерины Перовой, осужденной за соучастие в бандитизме и разбой	33
Дело Тюшкова Н. Н., обвиняемого в изнасиловании	41
Дело Феди Новикова, осужденного за разбой и бандитизм	68
Дело Зотина Д. М.	83
Соучастница убийства	90
Дело Леонида Абрамовича и Натана Леонидовича Альтбрегенов	96
Дело Лапшина	118
Воспаление паутинной оболочки мозга	137
Речь в защиту Смирновой В. П., обвиняемой в убийстве мужа и в покушении на убийство его любовницы	145
Цыганская лошадь	159
После похорон	164
Дело Быкова Льва Николаевича, осужденного за убийство Бориса Круглова	171
Дело Тимофеева	203
Дело Коли Платонова	209
Дело член-корреспондента Академии Наук ТССР Ч. Б. Байриева	227

А. Л. Мове
За кулисами защиты
Дела давно минувших лет

Редактор Айзикович Ю. И.
Технический редактор Романов Д. С.
Корректор Мишнева Е. О.

Подписано в печать 21.09.93.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 17,6. Тираж 10000. Заказ № 1012
Цена договорная.

Издательство "Международный Союз (содружество) адвокатов"
г. Москва, Южинский пер., д 1/14, кор. 7.
Лицензия ЛР № 030482 от 25 января 1993г.

Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет на
Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации
Российской Федерации.

